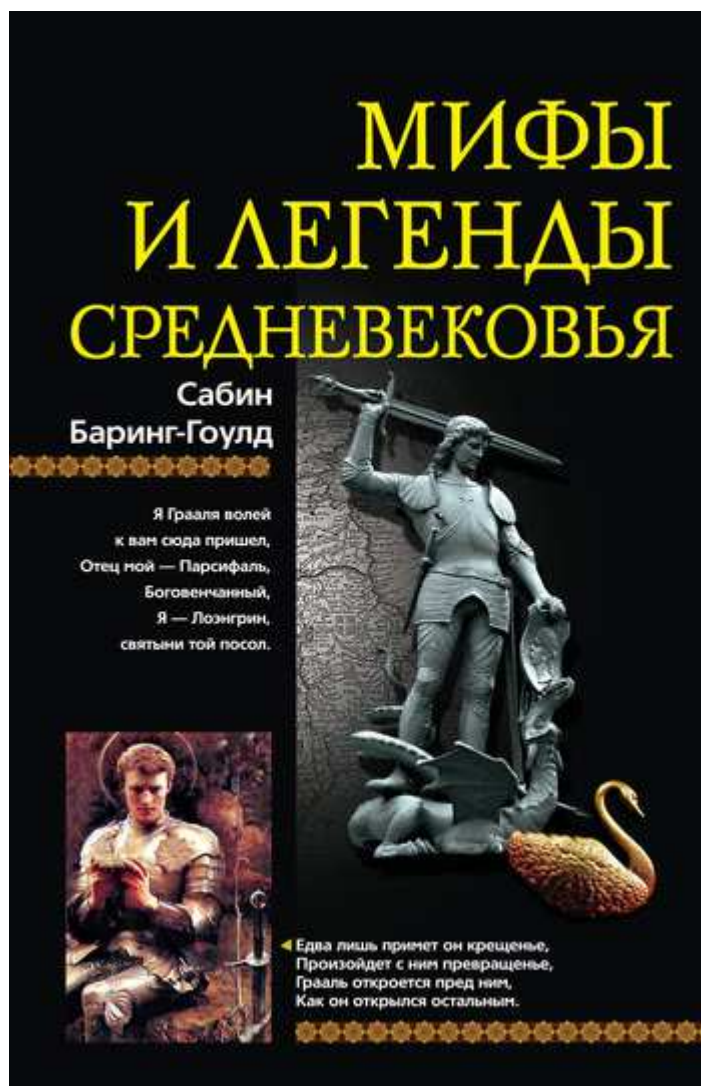

Сабин Баринг-Гоулд
Мифы и легенды Средневековья

Текст предоставлен правообладателем
«Мифы и легенды Средневековья»: Центрполиграф; М.: 2009
ISBN 978-5-9524-4567-3

Аннотация

Давая возможность лучше понять странный, причудливый мир Средневековья, известный английский писатель Сабин Баринг-Гоулд исследует самые любопытные мифы раннего христианства, подробно рассказывает о символике и таинственных, мистически связанных между собой предметах, людях, явлениях природы, которые рождали новые смыслы и понятия, ставшие впоследствии зачатками наук, общественных и религиозных институтов современности. Легенда о Вечном жиде и идея бессмертия, всемирное значение креста как символа жизни, загадочная суть Святого Грааля и многие странные и непонятные феномены духа и сознания в верованиях и представлениях людей Баринг-Гоулд также пытается объяснить с помощью мифов. Эта необычная книга не только захватывает воображение, но и обогащает множеством интереснейших знаний из средневековой истории и культуры.

Сабин Баринг-Гоулд

Мифы и легенды Средневековья

Глава 1 Вечный жид

Кто из видевших великолепные иллюстрации Гюстава Доре к этой замечательной легенде может забыть впечатление, которое они оказали на его воображение?

Я не говорю о первой картине, где еврей-башмачник не разрешает Спасителю, несущему крест, отдохнуть немного на его пороге и получает за свой презрительный ответ наказание: скитаться без отдыха до второго пришествия Искупителя. Я имею в виду вторую, на которой тот же самый еврей изображен по прошествии нескольких веков сгорбленным под бременем проклятия, изнемогающим от бесплодных страданий, измученным бесконечными странствиями, устало бредущим на закате дня по сырой дороге среди мокрых кустов навстречу надвигающейся дождливой ночи. И вдруг он замечает на обочине распятие, озаренное светом уходящего дня и жутко выделяющееся на фоне мрачных грозовых туч. В это мгновение мы видим, о чем думает несчастный башмачник. Мы чувствуем, как он возвращается к трагедии первой Страстной пятницы, и голова его тяжело склоняется на грудь, когда он вспоминает, какое ужасное участие он принял в тех событиях.

Или другая поразительная иллюстрация, где странник показан стоящим на краю ужасной пропасти среди Альпийских гор, когда он видит в искривленных ветвях дерева постоянно преследующую его сцену Крестного пути. Он хочет броситься в черную бездну в поисках успокоения, но из мрака мгновенно появляется ангел с огненным мечом, заставляющий его отступить и удерживающий от того, что было бы для него настоящим раем – вечного покоя смерти.

Или последняя сцена, когда раздается звук трубы, земля содрогается до самого основания, из отверстий в ее поверхности поднимается огонь, и мертвые выходят вместе – плоть к плоти, кость к кости и мускул к мускулу, а один усталый человек садится и снимает свою обувь! Вокруг него странные образы, но он их не видит, странные звуки терзают его уши, но он слышит только один из них – трубу, которая возвещает, что он может перестать скитаться и дать отдых усталым ногам.

Можно задержаться дольше на этих выдающихся гравюрах и узнавать что-нибудь новое каждый раз, когда мы смотрим на них. Они представляют собой картины-поэмы, полные скрытых глубин мысли. А теперь давайте обратимся к истории этого наиболее волнующего из всех средневековых мифов.

Слова Евангелия содержат намеки, из которых развилась эта история. «Истинно говорю вам: есть некоторые из стоящих здесь, которые не вкусят смерти, как уже увидят Сына Человеческого, грядущего в Царствии Своем»¹, – это слова, которые едва ли могут относиться к разрушению Иерусалима, как их обычно объясняют толкователи, дабы избежать трудностей. То, что кто-то должен жить, чтобы увидеть Иерусалим в руинах, не было чересчур удивительным и едва ли нуждалось во впечатляющем уверении, которое Христос использовал, только говоря о чем-то особенно важном или же исполненном тайного смысла.

Более того, слова святого Луки явно относятся к приходу в царствие на Суд: «Ибо кто постыдится Меня и Моих слов, того Сын Человеческий постыдится, когда приидет во славе Своей и Отца и Святых ангелов. Говорю же вам истинно: есть некоторые из стоящих здесь, которые не вкусят смерти, как уже увидят Царствие Божие».²

¹ Мф., XVI: 28; Мк., IX: 1. (Здесь и далее примеч. авт., кроме особо оговоренных случаев.)

² Лк., IX: 26, 27.

Я думаю, у непредубежденного человека не может быть сомнений в том, что слова Господа действительно означают, будто один или несколько человек не умрут, пока Он не придет снова. Я не собираюсь настаивать на буквальном значении, но заявляю, что Господь обладает силой наполнить свои слова смыслом. То, что подробности не записаны в Евангелиях, не означает, что они не имели места, ибо сказано: «Много сотворил Иисус пред учениками своими и других чудес, о которых не написано в книге сей».³

И еще: «Многое и другое сотворил Иисус: но если бы писать о том подробно, то, думаю, и самому миру не вместить бы написанных книг».⁴

Мы также можем вспомнить, что загадочные свидетели должны появиться в богатые событиями последние дни истории мира и подтвердить истину Евангелия перед противниками христианства. Одним из них, предположительно, должен стать святой Иоанн Евангелист, о котором Христос сказал Петру: «Если Я хочу, чтобы он пребыл, пока прииду, что тебе до того?»⁵, а другим – Илия, или Енох, или же наш еврей.

Однако исторические данные, на которых основана легенда, слишком скудны, чтобы считать ее чем-то большим, нежели просто мифом. Имена и обстоятельства, связанные с евреем и его роком, отличаются в разных версиях. Единственное, в чем все сходятся, – тот факт, что такой бессмертный человек действительно существует и бродит по земле, ища покоя и не находя его.

Самое раннее сохранившееся упоминание о Вечном жиде содержится в хронике аббатства Святого Альбана, которая была скопирована и продолжена Матвеем Парижским. Он сообщает, что в 1228 году «некий архиепископ из Великой Армении совершил паломничество в Англию, дабы увидеть реликвии святых и посетить святые места королевства, как он делал в других странах. Он предъявлял верующим мужам и церковным прелатам рекомендательные письма от Его Святейшества Папы, в которых тем предписывалось принимать его с должным уважением. По прибытии он посетил аббатство Святого Альбана, где был принят настоятелем и братией со всеми почестями. Устав от путешествия, он остался в этом месте на несколько дней, дабы отдохнуть самому и дать отдых своим спутникам. Между ним и обитателями монастыря через переводчиков начался разговор, во время которого он задал множество вопросов о вере и религиозных обрядах этой страны и рассказал удивительные вещи о странах восточных. Во время этого разговора его спросили, видел ли он когда-нибудь или слышал ли что-нибудь об Иосифе, о котором много говорили в мире, будто он присутствовал при муках Господа и говорил с ним, и который все еще жив в доказательство христианской веры. В ответ рыцарь из его свиты, который был переводчиком, сказал по-французски: «Мой господин хорошо знает этого человека, и незадолго до того, как он отправился в путешествие по западным странам, упомянутый Иосиф ел за столом моего господина, архиепископа Армении, он часто виделся и разговаривал с ним». Тогда его спросили, что произошло между Христом и этим самым Иосифом, на что он ответил: «Когда Иисус Христос был схвачен евреями и приведен в зал суда к Пилату, который должен был судить Его, тот, не найдя причины, по которой Его должно было осудить на смерть, сказал им: «Возьмите Его и судите согласно вашим законам». Но евреи начали кричать, по их требованию он освободил Варавву и передал им Христа, чтобы они его распяли. Когда же люди потащили Иисуса прочь и достигли двери, Картафил, привратник в зале суда, служивший у Пилата, нечестиво ударил Его рукой по спине и сказал с насмешкой: «Иди быстрее, Иисус, иди, чего медлишь?» А Иисус, обернувшись к нему, строго ответил: «Я пойду, а ты будешь ждать, пока я вернусь». И

³ Ин., XX: 30.

⁴ Там же, XXI: 25.

⁵ Там же, 22.

согласно тому, что сказал Господь, этот Картафил все еще ждет Его возвращения. Во время Страстей Христовых ему было тридцать лет, и когда он достигает столетнего возраста, ему снова становится столько же лет, сколько было во времена мук Господних. После смерти Христа, когда распространилась католическая вера, этот Картафил был крещен Ананией (который также крестил апостола Павла) и наречен Иосифом. Он часто бывает в обеих частях Армении и других восточных странах, проводя время среди епископов и других церковных прелатов. Он человек благочестивый, верующий, немногословный и осмотрительный в своем поведении. Он никогда не говорит, если только его не расспрашивают епископы и праведные мужи, и тогда он рассказывает о событиях давних времен, о том, что произошло во время страданий и воскресения Господа, и о свидетелях воскресения, а именно о тех, кто воскрес вместе с Христом, пришел в святой город и предстал перед людьми. Он также говорит о знамении апостолов, о разделении учеников Христа и их проповедовании. И обо всем этом он рассказывает без тени улыбки или малейшей легкости, как человек, много страдавший и понимающий, что такое страх Божий, ожидающий с трепетом второго пришествия, страшась на Последнем Суде гнева Иисуса против тех, кто на Его пути к смерти насмеялся над Ним. Многие приходят к нему из разных стран мира, наслаждаясь его обществом и беседой с ним, и если это люди, облеченные властью, он разрешает все сомнения в случаях, о которых его спрашивают. Он отвергает все подарки, которые преподносят ему, довольствуясь малым количеством еды и одежды. Он надеется на спасение, поскольку согрешил по неведению, ведь Господь во время мук Его молился за врагов Своих, прося: «Отче! прости им, ибо не знают они, что делают».

Примерно в то же время Филипп Муске, впоследствии ставший епископом Турне, написал свою рифмованную хронику (1242), в которой содержится похожий рассказ еврея, поведенный все тем же армянским прелатом. Этот человек, посетив гробницу святого Томаса Кентерберийского и помолившись святому Якову, поехал в Кельн, чтобы увидеть головы трех королей. Версия истории, рассказываемая в Нидерландах, во многом напоминает ту, которая изложена в хронике аббатства Святого Альбана.

Больше о Вечном жиде не слышно ничего вплоть до XVI века, когда он, как ни в чем не бывало, упоминается вновь уже как человек, помогающий некоему ткачу по имени Кокот в поисках сокровища, спрятанного в королевском дворце в Богемии (1505) его прадедом шестьдесят лет назад, причем этот самый еврей присутствовал. В то время ему было около семидесяти лет.

Довольно любопытно, что в следующий раз мы слышим о нем на Востоке, где его путают с пророком Илией. В начале века он явился к Фадилю, причем при особых обстоятельствах.

После того как арабы захватили город Элван, Фадила со своим отрядом из трехсот всадников поздним вечером разбил лагерь между двумя горами. Начав читать вечернюю молитву громким голосом, Фадила услышал слова «Аллах акбар» (Бог велик), произнесенные очень четко. Каждое слово его молитвы повторялось таким же образом. Фадила был поражен и, не веря, что это может быть эхо, воскликнул: «Если ты ангел или иное небесное создание, да пребудет с тобою благодать Божья! Но если ты человек, тогда позволь глазам моим увидеть тебя, дабы я мог радоваться твоему присутствию и наслаждаться твоим обществом». Едва он произнес эти слова, как перед ним появился лысый старик с посохом в руке, очень похожий по внешнему виду на дервиша. После учтивого приветствия Фадила спросил у этого человека, кто он. На что незнакомец ответил: «Я здесь по воле Господа Иисуса, который оставил меня в этом мире, чтобы я жил, пока Он не придет на землю второй раз. Я жду того Господа, который является Источником Счастья, и по воле Его живу по ту сторону горы». Когда Фадила услышал эти слова, он спросил, когда же появится Господь Иисус. Старик ответил, что пришествие Его случится в конце света на Страшном суде. Но это только усилило любопытство Фадила, и он стал расспрашивать о признаках приближения конца всех вещей, в ответ на что Зериб Бар Элия описал ему полное общественное и моральное разложение, которое станет кульминацией истории этого мира.

В 1547 году его видели в Европе, если можно верить следующему рассказу.

«Пауль фон Эйцен, доктор богословия и епископ Шлез вига⁶, рассказывал, что в молодости, когда учился в Виттемберге, он вернулся в Гамбург к своим родителям зимой 1547 года. В воскресенье в церкви он увидел высокого человека с длинными, ниспадающими на плечи волосами, который на протяжении всей проповеди стоял босиком перед кафедрой и слушал с большим вниманием. Когда упоминалось имя Христа, он низко кланялся, вздыхал и бил себя в грудь. Несмотря на зимний холод, всю его одежду составляли штаны, разодранные понизу в клочья, и куртка с поясом. На вид ему было лет пятьдесят. Многие люди, иные из которых имели титулы или ученые степени, видели этого человека в Англии, Франции, Италии, Венгрии, Персии, Испании, Польше, Московии, Лапландии, Швеции, Дании, Шотландии и других местах.

Все смотрели на этого человека с удивлением. После проповеди упомянутый доктор стал расспрашивать, где можно найти незнакомца, а разыскав, стал задавать ему вопросы, откуда тот пришел и как долго живет здесь. Тот смиренно ответил, что по рождению он еврей из Иерусалима, зовут его Агасфер, а по роду занятий он башмачник. Он присутствовал при распятии Христа и с тех пор живет, странствуя по разным странам и городам. Он доказал свою правоту, поведав об обстоятельствах передачи Христа на суд Ирода и о распятии, упоминая детали, не описанные евангелистами и историками. Он поведал об изменениях правительств во многих странах, особенно на Востоке, на протяжении нескольких веков и, более того, подробно рассказал о деяниях и смерти святых апостолов.

Доктор Пауль фон Эйцен выслушал все это с глубоким изумлением. Он стал расспрашивать далее, чтобы получить более точные сведения. Тогда этот человек ответил, что он жил в Иерусалиме во времена распятия Христа, которого считал обманщиком и еретиком. Он видел Его собственными глазами и сделал все, чтобы вместе с другими людьми передать этого мошенника в руки правосудия и избавиться от Него. Когда было провозглашено решение Пилата и Христа должны были вести мимо его жилища, он поспешил вернуться и созвал домочадцев взглянуть на Него и посмотреть, что это за человек.

Сделав это, он стоял на пороге с маленьким ребенком на руках, чтобы поглазеть на Господа Иисуса Христа.

Когда Христос, сгибающийся под тяжестью креста, хотел передохнуть немного и на минуту остановился, башмачник в своем рвении и ярости, а также для того, чтобы заслужить уважение других евреев, прогнал Его, велел поторапливаться. Иисус, послушавшись, взглянул на него и произнес: «Я остановлюсь и отдохну, но ты будешь идти до последнего дня». После этих слов человек поставил свое дитя на землю и, будучи не в состоянии оставаться на месте, последовал за Христом, видел, как жестоко Он был распят, как Он страдал и как Он умер. Как только это произошло, он понял, что не сможет более вернуться в Иерусалим, увидеть свою жену и ребенка, так как должен идти в чужие страны, подобно скорбному пилигриму. Когда много лет спустя он пришел в Иерусалим, то нашел его в руинах разрушенным до такой степени, что не осталось камня на камне, и он не смог узнать знакомых прежде мест.

Он верит, что Господь хочет провести его через все страдания и не дать ему умереть, дабы он смог предстать перед еврейским народом в самом конце как живое свидетельство, чтобы неверующие могли вспомнить о смерти Христа и раскаяться. Он был бы рад, если бы Господь на небесах избавил его от сей юдоли слез. После этого разговора доктор Пауль фон Эйцен вместе с ректором школы Гамбурга, который обладал обширными познаниями в истории и был путешественником, начал задавать ему вопросы о событиях, произошедших

⁶ Пауль фон Эйцен родился 25 января 1522 г. в Гамбурге, в 1562 г. был назначен главным проповедником в Шлезвиге, умер 25 февраля 1598 г.

на Востоке со времен смерти Христа. Незнакомец смог дать им еще больше сведений, так что нельзя было не поверить в правдивость его рассказа и не убедиться в том, что невозможное для людей возможно для Господа.

С тех пор как жизнь еврея удлинилась, он стал молчаливым и замкнутым и отвечал только на прямые вопросы. Если кто-нибудь приглашал его в качестве гостя, он ел и пил мало. Он всегда торопился, никогда не оставаясь на одном месте надолго. Когда в Гамбурге, Данциге и где-либо еще ему предлагали деньги, он никогда не брал больше чем два шиллинга и сразу же раздавал их бедным в знак того, что не нуждается в деньгах, которые Господь мог бы ему дать, ибо он раскаялся в грехах, которые совершил по неведению.

Пока он жил в Гамбурге и Данциге, его никто не видел смеющимся. В любой стране, где он путешествовал, он говорил на местном языке. Когда он говорил на саксонском, то он звучал как его родной язык. Многие люди приезжали из разных мест в Гамбург и Данциг, чтобы увидеть и послушать его и убедиться, что Провидение Господне проявилось в этом человеке. Он с удовольствием внимал Священному Писанию, всегда слушал его с величайшей серьезностью и раскаянием, благоговейно относился к имени Господа или Иисуса Христа и не мог выносить, когда кто-то клялся смертью Господней или Его муками. Тогда он приходил в негодование и восклицал с горячностью: «Несчастный! Жалкое создание! Так дурно обращаться с Именем Господа твоего, Его горькими страданиями и Страстями! Видел ли ты, как тяжелы и горьки были боль и раны Господа нашего, которые Он претерпел за тебя и меня, как я видел это? Лучше бы ты сам претерпел страшные мучения, чем поминать всуе Его святое Имя!»

Таков был рассказ, поведенный мне доктором Паулем фон Эйценом с многочисленными подробностями и доказательствами, подтвержденный некоторыми из моих старых знакомых, которые собственными глазами видели этого человека в Гамбурге.

В 1575 году послы при испанском дворе, Кристофер Краузе и Якоб фон Гольштейн, позже поехавшие в Нидерланды, чтобы расплатиться с солдатами, служившими его величеству в той стране, вернулись домой в Шлезвиг и поклялись под присягой, что они встретили того самого таинственного человека в Испании, в Мадриде, и что по внешнему виду, образу жизни, привычкам, одежде он был таким же, как в Гамбурге. Они утверждали, что разговаривали с ним и что многие люди из разных сословий также беседовали с ним, а он очень хорошо говорил по-испански. В декабре 1599 года заслуживающая доверия особа написала из Брауншвейга в Страсбург, что того же самого странного человека видели в Австрии, в Вене, и что он отправлялся в Польшу и Данциг, а затем в Москву. Этот Агасфер был в Любеке в 1601 году, а также вскоре после этого в Ревеле в Ливонии и в Кракове в Польше. В Москве его видели многие, и многие с ним разговаривали.

Что богобоязненные люди должны думать об этом человеке, это их дело. Деяния Божьи удивительны и не подвластны человеческому пониманию, подтверждение чему мы получаем каждый день. Лишь в день Страшного суда они откроются до конца.

Датировано 1 августа 1613 года, Ревель,

Хризостом Дудулей

Вестфальский ».

Утверждение, что Вечный жид появился в Любеке в 1601 году, не соответствует более точной хронике Генриха Бангерта, который писал: «Минувшего 1603 года 14 января в Любеке появился известный бессмертный еврей, которого Христос, идя на распятие, обрек на искупление».

В 1604 году он появился в Париже. Рудольф Ботореус сообщает в том году: «Я боюсь, что меня упрекнул в том, будто я слушаю бабушкины сказки, если я запишу на этих страницах, что именно по всей Европе говорят о еврее, современнике Иисуса Христа. Однако в этом нет ничего необычного, и наши известные историки не боятся утверждать это. Следуя примеру тех, кто писал наши анналы, я могу сказать, что того, кто появлялся в разные века в Испании, Италии и Германии, видели в этом году и узнали как того самого человека,

который появился в Гамбурге в 1566 году. Простые люди, смело распространяющие истории, рассказывают многочисленные подробности о нем, и поэтому я упоминаю об этом, чтобы не осталось никаких недоговорок».

Буленджер упоминает о более ранней дате визита еврея в Гамбург. «В то время рассказывали, что еврей, современник Христа, скитался без еды и питья более тысячи лет, будучи бродягой и изгоем, обреченным Господом странствовать, потому что он был первым из тех негодяев, кто потребовал распять Христа и отпустить Варавву, а также за то, что вскоре после этого, когда Иисус, задыхаясь под тяжестью креста, захотел остановиться перед его мастерской (он был башмачником), этот человек прогнал Его. На это Христос ответил: «Из-за того, что ты пожалел для Меня минуты отдыха, Я обрету Мой отдых, но ты будешь постоянно скитаться». И сразу же, потеряв покой и не находя себе места, тот ушел бродить по всей земле и до сих пор странствует по миру. Это тот самый человек, которого видели в Гамбурге в 1564 году. Я не видел его и не слышал о нем ничего достоверного в тот раз, когда я был в Париже».

Небольшая любопытная книга, направленная против шарлатанства Парацельса, которую написал нюрнбергский врач Леонард Долдий и перевел на латинский язык и дополнил врач из Ротенбурга Андреас Либавий, намекает на ту же историю. В ней еврей упоминается под новым именем, которое ранее нигде не встречалось. После рассказа о том, что Парацельс якобы не умер, а был помещен живым, спящим или дремлющим, в свою могилу в Страсбурге, избежав смерти при помощи каких-то своих лекарств, Либавий заявляет, что он скорее поверит в старика-еврея Агасфера, скитающегося по свету, которого одни называют Буттадеусом, а другие иначе.

Говорят, он появился в Наумбурге, но дата не указана. Его видели в церкви, где он слушал проповедь. После службы его стали расспрашивать, и он поведал свою историю. Горожане преподнесли ему подарки. В 1633 году он снова был в Гамбурге. В 1640 году два бюргера, жившие в Брюсселе на Герберштрассе, встретили пожилого человека, чья одежда представляла собой лохмотья и выглядела очень древней. Они пригласили его пойти с ними в питейное заведение, и он согласился, но там садиться не стал, а пил стоя. Пока он стоял перед двумя бюргерами, поведал им многое, но это были в основном истории о событиях, произошедших много столетий тому назад. Так горожане узнали, что его зовут Исаак Лакедем и что он тот самый еврей, который не позволил Христу отдохнуть мгновение на его пороге. Они покинули его, полные ужаса. Есть упоминание, что в 1642 году он посетил Лейпциг. Согласно «Истории Стамфорда» Пека, в Троицын день в 1658 году «около шести часов сразу после вечерней молитвы» некто Самюэль Уоллис из Стамфорда, который давно страдал от чахотки, сидел у огня, читая прекрасную книгу под названием «Послание Авраама к Содому». Вдруг раздался стук в дверь. Так как сиделка отсутствовала, он сам медленно пошел открывать дверь. То, что он увидел, Самюэль опишет в своем собственном стиле: «Я узрел достойного печального высокого старика, который произнес: «Сэр, я умоляю вас дать старому скитальцу немного воды». На что я ответил: «Сэр, я прошу вас войти». А он сказал: «Я не сэр, и не нужно меня так называть, но я должен войти, так как не могу пройти мимо вашей двери».

Выпив воду, он произнес: «Друг, ты не здоров». Я ответил: «Это воистину так, сэр. Я болен уже много лет». Он спросил: «Каков же твой недуг?» Я сказал: «Чахотка, сэр, наши доктора говорят, неизлечимая. Я очень бедный человек и не могу позволить себе следовать советам врачей». – «Тогда, – произнес он, – я расскажу тебе, что ты должен сделать, и с помощью Всемоущего Господа и по Его воле ты выздоровеешь. Завтра, когда ты проснешься, иди в сад, сорви там два листа красного шалфея и один лист шавеля и положи их в свою маленькую кружку воды. Пей воду так часто, как это потребуется, а когда кружка опустеет, наполни ее снова. Клади в нее свежие листья каждый четвертый день, и, прежде чем минут двенадцать дней, твоя болезнь благодаря доброте и милосердию Божьему излечится, а тело твое изменится».

После этого Уоллис стал уговаривать странника поесть. Но тот ответил: «Нет, друг

мой, я не стану есть, ибо Господь наш Иисус Христос питает меня. Нечасто пью я и воду, кроме той, что выступает на камне. Да пребудет с тобой Господь».

Произнеся это, он ушел, и о нем более ничего не известно, но Уоллис выздоровел в указанное время. А священники Стамфорда еще долгое время горячо спорили, был ли этот странник ангелом или демоном. Его одежда была подробно описана достопочтенным Сэмом. Его пурпурный камзол был застегнут на все пуговицы до талии; его панталоны были такого же цвета и совсем новыми, его чулки были белоснежными, но из льна или из шерсти, неизвестно. Его волосы и борода были седыми. А в руках он держал белый посох. Целый день с утра до вечера шел дождь, «но на его одежде не было ни одного пятнышка грязи».

Обри рассказывает практически такую же историю, только произошедшую в Стаффордшире. Там незнакомец появился в пурпурном шерстяном одеянии и предписал больному листья мяты.

22 июля 1721 года он появился у ворот Мюнхена. В конце XVII или начале XVIII века человек, называющий себя Вечным жидом, был замечен в Англии. Невежественные люди его слушали, а образованные презирали. Однако он сумел привлечь внимание знатных особ, которые наполовину в шутку, наполовину из любопытства расспрашивали его и платили ему, как могли бы платить фокуснику. Он рассказывал, что был служителем в Синагогии и что толкнул Христа, когда тот покидал зал после суда Пилата. Он помнил всех апостолов и описывал их внешность, одежду и характеры. Он говорил на многих языках, заявлял о способности излечивать больных и утверждал, что обошел чуть ли не весь мир. Тех, кто слушал его, приводила в недоумение его осведомленность о чужих языках и странах. Оксфордский и Кембриджский университеты послали своих профессоров расспросить его и раскрыть обман, если таковой имеется. Некий английский дворянин разговаривал с ним по-арабски. Загадочный незнакомец сказал ему на том же языке, что на исторические труды нельзя полагаться. Когда его спросили, какого он мнения о пророке Мухаммеде, он ответил, что был знаком с отцом последнего и что он жил в Ормузе. Что касается Мухаммеда, то он уверен, что это был очень умный человек. Однажды, когда он услышал, как Мухаммед отрицает, будто Христос был распят, он резко ответил ему, указав, что был свидетелем истинности этого события. Он рассказывал также, что был в Риме, когда Нерон приказал поджечь город. Он знал Салах-ад-дина, Тамерлана, Баязида и мог рассказать мельчайшие детали истории Крестовых походов.

Был ли этот Вечный жид разоблачен в Лондоне или нет, мы не можем сказать, но вскоре после этого он появился в Дании, оттуда поехал в Швецию и исчез.

Несколько самозванцев, каждый из которых утверждал, что является Вечным жидом, а также сумасшедших, которые действительно считали себя таковыми, появились в Англии в 1818, 1824 и 1830 годах.

Таковы основные упоминания о Вечном жиде. Мы видим, что их явно недостаточно, чтобы считать эту историю чем-то большим, нежели просто мифом.

Но каждый миф обязательно содержит долю истины, и здесь должно быть некое существенное реальное событие, на основании которого могла быть выстроена эта легенда. Но что это, я не смог установить.

Некоторые полагают, что еврей Агасфер является олицетворением народа, который скитается по земле, подобно Каину, запятнанному пролитой кровью брата, и который не исчезнет, пока все не закончится, и не будет прощен разгневанным Богом, пока не пройдут времена язычников. И все же, каким бы близким к истине ни казалось это предположение на первый взгляд, оно не соответствует основным моментам истории. Башмачник становится кающимся грешником и ревностным христианином, пока еврейский народ все еще имеет пятно на совести; несчастный скиталец отказывается от денег, в то время как жадность этой нации вошла в пословицу.

Согласно местной легенде, его отождествляют с цыганами, или, наоборот, считается, что эти странные люди живут под проклятием, подобным тому, что обрушилось на Агасфера, поскольку они отказались дать приют Деве Марии с Младенцем Христом во время

их бегства в Египет. Другая традиция связывает еврея с Диким Охотником. Под Бреттенем в Швабии есть лес, в котором тот жил. Широко распространено предание, что у него есть кошель, в котором лежит грош, возвращающийся к своему хозяину каждый раз, когда тот его потратит.

В горах Гарца существует разновидность мифа о Диком Охотнике, согласно которому тот был евреем, не позволившим нашему Господу напиться из реки или же из корыта для скота и презрительно велевшим Ему утолить жажду из отпечатка лошадиного копыта, в котором скопилось немного воды.

Поскольку Дикий Охотник является олицетворением грозы, любопытно отметить, что в некоторых частях Франции внезапный грохот бури в ночи объясняется в простонародье прохождением Вечного жида.

Швейцарская история повествует, что однажды его видели стоящим на Маттербергском холме, который находится у подножия Маттерхорна. Он рассматривал пейзаж со смешанным чувством печали и удивления. Когда-то прежде он был на этом месте, и тогда здесь находился процветающий город, ныне же здесь все покрыто дикими травами. Когда-нибудь он снова посетит этот холм, и это будет накануне Страшного суда.

Из всех мифов, которые возникли в Средневековье, самым поразительным, возможно, является тот, который мы только что рассмотрели. Действительно, есть нечто предназначенное для привлечения внимания и будоражащее воображение в содержании этого рассказа. Поразительно, что три столетия прошли между первым упоминанием о нем в Европе Матвеем Парижским и Филиппом Муске и его повсеместным принятием в XVI веке. Корни этого мифа лежат в великой тайне человеческой жизни, которая является неразрешимой загадкой и всегда порождает размышления.

Что есть жизнь? Была ли она неизбежно ограничена восьмьюдесятью годами или могла продолжаться бесконечно? Вот вопросы, которые пытливые умы никогда не уставали задавать. И мифология прошедших веков изобилует легендами о блаженных или же проклятых смертных, которые достигли возраста гораздо большего, нежели обычные люди. Некоторые нашли живую воду, источник вечной юности, и все время обновляли свои силы. Другие бросили вызов могуществу Господа и были обречены почувствовать тяжесть его гнева, лишившись вечного покоя смерти.

Иоанн Богослов спал в Эфесе, не тронутый тлением, а земля поднималась и опускалась над ним, ибо он дышал, ожидая призыва выйти и свидетельствовать против Антихриста. Семь спящих отроков покоились в пещере, и века скользили мимо. Монах из Хильдесхайма, усомнившийся в том, что с Господом тысячелетие может быть подобно вчерашнему дню, три минуты слушал песнь птицы в зеленом лесу, а затем обнаружил, что за это время прошло три столетия. Иосиф из Аримафеи в благословенном городе Сарраге получил вечную жизнь из Святого Грааля. Мерлин спит в стволе старого дерева, зачарованный Вивианой. Карл Великий и Фридрих Барбаросса ждут в сердце горы, когда придет время освободить родину от деспотизма. С другой стороны, проклятие бессмертной жизни пало на Дикого Охотника, потому что он захотел догонять благородного оленя вечно; на капитана «Летучего Голландца», ибо он поклялся, что обогнет мыс Доброй Надежды, хочет того Бог или нет; на Человека на луне, так как он собирал хворост в субботний день; на танцоров из Колбека, поскольку они пожелали провести вечность в своих безумных прыжках.

Я начал этот очерк, намереваясь завершить его библиографическим обзором из трактатов, писем, очерков и книг, посвященных Вечному жиду. Однако, поскольку на эту тему написано огромное множество работ, я отказался от подобной идеи. Я делаю это без сожаления, так как библиограф может при небольших усилиях и расходах удовлетворить свой интерес, внимательно изучив списки в очерке Грессе, посвященном этому мифу, а также в работе Гюстава Брюне «Исторические и библиографические заметки о Вечных евреях» (Париж, 1845), в статье Манжена в «Исторических и литературных беседах и размышлениях» (Париж, 1843) и, наконец, в эссе Жакоба-Библиофила (господина Поля Лакруа) в его «Любопытной истории народных верований» (Париж, 1859).

Чем меньше сказано о романах Эжена Сю и доктора Кроули, основанных на этой легенде, тем лучше. Сама легенда столь прекрасна в своей суровой простоте, что только ум мастера способен более или менее удачно дополнить ее. Попытки изложить ее в стихах, также не были удачными. Только карандашу Гюстава Доре удалось передать всю ее необычность, и в серии гравюр появилась одновременно и поэма, и роман, и шедевр искусства.

Глава 2 Пресвитер Иоанн

Герб Святейшего престола Чичестера.

В середине XII века по всей Европе ходили слухи о могущественном христианском императоре Пресвитере Иоанне, который правил где-то в Азии. В кровопролитной борьбе он сокрушил владычество мусульман и был готов прийти на помощь крестоносцам. Велико было ликование в Европе, в то время как с Востока приходили печальные и гнетущие вести: власть неверных возрастала, несметные полчища врагов были брошены против рыцарей христианского мира, чувствовалось, что крест должен склониться перед ненавистным полумесяцем.

Новости об успехе царя-священника открыли двери новой надежде упавшего духом христианского мира. Папа Александр III принял решение заключить союз с этим загадочным правителем и 27 сентября 1177 года написал ему письмо, которое поручил доставить своему врачу Филипу.

Филип отправился в путь, но так и не вернулся. Завоевания Чингисхана вновь привлекли внимание христианской Европы к Востоку. Свирепые орды монголов вторглись на Запад, разрушая все. Россия, Польша, Венгрия и восточные земли Германии были захвачены или опустошены, а другие страны захлестнула волна ужаса, что и они могут подвергнуться монгольскому нашествию. Это были Гог и Магог, которые пришли все уничтожить. Наступало время Антихриста. Но битва при Легнице остановила их, и Европа была спасена.

Папа Иннокентий IV принял решение обратить эти орды варваров в христианство и подчинить их власти Иисуса. Он послал к ним нескольких миссионеров, доминиканцев и францисканцев. Мирные посольства совершали путешествия между папой, французским королем и монгольским ханом.

В результате этих переговоров с Востоком путешественники узнали, насколько ложными были общепринятые представления о мощной христианской империи в Центральной Азии. Однако доказательства не поколебали всеобщую уверенность в ее существовании, и это царство было просто «перенесено» в Африку. Абиссиния стала тем

местом, где правил знаменитый царь-священник. Тем не менее некоторые все же усомнились. Джованни де Плано Карпини и Марко Поло, хотя и признавали существование христианского монарха в Абиссинии, все же были твердо уверены, что Пресвитер Иоанн правил во всем блеске где-то на Востоке.

Но прежде, чем продолжить повествование об этой странной легенде, было бы неплохо упомянуть о различных описаниях царя-священника и его страны у ранних авторов. После этого мы сможем лучше судить о влиянии данного мифа на Европу.

Впервые о монархии Пресвитера Иоанна упоминает Оттон Фрейзингенский, который писал свою «Хронику» до 1156 года. Он рассказывает, как католический епископ из Кабалы посетил Европу, чтобы подать папе римскому некую жалобу. Он упомянул о падении Эдессы, а также «заявил, что несколько лет назад некий царь и священник по имени Иоанн, который живет далеко на Востоке, за Персией и Арменией, и является, как и весь его народ, христианином, хотя и принадлежащим к несторианской церкви, победил братьев-царей Мидянских и Персидских, по имени Самирды, и захватил их столицу Эктабану. Эти цари встретили его со своими мидянскими, персидскими и ассирийскими войсками и сражались на протяжении трех дней. Каждое из войск предпочитало скорее умереть, чем обратиться в бегство. Пресвитер Иоанн, как его называют, сумел обратить персов в бегство и вышел из кровопролитного сражения победителем. После этой победы упомянутый Иоанн поспешил в Иерусалим на помощь Церкви, но его войско задержалось на переправе через Тигр из-за нехватки лодок. Тогда он отправился на север, так как слышал, что река там покрыта льдом. В том месте он провел много лет, ожидая сильных морозов, но зимы были неблагоприятны, а суровый климат свел в могилу множество его воинов. Он был вынужден вернуться в свою страну. Этот царь принадлежит к роду волхвов, упоминаемых в Евангелии, и правит он людьми, которыми ранее правили волхвы. Его слава и богатство столь велики, что он не пользуется никаким другим скипетром, кроме смарагдового.

Воодушевленный примером своих предков, которые пришли поклониться Христу в колыбели, он собирался пойти в Иерусалим, но ему воспрепятствовали упомянутые выше причины».

В это же время о Пресвитере Иоанне начинают рассказывать и в других местах, так что мы не можем считать Оттона автором этого мифа. Знаменитый Маймонид упоминает о нем в отрывке, цитируемом евреем Иошуа Лорки, врачом папы Бенедикта XIII. Маймонид родился в 1135 году, а умер в 1204-м. Отрывок же следующий: «Очевидно, как из писем Рамбама (Маймонида), чья память благословенна, так и из рассказов купцов, которые доходили до края света, что в настоящее время основы нашей веры нужно искать в землях Вавилона и Фемана, куда в древности был изгнан народ Израиля; не считая тех, кто жил в землях Параса⁷ и Мадаи⁸, изгнанников из Шомрома, которых столько же, сколько песчинок: из них некоторые все еще под властью Параса, которого арабы называют Великим Султаном, другие же живут под игом странных людей... которыми правит христианский владыка, называемый пресвитером Куаном. Они заключили договор с ним, а он с ними; и это факт, относительно которого не может быть никакого сомнения».

Еврей Вениамин Тудельский путешествовал по Востоку между 1159 и 1173 годами (последний является годом его смерти). Он писал отчеты о своих странствиях и дал в них некоторую информацию о мифическом царе, который правил в стране, населенной только евреями и расположенной где-то далеко-далеко в центре пустыни. Примерно в то же время появился документ, который вызвал большое волнение в Европе, – письмо, о да! письмо от этого загадочного человека, адресованное Мануилу Комнину, императору Константинополя (1143—1180). Точную дату написания этого необычного послания невозможно определить,

⁷ Персия.

⁸ Мидия.

но оно появилось ранее 1241 года, даты завершения хроники Альберика из монастыря Трех Источников. Этот Альберик рассказывает, что в 1165 году «Пресвитер Иоанн, правитель Индии, послал прекрасное письмо разным христианским владыкам, в первую очередь Мануилу Константинопольскому и римскому императору Фридриху». Похожие письма были отправлены Александру III, королю Франции Людовику VII, а также королю Португалии, о чем упоминается в хрониках и романах, а также в поэзии и песнях менестрелей и труверов по всей Европе. Письмо имело следующее содержание.

«Иоанн, Пресвитер властью всемогущего Господа нашего Иисуса Христа, царь царствующих и повелитель повелевающих, своему другу Эммануилу, правителю Константинополя, с приветствиями, пожеланиями ему здоровья, процветания и милости Божьей.

Нам сообщили, что ты считаешь Наше величие и что сообщение о Нашем могуществе достигло тебя. Более того, слышали Мы от Нашего казначея, что ты был столь любезен, что послал Нам некие красивые и интересные вещицы, которые могут обрадовать Наше Величество.

Будучи человеком, Мы приняли их благосклонно и повелели Нашему казначею послать тебе в ответ некоторые из Наших сокровищ.

Ныне Мы желаем удостовериться, что ты придерживаешься истинной веры и во всем хранишь верность Господу нашему Иисусу Христу, ибо слышали Мы, что подданные твои считают тебя Богом, тогда как Мы знаем, что ты смертен и подвержен человеческим слабостям...

Ежели ты желаешь узнать о величии и превосходстве Нашего Величества и о земле, подвластной Нашему скипетру, тогда услышь и уверуй: Я, Пресвитер Иоанн, повелитель повелевающих, превосхожу всех под небесами в добродетели, богатствах и власти. Семьдесят два царя платят Нам дань... Наше Величество правит в трех Индиях. Земля Наша простирается и за пределами Индии, где покоится тело святого Апостола Фомы, на восход солнца через пустыни и до покинутого Вавилона вблизи Вавилонской башни. Семьдесят две области, лишь немногие из них христианские, служат Нам. Каждая имеет своего собственного царя, но все они являются Нашими подданными.

Наша земля является домом слонов, одногорбых и двугорбых верблюдов, крокодилов, метагалинарий, жирафов, финзертов, диких ослов, белых и червонных львов, белых медведей, белых дроздов, цикад, грифонов, тигров, ламий, гиен, диких лошадей, диких быков и диких людей, рогатых людей, одноглазых людей, людей, у которых глаза есть и спереди, и сзади, кентавров, фавнов, сатиров, пигмеев, гигантов высотой сорок локтей, циклопов и подобных женщин; это также дом феникса и почти всех существующих зверей. Некоторые из подвластных нам людей едят человечину и выкидывают животных и не боятся смерти. Когда кто-либо из них умирает, его родственники и друзья с жадностью пожирают его тело, потому что считают своей главной обязанностью съесть человеческую плоть. Вот их имена: Гог и Магог, Ани, Агит, Азенах, Фоммепери, Бефари, Коней-Самант, Агримандры, Винтефолей, Казбеи, Аланей. Эти и подобные им народы Александр Великий заключил за высочайшими горами на севере. Мы используем их против Наших врагов, и еще ни один человек и ни один зверь не остались непожранными, ежели Наше Величество дает на то необходимое соизволение. Когда все Наши враги съедены, Мы возвращаемся с Нашим войском домой. Эти пятнадцать проклятых народов появятся из четырех сторон света в конце мира, во времена Антихриста, и захватят жилища святых, а также великий город Рим, который, кстати говоря, мы приготовились отдать Нашему сыну, который должен родиться, вместе с Италией, Германией, обеими Галлиями, Британией и Шотландией. Мы также отдадим ему Испанию и все земли до Ледовитого моря. Народы же, о которых мы упомянули, согласно словам пророка, не предстанут перед судом Божьим из-за своих отвратительных обычаев, а будут обращены в пепел огнем, который падет на них с небес.

В стране Нашей сочится мед и изобилует молоко. В одной из областей нет ядовитых растений, там не квакают крикливые лягушки, не водятся скорпионы, не скользят в траве

змеи. Там нет ядовитых и опасных животных.

Через одну из провинций, где живут язычники, течет река Инд, окружающая Рай и охватывающая своими многочисленными изгибами всю эту область. Здесь находят изумруды, сапфиры, карбункулы, топазы, хризолиты, ониксы, бериллы, сардисы и другие драгоценные камни. Здесь произрастает растение ассидий. Если кто-либо носит его с собой, то оно защищает от злого духа, заставляя того открыть свою сущность и имя. Поэтому злые духи избегают этого места. В указанной стране, подвластной Нам, собирают все виды перца, которые обменивают на зерно и хлеб, кожу и ткани... У подножия горы Олимп бьет ключ, запах которого меняется час за часом, днем и ночью. Он находится не далее чем в трех днях пути от Рая, из которого был изгнан Адам. Каждый, кто трижды испробует воду из этого источника, никогда не почувствует усталости и всю жизнь будет выглядеть тридцатилетним. Здесь же находят небольшие камни, именуемые нудиозами. Если носить их на теле, то они не дают зрению ослабеть и восстанавливают его, если оно потеряно. Чем больше смотришь на такой камень, тем острее становится зрение. В наших владениях находится море, в котором нет воды, а постоянно движущиеся волны из песка никогда не останавливаются. Никто не может пересечь это море, там совсем нет воды, но рыбы разных видов, очень вкусные, водятся рядом с берегом. Нигде не увидишь ничего подобного. В трех днях пути от этого моря находятся горы, откуда течет безводная каменная река, которая впадает в песчаное море. Как только поток достигает моря, его камни исчезают в нем и никогда больше не появляются. Когда река в движении, пересечь ее нельзя, переправиться можно только четыре дня в неделю. На равнине между песчаным морем и упомянутыми горами есть источник, обладающий необычной силой, которая очищает христиан и людей, которые желают таковыми стать, от всех грехов. В пустом камне, имеющем форму раковины мидии, вода достигает глубины четырех пальцев. Охраняют его двое старцев, известных своей святостью. Они спрашивают проходящих, являются ли те христианами или желают ли таковыми стать, и жаждут ли они излечения всем сердцем. Если странники отвечают правильно, то их просят снять одежду и встать в раковину. Если их ответы были правдивыми, то вода начинает подниматься и покрывает их с головой. Трижды вода поднимается подобным образом, и каждый, кто вступил в эту раковину, выходит из нее излечившимся от всех болезней.

Рядом с пустыней среди необитаемых гор течет подземный поток, достичь которого можно только в случае удачи. Время от времени земля разверзается, и тот, кто хотел бы спуститься, должен сделать это очень быстро, пока она вновь не сомкнулась. Под землей же можно найти самоцветы и драгоценные камни. Поток впадает в другую реку, и обитатели тех мест в избытке добывают драгоценные камни. Они никогда не осмеливаются продавать их, прежде чем предложат Нам для нашего личного использования. Если же Мы откажемся, то они вольны продать их другим. Мальчиков там учат оставаться по три-четыре дня под водой для сбора камней.

За каменной рекой живут десять колен Израилевых, которые, хотя и имеют собственного царя, являются нашими рабами и данниками нашего Величества. В одной из наших земель, именуемой Зон, живут черви, которые на нашем языке называются саламандрами. Эти черви могут жить только в огне, они строят коконы, подобно гусеницам, производящим шелк. Эти куколки тщательно разматывают женщины в нашем дворце и изготавливают из них ткани и одежды для нашего Величества. Чтобы выстирать эти наряды и сделать их чистыми, их нужно бросить в огонь... Когда Мы отправляемся на войну, то вместо знамен перед нами несут четырнадцать золотых крестов, украшенных драгоценными камнями. За каждым из них следуют десять тысяч всадников и сто тысяч пеших воинов в полном вооружении, не считая тех, кто отвечает за снаряжение и пропитание.

Когда же Мы просто выезжаем верхом, то перед нами несут простой деревянный, не украшенный золотом и драгоценными камнями крест, дабы мы смогли размышлять о Страстях Господа нашего Иисуса Христа. А еще несут золотую чашу, наполненную землей, чтобы помнили Мы, откуда пришли и куда должны вернуться, и серебряную чашу, полную

золота, в знак того, что Мы суть господин господствующих.

Всеми богатствами, какие только есть в мире, Наше Величество владеет в избытке. Среди нас никто не лжет, ибо, если он скажет неправду, то будет считаться с того момента умершим, мы не будем более думать о нем или оказывать ему последние почести. Мы не терпим никаких пороков. Каждый год в сопровождении большого войска Мы совершаем паломничество к телу святого пророка Даниила, которое покоится неподалеку от пустынного ныне Вавилона. В Нашей стране ловят рыб, кровью которых окрашивают пурпур. Амазонки и брахманы являются Нашими подданными. Дворец, в котором живет Наше Величество, построен по примеру замка, возведенного Апостолом Фомой для индийского царя Гундофора. Потолки, балки и перекрытия сделаны из дерева кетим. Крыша этого дворца из эбенового дерева, которое не может загореться никаким образом. На фронте дворца по краям находятся два золотых яблока, а в каждом из них по карбункулу, поэтому золото может сиять днем, а карбункулы ночью. Главные ворота дворца сделаны из сардиса, в котором заключен рог змеи, поэтому никто не может пронести через них яд.

Другие ворота сделаны из эбенового дерева. Окна из хрусталя; столы частью из золота, частью из аметиста, а колонны, которые их поддерживают, из слоновой кости и аметиста. Двор, где Мы наблюдаем за турнирами, вымощен ониксом, дабы усилить смелость соперников. Ночью во дворце для освещения зажигают фитили, пропитанные бальзамом... Перед Нашим дворцом стоит зеркало, к которому нужно подниматься по двадцати пяти ступеням из порфира и серпентина». После описания камней, украшающих зеркало, которое днем и ночью охраняют три тысячи вооруженных воинов, он объясняет его предназначение: «Мы смотрим в него и видим все, что происходит в любой области и стране, которая находится под Нашим скипетром.

Каждый месяц семь царей поочередно прислуживают Нам вместе с шестидесятью двумя герцогами, двумястами пятьюдесятью шестью графами и маркизами. Двенадцать архиепископов сидят за Нашим столом по правую руку и двадцать епископов по левую, не считая патриарха Святого Фомы, сарматского протопапы и архипротопапы Суз... Наш подающий на стол – примас и царь, наш виночерпий – архиепископ и царь, наш казначей – епископ и царь, наш маршал – царь и аббат».

Я могу обойтись без дальнейших выдержек из этого необычного письма, которое продолжается описанием построенной из бесчисленных драгоценных камней, обладающих особыми свойствами, церкви, в которой Пресвитер Иоанн проводит богослужения.

Нелегко решить, имело ли хождение это письмо до послания, написанного папой Александром. Александр о нем не упоминает, но при этом говорит, что до него дошли вести о благочестии и роскоши царя-священника. В то же время в его послании звучит горечь, как будто папа был уязвлен намерениями этого загадочного правителя и, возможно, напуган перспективой, что люди, едящие человечину, могут наводнить Италию, как намекал Пресвитер Иоанн. Послание папы имеет цель подтвердить всеобщую власть Святейшего престола Рима и убедить восточного правителя-понтифика, что его христианские занятия бесполезны, пока он не подчинится преемнику Петра. «Не каждый, кто говорит мне «Господи! Господи!» и так далее», – цитирует папа. Затем он объясняет, что желание Господа состоит в том, чтобы каждый монарх и каждый прелат покорился папе римскому.

Сэр Джон Мандевилль объясняет происхождение церковного сана восточного деспота в своей удивительной книге о путешествиях.

«Так случилось, что этот император пришел с рыцарем-христианином, сопровождавшим его, в некую церковь в Египте. Было это в субботу, и служил епископ. Он созерцал службу и слушал с большим вниманием, а затем спросил рыцаря, кем они должны быть, чтобы прелат имел их перед собой. И рыцарь ответил, что они должны быть священнослужителями. Тогда император сказал, что он не будет более именоваться царем и императором, а будет священником и что он будет носить имя первого священника, который вышел из церкви, и имя его было Иоанн. И с той поры он был наречен Пресвитером Иоанном».

Возможно, в основу легенды о Пресвитере Иоанне легло достигшее Европы сообщение о необыкновенном успехе несторианства на Востоке. Вероятно, существуют причины считать, что процитированное выше письмо было несторианской фальсификацией. Оно определенно не выглядит европейским: пышная образность в нем совершенно восточная, а пренебрежительный тон, которым разговаривают с Римом, вряд ли мог быть выражением западных чувств. В письме религия и искусства Востока возвеличиваются по сравнению с Западом. При этом послание показывает, что его автор не слишком хорошо знаком с европейской географией, когда речь идет о земле, простирающейся от Испании до Ледовитого моря. Более того, места патриархий и высокий сан, пожалованный святому Фоме, являются показателями несторианского уклона.

Здесь полезно коротко изложить историю этой еретической церкви, чтобы показать, что действительно существовала основа для ходивших по Европе легенд о христианской империи на Востоке. Император назначил Нестория, священника из Антиохии и преемника святого Иоанна Златоуста, константинопольским патриархом. В 428 году он начал распространять свое еретическое учение, отвергавшее ипостасное единство. Церковный собор в Эфесе осудил его и, несмотря на мнение императора и двора, предал анафеме и отправил в изгнание. Его учение распространилось по Востоку, а секта превратилась в процветающую церковь. Несториане достигли Китая, где император едва не обратился в их веру, их миссионеры добрались до замерзшей тундры Сибири, проповедуя свое, измененное, Евангелие диким ордам, которые охотились в этих унылых местах. Несторианство столкнулось с буддизмом и вступило с ним в борьбу за религиозное превосходство на Тибете. Его приверженцы основали церкви в Персии и в Бухаре, проникли в Индию, устроили колонии на Цейлоне, в Сиаме и на Суматре. Католикос, или Патриарх, Багдада беспокоился о своем влиянии больше чем когда-либо ранее приходилось наместнику святого Петра. Число христиан, исповедующих это учение, возможно, превосходило количество последователей истинной католической церкви на Востоке и на Западе. Однако несторианская церковь была основана не на «камне», а держалась на Нестории. Когда же полил дождь, задули ветры, пришли воды потопа и обрушились на этот храм, то он рухнул, оставив после себя лишь обломки.

Рубрук, монах-францисканец, посланный в 1253 году к татарам, был первым, кто пролил некоторый свет на легенду. Он пишет: «Китай обитали за теми горами, которые я пересек, а в долине среди этих гор жил некогда главный пастырь, который правил несторианами, именуемыми найманами. Когда Коир-хан умер, люди выбрали этого человека правителем и нарекли его царем Иоанном, преувеличивая в десять раз любую правду. У несториан, живущих там, так заведено; из ничего они делают значительную весть. Так они распространяли везде слухи, что Сартах, Менгу-хан и Кен-хан были христианами только потому, что те хорошо относились к христианам и оказывали им больше уважения, чем другим людям. На самом же деле они вовсе не были христианами. И так же возникла молва о великом царе Иоанне. Однако я пересек его земли, и никто, кроме нескольких несториан, не знал о нем ничего. На пастбищах его живет Кен-хан, при чьем дворе бывал брат Андрей, с которым я встретился на обратном пути. У этого Иоанна был брат, знаменитый пастырь, по имени Унк, который жил в трех неделях пути за горами каракитаев».

Этот Унк-хан был реальной личностью, он умер в 1203 году. Кучлук, правитель найманов и преемник Кор-хана, пал в 1218 году.

Венецианский путешественник Марко Поло (1254—1324) считал, что Унк-хан и Пресвитер Иоанн – одно лицо. Он пишет: «Я расскажу вам о делах татар и о том, как они добились господства и заволокли всю землю. Татары жили между Грузией и Баргу, где простираются обширные равнины, нет там городов и крепостей, а только огромные пастбища, и воды там вдоволь. У них не было своего правителя, и они платили дань Пресвитеру Иоанну. О могуществе этого Пресвитера Иоанна, которого на самом деле звали Унк-ханом, говорил весь мир. Татары отдавали ему каждое десятое животное из своих стад. Когда же Пресвитер Иоанн заметил, как они сильно размножились, он стал бояться их и

думать, что можно с ними сделать. Он решил расселить их и послал своих воевод исполнить это. Но татары догадались о его цели... и ушли в далекие степи на севере, чтобы быть вне пределов его досягаемости». Затем он продолжает, рассказывая о том, как Чингисхан стал правителем татар, как он воевал с Пресвитером Иоанном и как после отчаянной борьбы победил и убил последнего.

Сирийская хроника яковитского мафрияна Григория Бар-Эбрея (1226—1286) тоже отождествляет Унк-хана с Пресвитером Иоанном. «В 1514 году по греческому календарю и в 599 году по арабскому календарю (в 1202 году от Рождества Христова), когда Унк-хан, который является христианским Царем Иоанном, правил народом варваров-гуннов, называемых кергами, Чингисхан служил ему с большим усердием. Когда Иоанн заметил его превосходство и силу, то стал завидовать и задумал схватить и убить его. Но двое сыновей Унк-хана, услышав об этом, рассказали все Чингизу, и тот вместе со своими приспешниками ночью сбежал. На следующее утро Унк-хан захватил шатры татар, но обнаружил, что они опустели. После этого войско Чингиза напало на него. Армии встретились у реки, называемой Бальшуна, и победу одержал Чингиз. А сторонники Унк-хана были вынуждены сдаться. Они сталкивались еще несколько раз, пока Унк-хан не потерпел сокрушительное поражение и не был убит, а его жены, сыновья и дочери не были угнаны в плен. Таким образом, мы должны принять во внимание, что Иоанн, царь кергов, не был свергнут без причины, ибо он потерял страх перед Господом Иисусом Христом, который возвысил его, и взял себе жену-язычницу по имени Карахата. Поскольку он отказался от религии своих предков и стал почитать странных богов, Господь забрал у него власть и передал ее тому, кто был лучше и чье сердце было праведным перед Ним».

Некоторые из ранних путешественников, например Джованни де Плано Карпини и Марко Поло, выбросив из головы распространенное представление о Пресвитере Иоанне как о могущественном азиатском правителе-христианине, ненамеренно повернули веру в существование этого человека в новое русло. Они писали о чернокожих людях Абиссии в Эфиопии, которую, кстати говоря, они называли Средней Индией, как о великом народе, находящемся под властью христианского монарха.

Марко Поло говорит, что истинным владыкой Абиссинии является Христос, но при этом ею управляют шесть царей, трое из которых являются христианами, а трое сарацинами, и что они состоят в союзе с султаном Адена.

Епископ Иордан в своем описании мира соответственно считает Абиссинию царством Пресвитера Иоанна, и это становится расхожим мнением, которое подтверждается периодическим появлением при дворах европейских монархов послов от правителя Абиссинии. Открытие мыса Доброй Надежды стало в числе прочего результатом желания Португалии установить связи с этим царем, и король Жуан II послал двух человек, знающих восточные языки, через Египет ко двору абиссинского монарха. Могущество и власть этого государя, который как Пресвитер Иоанн заменил правителя татар, в народных представлениях, конечно, были чрезмерно преувеличены и простирались от Аравии до Китайской стены. Распространение географических знаний уменьшало подвластную ему страну, а знакомство с историей опровергало миф, наделяющий Унк-хана, предводителя кочевников, чертами полубога, соединявшего величайшие амбиции папы и притязания гордого монарха.

Глава 3

Волшебная лоза

С древнейших времен посох рассматривался как символ власти и могущества. Священное Писание неоднократно упоминает о нем. Так, например, Давид говорил о «Твоем жезле и Твоем посохе, успокаивающих меня». Моисей в присутствии фараона сотворил чудеса при помощи своего посоха, который стал змеей, превратил воду в кровь, раздвинул воды Красного моря и вернул их обратно, «ударил по скале, и вода хлынула потоком». Посох

Аарона использовался как оракул в борьбе с вождями: поставленный перед ковчегом, он расцвел и принес зрелый миндаль. В последнем примере посох рассматривается не как символ власти, а как средство истолкования воли Бога. И в этом качестве возможно стало использовать его несправедливо. Так Осия указывает, что избранный народ практикует подобные предсказания: «Народ мой вопрошает свое дерево, и жезл его дает ему ответ».⁹

Задолго до этого Иаков использовал ветки в качестве талисмана, чтобы овцы его теста приносили бурых и крапчатых ягнят.

Мы находим упоминания о подобных предсказаниях среди греков и римлян. Цицерон говорит об этом в своем труде «Об обязанностях»: «Если все, что нужно для нашего пропитания и средств существования, приходит к нам посредством некоего волшебного посоха, как говорят люди, тогда каждый из нас, свободный от каких бы то ни было забот и проблем, может посвятить себя целиком изучению и науке».¹⁰

Возможно, о подобном посохе упоминает Энний в пассаже, цитируемом в первой книге «О пророчествах», где он высмеивает тех, кто за драхму обучает, как найти сокровище.

Согласно Ветранию Мавру, Варрон написал сатиру на «Гадательную лозу», которая не сохранилась. Тацит упоминает, что германцы практиковали некие гадания при помощи ветвей. «Их способ очень прост. Они срубают ветвь с какого-нибудь плодового дерева, разрезают ее на куски, помечают особыми знаками и бросают на белое полотно... Затем жрец трижды вытаскивает каждый кусок и толкует оракул в соответствии с метками».¹¹

Аммиан Марцеллин говорит, что аланы используют ивовые прутья.¹²

Четырнадцатый закон «Фризской правды» гласил, что раскрытие убийств должно происходить при помощи волшебных ветвей, используемых в церкви. Эти ветви нужно было возложить перед алтарем, а затем на святые мощи и молить Господа, чтобы он указал виновного. Это называлось «Жребий ветвей», или Тантин, Ветвь ветвей.

Средневековые стали временем развития этого поверья, и волшебную лозу стали считать эффективным средством для поиска спрятанных сокровищ, жил драгоценных металлов, источников воды, воров и убийц. Среди поздних авторов первое упоминание о ее широком использовании встречается в главе 25 книги I Нового Завета Василия Валентина, бенедиктинского монаха XV века. Василий говорит о всеобщей вере и об использовании этого полезного инструмента для нахождения металлов, для чего рабочие в шахтах носили его на поясе или на шляпе. Он указывает, что существует семь названий, под которыми известна эта лоза, и каждому из них посвящает главу своей книги. Эти имена таковы: Божественная Лоза, Сияющая Лоза, Прыгающая Лоза, Необыкновенная Лоза, Дрожащая Лоза, Наклоняющаяся Лоза, Могущественная Лоза. В своем прекрасном труде Агрикола отзывался о лозе пренебрежительно и считал ее использование пережитком древних магических практик, говоря, что только неверующие рабочие используют ее в поиске металлов. Гоклений, однако, в своем трактате о свойствах растений решительно отстаивал особые свойства орехового прута. После этого фламандский иезуит Роберти набросился на него, подвергнул сомнению его факты, оскорбляя его и выставляя на посмешище. Андреас Либавий, имя которого уже упоминалось в статье про Вечного жида, предпринял серию экспериментов с ореховым прутом и выяснил, что в расхожем представлении содержится истина. Иезуит Кирхер также «несколько раз экспериментировал с палками, о которых говорилось, будто они реагируют на близость определенных металлов, помещал их на

⁹ Ос., IV: 12.

¹⁰ Марк Туллий Цицерон. Об обязанностях. I, 44.

¹¹ Корнелий Тацит. О происхождении германцев и местоположении Германии. С. 10.

¹² См.: Аммиан Марцеллин. Римская история. XXXI, 2.24.

тонкий стержень и приводил в равновесие, но никакого вращения при приближении металла не наблюдалось». Однако подобная серия экспериментов, проведенная им над водой, привела его к приписыванию пруту способности показывать подземные источники и потоки. «Я не подтвердил бы этого, – говорил он, – если бы не установил этот факт при помощи своего собственного опыта».

Дешаль, другой иезуит, автор труда по природным источникам и огромного трактата по математике, заявил в последней работе, что ни одно из средств для поиска источников воды не сравнится с волшебной лозой. Он ссылается на своего друга, который с ореховым прутком в руке мог найти источник и точно, и легко изобразить на поверхности русло подземного потока. Сен-Ромен в своем труде восклицает: «Удивительно наблюдать, как прут, крепко сжимаемый в руках, сам собой наклоняется и поворачивается в направлении воды или металла с большей или меньшей быстротой, в зависимости от того, близко или далеко от поверхности находятся металл или вода».

В 1659 году иезуит Гаспар Шотт писал, что лозу применяют в каждом городе в Германии и что он часто имел возможность наблюдать, как ее используют для поиска спрятанных сокровищ. «С величайшей тщательностью, – добавляет он, – я исследовал вопрос, вступает ли ореховый прут в некое взаимодействие с золотом и серебром, и приводит ли его в движение некое его природное свойство. Также я старался узнать, двигается ли металлическое кольцо, которое держат подвешенным на нити над стаканом, подобно маятнику, из-за некоей похожей силы. Я убедился, что подобные эффекты могли возникнуть только в результате самообмана тех, кто держал прут или маятник, или некоего дьявольского побуждения, или же, наиболее вероятно, потому, что воображение заставляло руку двигаться».

Монсеньор ле Руайе, юрист из Руана, в 1674 году опубликовал свой труд. В нем он поместил отчет об опытах с лозой, проведенных в присутствии отца Жана Франсуа.

Последний высмеивал ее действенность в своем трактате о водах, опубликованном в Ренне в 1655 году. Однако опыты достигли успеха в переубеждении этого хулителя волшебной лозы. Ле Руайе отрицает, будто лоза имеет силу изобличать преступников, что повсеместно ей приписывалось и о чем уверенно заявлял Дебрио в своем «Магическом расследовании».

А сейчас я подхожу к необыкновенному рассказу о Жаке Эмаре, который привлек внимание Европы к чудесным свойствам волшебной лозы. Я приведу историю этого человека полностью. Это представляется необходимым из-за искажающих смысл версий, которые появились в статьях английского журнала, вслед за миссис Кроу, повествующих о начале карьеры этого обманщика, но не упоминающих о его разоблачении и падении.

5 июля 1692 года около десяти часов вечера в своем винном погребе были убиты виноторговец из Лиона и его жена. Деньги их были похищены. На следующий день прибыли представители судебной власти и осмотрели весь дом. Рядом с телами лежала большая бутылка, оплетенная соломой, и окровавленный садовый нож, который, без сомнений, был орудием убийства. Не было найдено следов тех, кто совершил это ужасное злодеяние. Судьи пребывали в замешательстве, в каком направлении им двигаться, чтобы найти ключи к разгадке.

В этой ситуации сосед напомнил им о случае, произошедшем четыре года назад. Случилось же следующее. В 1688 году произошла кража одежды в Гренобле. В приходе Кроль жил человек по имени Жак Эмар, который, как считалось, обладал способностями использовать волшебную лозу. За ним послали. Когда он достиг места, где была совершена кража, лоза начала двигаться в его руке. Он последовал туда, куда она указывала, а та продолжала вращаться меж его пальцев, пока он шел в определенном направлении, и останавливалась, если он хоть немного отклонялся. Ведомый лозой, Эмар шел по улицам, пока не оказался перед воротами тюрьмы. Их нельзя было открыть без разрешения судьи, который поспешил стать свидетелем эксперимента. Ворота были открыты, и Эмар, ведомый таким же образом, направился к четверем узникам, которые недавно были посажены в

тюрьму. Он велел им выстроиться в линию, а затем подошел и наступил на ногу первого заключенного. Лоза осталась неподвижной. Он перешел ко второму, и она тут же повернулась. Перед третьим узником также не было никаких знаков. Четвертый задрожал и попросил, чтобы его выслушали. Он признал себя вором, так же как и второй, который тоже сознался в краже, и назвал имя человека, получившего украденный товар. Это был фермер, живущий под Греноблем. Судья и чиновники отправились к нему и потребовали у него вещи, которые тот получил. Фермер отрицал, что ему известно о краже и об участии в дележе добычи. Однако Эмар с помощью лозы нашел спрятанное имущество и вернул его тем людям, у которых оно было украдено.

В другой раз Эмар искал источник воды, когда почувствовал, что лоза в его руке резко повернулась. Когда в этом месте стали копать, ожидая найти ключ, обнаружили бочку, в которой был спрятан труп женщины с веревкой на шее. Несчастное создание опознали как особу, которая жила неподалеку и исчезла четыре месяца назад. Эмар пришел в дом жертвы и направил свою лозу на каждого члена семьи. Она указала на мужа погибшей, который тут же обратился в бегство.

Судьи из Лиона, не зная, как найти преступников, совершивших двойное убийство в винном магазине, убедили королевского прокурора испытать силы Жака Эмара. За ним послали, и он смело заявил о своей способности найти злоумышленников, если его для начала отведут на место преступления, чтобы он смог войти *в контакт* с убийцами.

Его немедленно проводили на место преступления. Когда он проходил по винному погребу, лоза в его руке оставалась неподвижной до тех пор, пока он не достиг места, где лежало тело виноторговца; тогда прут стал очень сильно дрожать, а пульс Эмара участился, как в момент наступления лихорадки. То же самое повторилось, когда он достиг места, где лежала вторая жертва.

Установив таким образом свой *контакт*, Эмар покинул погреб и, ведомый лозой, или, скорее, внутренним чутьем, поднялся в магазин, а затем, выйдя на улицу, переходил от одного человека к другому, точь-в-точь как собака, идущая по следу убийц. Его путь привел во двор резиденции архиепископа, а затем к воротам, выходящим к Роне. Уже наступил вечер, и все городские ворота были закрыты, так что поиски пришлось прервать.

На следующее утро Эмар вернулся к следу. В сопровождении трех чиновников он прошел через ворота и спустился на правый берег Роны. Лоза показала, что замешанных в убийстве было трое, и он последовал за двумя из них в дом садовника. Он вошел туда и заявил с горячностью, несмотря на клятвенные уверения хозяина в обратном, что беглецы входили в его комнату, сидели за его столом и пили вино из бутылки, на которую он указал. Эмар проверил каждого из членов семьи при помощи своей лозы, чтобы узнать, были ли они связаны с убийцами. Прут пришел в движение только над двоими детьми, одному из которых было десять лет, а другому девять. Когда их начали расспрашивать, они с неохотой рассказали, что утром в воскресенье, когда отца не было дома, они, несмотря на его четкие указания, оставили дверь открытой, и два человека, которых они описали, неожиданно зашли к ним, сели за стол и налили себе вина из бутылки, на которую указал человек с палкой. Первое подтверждение талантов Жака Эмара убедило некоторых скептиков, но генеральный прокурор запретил проведение эксперимента, пока этого человека не проверят.

Как уже упоминалось, на месте убийства был найден садовый нож, запачканный кровью. Несомненно, это было орудие преступления. Были получены три точно таких же ножа того же производителя. Все четыре были закопаны в саду в разных местах. Затем доставили Эмара, который держал в руке лозу, и повели по всем местам, где лежали ножи. Прут начал дрожать, как только тот ступил на место, где был закопан нож, использованный убийцами, в трех других он остался неподвижным. Тогда все ножи достали и снова спрятали. Инспектор провинции лично завязал кудеснику глаза и за руку провел его от места к месту. Волшебная лоза не шелохнулась, пока не приблизилась к запятнанному кровью оружию, тогда она начала дрожать.

Судьи были удовлетворены и согласились, чтобы Жак Эмар продолжил преследование

убийц в сопровождении лучников.

Ведомый своей лозой, Эмар возобновил погоню. Он продолжил идти по следу по правому берегу Роны вниз по течению, пока не оказался на расстоянии в пол-лиги от Лионского моста. Здесь на песке были обнаружены отпечатки ног трех человек, свидетельствующие, что они воспользовались лодкой. Преследователи также сели в лодку и продолжили спускаться по течению; Эмару было сложно идти по следу по воде, но он все же смог заметить его. След привел его под арку Венского моста, под которым редко проплывали лодки. Это доказывало, что проводника у беглецов не было. Это был единственный путь, по которому могли пройти преступники. В перерывах Эмар причаливал к берегу, чтобы исследовать его при помощи своей лозы и убедиться, где именно убийцы высадились. Он обнаружил места, где те спали, и стулья и скамьи, на которых они сидели. Таким образом он постепенно добрался до военного лагеря в Саблоне, между Вьенной и Сен-Валье. Там Эмар почувствовал сильное волнение, его щеки залил румянец, а пульс участился. Он проходил через толпы солдат, но не рисковал использовать свою лозу, чтобы люди не обошлись с ним дурно и не бросились на него. Он не мог действовать далее без специальных полномочий и был вынужден вернуться в Лион. Судьи наделили его необходимыми правами, и он вернулся в лагерь. Там он заявил, что убийц в этом месте нет. Он возобновил свою погоню и спустился по Роне до Бокера.

Войдя в город, он установил при помощи своего прута, что те, кого он преследовал, разделились. Он прошел по нескольким улицам, потолкался в толпе, собравшейся по случаю ежегодной ярмарки, и пришел к воротам тюрьмы. Он объявил, что один из убийц внутри, а других он найдет позже. Когда он получил разрешение войти, то его привели к четырнадцати или пятнадцати узникам. Среди них был горбун, которого только час назад отправили в тюрьму за совершение кражи на ярмарке. Эмар проверил каждого из заключенных при помощи своей лозы, которая задрожала перед горбуном. Кудесник установил, что двое других покинули город по дороге, ведущей на Нисм. Вместо того чтобы продолжить преследование, он вернулся в Лион с горбуном и охраной. В Лионе его ждал триумф. Горбун все еще отстаивал свою невиновность и заявлял, что его нога никогда не ступала в Лион. Но его доставили в город той же дорогой, по которой он его покинул, согласно Эмару. Его узнали в разных домах, где он останавливался на ночь или чтобы поесть. В небольшом городке Баноль его привели к хозяевам таверны, где он со своими товарищами останавливался на ночь, те его опознали и подробно описали его спутников, что полностью совпало с описанием, данным детьми садовника. Несчастный был настолько расстроен этим узнаванием, что сознался, как останавливался там несколько дней назад с двумя провансальцами. Он сказал, что эти люди были преступниками, а он – только их слугой и что он всего лишь стоял на страже в верхней комнате, когда те совершали убийство в погребе.

По прибытии в Лион он был заключен в тюрьму. Было назначено судебное разбирательство. На первом допросе он повторил историю точно так же, как рассказывал ее раньше, добавив только, что убийцы разговаривали на местном наречии и приобрели два ножа. В десять часов вечера все трое вошли в винный магазин. У провансальцев была с собой большая бутылка, оплетенная соломой, и они уговорили владельца и его жену спуститься в погреб, чтобы наполнить ее, в то время как он, горбун, останется в магазине сторожить. Двое преступников убили хозяина и его жену своими ножами, а затем поднялись вверх, открыли сундук и похитили оттуда 130 крон, восемь луидоров и серебряный пояс. Совершив преступление, они нашли убежище во дворе большого дома – это была резиденция архиепископа, указанная Эмаром, – и провели там ночь. На следующий день рано утром они покинули Лион, остановившись ненадолго в домике садовника. Идя вдоль реки, они нашли лодку, пришвартованную к берегу, и воспользовались ею. Они шли вдоль берега до места, указанного человеком с лозой. Несколько дней они провели в лагере в Саблоне, а потом отправились в Бокер.

Эмара послали на поиски других убийц. Он возобновил свою погоню у ворот Бокера, и след одного из преступников после множества поворотов привел его к воротам тюрьмы

Бокера. Он попросил разрешения поискать того среди узников, но в этот раз ошибся. Второго беглеца не было внутри, но тюремщик подтвердил, что человек, которого он описал и описание которого совпало с описанием внешнего вида одного из провансальцев, постучал в ворота вскоре после того, как увели горбуна, и справился о последнем, а узнав о том, что того забрали в Лион, поспешно скрылся. Эмар пошел за ним от ворот тюрьмы, и след привел его к третьему преступнику. Он шел по двойному следу несколько дней. Однако стало ясно, что злоумышленников предупредили о том, что произошло в Бокере, и они бежали из Франции. Эмар проследил их путь до границы и затем вернулся в Лион.

30 августа 1692 года несчастный горбун согласно приговору был колесован. По пути на казнь он прошел мимо винного магазина. Там публично был зачитан его приговор, вынесенный тридцатью судьями. Преступник, опустившись на колени, попросил прощения у жертв, в убийстве которых был замешан, после чего продолжил свой путь к месту казни.

Здесь уместно привести отчет властей об этой выдающейся истории. Существует три подробнейших отчета и множество писем, написанных судьями, которые принимали участие в преследовании, а также свидетелями всего дела, уважаемыми и незаинтересованными людьми, в чьей правдивости их современники нисколько не сомневались.

Господин Шовен, доктор медицины, опубликовал «Письмо к госпоже маркизе де Сенозан о средствах, которые способствовали обнаружению причастных к убийству, совершенному в Лионе 5 июля 1692 года», написанное в Лионе в 1692 году. Протокол королевского прокурора, господина де Ванيني, также сохранился и был опубликован в труде аббата де Вальмона.

Пьер Гарнье, доктор медицины Университета Монпелье, написал «Физические рассуждения в форме письма господину де Севу, сеньору Флешере», опубликованные в том же году в Лионе и переизданные в «Критической истории суеверных обычаев отца Лебрена».

Доктор Шовен был свидетелем почти всех событий, так же как и аббат Лагард, который написал точный отчет обо всем ходе дела, вплоть до казни горбуна.

Другой очевидец написал письмо аббату Бинону, которое было опубликовано Лебреном в его «Критической истории», упомянутой выше. Он пишет: «Вчера вечером со мной произошел следующий случай. Господин королевский прокурор, который, к слову, является одним из умнейших и образованнейших людей в стране, послал за мной около шести часов и проводил меня на место убийства. Там мы встретили господина Гримо, начальника таможни, которого я знал как очень честного человека, и молодого поверенного по имени Бессон, с которым я не был знаком, но который, как сказал мне господин королевский прокурор, умел пользоваться лозой, так же как и господин Гримо. Мы спустились в погреб, где произошло убийство и где все еще были следы крови. Каждый раз, когда господин Гримо и поверенный проходили по тому месту, где случилось преступление, пруты в их руках начинали поворачиваться и переставали двигаться сразу, как только они останавливались по другую сторону от этого места. Мы проводили эксперименты больше часа, в том числе и с ножом, который господин прокурор принес с собой, и они были удовлетворительными. Я наблюдал любопытные вещи, которые творились с поверенным. Лоза в его руках двигалась сильнее, чем у господина Гримо, и когда я положил пальцы на каждую из его рук в момент ее поворота, то почувствовал усиленное биение его пульса. Его пульс был как во время жара при лихорадке. Он обливался потом и был вынужден время от времени выходить во двор, чтобы подышать свежим воздухом».

Господин Пото, декан факультета медицины в Лионе, также написал свои наблюдения. Вот некоторые из них: «Мы начали с погреба, где было совершено убийство. В нем человек с лозой¹³ отпрянул от входа, потому что почувствовал сильное волнение, которое охватило его, когда он использовал прут над местом, где лежали тела убиенных. Когда мы вошли в погреб, он передал лозу мне в руки и сам вложил ее так, как было нужно для работы. Я снова

¹³ Эмар

и снова пересекал место, где были обнаружены тела, но прут оставался неподвижным, а я не чувствовал никакого волнения. Дама высокого положения и заслуг, которая была с нами, взяла лозу после меня. Она почувствовала, как та начала двигаться, и ощутила внутреннее волнение. Когда владелец лозы снова взял ее в руки и прошел по тем же местам, то прут начал вращаться с такой силой, что казалось, его легче сломать, нежели остановить. Затем крестьянин покинул наше общество, так как упал в обморок, как всегда после подобных экспериментов. Я следил за ним. Он был очень бледен, обильно покрылся испариной, хотя пульс его за четверть часа замедлился. В самом деле, обморок его был настолько глубоким, что пришлось побрызгать ему в лицо и напоить его водой, чтобы привести в чувство». Затем он описывает опыты, проделанные над окровавленным ножом, проведенные Эмаром и дамой, и всякий раз лоза оживала. Но когда он сам пробовал повторить их, они кончались неудачей. Врач медицинского факультета Университета Монпелье Пьер Гарнье, направленный в Лион, также написал отчет о том, что видел, как было упомянуто выше. Он дает любопытное доказательство сил Эмара.

«Господин генерал-лейтенант был ограблен кем-то из своих лакеев семь или восемь месяцев назад. Он лишился двадцати пяти крон, которые были похищены из одного из кабинетов позади библиотеки. Он послал за Эмаром и попросил его раскрыть обстоятельства дела. Эмар несколько раз прошел вокруг комнаты, держа в руках лозу и ставя ногу на стулья, разные предметы мебели и на оба бюро, находившиеся там и имевшие по несколько выдвижных ящиков. Он определил, из какого бюро и из какого именно ящика были украдены деньги. Господин генерал-лейтенант попросил его пойти по следу грабителя. Он так и сделал. Он вышел со своей лозой на новую террасу, куда вела дверь кабинета, затем вернулся в комнату к огню, проследовал в библиотеку, а потом пошел прямо вверх в помещение, где спали лакеи. Лоза привела его к кровати, над одной половиной которой прут наклонился, а над другой остался неподвижным. Лакеи, которые при этом присутствовали, стали кричать, что вор спал на той половине кровати, на которую указала лоза, а другую занимал еще один слуга». Гарнье приводит длинный отчет о различных экспериментах, которые он провел с генерал-лейтенантом, его дядей аббатом де Сен-Ремэном и господином де Пюге, чтобы проверить, не обманывает ли их этот человек. Но все их попытки обнаружить жульничество потерпели неудачу. Он дает интересный отчет о разговоре с Эмаром. Человек этот всегда отвечал честно.

Сообщение об экстраординарном раскрытии убийства в Лионе при помощи волшебной лозы привлекло внимание в Париже, и Эмара вызвали в столицу. Однако там способности покинули его. Принц де Конде предлагал ему разные проверки, но тот во всех потерпел неудачу. В саду было выкопано пять ям. В одной было спрятано золото, в другой серебро, в третьей золото и серебро, в четвертой медь, а в пятой камни. Лоза не подавала никаких знаков в присутствии металлов и начала двигаться над зарытыми булыжниками. Его послали в Шантильи, чтобы найти виновных в краже форели из парковых прудов. Он обошел вокруг водоема с лозой в руке, которая повернулась в месте, где, как он сказал, рыба была выловлена. Затем след вора привел его к домику смотрителя, но прут не двинулся в присутствии людей, находившихся там на тот момент.

Самого смотрителя не было дома, он вернулся поздно ночью. Услышав обо всем, он поднял Эмара с постели, настойчиво требуя, чтобы тот доказал его невиновность. Волшебная лоза, однако, указала, что он виновен, и бедняга сбежал, руководствуясь принципом, рекомендованным позднее Монтескье. Тот говорил: «Если вас обвиняют в краже башен Нотр-Дама, бегите немедленно».

Крестьянин, случайно схваченный на улице, был приведен к кудеснику в качестве подозреваемого. Лоза едва шевельнулась, и Эмар объявил, что этот человек не крал рыбу, но ел ее. Тогда человека представили как сына хранителя, и лоза немедленно начала усиленно вращаться. Это был последний штрих, и принц прогнал Эмара прочь с позором. Стало известно, что кража рыбы произошла за семь лет до этого и что юноша является не родственником хранителя, а крестьянином, который находился в Шантильи только восемь

или десять месяцев. Господин Гойонно, секретарь Королевского совета, разбил окно в своем доме и послал за волшебником, рассказав тому историю, что ночью у него были похищены ценности. Эмар обследовал разбитое окно как место, где вор проник в дом, и указал окно, через которое тот ушел с награбленным. А так как никакого преступления на самом деле не было, Эмара выгнали из дома как мошенника. Несколько подобных случаев создали ему настолько дурную славу, что он был вынужден покинуть Париж и вернуться в Гренобль.

Несколько лет спустя его использовал маршал Монревель в своем жестоком преследовании камизаров.

Был ли Эмар обманщиком с самого начала, или же необыкновенные способности покинули его в Париже? Может быть, именно тогда он и вынужден был прибегнуть к обману?

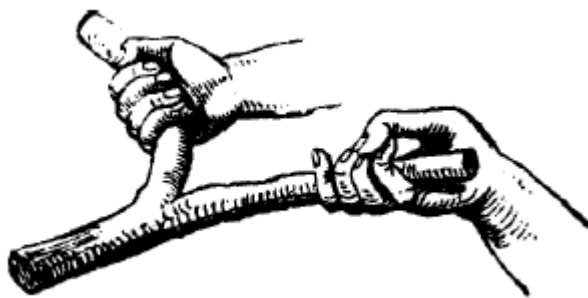
Многое можно сказать в пользу каждого из предположений. Его разоблачение в Париже свидетельствует против него, но не должно рассматриваться как убедительное доказательство обмана на протяжении всей его деятельности. Если у него действительно были способности, о которых он говорил, не обязательно, что они сохраняли полную силу при всех условиях. Париж – самое неподходящее место для их проверки. Он построен на насыпном грунте и переполнен различными посторонними влияниями. Другие люди, использовавшие лозу, отмечали, что их способности слабели в условиях волнения, им требовался отдых, внимание рассеивалось и импульсы – электрические, нервные, магнетические или какие угодно – ослабевали.

И вот Париж, который бедный крестьянин посетил в первый раз, чьи салоны открылись для него, ослепляя своей роскошью, когда он обнаружил себя в окружении принцев, герцогов, маркизов и их семей, – все это могло не только взволновать деревенского жителя до такой степени, что он лишился своего дара, но и заставить его притворяться в присутствии вельмож двора. У нас есть аналогичные случаи с Блетоном и Анжеликой Коттен. Первый искал воду и ощущал нечто вроде конвульсий, проходя над подземными потоками. Эту особенность заметили, когда ему было семь лет от роду. По приезде в Париж он потерял способность чувствовать присутствие воды, подаваемой под землей по трубам, но притворялся, что ощущает ее там, где ее не было. Анжелика Коттен была бедной девочкой, обладавшей мощным электрическим зарядом. Любой, кто к ней прикасался, получал сильный разряд. Один врач, посадив ее на колени, получил электрический разряд и был сброшен со стула, ощутив на себе доказательство этой особенности. Но электрическое состояние Анжелики становилось слабее, пока она приближалась к Парижу, и исчезло совсем, когда она оказалась в столице.

Я уверен, что воображение является главной движущей силой тех, кто использует волшебную лозу, но только ли оно, я не в состоянии решить. Силы природы столь загадочны и непостижимы, что в обстоятельствах необыкновенных нам не стоит пытаться объяснить все известными нам законами.

Способ, которым пользуются некоторые люди при работе с волшебной лозой, делает самообман возможным. Лоза обычно имеет форму рогатки (Y) и сделана из орехового дерева. Указательные пальцы располагаются рядом с расходящимися ответвлениями прута, локти отведены назад и в стороны. Таким образом, инструмент держат перед собой, осторожно уравнивая его перед животом на расстоянии около восьми дюймов. Теперь, если давление подушечек пальцев будет ослаблено, конец лозы естественным образом начнет наклоняться. Некоторые полагают, что восстановление нажима снова поднимет палку вверх, а еще большее давление направит ее в перпендикулярную позицию. Ослабление усилия снова опустит лозу, и таким образом она совершит оборот. Я признаю, что не могу совершить это. Опустить конец лозы довольно легко, но мои усилия поднять его в вертикальное положение пока не увенчались успехом. Мускулы, которые связаны с пальцами на ответвлениях прута, проходят через плечо. Упоминания заслуживает тот факт, что один из врачей, который был свидетелем экспериментов, проводимых Блетоном, искавшим воду, говорит о легком поднятии плеч в момент вращения прута.

Но способ использования лозы ни в коем случае не был одинаковым в разных случаях. Если бы во всех случаях она просто покачивалась между пальцами, существовала бы возможность предположить, что это происходит всегда из-за невольного движения мускулов.

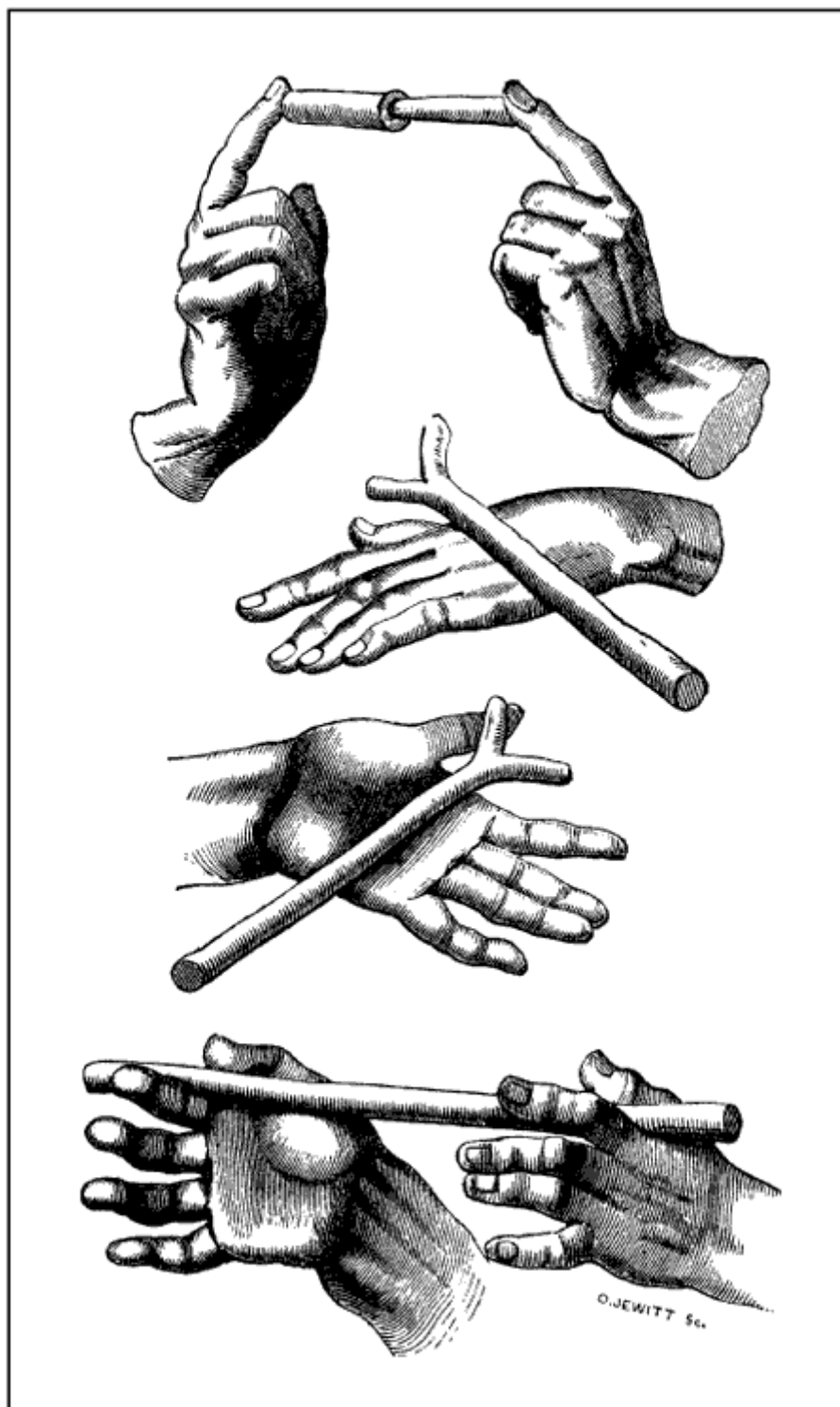
Однако обычный способ держания лозы мешает этой возможности. Ее нужно взять таким образом, чтобы ладони были повернуты вверх, а пальцы сомкнулись вокруг разветвлений. Некоторые считают, что нормальная позиция лозы горизонтальная, другие поднимают ее конец, третьи, наоборот, опускают его.

Если лоза была прямой, то ее держали похожим образом, но руки складывали вместе, чтобы создать небольшую дугу. Некоторые поддерживают подобный прут между большими и указательными пальцами или же смыкают большие и указательные пальцы, зажимая лозу на ее концах. Или же палка лежит на ладони либо на тыльной стороне руки, руку держат горизонтально, и лоза находится в равновесии.

Третий вид волшебной лозы представляет собой прямую палку, разрезанную на две части: конец одной половинки имеет отверстие, другая половинка имеет заостренный конец, который вставляется в первую половинку. Остроконечная палка вращается в отверстии.

Манера Блетона держать прут подробно описана: «Он не зажимал его, не грел в руках и не принимал во внимание, была ли эта ореховая ветвь только что срезана и полна сока. Он помещал горизонтально между указательными пальцами прут любого вида, даваемого ему или подобранного по дороге, из любого дерева, кроме бузины, свежего или высохшего, не всегда даже в форме рогатки, но иногда просто изогнутого. Если он был прямым, то немного приподнимался на концах резкими толчками, но не крутился. Если он был изогнутым, то вращался вокруг своей оси с большей или меньшей скоростью некоторое время, в зависимости от количества и течения воды. Я насчитал от тридцати до тридцати пяти вращений в минуту, а позже восемьдесят. Любопытный феномен заключался в том, что Блетон мог заставить лозу крутиться в руках другого человека, не глядя на нее и не прикасаясь к ней, а просто приблизившись к тому, кто ее держал, если они стояли над подземным потоком. Однако это правда, что движение в руках другого человека было гораздо менее сильным и продолжительным, чем у него. Если же Блетон стоял на голове и помещал лозу между ступней, то, хотя он и чувствовал текущую воду, лоза оставалась неподвижной. Если его отделяло от воды стекло, шелк или воск, то ощущение было менее четким и вращение лозы прекращалось».

Но этот эксперимент не удался в Париже в условиях, которые могут свидетельствовать как о том, что воображение Блетона вызывало движение прута, так и о том, что он был мошенником. Вполне возможно, что во многих случаях движение мускулов является абсолютно произвольным и ими управляет воображение, так что человек обманывает себя, так же как и других.

Позиции рук Из «Писем, которые раскрыли обман философов о лозе» (Париж, 1693).

Возможно, это является объяснением истории мадемуазель Оливе, честной и совестливой молодой дамы, которая была искусна в обращении с волшебной лозой, но уклонялась от использования своей силы в проведении опытов, чтобы не участвовать в незаконных действиях. Она проконсультировалась с отцом Лебреном, автором труда, упомянутого выше, и он посоветовал ей попросить Господа забрать у нее этот дар, если его применение пагубно для ее душевного состояния. Она истово молилась в уединении два дня, после чего причастилась, попросив в этот момент у Бога то, что ей порекомендовали. В тот же день она провела опыт со своей лозой и обнаружила, что та больше не действует. Дама

искренне верила в свою силу раньше, эта вера была соединена со страхом. Пока эта вера была в ней сильна, лоза двигалась. Теперь же она поверила, что эту способность у нее забрали. И она исчезла вместе с потерей веры в нее.

Если волшебной лозой управляет что-то помимо непроизвольного движения мускулов, то мы должны ограничить ее силу способностью показывать присутствие текучей воды. Существует множество примеров того, как гидроскопы таким образом обнаруживали присутствие источника или подземного потока. Наиболее одаренным человеком, имеющим эту способность, был Жан Жак Паранг, родившийся в предместье Марселя в 1760 году и испытывавший ужас при приближении к воде, которую никто больше не чувствовал. Как говорил аббат Сори, который рассказал его историю, он был наделен способностью видеть воду сквозь толщу земли. Шотландка Дженни Лесли примерно в то же время заявила о похожих способностях. В 1790 году Пенне, уроженец Дофине, привлек внимание в Италии, но когда ученые в Падуе скрупулезно исследовали его способности, его попытки обнаружить сокрытые металлы не увенчались успехом. Во Флоренции его застали ночью за поисками того, что было спрятано для проверки его способностей на следующий день. Винсент Аморетти был итальянцем, который испытывал особые ощущения, когда приближался к воде, углю и соли, он искусно использовал лозу, но не устраивал публичной демонстрации своих способностей.

Я слышал, что лозу все еще используют шахтеры Корнуолла, но никогда не мог удостовериться, что это действительно так. Начальники шахтеров, которых я расспрашивал, неизменно говорили, что им ничего не известно об этом.

Однако в Уилтшире ее до сих пор применяют для поиска воды. В 22-м томе «Куотерли» (сноска на с. 273) можно найти подтвержденный многими случай, описанный автору «Популярной мифологии» его другом из Норфолка. Некая леди N утверждала, что убедила доктора Хаттона, будто обладает этим уникальным даром, и посредством него доказала существование источника воды на одном из его полей, примыкающих к Вулиджскому колледжу. Он, в свою очередь, смог продать это поле колледжу по большей цене благодаря этому открытию. Эту способность леди N несколько раз демонстрировала в присутствии заслуживающих доверия свидетелей, и обозреватель «Куотерли» (1820) считал этот факт неопровержимым. Декинсе в двух отрывках подтверждает, что часто видел успешно проходивший процесс, и объявляет, что, несмотря на то что может сказать наука или скептицизм, большая часть чайников долины Рингтон в северном Сомерсетшире наполнена при помощи волшебной лозы. В области с плохой водой она сделала бы своих владельцев важными людьми, хотя, как признает Декинсе, сходство их местного наименования со звучанием глагола «мошенничать» внушило бы некоторое подозрение в честности их намерений. В номере «Манфли Пэкет» за март 1867 года рассказана любопытная история о том, как гости в некоем старинном кентском доме осаждали одного из присутствующих, о котором говорили, что он имеет подобный дар, вопросами о том, как они должны держать два ответвления ореховой палки. Он стал показывать им на примере веточки с двумя вишнями, бывшей в его десерте, как вдруг, к удивлению гостей и его собственному, она начала поворачиваться в его руке. Только хозяин дома знал, что под полом его столовой находился источник воды.

Следующая выдержка из письма, которое я недавно получил, покажет, что лоза все еще в моде на Континенте.

«Я уверен, что использование волшебной лозы для обнаружения источников воды никоим образом не ограничено Средневековьем, поскольку лично был знаком с ныне покойной дамой, которая с успехом использовала ее для этой цели. Она была очень умной и образованной, совсем не легковверной, возможно, с несколько богатым воображением, поскольку она писала, и небезуспешно, с открытым и честным характером. Она родилась и получила образование в Шотландии. У ее мужа, капитана С., было большое поместье в Гольштейне, недалеко от Любека, от которого зависело значительное количество людей, и то ли для их нужд, то ли для улучшения состояния земель требовался дополнительный

источник воды.

По одной из этих причин послали за человеком, который постоянно занимался поиском воды при помощи волшебной лозы. В доме собралось много гостей, и все вы шли на улицу, чтобы увидеть забаву. Лоза дала указание обычным способом, и вода была в конечном итоге найдена в этом месте. Миссис С., настроенная скептически, взяла лозу в свои руки, чтобы провести эксперимент, уверенная в том, что сможет доказать, будто этот человек – обманщик. Как она говорила после, она никогда не была так испугана, как в тот момент, когда проходила над источником, и лоза в ее руках вдруг начала двигаться. Некоторые леди и джентльмены попробовали повторить это, но прут оставался неподвижным в их руках. «Что ж, – сказал хозяин своей супруге, – у нас более нет причин посылать за этим человеком, раз ты такая же искусная».

Через несколько месяцев вода понадобилась в другой части поместья, и миссис С. попросили снова использовать лозу. После некоторых испытаний она опять показала наличие источника, и в этом месте начали рыть колодец, углубившись довольно далеко. Наконец, миссис С. начала отказываться принять на себя дальнейшие расходы, но работники были абсолютно уверены и просили позволить им продолжить. Очень скоро вода прорвалась, притом с такой силой, что люди с трудом спаслись. В дальнейшем это был самый неисчерпаемый источник на многие мили вокруг.

Факты, которые я изложил, абсолютно достоверны, какие бы выводы из них ни сделали. Я не предлагаю, чтобы вы напечатали мой рассказ, но я думаю, что в этих случаях личные свидетельства, пусть даже и косвенные, более полезны для формирования собственного мнения, чем сотни старых книг. Я не слышал об этом из уст самой миссис С., но я знал ее достаточно, чтобы составить мнение о ее характере, а моя жена, которая знала ее более близко, еще с детства, в юности провела с ней многие месяцы».

Я помню, что был немало озадачен, читая о серии экспериментов, проведенных мистером Мейо с раскачивающимся над металлами кольцом. Он уверял, что оно раскачивается в разных направлениях при особых условиях, подвешенное на нити на большом пальце. Я провел серию опытов и был удивлен, обнаружив, что кольцо раскачивается странным образом в разных направлениях над различными металлами. В раздумье я закрыл глаза, пока кольцо раскачивалось над золотом, а открыв их, обнаружил, что оно остановилось. Я попросил друга сменить металл, пока я остаюсь с закрытыми глазами. Кольцо больше не двигалось. Таким образом я пришел к выводу о произвольном движении мускулов, вполне достаточном, чтобы ввести в заблуждение видного медика, подобного мистеру Мейо, и приведшем меня в недоумение, пока я не решил эту загадку. Как я узнал позже, подобную серию опытов провел господин Швейер в Париже, получив такие же результаты.

Глава 4

Семеро спящих отроков эфесских

В этой главе будет описан один из наиболее ярких мифов древности. Вот как его рассказывает Яков Ворагинский в своей «Золотой легенде».

«Семеро спящих были уроженцами Эфеса. Император Деций, подвергавший христиан гонениям, прибыв в Эфес, повелел воздвигнуть в городе храмы, чтобы все могли прийти и совершить жертвоприношение в его присутствии. Он также приказал разыскать христиан и предоставить им выбор: поклониться идолам или же умереть. Ужас в городе был столь велик, что друг доносил на друга, отец на сына, а сын на отца.

В Эфесе жили семеро христиан: Максимиан, Малх, Мартиниан, Дионисий, Иоанн, Серапион и Константин. Они отказались совершать подношения идолам и остались в своих домах, молясь и постясь. Когда их обвинили в присутствии Деция, они признали, что являются христианами. Однако император дал им время подумать, как поступить. Они использовали эту отсрочку, чтобы раздать все свое имущество бедным, а затем ушли к горе

Селион, где решили укрыться.

Один из них, Малх, переодевшись врачом, пришел в город, чтобы запастись едой. Деций, который некоторое время отсутствовал в Эфесе, вернулся и приказал разыскать всех семерых. Исполненный страха, Малх покинул город, вернулся к своим товарищам и поведал им о ярости императора. Они очень испугались. Малх раздал купленный хлеб, убеждая их подкрепить силы в дни испытаний. Они поели и начали беседу, ободряя друг друга. Во время этого разговора по воле Божьей они погрузились в сон.

Язычники искали их везде и не могли обнаружить. Деций был страшно разгневан их побегом. Он повелел привести их родителей и угрожал им смертью, если те не откроют, где прячутся их сыновья. Однако те могли рассказать только, что семеро юношей раздали все свое имущество бедным и что им ничего не известно об их местонахождении.

Деций, считая, что беглецы могли спрятаться в пещере, приказал завалить вход камнями, чтобы пленники погибли от голода.

Прошло триста шестьдесят лет. На тринадцатом году правления Феодосия распространилось еретическое учение, отвергавшее воскресение мертвых...

Так случилось, что некий житель Эфеса строил хлев у горы Селион и наткнулся на грудку подходящих камней. Он забрал их для своей постройки и открыл таким образом вход в пещеру. Тогда семеро спящих пробудились. Для них прошла всего лишь одна ночь. Они стали расспрашивать Малха, какое решение Деций принял касательно их.

«Он собирается выследить нас и заставить приносить жертвы идолам», – был его ответ. «Господь знает, что мы никогда этого не сделаем», – сказал Максимиан. Затем товарищи стали уговаривать Малха пойти в город и купить еще хлеба, а заодно узнать новости. Малх взял пять монет и вышел из пещеры. Увидев камни, он преисполнился удивления, но продолжил свой путь. Каково же было его замешательство, когда он достиг городских ворот и увидел над ними крест! Он пошел к другому входу и узрел над ним этот же святой знак. То же он увидел на всех воротах города. Он решил, что ему все это снится. Затем он вошел в Эфес и, протирая глаза, добрался до лавки пекаря. Он слышал, как люди повторяют имя Господа, и был поражен еще больше. «Еще вчера никто не осмеливался произносить имя Иисуса, сегодня же оно у всех на устах. Удивительно! Я с трудом верю, что я в Эфесе». Он спросил у прохожего, как называется этот город, и был удивлен, когда тот ответил, что он находится в Эфесе. Затем он зашел к пекарю и выложил перед ним свои деньги. Пекарь же, рассмотрев монету, стал допытываться, не нашел ли юноша сокровище, и шептаться с другими. Малх же, решив, что его узнали и сейчас отведут к императору, стал умолять отпустить его, предлагая оставить и деньги, и хлеб, если только ему позволят уйти. Но пекарь схватил его, сказав: «Кто бы ты ни был, ты нашел сокровище. Покажи, где оно, и поделись с нами, тогда мы спрячем тебя». Малх же был слишком испуган, чтобы ответить. Тогда они накинули ему на шею веревку и повели его на рыночную площадь. Вскоре распространилась новость, что юноша нашел несметные богатства, и через некоторое время вокруг него собралась огромная толпа. Он твердо отстаивал свою невиновность. Никто не узнавал его. А его глаза, скользя по лицам окружающих, не видели ни одного человека, хоть сколько-нибудь знакомого ему.

Святой Мартин, епископ, и Антипатр, градоправитель, услышав о волнениях, приказали доставить юношу вместе с пекарями к ним.

Они начали расспрашивать, где он нашел сокровище. Он отвечал, что не находил ничего подобного, а те несколько монет взял из собственного кошелька. Затем ему задали вопрос, откуда он пришел. Он ответил, что уроженец Эфеса, «если только это Эфес».

«Пошли за своими родственниками, за родителями, если они живут здесь», – приказал правитель.

«Они конечно же живут здесь», – ответил юноша и назвал их имена. Ни одно из них не было известно в городе. Тогда правитель воскликнул: «Как ты смеешь говорить, что эти

деньги принадлежат твоим родителям, когда им уже триста семьдесят семь лет¹⁴, и они относятся к началу правления Деция? Они совсем не похожи на наши деньги. Ты думаешь, что сможешь обмануть стариков и мудрецов Эфеса? Поверь мне, я подвергну тебя всей строгости закона, если ты не скажешь, где нашел сокровища».

«Я прошу тебя во имя Господа, – взмолился Малх, – ответь на несколько моих вопросов, и я отвечу на твои. Куда делся император Деций?»

Епископ сказал: «Сын мой, императора с таким именем нет. Тот, кого так звали, умер много лет назад».

Малх произнес: «Все, что я слышу, все больше и больше приводит меня в недоумение. Следуйте за мной, и я провожу вас к моим товарищам, с которыми мы только вчера спрятались в пещере горы Селион, чтобы укрыться от жестокости Деция. Я отведу вас к ним».

Епископ повернулся к градоправителю и сказал: «Свершилось чудо Божие». Они направились к горе, и огромная толпа последовала за ними. Малх первым вошел в пещеру, за ним епископ... Там они увидели отроков, живых и здоровых, лица их были свежи, словно розы. Все опустились на колени и возблагодарили Господа. Епископ и правитель послали сообщение Феодосию, и тот поспешил в Эфес. Все жители собрались, чтобы встретить его и проводить в пещеру. Как только святые отроки увидели императора, их лица просияли, подобно солнцу. Император вознес хвалу Господу и обнял их со словами: «Воистину я вижу вас, как если бы я увидел Спасителя, воскресающего Лазаря». Максимиан ответил: «Уверуй! Господь оживил нас в преддверии великого дня воскресения, дабы мы могли свидетельствовать о грядущем воскрешении мертвых. Как дитя в материнской утробе живет без страданий, так и мы жили, не зная горестей и крепко уснув». Сказав это, они опустили голову, и души их вернулись к Создателю. Император, поднявшись, склонился над ними и, плача, стал обнимать их. Он повелел, чтобы для них были изготовлены золотые раки. Однако той же ночью юноши явились ему во сне и сказали, что они до сих пор спали в земле и в земле желают спать и впредь, пока Господь не поднимет их вновь».

Такова эта прекрасная история. Похоже, она пришла к нам с Востока. Иаков, месопотамский епископ в V или VI веке, был первым, кто записал ее. Григорий Турский в своем труде «О славе мучеников», возможно, открыл эту историю Европе. Дионисий Антиохийский (IX век) изложил ее на сирийском языке. Фотий Константинопольский воспроизвел ее, отметив, что Мухаммед включил эту историю в Коран. Метафраст также упомянул о ней, а в X веке Евтихий включил ее в свои анналы об Аравии. Она встречается в коптских и маронитских книгах. Некоторые ранние историки, например Павел Диакон, Никифор и другие, включили ее в свои труды.

Уильям Малмсберийский рассказывает странную историю, связанную с Семью спящими. Он пишет, что король Эдуард Исповедник во время праздника Пасхи сидел в монаршьем облачении в своем дворце в Вестминстере, окруженный епископами и знатью. Во время трапезы он вместо того, чтобы наслаждаться мясом и напитками, погрузился в глубокое раздумье о деяниях Божьих. Внезапно, к удивлению всех присутствующих, он разразился смехом. После обеда, когда он отправился в свою опочивальню, трое его приближенных – эрл Гарольд, который стал впоследствии королем, аббат и епископ – последовали за ним и стали расспрашивать о причине столь необычного веселья. «Я видел, – ответил им набожный монарх, – удивительнейшие вещи и поэтому смеялся не без причины». Они попросили его объяснить, и он, поколебавшись немного, ответил, что видел, как Семеро отроков эфесских, которые спали двести лет в пещере в горе Селион, лежа всегда на правом боку, внезапно перевернулись на левый. Он увидел это по благословению небес, и это заставило его рассмеяться. Гарольд и аббат с епископом были крайне удивлены, и король рассказал им историю о Семерых спящих, описав их внешность, – удивительная вещь,

¹⁴ Этот подсчет, к сожалению, неверен.

которую никто еще не делал ранее, более того, он говорил о них так, как будто знал их всю жизнь. Эрл Гарольд, услышав об этом, подготовил рыцаря, секретаря и монаха, которые тотчас были отправлены в Константинополь к императору с письмом и дарами от короля Эдуарда. Император направил посланцев в Эфес к епископу, приказав тому впустить трех англичан в пещеру спящих отроков. И вот! Все произошло так, как в видении короля. Жители Эфеса знали от своих предков, что отроки всегда лежали на правом боку, но, когда англичане вошли в пещеру, они обнаружили, что все святые лежат на левом боку. Это было предупреждением о невзгодах, которые обрушатся на христианский мир с вторжением сарацинов, турок и монголов. И всякий раз, когда должны были произойти бедствия, спящие переворачивались на другой бок. Поэма о Семерых спящих отроках была создана трувером Шардри и упоминается господином Ф. Мишелем в его «Отчетах министру народного просвещения». Немецкая поэма XIII века, включающая 935 стихов, с таким же сюжетом была опубликована Караяном. Испанский поэт Августин Морето создал на эту тему драму под названием «Семеро спящих», которая была включена в 19-й том редкой работы «Новые избранные драматические произведения лучших умов». И наконец, эта легенда стала сюжетом поэмы покойного доктора Нила.

Мухаммед кое-что исправил в этой истории. Он сделал Семерых спящих предсказавшими его пришествие и дал им собаку по кличке Кратим, или же Кратимер, которая спит вместе с ними и которая также наделена даром предсказывать.

В знак исключительности ее положения эта собака в числе десяти животных будет допущена в Рай (прочие – это кит Ионы, муравей Соломона, агнец Исмаила, теленок Авраама, осел царицы Савской, верблюд пророка Салеха, бык Моисея, удог Билкис и осел Мухаммеда).

Возможно, Семеро спящих хотели слишком многого, прося, чтобы их тела были оставлены в земле. В то время, когда святые мощи ценились выше золота и драгоценных камней, их просьба конечно же была оставлена без внимания. Их останки были переправлены в Марсель в огромном каменном саркофаге, который и поныне хранится в церкви Святого Виктора. В Музее Викториум в Риме есть их древнее удивительное изображение. Их имена вырезаны рядом вместе с соответствующими атрибутами. Возле Константина и Иоанна находятся две палицы, рядом с Максимианом – сучковатая дубина, возле Малха и Мартиниана – два топора, возле Серапиона – горящий факел, а рядом с Данесиём, или Дионисиём, – большой гвоздь, подобный тем, которые, как говорят Гораций и святой Павлин, использовались для пыток. Семеро юношей здесь представлены без бороды. В самом деле, древние мартирологи часто называют их отроками.

На основании этого любопытного изображения делается вывод, что все семеро были убиты императором Децием в 250 году и погребены в упомянутой пещере, в то время как находка и перемещение их останков при Феодосии в 479 году могли дать рождение легенде. Я считаю, что этого, возможно, достаточно. Истории о надолго уснувших и число «семь», связанное с ними, являются довольно древними мотивами и происходят из языческой мифологии.

Как и многие другие древние мифы, эта история была переработана христианами.

Плиний рассказывает историю эпического поэта Эпименида, на которого в один жаркий день навалилась дремота. Он зашел в пещеру, где и заснул. Через пятьдесят семь лет он проснулся и обнаружил, что все изменилось. Его брат, которого он помнил подростком, теперь был седым стариком.

Эпименида считали одним из семи мудрецов те, кто исключал из этого списка Периандра. Он преуспевал во времена Солона. После его смерти в возрасте двухсот восьмидесяти девяти лет его стали почитать как бога, особенно в Афинах.

Эта история является версией более древней легенды о вечном сне пастуха Эндимиона, которого Юпитер таким образом сохранил навсегда молодым и прекрасным.

Согласно арабской легенде, святой Георгий три раза поднимался из своей могилы, и его трижды убивали.

В скандинавской мифологии мы встречаем Сигфрида, или Сигурда, который упокоился подобным образом и ждет зова, чтобы выйти и сражаться. Карл Великий спит в Оденберге в Хессе или же в Унтерсберге под Зальцбургом, сидя на троне с короной на голове и с мечом, лежащим рядом, и ждет, когда настанут времена Антихриста. Тогда он встанет и выйдет, чтобы отомстить за кровь святых. Ожье Датчанин стряхнет с себя дрему и выйдет из Авалона, чтобы отомстить за правду – он показал себя в войне в Шлезвиге-Гольштейне.

Я помню, как, будучи ребенком, с благоговейным трепетом разглядывал огромную гору Кифхойзер в Тюрингии, где, как мне сказали, спит Фридрих Барбаросса и шесть его рыцарей. Пастух, некогда проникший в сердце горы, войдя в пещеру, нашел зал, где сидел император, чья рыжая борода покрывала каменный стол. От звука шагов пастуха Фридрих пробудился и спросил:

– Кружат ли еще вороны над горами?

– Да, ваше величество!

– Тогда мы должны спать еще сто лет.

Но когда его борода трижды обовьется вокруг стола, император и его рыцари проснутся и выйдут, чтобы освободить Германию и сделать ее первой среди королевств Европы.

В Швейцарии трое Теллей спят в Рютли недалеко от Фирвальдштетского озера, ожидая часа, когда страна будет нуждаться в них. Пастух некогда вошел в пещеру, где они покоились. Третий Телль встал и спросил, который час. «Полдень», – ответил пастух. «Время еще не пришло», – сказал Телль и улегся назад.

В Шотландии под Эйлдонскими холмами спит Томас из Эрсилдуна; французы, убитые во время Сицилийской вечерни в Палермо, тоже ждут времени, когда смогут проснуться и отомстить за себя. Когда Константинополь попал в руки турок, некий священник совершал таинства на серебряном алтаре Святой Софии. Он просил Господа защитить Святые Дары от осквернения. Тогда стена разверзлась, и он вошел, держа их в руках. Стена за ним снова сомкнулась, и он остался спать, склонив голову перед Телом Христовым, пока турки не будут изгнаны из Константинополя, а церковь Святой Софии не будет очищена от скверны.

В Богемии в сердце Куттенберга спят трое шахтеров. В Северной Америке Рип Ван Винкль спал двадцать лет в Катскильских горах. В Испании последний арабский правитель Гранады Боабдил эль-Чико лежит, заколдованный, в горах неподалеку от Альгамбры. В Аравии пророк Илия ждет, когда его призовут в дни Антихриста. В Ирландии Бриан Бороиме спит, ожидая, пока восстание фениев, обещающее действия, а не разговоры, вызовет его на помощь его стране. В Уэльсе еще жива легенда о короле Артуре, который погружен в глубокий сон на Авалоне. В Сербии князь Лазарь, погибший в битве против турок при Косове в 1389 году, должен однажды появиться вновь. Похожая надежда на возвращение Якова IV существовала более ста лет после битвы при Флоддене. В Португалии верят, что Себастьян, юный правитель-рыцарь, который сделал все возможное для разрушения своей страны, необдуманно вторгшись в Марокко, где-то спит, но в час нужды встанет, чтобы стать освободителем своей родины. Олав Трюггвасон ждет похожего случая в Норвегии. Даже Наполеон Бонапарт, как верит кое-кто из французских крестьян, спит таким же образом.

Святой Ипполит рассказывает, что святой Иоанн Богослов спит в Эфесе. Сэр Джон Мандевилль описывает подробности. «С Патмоса люди пришли в Эфес, прекрасный город на берегу моря. В нем умер святой Иоанн и был похоронен в могиле. Там стоит красивая церковь. Христиане всегда должны владеть этим местом. В гробнице святого Иоанна нет ничего, только манна, которую называли ангельской пищей. Тело его было перенесено в Рай. Теперь же этим местом, городом и церковью владеют турки. И вся Малая Азия теперь называется Турцией. Надо понять, что святой Иоанн сделал свою могилу там при жизни и лег туда сам. Поэтому некоторые говорят, что он не умер, но спит до дня Страшного суда. И поистине, там происходит великое чудо. Люди могут видеть, как земля над могилой поднимается и опускается...» Возможно, на превращение семи эфесских мучеников в

спящих каким-то образом повлияла легенда о святом Иоанне, связанная с Эфесом.

Исландские летописи рассказывают, что в 1403 году человек по имени Фетмингр, живший в Халогаланде на севере Норвегии, вошел в пещеру, заснул и проспал три года. Рядом с ним лежали лук и стрелы, и его не тронули ни зверь, ни птица.

Существуют достоверные рассказы о людях, которые спали чрезвычайно долго, но я не буду упоминать о них, поскольку уверен, что легенда, которую мы рассматриваем, не является преувеличением фактов, а лишь христианизацией языческого мифа. Тот факт, что используется число «семь», постоянно встречающееся в сказках, кажется, приводит к этому заключению. Барбаросса меняет свою позу каждые семь лет. Карл Великий встает со своего трона через такие же промежутки времени. Ожье Датчанин бьет своей железной булавой в пол раз в семь лет. Олав Рыжебородый в Швеции открывает один глаз по прошествии такого же количества времени.

Я уверен, что мифологическую основу этой прекрасной легенды составляет сон земли во время семи месяцев зимы. На Севере Фридрих Барбаросса и Карл Великий, несомненно, заменяют Одина.

Немцы и скандинавы все еще хранят языческие предания, в которых рассказывается, что герои выйдут на защиту своей родины в час крайней нужды. Преобразованная христианами легенда рассказывает, что семеро юношей вышли, когда церковь поразило еретическое учение. Они разрушили его и свидетельствовали об истинности воскресения.

Если в языческом мифе есть нечто величественное, то в христианской легенде присутствует определенная красота и изящество, а также некий урок. Но та форма, которую она приняла теперь, является даже более утонченной – изменившись, легенда тем не менее несет в себе тот же урок. Гофман сделал из нее роман. Триниус изложил в стихах историю о молодом рабочем, которого завалило в шахте, ставшей его могилой. Однако его тело чудесным образом сохранилось нетленным. Через шестьдесят лет горняки обнаружили его и подняли на поверхность. Его невеста, ставшая к тому времени старухой, узнала его и, оплакав, умерла, соединившись наконец со своим возлюбленным.

Глава 5

Вильгельм Телль

Я думаю, большинство людей, предпринимающих регулярные поездки по Швейцарии, посещающих рыночную площадь Альтдорфа, где находилось дерево, к которому был привязан сын Телля, и пристально разглядывающих статую, расположенную на том самом месте, где некогда, целясь, стоял лучник, считает историю о Вильгельме Телле и яблоке историческим событием. Более того, в память об этом событии еще один памятник был возведен в Люцерне. Он представлял собой деревянный раскрашенный под гранит обелиск, увенчанный румяным яблоком, пронзенным золотой стрелой. Этот мишурный безвкусный монумент был разрушен ударом молнии. На следующих страницах мы опровергнем ту самую историю, которую он должен был увековечить.

Одной из самых неприятных обязанностей собирателя древностей является рассеивание всеобщих заблуждений и доказывание беспочвенности многих исторически сложившихся мнений. Когда он обнаруживает, что исторические факты рушатся от его прикосновения и превращаются в мифологические небылицы, то иногда спрашивает вслед за Пилатом: «Что есть истина?» Вскоре появляется привычка подвергать сомнению даже те вещи, которые кажутся абсолютной истиной.

Сэр Уолтер Рэли сочинял второй том мировой истории, находясь в заключении. Он размышлял об обязанностях историка перед человечеством, облокотясь на подоконник, когда неожиданно его внимание привлек шум во дворе перед окном его камеры. Он увидел, как один человек ударил другого, судя по одежде офицера. Последний же неожиданно выхватил шпагу и вонзил ее в обидчика. Раненый успел ударить своего противника палкой, а затем осел на мостовую. В этот момент появилась стража и унесла офицера, лишившегося

чувств, и тело его противника.

На следующий день к Рэли пришел его близкий друг, которому он рассказал обо всех обстоятельствах ссоры и о ее исходе. К его удивлению, тот решительно заявил, что Рэли ошибся во всей последовательности событий, которые наблюдал своими глазами.

Предполагаемый офицер был вовсе не офицером, а слугой иностранного посла. Именно он нанес удар первым. Он не доставал шпагу, это сделал противник и пронзил *его*, прежде чем кто-либо успел вмешаться. Поэтому незнакомец из толпы ударил убийцу палкой, а несколько иностранцев из свиты посла унесли труп. Друг Рэли добавил, что правительство приказало арестовать и немедленно судить преступника, поскольку убитый являлся одним из доверенных слуг испанского посла.

«Простите меня, – сказал Рэли, – но я не могу обманываться, как вы полагаете, потому что был очевидцем событий, которые произошли перед моим окном. Человек упал на том самом месте, где один из камней мостовой возвышается над остальными».

«Мой дорогой Рэли, – ответил его друг, – я сидел на том камне, когда произошла драка, и шпага, которую вытащил убийца, слегка оцарапала мне щеку. Честное слово, вы ошиблись во всех деталях».

Оставшись один, сэр Уолтер взял второй том своей истории и стал просматривать его, размышляя: «Если я не могу верить собственным глазам, то как тогда я могу быть уверен хоть в десятой части событий, произошедших за столетия до моего рождения?» И он швырнул рукопись в огонь.¹⁵

Теперь, полагаю, я могу показать, что история Вильгельма Телля с яблоком является таким же вымыслом, как и многие другие исторические события.

Она так хорошо известна, что почти не нуждается в повторении.

В 1307 году Гесслер, фогт императора Альберта Габсбурга, установил шест, на котором была повешена шляпа, символ императорской власти, и приказал каждому, кто проходит мимо, кланяться ей. Житель гор по имени Телль смело прошел мимо, не выказав почтения. По приказу Гесслера он был немедленно схвачен и доставлен к нему. Поскольку Телль был известен как великолепный лучник, то в качестве наказания фогт велел ему сбить стрелой яблоко с головы его собственного сына. Видя, что мольбы напрасны, Телль подчинился. Яблоко было поставлено на голову мальчика. Телль натянул свой лук, стрела пролетела, и пронзенное яблоко упало на землю. Но фогт заметил, что перед выстрелом Телль заткнул еще одну стрелу за пояс, и спросил его, зачем он это сделал.

«Она предназначалась тебе, – ответил лучник. – Если бы я убил свое дитя, знай, эта стрела не миновала бы твоего сердца».

Заметим, что это событие произошло в начале XIV века. Но Саксон Грамматик, датский хронист XII века, рассказывает историю о герое из своей страны, который жил в X веке. Он описывает этот случай так:

«Да будет известно всем следующее. Токи, который служил королю, своими деяниями превзошел своих товарищей и нажил врагов, завидовавших его успехам. Однажды, выпив лишнего, он стал хвастаться перед теми, кто сидел с ним за столом, будто его мастерство в стрельбе из лука таково, что он с первого выстрела может попасть в самое маленькое яблоко, установленное на палке на значительном расстоянии. Его недруги, услышав это, не теряя времени, передали его слова королю (Харальду Синезубому). Нечестивость этого монарха превратила самоуверенность отца в опасность для сына, ибо он повелел самому дорогому человеку в жизни Токи стоять вместо палки и пригрозил стрелку, что если тот не попадет в яблоко с первого раза, то заплатит головой за пустую похвальбу. Приказ короля заставил солдата делать то, что было выше его сил, его слова были не более чем пьяной болтовней, которой воспользовались негодяи. Как только мальчика привели, Токи предупредил его,

¹⁵ Этот анекдот я прочитал в «Парижском журнале» за май 1787 г., где он был перепечатан из «Писем о литературе» Роберта Херона (то есть Джона Пинкертон), 1785. Но откуда Пинкертон взял его?

чтобы он оставался спокойным, слыша свист стрелы, и не двигал головой, потому что малейшее движение может помешать его умению. Он также поставил его спиной к себе, чтобы тот не испугался, увидев стрелу. Затем он вынул три стрелы из своего колчана, и первая же из них достигла цели. Король спросил Токи, зачем он достал так много стрел, ведь он должен был сделать всего одну попытку. «Чтобы я мог отомстить тебе, – ответил тот. – Если бы первая стрела не попала в цель, две другие полетели бы в тебя, чтобы доказать мою невиновность и не оставить безнаказанной твою несправедливость».

О подобном событии рассказывается в связи с Эгилем, братом мифического Вёлунда, в «Саге о Тидрике».

В норвежской истории этот рассказ появляется в различных вариантах снова и снова. Об Олаве Святом (ум. 1030) говорят, что он, желая обращения язычника по имени Эйндриди в христианскую веру, соревновался с ним в различных состязаниях: плавании, борьбе и стрельбе. Король приказал Эйндриди сбить стрелой табличку для письма с головы его сына. Эйндриди приготовился к трудному заданию. Король приказал завязать глаза ребенку, чтобы он не мог пошевелиться при виде стрелы. Король целился первым, и его стрела слегка оцарапала голову мальчика. Эйндриди приготовился стрелять, но тут вмешалась мать ребенка, которая умоляла короля отменить это опасное состязание. Согласно этой версии, Эйндриди готовился отомстить королю, если ребенок будет ранен.

Но более близкое сходство с легендой о Телле мы находим в истории Хеминга, другого норвежского лучника, которого испытывал король Харольд, сын Сигурда (ум. 1066). Суть ее такова:

«Остров был покрыт густыми лесами. Король взял копье и воткнул его острием в землю. Затем он достал стрелу и выпустил ее вверх. Стрела взмыла в небо, а вернувшись, вонзилась в древко копья. Хеминг взял другую стрелу и тоже выпустил ее вверх. Он потерял ее из виду, но она вернулась и пронзила королевскую стрелу. Тогда король взял нож и вонзил его в ствол дуба, потом снова натянул свой лук и выпустил стрелу в рукоять ножа. После этого Хеминг взял свои стрелы. Король остановился перед ним и сказал: «Все они отделаны золотом, ты хороший мастер». Хеминг ответил: «Не я сделал их, это подарки». Он выстрелил, и его стрела пронзила рукоять ножа, а острие ее вошло в углубление для лезвия.

«Мы должны устроить более серьезное состязание», – сердито сказал король, беря стрелу. Затем он вложил ее в тетиву и, натянув лук так сильно, что его концы почти соприкоснулись, выпустил. Стрела пронзила тонкую веточку, и все сказали, что это самое удивительное свидетельство мастерства. Но Хеминг выстрелил с большего расстояния и расколол орех. Тогда король сказал: «Возьми орех и положи на голову своего брата, Бьёрна. Целись с того же расстояния. Промахнешься – прощайся с жизнью».

Хеминг ответил: «Моя жизнь в твоих руках, но я не отважусь выстрелить». Тогда Бьёрн произнес: «Стреляй, брат, это лучше, чем умереть самому». Хеминг спросил: «Сможешь ли ты стоять не шелохнувшись?» – «Я приложу все силы», – пообещал Бьёрн. «Тогда пусть король стоит рядом с тобой и смотрит, попал ли я в орех», – сказал Хеминг.

Король согласился и повелел Одду, сыну Уфейга, встать рядом с Бьёрном и следить, чтобы выстрел был честным. Хеминг встал на место, указанное ему, и осенил себя крестом, произнеся: «Господи, Тебя призываю в свидетели, что лучше бы я умер сам, чем ранил моего брата Бьёрна. Да падет этот грех на голову короля Харольда».

Затем Хеминг выстрелил и попал точно в цель, не задев голову Бьёрна. Стрела пролетела дальше и упала на землю. Король подошел к Одду и спросил того, что он думает об этом.

Несколько лет спустя жестокосердного короля настигло возмездие. В битве при Стамфорд-Бридже стрела умелого лучника пронзила ему горло. Автор саги предполагает, что ее выпустил Хеминг, состоявший тогда на службе у английского короля.

Немного иначе эту историю рассказывают на Фарерских островах. Она посвящена Гейти, сыну Аслака. Тот же самый Харольд спросил своих людей, знают ли они, кто может быть его достойным соперником. Они ответили: «Есть крестьянин, Гейти, сын Аслака,

который является сильнейшим из людей». Тогда король направился к дому Аслака.

«Где твой младший сын?»

«Увы! Там лежит он, на зеленой траве Колрина».

«Пойдем, старик, покажи мне его тело, чтобы я мог судить, так ли он был силен при жизни, как говорят».

Отец стал отказываться и говорить, что среди стольких мертвецов будет тяжело отыскать его сына. Король отправился на пустошь. Он встретил статного человека с луком на плече, возвращавшегося с охоты.

«Кто ты, друг?»

«Гейти, сын Аслака».

Одним словом, умерший был жив и здоров. Король сказал, что слышал о его искусности и пришел помериться с ним силами. Гейти и король устроили состязание в плавании.

Король плавал хорошо, но Гейти делал это лучше, и в конце концов короля принесли домой без чувств и движения. Харольд проглотил свой гнев, как проглотил и воду, и приказал Гейти сбить стрелой орех с головы его брата. Сын Аслака согласился и пригласил короля в лес, чтобы он был свидетелем его умения:

Вложил он в тетиву стрелу,
Встал, помолившись Богу,
И с головы он сбил орех,
Не повредив и волос.

На следующий день король послал за искусным лучником:

Сын Аслака, скорей скажи,
Всю правду мне открой:
Зачем же взял ты две стрелы
Вчера в лесу с собой?

Гейти ответил:

Затем имел я две стрелы
С собой в лесу вчера,
Что, если б брата ранил я,
Сразил бы и тебя.

Похожая история рассказывается в знаменитом «Молоте ведьм», с той лишь разницей, что вместо ореха или яблока на голову мальчика была положена монета. Человек, который таким образом проверял ловкость лучника, спросил о предназначении второй стрелы у того за поясом и получил обычный ответ: если первая стрела не попадет в цель, то вторая пронзит сердце, лишённое человеческих чувств.

Более того, мы имеем английскую версию этой истории в древней балладе об Уильяме Клаудсли.

Финский этнолог Кастрен узнал в финской деревне Утува следующую сказку.

Случилось сражение между жителями деревни Алаярви и разбойниками. Негодяи ограбили каждый дом и среди прочих пленников увели с собой некоего старика. В то время как они шли со своей добычей вдоль берега озера, парнишка лет двенадцати, вооруженный луком и множеством стрел, появился в зарослях на противоположной стороне. Он угрожал перестрелять захватчиков, если они не отпустят старика, который был его отцом. Разбойники насмешливо ответили, что освободят пленника, если мальчишка собьет с его головы яблоко. Тот согласился, с успехом осуществил это, и пленника отпустили.

Фарид-ад-Дин Аттар, родившийся в Персии в 1119 году, был торговцем духами. Однажды он увидел дервиша и под впечатлением от этой встречи распродал все свое имущество и начал вести праведную жизнь. Он создал поэму «Мантыкут-тайр», или «Беседа птиц». Заметим, перс Аттар жил в то же время, что и датчанин Саксон, и задолго до рождения Вильгельма Телля. Весьма удивительно, что мы находим похожую легенду в его произведении. Только тут правитель сбивает яблоко с головы любимого пажа, и тот умирает от ужаса, хотя стрела и не задела его.

Наличие такого количества версий одного и того же сюжета в разных, весьма удаленных друг от друга странах, как Персия и Исландия, Швейцария и Дания, доказывает, по моему мнению, что он никак не может рассматриваться как историческое событие, а является одним из мифов, общих для всех ариев. Возможно, некто, лучше меня знакомый с литературой на санскрите и имеющий больший доступ к ее неопубликованным сокровищам басен и легенд, однажды найдет раннеиндийскую сказку с сюжетом, столь распространенным среди других народов этой семьи. Легенды, подобные истории Телля, обнаруженные у финнов, подверглись русскому или шведскому влиянию. Я думаю, что это не первобытное туранское сказание, а арийский миф, который, подобно валуну, можно найти на чужой земле, весьма далеко от горы, частью которой он был изначально.

Я полагаю, что специалисты, изучающие мифы, будут рассматривать эту легенду как выражение некоего естественного явления, а ее герои станут воплощением сил природы. Самые примитивные истории построены на этом, и их происхождение угадывается довольно легко. Например, в «Спящей красавице» можно ли не догадаться, что заснувшая девушка – это богиня земли, погруженная в глубокий зимний сон и просыпающаяся от поцелуя золотоволосого солнечного бога Феба, или Бальдра? Но в легенде о Телле ее значение не лежит на поверхности. Хотя Гесслер или Харальд могут быть олицетворением сил зла и тьмы, а отважный лучник – грозовой тучей, его стрела – молнией, а лук – радугой, изогнувшейся напротив солнца, которое, как монета или золотое яблоко, стоит на линии горизонта, однако мы не можем быть уверены, что это толкование не является чрезмерно надуманным.

На этих страницах я показал, как некоторые древние мифы, которые рассказывают народы, принадлежащие к арийской семье, превращаются в аллегорическое объяснение хорошо известных природных явлений. Но я не могу одобрить то, с какой готовностью наши немецкие друзья жадно набрасываются на каждую частичку истории, сакральной или профанной, и доказывают, что все герои представляют солнце, все злодеи олицетворяют демонов ночи и зимы, все дротики и стрелы являются молниями, а все коровы, овцы, драконы и лебеди – это облака.

В работе, посвященной представлениям о вервольфах, я погрузился в сюжет полностью и подготовился к тому, чтобы принять предпосылки, на которых специалисты по мифам строят свои теории. В то же время я не склонен уходить так глубоко, как самые воодушевленные немецкие ученые. Полезное предупреждение этим господам некогда сделал один изобретательный французский священнослужитель, который написал следующие доказательства того, что Наполеон Бонапарт является мифическим персонажем. Архиепископ Уотли в своих «Сомнениях» основывался на совершенно других аргументах. А я прибавлю к ним еще несколько в качестве предостережения.

Автор говорит, что Наполеон является воплощением солнца.

1. Между именами Наполеон и Аполлон (бог солнца) существует лишь незначительная разница. В самом деле, указанная разница еще больше уменьшится, если мы рассмотрим написание его имени на колонне на Вандомской площади, где оно выглядит как Néapoléo. Слог *Ne*, который предшествует имени солнечного бога, очень важен. Как и остальная часть имени, он происходит из греческого языка ($\nu\eta$ или $\nu\alpha\iota$) и является подтверждающей частицей. Таким образом, Наполеон – это истинный Аполлон, или же солнце.

Другое его имя – Бонапарт – делает эту очевидную связь между французским героем и небесным светилом абсолютно ясной. День разделен на две части: хорошую, наполненную

светом, и плохую, темную. Солнцу принадлежит хорошая часть, луне и звездам – плохая. Таким образом, естественно, что Аполлон, или *Né-Apoleón*, должен получить прозвище *Bonaparte*.¹⁶

2. Аполлон родился на Делосе, острове в Средиземном море, а Наполеон на Корсике, острове в том же море. Согласно Павсанию, Аполлон был египетским божеством, а в мифологической истории легендарного Наполеона мы находим героя в Египте, причем местные жители почитают его и поклоняются ему.

3. Мать Наполеона звали Летицией, что означает «радость», она является воплощением зари, дарящей радость и счастье всему живому. Летиция олицетворяет начало нового дня, которое приносит в мир солнце и «перстами алыми ворота отверзает дня». Характерно, что греческое имя матери Аполлона – Лето. Римляне преобразовали его в Латону. Но *Loeto* – это неиспользуемая форма глагола *loetor*, который означает «вызывать радость». Именно от этой неиспользуемой формы и произошло существительное *Letitia*. Таким образом, окончательно установлено тождество между матерью Наполеона и греческой Лето, римской Латоной.

4. Согласно всем известной истории, у этого сына Летиции было три сестры. Не похоже ли это на греческого бога, у которого были три Грации?

5. У современного французского Аполлона было четыре брата. Невозможно не узнать здесь четыре времени года в антропоморфном виде. Однако сезоны должны олицетворять женщины. Здесь вмешался французский язык, в котором названия времен года мужского рода, за исключением осени, насчет рода которой лингвисты колеблются. В латинском языке осень не женского рода, как другие времена года. Таким образом, эта сложность представляется незначительной, а дальнейшее и вовсе разрешает все сомнения.

Из четверых братьев Наполеона трое были королями, и это, конечно, Весна, царствующая над цветами, Лето, правящее урожаем, и Осень, имеющая власть над плодами. Эти времена года всем обязаны могущественному влиянию Солнца, и в популярном мифе нам рассказывают, что три брата Наполеона получили власть и свои королевства от него. Но, если кто-либо скажет, что из четверых братьев Наполеона один не был королем, то это потому, что он воплощал Зиму, которая не имеет власти ни над чем. Однако, если утверждать, что у зимы есть королевство, то она правит снегами и морозами, которые в этот унылый сезон царят на земле. Что ж! Четвертого брата Наполеона, согласно общему заблуждению, обычно называемому историей, наделили бесполезным княжеством, дарованным ему *на закате власти Наполеона*. Это было княжество Канино, название, происходящее от «кани», то есть седые волосы старика – настоящий символ зимы. С точки зрения поэтов, леса, покрывающие холмы, являются их волосами, а когда приходит зима и покрывает их инеем, они становятся белоснежными прядями немощной природы старого года.

Следовательно, князь Канино является персонификацией зимы, чье царствование начинается, когда три других времени года лишились своих королевств и когда у солнца забрали власть дети Севера, как поэты называют арктические ветры. Это – мифическое вторжение во Францию союзных армий с севера. История рассказывает, что эти завоеватели – северные бури – прогоняли многоцветные флаги и заменяли их белыми. Это тоже изящное, но в то же время чисто мифологическое повествование о том, как северные ветры сдувают все яркие цвета с лица земли и заменяют их белоснежным полотном.

6. У Наполеона, рассказывают, было две супруги. Классический миф упоминает о двух женах Аполлона: земле и луне. Плутарх утверждает, что греки отдали в жены Аполлону луну, а египтяне считали, что его супругой является земля. От луны у него не было потомства, а земля родила ему одного сына, младенца Хора. Это египетская аллегория, представляющая урожай земли, оплодотворенной солнцем. Мнимый сын мифического

¹⁶ От *фр.* bon – хороший, part – часть. (Примеч. пер.)

Наполеона, говорят, родился 20 марта, во время весеннего равноденствия, когда земледелие переживает период активности.

7. Говорят, Наполеон освободил Францию от истощающих бед, которые терзали страну, от гидры революции, как ее часто называют. Кто не разглядит здесь французскую версию греческого мифа об Аполлоне, освободившем Элладу от ужасного Пифона? Само слово «революция», происходящее от латинского глагола *revolvere*, указывает на кольца змея, подобного Пифону.

8. У знаменитого героя XIX века, как утверждают, было двенадцать маршалов, стоявших во главе его армий, и четверо почетных. Первые двенадцать, как сразу можно понять, были знаками зодиака, марширующими по приказу солнца-Наполеона. Каждый из них командовал бесчисленными армиями звезд, которые делились на двенадцать частей и соответствовали двенадцати знакам. Что касается четырех, которые никуда не двигались, то это были стороны света.

9. Рассказывают, что командующий этими великолепными армиями после того, как прошел южные королевства, вторгся на север и не смог утвердить там свою власть.

Это соответствует движению солнца, которое достигает пика своего могущества на юге, но после весеннего равноденствия стремится достичь севера, и после *трехмесячного* шествия по северным районам возвращается назад по своим следам, за знаком Рака, который олицетворяет обратное движение солнца в этой части небесной сферы. На этом основана история о походе Наполеона на Москву и его унижительном отступлении.

10. Наконец, солнце восходит на востоке и садится за Западным морем. Поэты говорят, что оно поднимается из вод на востоке и опускается в океан, процарствовав двенадцать часов на небе. Такова и история Наполеона, пришедшего со своего средиземноморского острова, правившего двенадцать лет и, в конце концов, исчезнувшего в таинственном районе великого Атлантического океана.

Глава 6

Пес Геллерт

Развевая миф о знаменитом Вильгельме Телле, я разрушу и другое популярное представление.

Кто из посещавших Сноудон не видел гробницы верного пса Ллевеллина по кличке Геллерт и не слышал от гида трогательную историю о смерти этого выдающегося животного? Как мы можем усомниться в фактах, понимая, что название места, Бет-Геллерт, происходит от имени собаки, и видя перед собой ее могилу? Однако, к несчастью для легенды, ее происхождение может быть прослежено с величайшей точностью.

Сама история такова.

У уэльского князя Ллевеллина была замечательная собака по кличке Геллерт, которой он доверял охранять колыбель со своим маленьким сыном, когда отсутствовал.

Однажды, вернувшись, он, к своему ужасу, обнаружил опрокинутую пустую колыбель и окровавленные одежды, а также увидел, что пасть Геллерта испачкана кровью. Поспешно решив, что пес нарушил приказ, напал на ребенка и съел его, в приступе гнева князь выхватил свой меч и убил собаку. В следующее мгновение из-за колыбели послышался плач младенца, который убедил его, что ребенок цел и невредим. Обойдя кроватку, Ллевеллин обнаружил тело огромного волка, который проник в дом, чтобы утащить и съесть ребенка, но был остановлен и убит смелым псом.

Горюя и виня себя, князь воздвиг Геллерту величественный памятник и назвал в его честь место, где был похоронен несчастный пес.

Я нашел в России практически такую же историю той же степени достоверности. В Германии она появляется с весьма примечательными вариациями. Некий человек решил убить свою старую собаку по кличке Султан и советовался с женой, как это сделать. Султан подслушал этот разговор и пожаловался волку, который предложил остроумный план, в

результате которого хозяин пожалеет своего пса. На следующий день, когда человек собирался на работу, волк сделал вид, что хочет утащить ребенка из колыбели. Султан атаковал его и спас малыша. План увенчался успехом, и пес прожил остаток своих дней в довольствии.

Но есть и история, имеющая большее сходство с легендой о Геллерте, которая излагается во французских коллекциях фавлю, собранных Леграном д'Осси и Эделестаном Дюмерилем. Она стала известна из «Римских деяний» (Gesta Romanorum), сборника рассказов, составленного монахами в XIV веке.

В «Деяниях» эта история изложена следующим образом.

«Некий рыцарь был без ума от охоты и турниров. У него был единственный сын, за которым следили три няньки. Почти так же, как ребенка, он любил своих сокола и борзую. Однажды его пригласили принять участие в турнире, жена рыцаря и его слуги отправились вместе с ним. Ребенок остался в колыбели, собака лежала рядом с ним, а сокол сидел на насесте. Змея, обитавшая в горе неподалеку от замка, воспользовалась полным безмолвием, которое воцарилось вокруг, и пробралась к колыбели, чтобы съесть ребенка. Сокол, увидев опасность, начал хлопать крыльями и разбудил пса, который немедленно напал на незваного гостя и после ожесточенной схватки, во время которой сам был тяжело ранен, убил его. После этого он лег на пол, чтобы зализать свои раны. Когда няньки вернулись, то обнаружили, что колыбель перевернута, ребенок пропал, а весь пол залит кровью. А также они увидели собаку, которая, как они немедленно решили, и убила младенца.

Страшась гнева родителей, они решили сбежать. Однако, столкнувшись со своей госпожой, они были вынуждены рассказать об убийстве ее чада псом. Вскоре вернулся рыцарь и услышал от супруги эту печальную историю. Придя в бешенство, он бросился в покои. Несчастный израненный пес попытался было подняться, чтобы поприветствовать своего хозяина с привычной лаской. Но разъяренный рыцарь проткнул его мечом, и безжизненное тело животного рухнуло на пол. Когда же перевернули колыбель, то нашли живого и невредимого ребенка и мертвую змею рядом с ним. Тогда рыцарь понял, что же случилось на самом деле, и начал оплакивать своего верного пса и проклинать себя за то, что так поспешно поверил словам своей супруги. Оставив военные занятия, он сломал свое копье и дал обет совершить паломничество в Святую землю, где он и провел остаток своих дней в мире».

Выпад монахов против жены представляется любопытным и, возможно, ведет начало от так называемых женоненавистников, в то время как галантные жители Уэльса возлагают вину на мужчину. Но достойные авторы «Деяний» мало что добавляли к легендам от себя, кроме нравственных приложений, и история рыцаря и его пса, подобно многим другим, была взята ими из постороннего источника.

Она появляется в «Романе о семи мудрецах» и также в «Мачехиных наветах». Таким образом, она была известна по всей средневековой Европе. Сказки из «Романа о семи мудрецах» являются переводами с иврита произведения раввина Джоэля «Калила и Димна», созданного около 1250 года, или же с греческого языка творения Симеона Сета «Калил и Димн», написанного примерно в 1080 году. Эти греческий и еврейский сборники происходят из родственных источников. Произведение раввина Джоэля является переводом с арабского книги Наср-Аллаха XII века, а Симеона Сета – переводом с персидского. Но и персидский сборник «Калила и Димна» не является первоисточником, а происходит из «Панчатантры», написанной на санскрите около 540 года.

В этой древней индийской книге история рассказана следующим образом.

У брамина по имени Девасаман была жена, которая родила сына и также мангуста. Она очень любила обоих своих детей, обоих кормила грудью и умащала бальзамом. Но она боялась, что мангуст может не любить своего брата.

Однажды, оставив своего сына на кровати, она взяла кувшин и сказала мужу: «Послушай меня, господин мой! Я пойду за водой. Пока меня нет, присмотри за ребенком, чтобы мангуст не обидел его». Когда она удалилась, брамин ушел молиться. В дом

пробралась черная змея и попыталась укусить ребенка, но мангуст бросился на нее и разорвал на куски. Затем, гордясь своим поступком, он, весь окровавленный, отправился встречать свою мать. Она же, увидев запачканное кровью создание, заключила с поспешностью, свойственной женщинам, что он напал на ребенка. Тогда она бросила в мангуста кувшин с водой и убила его. Только вернувшись домой, она убедилась в своей ошибке.

Та же история рассказывается в «Гитопадеше», но смелым животным тут является не мангуст, а выдра. В арабской же версии место мангуста занимает горностай.

Буддисты принесли эту историю в Монголию, и здесь в сочинении «Улигерун» («Мудрец и глупец»), которое является переводом тибетского сборника, рассказывается о смелом хорьке, который пострадал, защищая ребенка.

Великий синолог Станислав Жульен обнаружил такую же сказку в китайском произведении, озаглавленном «Лес жемчужин из сада закона», который датируется 668 годом. Главным героем этой сказки является мангуст.

В персидском «Синдбад-наме» тоже есть похожая история, но верным животным там является кот. В еврейской и греческой версиях этой сказки им становится собака. Под влиянием еврейской версии о Синдбаде в еврейском переводе «Калилы и Димны» мангуст также был заменен на пса.

Такова история легенды о Геллерте. Она была принесена в Европу из Индии, и каждая стадия ее трансформации четко прослеживается. Выйдя из «Римских деяний», она превратилась в популярную сказку, известную во всей Европе. В каждой стране она, подобно мифу о Телле, изменялась, приобретая местный колорит. Многие из историй Уэльса, например те, которые содержатся в «Мабиогионе», имеют легко узнаваемое восточное происхождение.

Но у каждой истории есть свои корни. В предании о Геллерте они таковы. Человек вступает в дружеский союз с животным или птицей. Бессловесное создание оказывает ему огромную услугу, а он, не поняв этого, убивает своего спасителя.

Мы проследили миф о созданиях, подобных Геллерту, от Индии до Уэльса, но в другой форме этот миф является общим наследием ариев и составляет часть традиционных знаний всех народов, принадлежащих к этой семье.

Отсюда возникла и классическая сказка о крестьянине, которого укусила муха, когда он спал. Он вскочил, в ярости убил насекомое и только потом обнаружил, что крохотное создание разбудило его, чтобы он мог спастись от змеи, свернувшейся рядом с его подушкой.

В сборнике «Анвар-и-Сугаили» тоже есть подобная сказка. У царя был любимый сокол. Однажды во время охоты он наполнил свой кубок водой, которая капала со скалы. Когда же он поднес его к губам, сокол бросился на него и перевернул кубок крыльями. В ярости царь убил птицу и только потом обнаружил, что вода на самом деле была ядом, вытекавшим из пасти змеи.

Та же история с некоторыми вариациями появляется у Эзопа, Элиана и Афтония. В греческой версии крестьянин освободил орла из когтей дракона. Дракон выпустил яд в воду, которую этот человек собирался выпить, благодарный же орел перевернул его чашу крыльями.

В Египте история принимает причудливую форму. Некий вали однажды разбил кувшин, наполненный травами, которые собрал повар. Разозлившись, тот набросился на исполненного благих намерений несчастного человека и избил его, а когда вернулся, обнаружил среди трав в разбитом кувшине ядовитую змею.

Как много у этой маленькой истории братьев, сестер, кузенов и дальних родственников! И как мало сказок, которые мы слышим, может похвастаться своей исключительностью. Едва ли найдется история, которую я не могу связать с целым семейством мифов и чье происхождение я не могу установить с большей или меньшей точностью. Шекспир брал сюжеты для своих пьес из произведений Боккаччо или

Страпаролы, но эти итальянские авторы тоже не сами сочинили те истории, которые позаимствовал у них английский драматург. История короля Лира не берет начало с Гальфрида Монмутского, а происходит из раннеиндийских сборников преданий. Оттуда же появляется и Венецианский купец, фунт плоти и – о да! – сам случай с тремя ларцами.

Но кто поверит, если только это не будет подтверждено убедительными фактами, что Джонни Сэндс является наследием всех народов, принадлежащих к арийской семье, и что Любопытный Том из Ковентри подглядывал еще в Индии и татарских степях за века до рождения Леди Годивы?

Если вы смотрели «Травиату» в театре, то видели перед собой историю, которой уже много столетий и которая, возможно, родилась в Индии.

Если вы читали классический миф об Орфее, зачаровывающем луга и леса, зверей и птиц при помощи своей волшебной лиры, то вспомните, что видели то же самое в «Калевале» у финского Вяйнямёйнена и у Калевипоэга в эстонском эпосе.

Если вы обратитесь к английской истории и прочтете, что Вильгельм Завоеватель, достигнув британского берега, опустился на колени и поцеловал землю, сказав, что пришел заявить о своих правах, то вспомните такую же историю о Наполеоне в Египте, короле Олаве, сыне Харольда, в Норвегии и Юнии Бруте, вернувшемся от оракула.

В суссекской газете я прочел статью, описывающую историю, которая произошла в определенное время в Льюисе. Вот она. Муж-тиран запер дверь, когда жена была в гостях у соседки, пила чай и сплетничала. Когда же она вернулась и попросила открыть ей, он заявил, что не знает, кто она такая. Она пригрозила броситься в колодец, если он ее не пустит.

Муж, не подозревая, что она может исполнить эту угрозу, отказал ей, ссылаясь на то, что он уже в кровати, а ночь прохладная. После этого он полностью отрекся от знакомства с леди, требующей открыть ей. Тогда жена бросила палку в колодец, а сама притаилась за дверью. Мужчина же, услышав всплеск, подумал, что его супруга и впрямь прыгнула в колодец, и выскочил из дома в пижаме, чтобы посмотреть, что случилось. В тот же момент его жена бросилась в дом, заперла дверь и на требования мужа впустить его совершенно серьезно ответила, что она его не знает.

Я могу уверенно заявить, что, если только события в мире не повторяются по кругу, эта история случилась вовсе не в Льюисе или в любом другом городе Суссекса.

Ее поведали «Римские деяния» несколько столетий тому назад, а также, возможно, ее рассказывали за много веков до этого в Индии, ибо она встречается в коллекциях сказок, записанных на санскрите.

Глава 7

Люди с хвостами

Я помню, как, будучи маленьким мальчиком, поразился, узнав от своей девонширской няни, что у всех жителей Корнуолла есть хвосты. Прошло много лет, прежде чем я перестал относиться с предубеждением к своим корнуолльским соседям. Тех, кто проживает на реке Теймар, я считал странноватыми, как будто не совсем христианами, и уж, во всяком случае, точно не имеющими отношения к нормальным бесхвостым девонширцам. Впервые осознание того, что меня, похоже, ввели в заблуждение, забрезжило после разговора с неким достойным книготорговцем из Л., с которым я очень подружился, – он внес весомый вклад в оформление моего альбома. Помню, как однажды я решился заговорить на эту деликатную тему с моим хвостатым другом, к которому я испытывал большую симпатию, несмотря на его маленький недостаток.

– Мистер Х., это правда, что вы из Корнуолла?

– Чистая правда, дружок, я родился и вырос в этом славном графстве.

– Вы мне очень нравитесь, но... У вас на самом деле есть хвост?

Когда книготорговец вновь обрел дар речи, он с негодованием опроверг мое предположение.

- Но вы же корнуоллец?
- Конечно да!
- А у всех корнуолльцев есть хвосты!

В конце концов я нашел объяснение, которым и удовлетворился: этот добрый человек просто отсидел свой хвост, и тот отвалился. Моя няня подтвердила, что именно так и происходит с людьми, которым приходится много сидеть.

Любопытно, что суеверные девонширцы приписывали этот недостаток именно уроженцам Корнуолла, поскольку, согласно более древнему преданию, подобным «придатком» обладали жители Кента. Если верить Полидору Вергилию, так их наказал Господь за оскорбление, нанесенное Томасу Бекету. «Были такие, – говорит он, – кто считал, что король втайне мечтает избавиться от Томаса. И ему как человеку, впадшему в немилость, выказывали такое неуважение – нет! даже презрение, – что, когда он прибыл в Струд, деревню, что расположена на реке Медуэй, воды которой орошают Рочестер, жители ее, желая оскорбить Томаса, отрезали хвост у его лошади. Однако поступок этот покрыл несмываемым позором самих нечестивцев, поскольку с тех пор, по воле Господа, потомки их рождались с хвостами, подобно скотам. Однако с течением времени эта всем известная мерзкая отметка исчезла, поскольку исчезли с лица земли те, чьи предки совершили этот поступок».

Джон Бэйл, ревностный преобразователь церкви, бывший епископом Оссори во времена Эдуарда VI, упоминая об этой легенде, также отмечает, что имеется несколько ее вариантов. Вот что он пишет: «Джон Капгрейв и Александр из Эссеби говорят, что в наказание за то, что они бросали рыбы хвосты в Августина, люди из Дорсетшира с той поры сами рождаются с хвостами. Но, согласно Полидору, так Бог наказал жителей селения Струд, что в Кенте, возле Рочестера, за то, что они обрезают хвост у лошади Томаса Бекета. Так или иначе, но эти лживые легенды закрепили за Англией дурную славу страны, где живут люди с хвостами, хотя они не могут даже определиться, жителей какого графства наградить этой сомнительной честью». Бэйл, горячий и неистовый реформатор, не особенно стеснясь в выражениях, позволяет себе употребить по отношению к авторам этих легенд слова довольно резкие: «Этими якобы священными легендами они опозорили все грядущие поколения англичан, как говорилось ранее. Англичанин не может уже высоко держать голову, когда ему приходится путешествовать в другие страны по торговым или иным делам, поскольку за ним тянется оскорбительный слух, будто у всех англичан есть хвосты. Вот какую отвратительную репутацию создали нашей стране эти ленивые и глупые увальни, монахи и священники, которые, дабы возвеличить своих так называемых святых, не нашли ничего лучше, кроме как распространять лживые грязные слухи».

Эндрю Марвелл тоже не обошел вниманием эту странную историю. В одной из строчек его стихотворения «Верный сын Шотландии» мы находим слова: «За Бекета Кент всегда будет иметь хвост».

Бейли в своем «Словаре» под заголовком «Кентские длиннохвостые» поместил статью, в которой попытался все обвинения в хвостатости переложить на жителей Дорсетшира, столь же чувствительным к этому вопросу оказался и Ламбард, автор «Прогулки по Кенту». Визйра, известный португальский проповедник, утверждает, что у Сатаны не было хвоста до свержения его с небес; хвост появился потом, «как ясный знак того, что он перестал быть ангелом и пал до уровня зверя».

Стоит вспомнить и лорда Монбоддо, шотландского судью XVIII века и достаточно известного философа, хотя и довольно оригинального толка. Согласно его убеждению, у человека должен быть хвост, хвост – это его недостающее, и неестественно резкое окончание позвоночника без этого продолжения является ужасным недостатком в строении человека. Хвост – это то, в чем человек уступает животным; это замечательный показатель эмоционального состояния; с его помощью можно прекрасно выразить возмущение или симпатию. А как чудесно он отражает такие движения души, как страх или радость! Но лорд Монбоддо не принял во внимание тот факт, что для животного хвост – то же самое, что для

человека глаза, и отсутствие одного восполняется другим. Я по взгляду отличу гордеца так же безошибочно, как если бы он прошествовал мимо с надменно задранным хвостом, и зрительные приспособления человека могут так же ясно выражать гнев, как встопорченный хвост кота. Труса легко узнать по бегающим глазам, хотя он и не зажимает хвост между ног, и совершенно не обязательно махать этим отростком, выказывая удовольствие, – это чувство всегда читается во взгляде.

Доктор Джонсон, во время своего визита, нанес серьезный урон теории Монбоддо о том, что все люди должны иметь хвосты и действительно время от времени рождаются с ними, приведя следующий аргумент: «Сэр, с наглядным доказательством не поспоришь; коль скоро существуют люди с хвостами, предъявите нам одного, и дело с концом». И далее: «Весьма прискорбно, что лорд Монбоддо, столь умный и высокообразованный человек, предлагает публике подобные идеи. Если бы это сделал глупец, в том не было бы беды, мы бы лишь позабавились, но когда это делает человек умный, остается только сожалеть. Многим присущи странности, но людям свойственно не выносить их на всеобщее обозрение. Если у человека есть хвост, он, как правило, прячет его; однако лорд Монбоддо гордится своим хвостом, словно белка». И тем не менее Джонсона, похоже, долго не отпускала идея Монбоддо, что именно хвост может рассматриваться как то, чего недостает человеческой природе для полного совершенства. Во время своего путешествия по шотландскому высокогорью он познакомился с юным помещиком Колом, и тот произвел на него самое благоприятное впечатление. Он пишет: «Кол – благородное животное. Он самый совершенный образец жителя острова, который только можно вообразить. Он фермер, моряк, охотник, рыболов; если уж кто и имеет хвост, то это Кол». И, несмотря на свое отвращение к каламбурам, великий доктор однажды все-таки поддался вполне понятной человеческой слабости, развеселившись при упоминании имени лорда Монбоддо. В письме к миссис Трейл он рассказывает о званом ужине, на котором ему довелось побывать. Перечисляя гостей, он пишет: «Были Смелт, епископ Сент-Эсафа, который не пропускает ни одного подобного мероприятия, сэр Джошуа, а также лорд Монбоддо. Не без *хвостовства* могу добавить, что я пребывал в окружении нескольких сказочно прекрасных дам».

Есть польская сказка о ведьме, которая сделала из человеческой кожи пояс и положила его у порога дома, где была свадьба. Как только жених и невеста перешагнули через него, они тотчас же превратились в волков. Спустя три года ведьма разыскала их и набросила на них платья, сшитые из вывернутого наружу меха. Тогда они вновь обрели человеческий облик. Но к несчастью, платье жениха оказалось ему мало и не закрыло его хвоста. Поэтому, когда к нему возвратилось его настоящее обличье, волчий хвост так и остался на своем месте, и это передалось по наследству всем его детям; так что все поляки, которые родились с хвостами, являются прямыми потомками того самого жениха, с которым случилась эта маленькая неприятность. Джон Страйс, голландский путешественник, побывавший на острове Формоза в 1677 году, рассказывает любопытнейшую историю, которую мы здесь процитируем.

«До того как я посетил этот остров, – пишет он, – мне не раз приходилось слышать байки о людях, имеющих, подобно животным, длинные хвосты. Однако я никогда не верил в них, считая такие выдумки абсолютно чуждыми человеческой природе, и я оставался бы в этом убеждении и по сей день, если бы однажды не стал свидетелем и участником странного происшествия. Обитатели острова Формоза привыкли к нам и вели себя так, что у нас не возникало повода остерегаться их; мы чувствовали себя в безопасности и осмелели настолько, что бродили по острову без сопровождения. Однако случай доказал нам, как горько мы ошибались. Как-то раз во время прогулки один из нас имел неосторожность отдалиться от остальных не более чем на расстояние брошенного камня; мы не заметили этого, увлекшись беседой. Спустя некоторое время его отсутствие все же было обнаружено, и компания остановилась, думая, что он вскоре присоединится к нам. Подождав немного, мы решили вернуться к тому месту, где видели его последний раз. К нашему ужасу, мы нашли его растерзанное тело лежащим на земле, и, судя по характеру повреждений, ему не

пришлось долго мучиться перед смертью. Часть людей осталась сторожить тело, остальные же отправились на поиски убийцы. Не успели они отойти далеко, как натолкнулись на человека весьма странной наружности, который, поняв, что он окружен и сбежать не удастся, пришел в страшную ярость и истуканными выкриками и жестами дал нам понять, что заставит любого, кто осмелится прикоснуться к нему, пожалеть об этом. Но постепенно его отчаянная злоба иссякла, и наши люди, державшиеся на расстоянии, смогли к нему приблизиться и наконец схватили его. Он признался в том, что убил нашего товарища, однако нам не удалось добиться вразумительного ответа на вопрос, почему он это сделал. Поскольку преступление было отвратительным, и, останься оно безнаказанным, могло бы повлечь за собой не менее ужасные последствия, решено было сжечь этого человека. Его привязали к столбу и держали там до казни. Именно тогда я увидел вещь, в которую никогда бы не поверил, если бы не увидел ее собственными глазами. У него был хвост, длиной не менее фута, покрытый рыжей шерстью и очень напоминавший коровий. Когда он заметил, как удивлены были мы, европейцы, при виде этого хвоста, то пояснил, что придаток этот являлся следствием жаркого климата и что все жители южной части острова, в которой мы находились, обладали таковыми».

После Страйса Хорнеман также отмечал, что между заливом Бенин и Абиссинией живут имеющие хвосты каннибалы, которых местные называют ньям-ньям, а в 1849 году Декуре, вернувшись из Мекки, подтвердил его слова, добавив, что эти люди обладают также длинными руками, низкими и узкими лбами, длинными, заостренными ушами и худыми ногами.

Харрисон в своей работе «Эфиопское нагорье» упоминает о том, что среди абиссинцев распространено мнение, будто существует племя пигмеев с подобными чертами.

Арно и Весьер, путешественники, исследовавшие ту же страну, в 1850 году сделали доклад на эту тему для Академии наук.

В 1851 году де Кастельно в отчете об экспедиции, направленной на поиски этого народа, пишет: «Люди племени ньям-ньям спали на солнце, воины Хауса подкрались к ним и напали, перебив всех до одного. У людей этого племени были гладкие хвосты длиной около 40 сантиметров и сантиметра 2—3 в диаметре. Среди убитых было несколько женщин, обладавших такими же отростками. Во всех других отношениях они ничем не отличаются от остальных представителей негроидной расы. Кожа их глубокого черного цвета, зубы отполированы, тела не татуированы. Они вооружены дубинками и копьями, во время сражения издают пронзительные крики. Возделывают кукурузу, рис и другие зерновые. В целом они довольно привлекательны, и волосы у них не курчавые».

Д' Аббади, еще один путешественник, побывавший в Абиссинии, записал в 1852 году со слов абиссинского священника следующее: «На расстоянии пятнадцати дней пути к югу от Харрара есть страна, где живут люди, имеющие хвосты длиной с ладонь, покрытые шерстью, которые расположены в окончании позвоночника. Я лично видел человек пятнадцать из них, и могу засвидетельствовать, что хвост дан им от природы. Женщины этого племени очень красивы и хвостов не имеют».

Нетрудно заметить разночтения между свидетельствами де Кастельно и д' Аббади: согласно первому, у женщин есть хвосты, второй утверждает, что нет. По словам де Кастельно, хвост является гладким, д' Аббади же говорит, что он покрыт шерстью.

Доктор Вулф устранил это несоответствие во втором томе его «Путешествий и приключений» (1861): «В Абиссинии встречаются женщины и мужчины, у которых есть хвосты, как у собак или лошадей». Также Вулф пишет, что слышал от многих абиссинцев и армян (и он убежден в том, что это чистая правда), будто в Абиссинии живут люди — и мужчины, и женщины — с огромными хвостами, ударами которых они способны сбить с ног лошадь; подобных же людей можно встретить недалеко от Китая. И далее в примечаниях: «В Хирургическом колледже в Дублине до сих пор хранится скелет человека с хвостом длиной семь дюймов! В природе часто встречаются подобные случаи, например в племени, обитающем на Борнео».

Но самое интересное и подробное описание людей из племени ньям-ньям приводит доктор Хубш, работавший врачом в больнице Константинополя. Он пишет: «В 1852 году я впервые увидел негритянку с хвостом. Я был поражен этим зрелищем и принялся расспрашивать ее хозяина-работоторговца. От него я узнал, что в глубине Африканского континента обитает племя, называющееся ньям-ньям, у всех членов которого есть подобный отросток. По уверениям работоторговца, имевшего восточную склонность к преувеличению, иногда тот достигает двух футов в длину. Тот, что видел я, был гладким и безволосым. Он был около двух дюймов длиной и заострен на конце. Эта женщина была черной, как эбеновое дерево, с курчавыми волосами; зубы ее были белыми и широкими и заметно выдавались вперед, клыки подпилены; глаза налиты кровью. Ела она сырое мясо, одежда приводила ее в беспокойство; по уровню интеллекта она не отличалась от всех остальных.

Хозяину не удавалось продать ее в течение шести месяцев, несмотря на назначенную им весьма низкую цену. Причина этого крылась вовсе не в ее хвосте, как можно было подумать, а в пристрастии к человеческому мясу, которое она была не в силах побороть. Люди ее племени питались взятыми в плен представителями других племен, с которыми постоянно воевали.

Как только один член племени умирает, родственники, вместо того чтобы похоронить тело, разрезают его на куски и устраивают себе пиршество. Неудивительно, что кладбищ у ньям-ньям нет. Не все из них ведут кочевой образ жизни, некоторые строят себе хижины из веток. Они изготавливают орудия для возделывания земли и ведения войны, выращивают кукурузу и пшеницу и держат скот. У племени есть свой язык, довольно примитивный, с вкраплениями некоторых арабских слов.

Они не признают никакой одежды и заботятся лишь об удовлетворении своих животных желаний, совершенно не имея понятия о морали. Беспорядочные связи и кровосмешительство являются обычным делом. Самый сильный становится вождем племени, именно он распределяет между остальными полученную на войне добычу. Трудно сказать, придерживаются ли ньям-ньям какой-нибудь религии; по всей видимости, нет, так как они с готовностью перенимают любую, которую им проповедуют.

Приручить их трудно, поскольку инстинкт заставляет их постоянно искать человеческой плоти. Известны случаи, когда рабы убивали и съедали детей, за которыми им было поручено присматривать.

Мне довелось видеть мужчину из этого племени, у которого тоже имелся хвост, длиной около полутора дюймов, с несколькими редкими волосками. Это был человек хорошего сложения, крепкий, лет тридцати пяти на вид, с иссиня-черной кожей. Он обладал тем же самым необычным строением челюсти, уже описанным выше, а именно: его зубы сильно выдавались вперед. Все четыре клыка при этом были подпилены.

Я знаю одного врача в Константинополе, чей сын тоже родился с хвостом длиной около дюйма. Мальчику два года, и он принадлежит к европеоидной расе. Известно, что его прадед обладал таким же придатком. На Востоке это считается признаком нечеловеческой силы».

Примерно десять лет назад в одной газете была опубликована заметка о том, что в городе Ньюкасл на Тайне родился мальчик с хвостом длиной дюйм с четвертью. Утверждалось, что ребенок повилывает им от удовольствия, когда сосет материнскую грудь.

Согласно преданию североамериканских индейцев, изначально люди были созданы с длинными и красивыми хвостами, покрытыми гладкой блестящей шерстью. Они восхищались ими, раскрашивали в разные цвета и украшали бусами и ракушками. В те времена на земле царили мир и согласие, люди не знали войн. Они впали в гордыню и забыли о своем Создателе. Тогда, чтобы научить их смирению и напомнить им, что они зависят от Великого Духа, Он наслал на них кару. Он отнял у людей хвосты и сделал из них женщин, которые, как говорят кикапу, теперь всюду следуют за мужчинами, игривые и подвижные.

И все же, несмотря на эти многочисленные свидетельства в пользу существования

женщин и мужчин, имеющих хвосты, я продолжаю сомневаться. Сдамся я лишь тогда, когда *homo caudatus* , или человек хвостатый, будет пойман и предъявлен мне.

Глава 8

Антихрист и папесса Иоанна

С древнейших времен верующие ожидали пришествия Антихриста со страхом и душевным трепетом. С торжественной скорбью и вниманием изучали они те места в Святом Писании, где рассказывалось о дне гнева Господня, чтобы встретить его во всеоружии. Если события, происходившие в мире, совпадали с признаками, свидетельствующими о приближении Антихриста, людей охватывал ужас, который подхлестывал их воображение. Возникало множество легенд, в которые верили безоговорочно.

Прежде чем начать рассказ об этих причудливых историях, оказавших столь сильное влияние на умы людей в Средние века, стоит вспомнить, что же говорили раннехристианские богословы о библейских пророчествах, связанных с приходом этого последнего притеснителя Церкви. Многие ученые мужи того времени, основываясь на пророчестве Иакова, считали, что Антихрист должен произойти из колена Данова: «Дан будет змеем на дороге, аспидом на пути»¹⁷. Также они принимали во внимание восклицание умирающего патриарха, смотрящего на своего сына Дана: «На помощь твою надеюсь, Господи!», как если бы это колено долгое время переносило страдания, ниспосланные Богом, но все напрасно, и надежды не осталось. Намек на это можно найти и в Откровении Иоанна Богослова (глава 7): когда ангелы кладут печать на чела рабов Господа, из каждого колена они отмечают по двенадцать тысяч человек, но из колена Дана не был запечатлен никто, словно Господь отступился от него.

Мнения о природе Антихриста разделялись. Некоторые, и в их числе Ипполит, полагали, что это – Сатана, принявший облик человека. Другие думали, что это будет

¹⁷ Автор ссылается на Книгу пророка Иеремии, 8: 16, однако это цитата – Бытие, 49: 17. (Примеч. пер.)

Сатана, воплотившийся в человеке, то есть истинный человек и истинный дьявол, ужасающая бесовская пародия на Воплощение Господа нашего. Третьи говорили, что это будет страшный человек, абсолютно падший, действующий по дьявольскому наущению, подобно тому как святые действуют по слову Божию. Святой Иоанн Дамаскин подчеркивает, что Антихрист будет не воплощенным дьяволом, а человеком: «Не сам диавол сделается человеком, подобно тому как вочеловечился Господь... Но родится человек от блудодеяния и примет на себя все действия Сатаны, ибо Бог, предвидя будущее развращение его воли, попустит диаволу поселиться в нем». Если рассматривать Антихриста в этом ключе, то он мог иметь многих предшественников. Святой Иероним и Блаженный Августин видели Антихриста в Нероне, но не самого его, а одного из тех, о ком говорит апостол: «...появилось много антихристов...» Таким образом, любой гонитель христианской веры, подобный Диоклетиану, Юлиану Отступнику или пророку Мухаммеду, расценивался как предтеча Антихриста, в котором соединятся жестокость Нерона и Диоклетиана, притворная добродетель Юлиана и гордыня Мухаммеда.

Сатана будет владеть им с детства и готовить его к службе себе. Он даст ему хитрость, жестокость и гордость. Антихрист не будет исповедовать открытое безбожие, а станет показывать мнимое благочестие и в то же время отрицать основы христианской веры, то есть ее божественное происхождение и власть. Он подвергнет сомнению то, что Иисус является плотью от плоти Господа, признавая в нем лишь выдающегося человека, проповедовавшего людям высокие истины, чистоту помыслов и добродетель, но слишком увлеченного и ошибавшегося, как все люди.

В конце времен, однако, «в храме Божиим сядет он, как Бог, выдавая себя за Бога», и увидят все «мерзость запустения, стоящую на святом месте». В это же время возникнет ужасный союз между Антихристом, имеющим власть над всем миром, и христианской церковью; священнослужитель самого высокого сана или весь епископат примкнет к стану неверующих и начнет притеснять избранных. Здесь как будто просматривается странная связь между папой римским и Человеком греха, Блудницей, Зверем и Священником, предшествующим им. Человек греха и Зверь, несомненно, тождественны и указывают на власть Антихриста над миром, в то время как Блудница и Священник являются символами отступничества Церкви. Однако это не имеет отношения к Римско-католической церкви, скорее, наоборот.

Как «мерзость запустения» может воцариться в храме, где все наполняет душу любовью к Христу и заставляет думать о небесном блаженстве, мне непонятно. Откровение Иоанна Богослова следует толковать от противного; человеку, не знакомому с этим законом, выражение «мерзость запустения» могло бы прийти на ум скорее при посещении шотландского пресвитерианского храма или голландского кальвинистского. Рим не выступает против жертвоприношения и не требует его отмены. Скорее это свойственно так называемым реформаторам Церкви, которые, не признавая таинства евхаристии и пресуществления хлеба и вина в истинные Тело и кровь Христовы, почти уничтожили само понятие поклонения Богочеловеку. Рим не отрицает силы веры в Бога, а упорно настаивает на ней. Скорее в других конфессиях, где любому позволено веровать или же отвергать, что он захочет, мы должны искать влияние духа Антихриста в действии. Однако не будем вдаваться в подробности, область нашего исследования – мифология, а не теология.

Во времена Антихриста, говорят древние толкователи, Церковь разделится: часть ее объединится с мирской властью, другая же останется верной своему единственному Пастырю и пойдет прежним путем. Много будет неверующих, Церковь будет переживать времена глубочайшего духовного упадка, но в то же время пользоваться небывалой поддержкой светской власти. Религия будет основываться не на догматах, а на принципах нравственности. Это даст возможность Человеку греха распространять свое учение. Согласно святому Ансельму, обладая красноречием, мудростью и прекрасным знанием Святого Писания, он станет добиваться ниспровержения его догматов. Он будет щедр, ибо ему станут доступны неизмеримые богатства, сможет совершать великие «знамения и

чудеса», чтобы «прельстить... и избранных». В конце концов он откроет людям свое ужасное истинное лицо; время его правления составит три года, и гонения и преследования, которым он подвергнет Святую Церковь, в жестокости превзойдут все, что ей приходилось переживать до этого.

В эти страшные годы смятения истинная вера почти угаснет. «Когда придет Сын Человеческий, найдет ли он веру на земле?» – вопрошает Господь наш, словно ожидая отрицательного ответа. И тогда корабль Церкви поглотят волны безбожия, и он исчезнет во тьме той разрушительной бури, что пройдет по всей земле, «солнце затмится, луна перестанет светить, и звезды падут с небес». Имеется в виду, что солнце веры закатится, луна, то есть Церковь, не будет более светить людям, поскольку гонители утопят ее в крови, и звезды, великие духовные ценности, будут низвергнуты. Но Церковь все же не погибнет; она переживет бурю и восстанет, «прекрасная, как луна, и грозная, словно войско, ошестинившееся знаменами», ибо после трех с половиной лет правления Антихриста явится Иисус, чтобы отомстить за пролитую кровь святых и сокрушить Антихриста и его господство.

Так, в общих чертах, толковали приход Антихриста во времена раннего христианства и в Средние века. Теперь рассмотрим, к возникновению каких мифов в умах простых, необразованных людей это привело. Рабан Мавр в своем труде, посвященном жизни Антихриста, приводит полный список чудес, которые тот совершит. Согласно ему, враг человеческий исцелит недужного, воскресит мертвого, вернет зрение слепому, слух глухому и речь немому; он будет поднимать бури и успокаивать их, передвигать горы, по слову его будут цвести и увядать деревья. Он восстановит Храм Иерусалимский и сделает Святой Город великой столицей мира. Считалось, что источником его неисчислимых богатств будут найденные сокровища, которые до поры хранят от людей демоны. Многие одержимые дьяволом на допросах показывали, что это так и что размеры клада неописуемы.

«В 1559 году, – рассказывает Моро, историк того времени, – по Европе с удивительнейшей быстротой распространились слухи, будто в Вавилоне родился Антихрист и что евреи тех земель уже спешили туда, дабы поклониться ему и признать его своим Мессией. Известие это пришло из Италии и Германии, вскоре оно достигло Испании, Англии и других западных королевств и встревожило многих людей, даже самых разумных. Тем не менее люди образованные не поверили в него, говоря, что знамения, которыми, согласно Священному Писанию, должно быть отмечено это событие, еще не свершились, что, в числе прочих, Римская империя пока не исчезла. Другие возражали, что, насколько известно, многое из предсказанного уже произошло, а что до остального, то оно могло случиться в отдаленных областях, и об этом пока еще не знают; что Римская империя существует лишь на словах, а место в Писании, где говорится о ее разрушении, могло быть истолковано неверно; что многие века самые ученые и набожные люди верили в скорый приход Антихриста, и многие считали, что он уже явился, судя по преследованиям, которым подвергаются христиане, другие указывали на пожары, затмения или землетрясения... Все были взбудоражены, некоторые объявляли эту новость истинной правдой, другие не верили в нее вовсе, и волнение, охватившее всех, было так велико, что король Генрих IV, правивший в то время, был вынужден даже издать указ, запрещающий всякое упоминание этого предмета».

Новость, о которой рассказывает Моро, получила еще одно подтверждение из уст некоей одержимой: она сообщила, что в 1600 году в окрестностях Парижа Человек греха появился на свет от еврейки по имени Бланшфлер, зачавшей от Сатаны. Ребенка окрестили в Субботу Волхвов, и ведьма призналась под пытками, что она качала новорожденного Антихриста на коленях, что на ногах у него когти, он не носит башмаков и говорит на всех языках.

В 1623 году появилось следующее поразительное заявление, которое немедленно начали обсуждать люди низших сословий: «Мы, братья ордена Святого Иоанна Иерусалимского с острова Мальта, получили письма от наших шпионов, которые, согласно

нашим указаниям, несут службу в земле вавилонской, ныне находящейся во владении Великого Турка. В упомянутых письмах сообщают нам, что 1 мая в год 1623-й от Рождества Господа нашего Иисуса Христа в городе Буридоте, иначе называемом Калкой, поблизости от Вавилона, от матери неизвестной расы, очень старой женщины по имени Фортуда, родился ребенок. Об отце его ничего не известно. Ребенок смугл, рот и глаза его приятны, зубы заострены, как у кошки, уши велики, в росте он заметно превосходит всех других детей. Ребенок этот ходит и говорит. Речь его понятна каждому, что убеждает людей, будто он настоящий Мессия и Сын Божий и что в него нужно уверовать. Наши шпионы клятвенно уверяют, что видели этого ребенка собственными глазами, и добавляют, что, будто в подтверждение его чудесного происхождения, в небесах появились необыкновенные знамения: солнце, будучи в зените, потеряло яркость и на некоторое время затмилось». Далее следовало перечисление других чудес, самыми замечательными из которых являются рой летящих змей и дождь из драгоценных камней.

Согласно Себастьяну Михаэлису, рассказавшему об этом в труде об одержимых во Фландрии, изгоняемые бесы утверждали, что Антихрист является сыном Вельзевула, который будет повсюду сопровождать своего отпрыска в образе птицы с четырьмя лапами и головой быка, что он подвергнет христиан тем же пыткам, каким подвергаются падшие души в аду, что он будет обладать способностью летать, говорить на всех языках и иметь множество имен.

Антихрист так же хорошо известен мусульманам, как и христианам. Лейн в своем издании сказок «1001 ночь» приводит любопытные подробности представлений мусульман о нем. Согласно им, Антихрист объедет землю верхом на осле, и за ним будут следовать 40 000 евреев; его царство продлится сорок дней, из которых первый будет длиться год, второй – месяц, третий – неделю, остальные же будут обычными. Он опустошит весь мир, оставив нетронутыми только Мекку и Медину, поскольку эти святые города будут охранять ангельские легионы. В конце Христос сойдет на землю и в великой битве сокрушит Антихриста.

Писатели, принадлежащие к различным религиозным конфессиям, не менее суеверные, чем простой народ, связывали явление Антихриста с легендой о папессе Иоанне. Некоторое время назад она считалась историческим фактом, однако современным ученым удалось, в конце концов, доказать, что это не более чем миф.

Впервые о папессе Иоанне упоминает Анастасий Библиотекарь, ее современник (ум. 886), следом за ним Мариан Скот, в чьей «Хронике» мы находим следующие слова: «Год 854-й от Рождества Христова, Иоанна, женщина, стала преемником Льва и правила два года пять месяцев и четыре дня». Мариан Скот умер в 1086 году. Та же история нашла место в ценнейшей хронике Сигеберта из Жамблу (ум. 5 октября 1112): «Говорят, что этот Иоанн был женщиной и что она зачала от одного из своих слуг. Папесса, забеременев, родила ребенка, и по этой причине некоторые не называют ее в числе понтификов». Эта легенда распространилась среди всех средневековых хронистов, которые были большими плагиаторами. Оттон Фрейзингенский и Годфрид Витербосский также упоминают женщину-папу в своих хрониках. Мартин Польский говорит следующее: «После Льва IV Иоанн, уроженец Меца, папствовал два года пять месяцев и четыре дня. И папский престол пустовал месяц. Он умер в Риме. Рассказывают, что этот папа был женщиной. В юном возрасте она сопровождала своего возлюбленного в Афины, переодевшись в мужское платье; там она преуспела в различных науках, и никто не мог сравниться с ней. После того как она проучилась три года в Риме, большие ученые стали ее слушателями и учениками. В городе ее очень уважали за добродетель и глубокие знания и в конце концов единодушно избрали на папский престол. Но во время своего папства она зачала. Не зная, когда должны были произойти роды, она родила дитя прямо на улице во время шествия от собора Святого Петра к Латерану где-то между Колизеем и церковью Святого Климента. После этого она умерла и, говорят, была похоронена на этом самом месте, и поэтому папа всегда избегает этой дороги, как полагают некоторые, из отвращения к случившемуся здесь. По этой же причине ее не

включили в список святых понтификов, не только из-за ее пола, но также из-за мерзости произошедшего».

Конечно, в этой скандальной истории «молва растет на ходу».

О папессе упоминают также Уильям Оккам, Томас Элмхам (1422) и Ян Гус. Последний с готовностью подхватывает эту историю и даже награждает даму именем – он утверждает, что ее окрестили Агнессой. Другие хронисты настаивают на том, что ее звали Гильбертой. Некоторые особенно ярые патриоты Германии, отвергающие саму мысль о том, что папесса могла родиться в их стране, стараются «подсунуть» ее Англии. В период Реформации немецкие и французские протестанты с жадностью набрасываются на эту легенду, украшая ее, в меру своей фантазии, прелестными подробностями и делая из нее не слишком лестные для Римско-католической церкви выводы. Свои сочинения они иллюстрируют гравюрами весьма наглядными и живыми, но едва ли пристойными. На одной из них описываемое событие изображено в довольно своеобразной и поразительной манере. За папой в полном облачении и тиаре следует торжественная процессия епископов, несущая свечи и хлеб, как вдруг слуга, идущий впереди папы и несущий крест, в испуге отшатывается от него, поскольку у того неожиданно начинаются роды. Эту гравюру, воспроизвести которую мне не под силу, я обнаружил в небольшой любопытной книжке 1530 года.

Стефен Бланш в своих «Чудесах города Рима» рассказывает, что незадолго до этого события папессе Иоанне явился ангел и предложил ей выбор: вечно гореть в аду или родить при всем народе. Проявив здравый смысл, делающий ей честь, папесса избрала второе. Протестантов, судя по всему, не устраивала версия, по которой отцом несчастного ребенка был простой слуга, некоторые приписывали эту честь кардиналу, а иные даже самому Сатане. Согласно одному выдающемуся голландскому священнику, не имеет значения, кто именно являлся отцом дитяти, Сатана или монах; в любом случае первый проявлял живейший интерес к новорожденному Антихристу. Видели, как он по случаю рождения Человека греха кувыркался в воздухе, издавал радостные возгласы и неприятным голосом распевал странные строки:

*Papa pater patrum, Papissæ pandito partum
Et tibi tunc eadem de corpora quando recedam! 18*

Поскольку это, по всей вероятности, единственные известные стихи, сочиненные самим дьяволом, стоило привести их на этих страницах.

Перед деятелями эпохи Реформации стояла нелегкая задача: чтобы устранить нестыковки во времени, нужно было либо передвинуть даты так, чтобы папесса Иоанна оказалась их современницей, либо признать, что юному Антихристу исполнилось уже семьсот лет.

Очевидно, что папа, разрешившийся от бремени во время торжественного шествия, в праздничном папском облачении – случай в мировой истории уникальный и имеющий важнейшее значение; вряд ли подобное могло произойти несколько раз.

Если посмотреть на одну любопытную гравюру, воспроизведенную на фронтисписе книги Баттисты Мантуанского, становится ясно, что автор приговорил папессу Иоанну к адским мукам, несмотря на сделанный ею в свое время выбор.

Едва ли нужно доказывать, что легенда о папессе Иоанне является выдумкой от начала до конца и не подтверждается никакими историческими свидетельствами. Возможно, она была придумана греческими церковными деятелями, чтобы бросить тень на папство. Впервые об этой истории заговорили через двести лет после предполагаемого пребывания папессы Иоанны на престоле. Даже Мартин Польский (1282), который первым сообщает нам

¹⁸ О папа, отец отцов, знай же, что женщина-папа родила дитя! После я открою тебе час, когда покину это тело! (Примеч. пер.)

некоторые ее подробности, просто пересказывает то, о чем говорили все.

Правдивость этой легенды горячо отстаивали протестанты XVI века. Отличаясь полной беспринципностью, они представляли историю в том свете, который был для них выгодным, искажая при этом факты и переворачивая события с ног на голову. По поводу легенды о папессе развернулась настоящая бумажная война, и в конце концов она была признана абсолютно несостоятельной. Печальным примером слепого разделения взглядов своих сторонников является Мосхайм, который, считая эту нелепую историю правдой, совершенно серьезно помещает ее в свою «Церковную историю». «Между Львом IV, который скончался в 855 году, и Бенедиктом III женщина, скрывшая от всех свой пол и принявшая имя Иоанн, благодаря своим знаниям и способностям заняла папский престол и в течение некоторого времени правила Церковью. Обычно ее называют папесса Иоанна. За последующие пять веков были найдены многочисленные доказательства истинности этого необыкновенного случая, и никто, вплоть до Реформации Церкви Мартином Лютером, не считал его невероятным или позорящим Церковь». Эти слова Мосхайма показывают, насколько можно доверять его мнению. В его «Церковной истории» встречается множество примеров искажения очевиднейших фактов, приведенный выше является лишь одним из них. Он пишет, что в течение пяти последовавших за ее правлением столетий обнаружили бесчисленные доказательства; между тем в течение вот уже двух столетий ученые не могут найти никаких упоминаний об этом, кроме общеизвестного фрагмента, вставленного в текст «Жизнеописания пап» Анастасия Библиотекаря. Эта поздняя вставка появилась только в первом печатном издании 1602 года, и сохранились всего две рукописные копии.

Утверждение Мосхайма о том, что до Реформации никто не усомнился в том, что легенда о папессе была правдой, также лишено оснований. Оно продиктовано желанием любым возможным способом уязвить католическую церковь. Бартоломео Платина в своих «Жизнеописаниях пап», написанных еще до рождения Мартина Лютера, изложив эту историю, добавляет: «События, о которых я рассказал, взяты мною из источников, не вызывающих доверия. По этой причине я изложил их кратко и без подробностей, только чтобы не сочли, будто я намеренно и упорно обхожу вниманием то, во что верят многие». Таким образом, мы видим, что Платина совершенно справедливо сомневается в достоверности истории, основанной на слухах и не подкрепленной никакими фактами. Анастасий Библиотекарь, являющийся современником обсуждаемых нами событий, – первый, на кого ссылаются в доказательство того, что папесса все же существовала. Однако его свидетельство также вызывает серьезное сомнение. Не во всех рукописях трудов Анастасия содержится эта легенда. Панвинио, автор дополнений к «Жизнеописаниям пап» Платины, уверяет, что «в старых книгах, рассказывающих о папах римских, написанных Дамасием, Анастасием Библиотекарем и Пандульфом из Пизы, эта женщина не упоминается. Эта история записана другим автором на полях между описанием жизни Льва IV и Бенедикта III, почерк которого отличается».

Блондель, известный протестантский писатель, говорит, что он исследовал рукопись Анастасия в Королевской библиотеке в Париже, и то, в каком виде изложена там история папессы Иоанны, убедило его, что это поздняя вставка. Он сообщает: «Перечитывая эту рукопись снова и снова, я понял, что свидетельство об этой папессе записано со слов Мартина Польского, пенитенциария папы Иннокентия IV, и архиепископа Козенцы, который жил через четыреста лет после Анастасия и которому еще больше была присуща склонность к такого рода сказкам». Свой вывод он делает на основании следующих фактов: стиль больше напоминает слог Мартина Польского, чем Библиотекаря; также отрывок некоторым образом вмешивается в повествование, напоминая неуклюже вставленный кусок. В словах Льва IV и Бенедикта III, изложенных в рукописи, хранящейся в Королевской библиотеке и содержащей легенду о папессе, встречаются те же выражения, что и в майнцком издании. Из этого следует, что, согласно замыслу Анастасия, который осквернили те, кто смешал с ним свои досужие байки, совершенно невозможно, будто между Львом IV и Бенедиктом III правил еще один папа, поскольку он говорит: «После того как прелат Лев покинул этот мир,

все духовенство, знать и народ Рима сразу же поспешили избрать папой Бенедикта, немедленно к нему обратились, помолившись в церкви Святого Калликста и передав ему папский престол, подписали указ о его избрании и послали его к непобедимым правителям Лотарю и Людовику; первый из них скончался 29 сентября 855 года, всего через семьдесят четыре дня после смерти папы Льва».

Бейль в своем «Историческом и критическом словаре» в статье о папессе Иоанне пишет: «Если бы мы обнаружили в рукописи утверждение, что император Фердинанд II скончался в 1637 году и что ему сразу же наследовал Фердинанд III, а также что Карл VI наследовал трон после Фердинанда II и правил в течение двух лет, после чего императором был избран Фердинанд III, то у нас были бы основания утверждать, что оба этих заявления не могут принадлежать одному и тому же автору. Мы были бы вынуждены признать, что утверждения, противоречащие друг другу, следует отнести на счет ошибки переписчика, не так ли? Разве не назвали бы мы глупцом человека, заявившего, что после того, как умер Иннокентий X, его сразу же сменил Александр VII, а потом сказавшего, что Иннокентий XI стал папой сразу после Иннокентия X и возглавлял Церковь около двух с половиной лет, а Александр VII наследовал ему? Мы должны заключить, что такую глупость допустил Анастасий Библиотекарь, если его перу принадлежат строки о папессе Иоанне, которые содержатся в рукописях его трудов. Мы, однако, склоняемся к мысли, что упоминание об этой женщине внесено в его работу кем-то другим позже».

Сарран, образованный человек и ревностный протестант, придерживается той же точки зрения об этой легенде. Он обосновывает свое мнение следующим: рукопись Анастасия изначально не содержала свидетельства о папессе Иоанне, поскольку оно предваряется словами «рассказывают, что...» или «нам говорили, что...», а человек, бывший современником тех событий и проживавший в Риме, не стал бы их употреблять.

Еще один автор, на которого ссылаются, когда речь заходит о папессе Иоанне, это Мариан Скот. Он был монахом в монастыре Святого Мартина в Кельне, затем в Фульде и, наконец, в монастыре Святого Альбана в Меце. Где он мог раздобыть достоверную информацию или прочитать соответствующие документы? Слова, которыми он описывает это событие в своей «Хронике», отличаются в разных рукописях: в одних этот факт просто упоминается, в других история основывается на утверждениях, в третьих этого отрывка вообще нет. Похоже, что история папессы Иоанны является позднейшей вставкой. Затем идет Сигеберт из Жамблу, который умер в 1122 году. Имеются убедительные доказательства того, что это место в его «Хронике» является подделкой. Рукопись Сигеберта, которая была написана либо его рукой, либо переписчиком, не содержит никаких сведений о папессе Иоанне. В нескольких других ранних копиях их тоже нет. Гийом де Нанжи, чья хроника датируется 1302 годом, переписал и вставил в нее более раннюю хронику Сигеберта. Копия, которой воспользовался Гийом де Нанжи, должно быть, не содержала того отрывка, который мы обсуждаем, так как его нет и в труде самого Гийома. Соответственно, остается только Мартин Польский (ум. 1279), которого от описываемых им событий отделяют четыре столетия.

Исторические несоответствия слишком бросаются в глаза, чтобы не принимать их во внимание. История выглядит более чем сомнительной.

Лев IV умер 17 июля 855 года, а Бенедикт III был рукоположен 1 сентября того же года. Невозможно вставить между их сроками пребывания на папском престоле еще один срок, длившийся два года пять месяцев и четыре дня. Правда, существовал еще антипапа, которого избрали после смерти Льва по настоянию императора Людовика, но его звали Анастасий. Он поселился в папском дворце и сумел добиться заключения Бенедикта в тюрьму. Однако сторонники Анастасия почти сразу же покинули его, и папство получил Бенедикт. Правление Бенедикта продлилось всего два с половиной года, поэтому Анастасий не мог быть предполагаемой папессой Иоанной. Также ничего не известно о каких бы то ни было обвинениях в его адрес, что он якобы был женского пола. Но ярые приверженцы

историчности папессы Иоанны утверждают, ссылаясь на «Аугсбургские анналы»¹⁹ и другие более поздние источники, что папой-женщиной был Иоанн VIII, даровавший благословение на царство французскому Людовику II и английскому Этельвольду. И снова возникает путаница. Этельвольд послал Альфреда в Рим в 853 году, и юноша получил помазание на царство от Льва IV. В 855 году Этельвольд посетил Рим, однако правящим на тот момент папой благословлен не был, в то время как Карл Лысый был помазан на царство Иоанном VIII в 875 году. Иоанн VIII родился в Риме и являлся архидиаконом Вечного города. Он получил папский престол в 872 году и занимал его до 18 декабря 882 года. Во время нашествия сарацинов Иоанн VIII всеми силами старался помочь Церкви справиться с бедами, постигшими ее; до наших дней дошло 325 его писем, адресованных правителям и духовенству того времени.

Итак, вот суть этой легенды, вызвавшей так много споров и обсуждений, в том виде, в каком ее представляют немецкие и французские протестанты.

Иоанна была дочерью английского проповедника, покинувшего свою страну, чтобы нести Слово Божие недавно обратившимся в христианство саксонцам. Она родилась в Ингельхайме; различные авторы утверждают, что при крещении ей дали имя Агнесса, Герберта, Иоанна, Маргарита, Изабелла, Доротея или Джуд – последнее, несомненно, было прозвищем! С ранних лет она отличалась любовью к учебе и недюжинными способностями. Юный монах из монастыря Фульды воспылил к ней страстью, которую она так же пылко разделила. Переодевшись в мужское платье, она покинула отчий дом и укрылась в стенах монастыря Фульды, где с одинаковым рвением предавалась любви с молодым монахом и изучала заплесневевшие книги, хранившиеся в монастырской библиотеке. Не сумев примириться со строгостями жизни в обители и находя недостаточным количество ученых трудов в библиотеке, она сбежала со своим возлюбленным из монастыря и, посетив Англию, Францию и Италию, остановилась в Афинах. Там она полностью посвятила себя изучению столь интересовавших ее наук. Монах, измученный долгими странствиями, скончался на руках той, что погубила его душу, и юная леди, у которой так много имен, некоторое время была безутешна. Она оставила Афины и обосновалась в Риме. Здесь она открыла школу и вскоре своей образованностью и притворным благочестием завоевала такое уважение и любовь горожан, что после смерти Льва IV ее единогласно избрали папой. В течение двух лет и пяти месяцев она занимала папский престол под именем Иоанна VIII, и никто не догадывался о том, что она – женщина. Но, увлекшись одним кардиналом, она забеременела от него. Наступил праздник Вознесения Господня, и пришло время торжественных шествий, посвященных ему. Двигаясь в процессии примерно между амфитеатром и церковью Святого Климента, она вдруг ощутила родовые схватки и, корчась от боли, упала на землю прямо среди толпы. С помощью служек она разродилась сыном. Некоторые говорят, что и мать, и дитя умерли прямо там, другие рассказывают, что она осталась жить, но была заключена в тюрьму, третьи считают, что ребенка похитил Сатана, чтобы воспитать из него Антихриста. На месте, где все это случилось, был воздвигнут мраморный монумент, изображающий папессу, которую объявили проклятой во веки веков, и ее дитя.

Лично я не сомневаюсь в том, что папесса Иоанна является олицетворением великой блудницы из Откровения, сидящей на семи холмах, а также что она воплощает собой идею, весьма популярную в XII—XVI столетиях, будто при папском дворе непостижимым образом поселилось зло. Скандал, связанный с антипапами, чрезмерная приверженность к мирским удовольствиям и гордыня некоторых пап, а также единение их с сильными мира сего на фоне предсказания из Откровения о том, что отпрыск блудницы будет править Великим городом и о связи блудницы с Антихристом, вылились в этот причудливый миф, подобно тому, как невозможность однозначно истолковать слова Иисуса «Истинно говорю вам: есть некоторые из стоящих здесь, которые не вкусят смерти, как уже увидят Сына Человеческого, грядущего

¹⁹ Эта хроника была написана в 1135 г.

в Царствии Своем» вызвала к жизни легенду о Вечном жиде.

Существует множество книг об Антихристе. Я назову только несколько наиболее любопытных работ на эту тему. Труды святого Ипполита и Рабана Мавра уже были упомянуты мной; к ним можно добавить Коммодиана, написавшего *Carmen Apologeticum adversus Gentes*, опубликованную Питрой в его *Spicilegium Solesmense* с предисловием, посвященным традиционным еврейским и христианским представлениям, связанным с Антихристом. *De Turpissima Conceptione, Nativitate, et aliis Præsagiis Diaboliciis illius Turpissimi Hominis Antichristi* – таково название небольшой удивительной книги, опубликованной Ленуаром в 1500 году. Грубоватые, но доходчивые и запоминающиеся гравюры изображают рождение, жизнь и смерть Человека греха; каждая сопровождается пояснением в стихах на французском языке. Не менее занимательна и знаменитая иллюстрированная *Liber de Antichristo*, блочная книга раннего времени. Она состоит из двадцати семи томов; это огромная редкость. Дибден воспроизвел три иллюстрации в своей *Bibliotheca Spenseriana*, а Фалькенштайн подробно изложил ее содержание в «Истории книгопечатания».

Есть чудесная пасхальная пьеса XII века «Жизнь и смерть Антихриста», сохранившаяся до наших дней. Еще более причудливо сочинение XVI века «Прodelки Антихриста и трех женщин» – в то время Антихрист занимал все умы. Фарс представляет собой сцену в рыбной лавке, где три добрые женщины ссорятся из-за рыбы. Появляется Антихрист (причина этого появления остается загадкой), опрокидывает рыбу, инициирует драку между женщинами и исчезает. Самый лучший, на мой взгляд, труд об Антихристе, наиболее полный и отличающийся трезвостью суждений, – это двухтомник Мальвенды «Об Антихристе» (Лион, 1647).

О легенде, связанной с папессой Иоанной, рассказывается у Ленфана в «Истории папессы Иоанны» (Гаага, 1736).

Глава 9 Человек на Луне

Всем известно, что на луне живет человек с вязанкой хвороста за спиной, который был изгнан туда много веков назад. Он так далеко, что его не может достать даже смерть.

Если верить детскому стишку, один раз он все-таки навестил землю:

Человек с луны,
Долетев до земли,
Спросил дорогу в Норидж.

Однако добрался он до этого города или нет, данный источник не сообщает.

Няни рассказывают, что однажды Моисей застал этого человека собирающим хворост в

субботний день, и за это преступление последний был обречен жить на луне до скончания времен. При этом они ссылаются на Библию: «Когда сыны Израилевы были в пустыне, нашли человека, собиравшего дрова в день субботы; И привели его нашедшие его собирающим дрова к Моисею и Аарону и ко всему обществу; И посадили его под стражу, потому что не было еще определено, что должно с ним сделать. И сказал Господь Моисею: должен умереть человек сей; пусть побьет его камнями все общество вне стана. И вывело его все общество вон из стана, и побили его камнями, и он умер, как повелел Господь Моисею».²⁰

Разумеется, в Священном Писании нет и намека на луну.

А вот немецкая сказка.

Как-то давным-давно в воскресенье пошел старый дровосек в лес за дровами. Он нарубил целую охапку, привязал ее к толстой палке, забросил ее на плечо и побрел со своей ношей домой. По дороге он встретил красивого человека в воскресном костюме, который шел в церковь. Этот человек остановил дровосека и спросил его: «Знаешь ли ты, что на земле сейчас воскресенье, день, когда мы должны отдыхать от трудов?» – «Воскресенье на земле или понедельник на луне, мне все равно!» – рассмеялся дровосек. «Так пусть же ты всегда будешь нести свою вязанку, – сказал незнакомец, – и если ты не ценишь воскресенье на земле, отправляйся на луну и оставайся там навечно, как предупреждение всем, кто нарушает праздничный день». Произнеся эти слова, незнакомец исчез, а дровосек со своей вязанкой и палкой оказался на луне, где и остается по сей день.

Судя по всему, это очень древнее германское предание, потому что полную луну немцы называют wadel, или wedel, то есть «вязанка». Согласно Тоблеру, этому дровосеку предоставили выбор: сгореть на солнце или замерзнуть на луне. Он выбрал луну, и теперь в полнолуние мы можем видеть его там, сидящим со своей вязанкой дров за спиной.

В области Шаумбург-Липпе тоже есть легенда, рассказывающая, что на луне навсегда остались женщина и мужчина. Он – в наказание за то, что забрасывал колючими ветками ежевики и боярышника тропинку, ведущую к церкви, чтобы люди не смогли прийти на воскресную службу, а она – за то, что сбивала в этот день масло. Так они и стоят – он с вязанкой колючек, а она со своей маслобойкой. Похожие сказки рассказывают в Швабии и Марке. Фишарт говорит, что «на луне можно увидеть карлика, который воровал дрова», а Преториус в своем описании мира отмечает: «Суеверные люди считают, что темные пятна на луне – это не что иное, как человек, собиравший хворост в субботний день и превращенный за это в камень».

Северные фризы рассказывают, что однажды в рождественский сочельник, когда все загаданные желания исполняются, один человек украл капусту с огорода своего соседа. Когда он уже уходил с добычей, его застали на месте преступления. Люди, схватившие его, пожелали, чтобы вор оказался на луне. Там он и находится до сих пор, вечно держа в руках капусту, и в полнолуние мы можем увидеть его. Говорят, что каждое Рождество он поворачивается. Другие рассказывают, что этот человек украл вязанку ивовых прутьев, которую он обязан теперь нести вечно.

На острове Зюльт говорят, что он воровал овец, подманивая их капустой. В назидание всем его отправили на луну, где он и сейчас стоит с охапкой капусты в руках.

Жители Рантума считают, что на луне живет великан, и можно видеть, как во время прилива он стоит нагнувшись и вбирая в себя воду, которую потом выливает опять на землю – так наступает полная вода. Зато во время отлива он стоит прямо, пока он отдыхает, вода успевает вновь опуститься.

В голландском варианте незадачливого вора поймали при краже овощей. Данте же называет лунного жителя Каином:

²⁰ Числ., XV: 32—36.

Но нам пора; коснулся рубежа
Двух полусфер и за Севильей в волны
Нисходит Каин, хворост свой держа,
А месяц был уж прошлой ночью полный.²¹

И снова:

Но что, скажите, означают пятна
На этом теле, вид которых нам
О Каине дает твердить превратно?²²

Чосер в «Завещании Крессиды» упоминает Человека на луне и также связывает его появление там с воровством. Он говорит, что на груди леди Синтии, или луны, нарисован крестьянин, несущий на спине вязанку хвороста, который за свою кражу вынужден был забраться так высоко.

Ритсон в своих «Старинных песнях» приводит некий отрывок из рукописи, которую мистер Райт относит к временам Эдуарда I, но язык там довольно невнятный. В первом стихе, в более современном изложении, говорится примерно следующее:

Лунный человек стоит на луне,
Держа на палке свою ношу,
Странно, что он не свалился с луны,
Боясь упасть, он все время трясется.
* * *

Когда холодно, он должен мерзнуть,
Колючие ветки рвут его платье,
Вокруг же него нет ни души,
Никто не освободит его от ноши.

Александр Некам, писатель XII века, говорит о пятнах на луне следующее: «Знаете ли вы, что именно они называют крестьянином, несущим на спине вязанку хвороста? Простолюдины говорят:

Посмотри на крестьянина на луне,
На то, как вязанка тянет его вниз,
Этот хворост напоминает нам:
Воровство никогда не приводит к добру».

О том же человеке упоминает Шекспир в комедии «Сон в летнюю ночь». Плотник, давая пояснения к пьесе «Пирам и Фисба», говорит: «Кто-нибудь должен войти с кустом и с фонарем и объяснить, что он фигурирует, то есть изображает лунный свет».²³

И далее исполнитель этой роли произносит: «Все, что я должен сказать, это вот что: только объяснить вам, что фонарь – это луна, а я – человек на луне; этот терновый куст – мой

²¹ Данте Алигьери. Божественная комедия: Ад, Песнь XX / Перевод М. Лозинского. (Примеч. пер.)

²² Данте Алигьери. Божественная комедия: Рай, Песнь II.

²³ Перевод Т. Щепкиной-Куперник. (Примеч. пер.)

терновый куст, а эта собака – моя собака».²⁴

А также в «Буре» (акт 2, сцена 2):

«К а л и б а н. Не с неба ли ты сошел?

С т е ф а н о. Вот именно, с луны свалился. Я ведь был лунным жителем в свое время.

К а л и б а н. Я видел тебя на луне и обожаю тебя. Моя хозяйка мне показала и тебя, и твою собаку, и твой куст».²⁵

На собаку я обратил внимание, рассматривая старую девонширскую крону. И если, согласно народным поверьям, на луне обитает собака, то на солнце в таком случае живет ягненок, так как жители этого графства уверяют, что человек, наблюдавший восход солнца в день Пасхи, может увидеть его там.

Идея связать оба небесных светила с животными представляется мне очень древней, возможно, это является отголоском ранних верований ариев.

В церкви в Гиффине, возле Конуэя, есть очень древнее изображение уже знакомого нам нарушителя субботы. Крыша алтаря разделена на несколько частей. На четырех из них грубовато, но узнаваемо нарисованы символы евангелистов, рядом с которыми в каждой части имеются изображения небесных светил. Солнце, луна и две звезды помещены у ног ангела, тельца, льва и орла. Луна изображена вот таким образом:

Мы можем видеть условное изображение человека с вязанкой хвороста на спине, но без собаки. Также существует весьма интересная печать, приложенная к документу, хранящемуся в Государственном архиве:

²⁴ Перевод Т. Щепкиной-Куперник. (Примеч. пер.)

²⁵ Перевод Т. Щепкиной-Куперник. (Примеч. пер.)

Документ относится к девятому году правления Эдуарда III (1335). Это акт передачи жилого дома, амбара и четырех акров земли в приходе Кингстон на Темзе от Уолтера де Грендесса его матери Маргарет. На печати изображен человек, несущий вязанку хвороста; его окружает полумесяц и пара звезд, добавленных, судя по всему, для большей наглядности. Девиз на печати гласит: «Я расскажу тебе, Уолтер, почему я несу хворост на луне».

Не могу не упомянуть резную деревянную вывеску заведения «Человек на луне», что на Уичстрит на Стрэнде – довольно редкий образец, одна из тех, которые раньше подвешивались, а теперь вделываются в стену. Перечислю вкратце еще несколько случаев, когда упоминается лунный житель. Согласно греческой мифологии, фигура на луне принадлежит Эндимиону, возлюбленному Селены, которого она страстно прижимает к груди. По мнению египтян, это изображение младенца Хора во чреве его матери Исиды. У Плутарха можно найти трактат «О лике, видимом на диске луны». Климент Александрийский утверждает, что это лицо сивиллы.

Итак, подведем итог всему вышесказанному. Согласно распространенной легенде, на луне можно увидеть изображение человека. Это некий вор или же нарушитель субботы²⁶; на плече он держит толстую палку, на которой подвешена вязанка хвороста или, возможно, колючих веток. По одной версии рядом с ним находится собака, по другой – женщина с маслбойкой в руках.

В существование Человека на луне, судя по всему, верят коренные жители Британской Колумбии. Этот вывод я сделал из письма господина Дункана к Церковному Миссионерскому Обществу: «В одну из очень темных ночей мне сказали, что на пляже сейчас можно посмотреть на луну. Придя туда, я увидел огромный лунный диск, вылепленный из воска с большим искусством, с изображенным на нем человеком. Луна пока еще была полной. Был отлив, и диск установили у самой кромки воды и подожгли. Зрелище впечатляло. Невозможно было ничего разглядеть вокруг, но индейцы верят, что в этот момент знахари разговаривают с человеком на луне. Через некоторое время луна растаяла, и

²⁶ Хебель в своем чудесном стихотворении о Человеке на луне из сборника «Алеманские стихи» делает его одновременно и вором, и нарушителем субботы.

участники религиозной церемонии с радостными криками разошлись по домам».

Теперь давайте обратимся к скандинавской мифологии и посмотрим, что можно почерпнуть отсюда.

Мани, месяц, украл двоих детей у их родителей и унес на небо. Детей звали Хьюки и Биль. Они доставали воду из источника Бюргир ведром Сэг, подвешивали его к коромыслу Симуль и несли на плечах. Дети, ведро и коромысло попали на небо, «где их можно видеть с земли». Шведские крестьяне и по сей день считают, что пятна на луне – это мальчик и девочка, несущие подвешенное на коромысле ведро воды. Нельзя не вспомнить английский детский стишок:

Джек и Джилл под гору шли
И ведро воды несли,
Джек упал, ведро сломал,
А Джилл скатилась следом.

Хотя эти стихи и кажутся бессмысленными на первый взгляд, я убежден, что они имеют очень древние корни и восходят к упомянутым эддическим героям, Хьюки и Биль. На это указывают сами имена: Хьюки довольно близко к Джеку, а для того, чтобы дать другому ребенку женское имя, а также для благозвучия, Биль превращается в Джилл.

Падение Джека и следующее за ним падение Джилл явно означают исчезновение одного за другим пятен на луне, когда она убывает.

Но скандинавская легенда не просто объясняет, откуда взялись пятна на луне, она имеет более глубокое значение.

Имя Хьюки происходит от глагола *jakka*, обозначающего «нагромождаться, собираться, увеличиваться», а имя Биль от глагола *bila* – «распадаться, исчезать». Хьюки и Биль, соответственно, олицетворяют прибывание и убывание луны, а вода, которую они несут, символизирует дожди, а также их зависимость от фаз луны. Таким образом, персонифицируются не только прибывание и убывание луны, но и чисто метеорологическая связь между луной и осадками, которая представлена детьми, несущими воду.

Но, хотя Джек и Джилл и без того постепенно утратили связь с луной, легенда изменилась еще больше, приобретя новую форму, в которой она существует и по сей день. Норвежские суеверия стали связывать с луной идею воровства, и вскоре простые люди начинали верить, что на луне можно различить именно фигуру вора. Любой скажет, что пятна на луне напоминают изображение человека, но только обладающий крайне богатым воображением сможет разглядеть там двоих. Девочка с течением времени вообще исчезает из легенды, мальчик становится заметно старше, палка сохраняется, а ведро превращается в краденые дрова или овощи. В некоторых местах воровство заменяется нарушением субботы, особенно в тех странах, где основной религией является протестантство и людям знакома библейская история о человеке, собиравшем дрова.

Индийская легенда также представляет определенный интерес, поскольку существует связь между европейской мифологией и индийской, что связано с их общими арийскими корнями.

Согласно буддийской легенде, сам Шакья-Муни в одном из своих ранних воплощений был зайцем и водил дружбу с лисой и обезьяной. Однажды Индра, чтобы проверить добродетель Бодхисатвы, принял облик старика и попросил у друзей поесть. Заяц, обезьяна и лиса кинулись искать какую-нибудь пищу для гостя. Лиса и обезьяна вскоре вернулись с добычей, но заяц не смог найти ничего. Чтобы не обидеть старика негостеприимством, заяц развел костер и сам бросился в огонь, чтобы послужить угощением для него. В награду за такое самопожертвование Индра забрал зайца на небо и поселил его на луне.

Таким образом, этот миф связывает зайца, старика и луну подобно тому, как у Шекспира соединяются человек с вязанкой хвороста и собака.

Легенда опирается на название луны на санскрите, *śaśin*, то есть «отмеченная зайцем».

Однако трудно сказать, что послужило первоисточником: легенда, от которой и произошло слово *ṣaṣīn*, или же наименование луны, на котором основывается легенда.

Из этой легенды берет свое начало и другая история, изложенная под названием «Заяц и Слон» в «Панчатантре», древнейшем сборнике сказок на санскрите. Это первая сказка в третьей книге. Я имею возможность лишь вкратце изложить ее содержание.

Хитрый заяц

В одном лесу жил могучий слон, вожак стаи, по имени Клыкастый. Случилось так, что пришла долгая засуха, и все водоемы, озера, пруды и болота пересохли. Тогда слоны решили послать отряд на поиски воды. Один молодой слон нашел большое озеро, окруженное деревьями и изобиловавшее всякими водяными птицами. Его называли Лунное озеро. Слоны, обрадовавшись, что теперь смогут иметь сколько угодно воды, со всех ног ринулись туда и увидели, что все их самые чудесные мечты оказались правдой. Вокруг озера было множество заячьих нор, и, когда слоны бросились к воде, они передавили своими громадными ногами несметное количество зайцев и переломали все их жилища. Когда стадо ушло, несчастные окровавленные зайцы приковывали к озеру, неся на себе тела своих погибших родственников и причитая о своих разрушенных домах. Со слезами они вскричали: «Горе нам! Слоны снова вернутся, потому что нигде в округе больше нет воды, и тогда всем нам придет конец!»

Но мудрый и осторожный Длинноухий вызвался навсегда отвратить слонов от озера, и преуспел в этом. Вот что он сделал. Он отправился к слонам и, определив, кто из них царь, обратился к нему со словами:

– Ха-ха! Дурной слон! Что привело тебя к этому священному озеру? Немедленно убирайся отсюда!

Царь слонов, услышав такие речи, в изумлении спросил:

– Скажи мне, кто ты?

– Мое имя Видшаджадатта, я – заяц, живущий на луне, – ответил Длинноухий. – Я пришел к тебе как посол его величества Луны, и говорю сейчас с тобой от его имени.

– Хм! Заяц! И какое же послание ты принес от его величества Луны? – спросил слон, несколько потрясенный.

– «Сегодня ты причинил большое зло зайцам. Разве тебе неизвестно, что они мои подданные? Если тебе дорога твоя жизнь, не смей снова появляться у озера! А если ты осмелишься нарушить мое повеление, я перестану светить и ваши тела днем и ночью будет пожирать солнце!»

После некоторого размышления слон произнес:

– Друг мой! Это правда. Сегодня я совершил преступление против подданных его величества Луны. Я хотел бы попросить у него прощения. Как мне сделать это?

– Пойдем со мной, и я покажу тебе, – сказал заяц.

– Где теперь его величество? – спросил слон.

– Он сейчас в озере, выслушивает жалобы несчастных искалеченных зайцев, – ответил заяц.

– Тогда отведи меня к моему господину, чтобы я мог засвидетельствовать свою покорность его воле и умиловить его, – смиренно попросил слон.

Заяц привел царя слонов к озеру и показал ему отражение луны в воде, сказав:

– Вот он стоит, наш повелитель, в середине озера, погруженный в медитацию. Поклонись же ему с благоговением и быстро удались.

Слон опустил свой хобот в воду и стал возносить молитвы. От этого поверхность озера покрылась рябью и отражение луны заколебалось.

– Смотри! Его величество гневается на тебя, он дрожит от ярости! – воскликнул заяц.

– Чем же я вызвал его гнев? – спросил слон.

– Ты замутил воду! Поклонись ему и уходи!

Слон опустил уши, склонил до земли огромную голову и, принеся величайшие извинения за доставленные его величеству неприятности, пообещал непрестанно бранящему его зайцу никогда больше не тревожить Лунное озеро. Затем он удалился, и с тех пор зайцы жили там мирно и счастливо.

Глава 10 Гора Венеры

Голая и безлюдная, словно бы проклятая, гора Хёрзельберг возвышается над цветущими землями между городами Айзенах и Гота. Издали она напоминает огромный каменный саркофаг, в котором волшебным сном спит и будет спать до скончания времен чудесный и загадочный мир.

Высоко над землей на северо-западном склоне горы в отвесной скале открывается вход в пещеру, называемую Хёрзельлох. Из глубины ее доносится приглушенный рев воды, как будто подземный поток бурлит там, яростно ворочая мельничные жернова. Вот слова Бехштейна: «Стоя в одиночестве на гребне горы, после напрасных поисков расщелины, я вдруг услышал под ногами сильный шум, похожий на звук падающей воды, и, спустившись по крутому откосу, внезапно понял, что непонятно как оказался у самого входа в пещеру» (1835).

Если верить тюрингским летописям, в давние времена можно было слышать ужасные крики и стоны, доносящиеся из пещеры, а по ночам оттуда раздавались дикие вопли и взрывы сатанинского хохота, вселяя ужас в жителей долины. Ходили слухи, что в пещере находился вход в чистилище, и многие ошибочно считали, что название *Hörsel* происходит от *Hore, die Seele!* – «Души, внимайте!».

В то же время существовало предание, что там, в недрах горы, расположилась Венера, языческая богиня любви, со своим двором и со всей присущей ей роскошью и разнузданностью. Были люди, которые видели в глубине пещеры очертания прекрасных женщин, манивших их к себе, и слышали пробивающуюся сквозь грохот потока волшебную музыку. Некоторые смельчаки, очарованные сладостными звуками и обольстительными красавицами, входили в пещеру, но никто не возвращался назад, кроме Тангейзера, о котором речь пойдет чуть позже. И до сих пор гора Хёрзельберг больше известна как Венусберг, или Гора Венеры. Название это часто упоминается в Средние века, однако не всегда уточняется, где гора находится.

«В 1398 году в полдень в воздухе внезапно возникли три огромных языка пламени, слились в один огненный шар, затем вновь разделились и скрылись в горе Хёрзельберг», – сообщает тюрингская хроника.

А теперь обратимся к истории Тангейзера.

В один прекрасный день некий французский рыцарь торопился в Вартбург на состязание менестрелей, которое устраивал Герман, ландграф Тюрингии. Путь его пролегал среди живописных лугов долины Хёрзель. Имя рыцаря было Тангейзер, и он являлся знаменитым миннезингером. Он посвящал все свои баллады прекрасным дамам и пылкой любви, ибо сердце Тангейзера было полно страсти, не всегда непорочной и благочестивой.

Уже смеркалось, когда он поравнялся с горой, где находилась пещера Хёрзельлох. Проезжая мимо входа, он вдруг увидел белую и как будто мерцающую фигуру прекрасной женщины, которая манила его к себе. Тангейзер сразу узнал ее – подобной неземной красотой и совершенством лица и тела могла обладать только Венера. Когда она заговорила, в воздухе раздалась сладчайшая музыка. Ее окружало нежное розовое сияние, а прелестные нимфы рассыпали розы у ее ног. Страсть забурилась в крови миннезингера, и, бросив свою лошадь, он последовал за чудесным видением. Она повела его в пещеру. Там, где она ступала, вырастали цветы, оставляя для него благоуханный след. Он спустился за ней во дворец Венеры, таившийся в самом сердце горы.

Минуло семь лет, наполненных безудержным весельем и наслаждениями, и Тангейзер стал ощущать странную пустоту и тоску. Роскошь и великолепие дворца Венеры ему наскучили, разнообразнейшие удовольствия не приносили рыцарю радости. Он отдал бы все за глоток свежего воздуха, за кусочек звездного неба над головой, за простой полевой цветок, за звяканье колокольчика на шее овечки. Чем дальше, тем сильнее совесть начала упрекать его за совершенный грех, и он жаждал вымолить прощение у Бога. Напрасно упрашивал он Венеру отпустить его. Однажды, придя в отчаяние, он воззвал к Богоматери, и в горе вдруг открылась щель, через которую он выбрался на волю.

Каким свежим был коснувшийся его щеки утренний ветерок, напоенный чудесным ароматом горных трав! Каким нежным показался ему скромный ковер из мха и травы по сравнению с пышным дворцовым ложем! Он сорвал цветущий вереск и прижал к груди; слезы лились из его глаз, капая на исхудавшие руки. Он поднял голову к ясному голубому небу, взглянул на взошедшее солнце, и сердце его чуть не разорвалось от счастья. К чему все эти раззолоченные, усыпанные драгоценными камнями палаты, освещенные роскошными лампами, когда над головой простирается хрустальный свод небес!

Колокольный звон донесся до слуха Тангейзера, пресытившегося вакхическими песнями, и он устремился в долину, спеша на этот зов. В церкви он покался в грехах, но священник, придя в ужас от его исповеди, не решился дать ему отпущение грехов и направил к другому. Так он переходил от одного священнослужителя к другому, пока не попал к самому папе римскому. Папский престол в то время занимал Урбан IV, человек суровый и строгий. Тангейзер рассказал ему об отвратительном грехе, который он совершил, и молил отпустить его. Папа, потрясенный его рассказом, с негодованием отверг кающегося грешника, воскликнув: «Грех твой столь велик, что никогда не может быть отпущен! Скорее посох, что я держу в руке, зазеленеет и зацветет, чем Господь простит тебя!»

Мрак сгустился вокруг Тангейзера. Сломленный и опустошенный, он решил вернуться в единственный приют, который ему оставался, – на гору Венеры. Но чудо! Через три дня после его отъезда папа Урбан обнаружил, что его посох дал зеленые ростки и зацвел. Он послал гонцов вслед за Тангейзером, но, достигнув долины Хёрзель, они узнали от местных жителей, что какой-то изможденный странник, с измученным лицом и низко склоненной головой, только что вошел в пещеру Хёрзельлох. С тех пор Тангейзера больше никто не видел.

Такова печальная, но прекрасная история Тангейзера. Это очень древняя легенда, которая, как это было широко распространено, позднее получила христианское прочтение. Будучи изначально языческой, она обрела новую красоту, когда ее видоизменили, привнеся элементы христианства. В Европе рассказывают различные варианты данной легенды, но самым изящным является именно этот, о горе Хёрзельберг. Между тем в Германии имеется целый ряд вершин, известных под названием Венусберг (Гора Венеры); например, в Швабии, возле Вальдзее; еще одна возле Уфхаузена недалеко от Фрайбурга (легенда, связанная с этой Венериной горой, в точности повторяет приведенную выше), в Саксонии, подле Волькенштайна, тоже есть Венусберг. Парацельс упоминает о некоей Венериной горе в Италии, имея в виду ту, о которой Эней Сильвий говорит, что там в пещере обитает Венера или Сивилла, принимающая раз в неделю обличье змеи. Гайлер фон Кайзерсберг, чудаковатый старый проповедник, живший в XV веке, говорит о ведьмах, собирающихся на Венериной горе.

Теперь рассмотрим, какие формы принимает эта замечательная легенда в других странах. Все известные сказки разных народов имеют один и тот же корень, который достаточно легко выделить, и хотя некоторые детали и повороты сюжета могут отличаться, основная линия остается неизменной. Давно отмечено, что люди выдумывают новые истории не чаще, чем мы изобретаем новые корни слов, и это абсолютная правда. Всегда сохраняя «скелет», история тем не менее изменяется в зависимости от характера рассказчика или местных особенностей. Основная линия легенды о Горе Венеры такова.

Подземные жители жаждут союза с человеческими существами.

А. Они заманивают земного мужчину в свое обиталище, где он соединяется с подземной женщиной.

Б. Он хочет выбраться из подземелья, и ему это удастся.

В. Он возвращается в подземный мир.

Едва ли найдется фольклор, в котором нельзя было бы отыскать сказку с подобным сюжетом. Она встречается у любого народа, принадлежащего к арийской семье. Примеры можно найти среди новогреческих, албанских, неаполитанских, французских, немецких, датских, норвежских, шведских, исландских, шотландских, уэльских и многих других сказок. Вот только некоторые из них.

Существует норвежская прядь о некоем Хельги, сыне Торира, которая, в ее нынешней форме, является произведением XIV века. Хельги и его брат Торстейн отправились в путешествие в Финляндию, или Лапландию. Они пристали к берегу, поросшему лесом, и Хельги решил осмотреть его. Вдруг он увидел кавалькаду всадниц в алых одеждах на рыжих лошадях. Женщины эти, все необыкновенно красивые, были из троллей. Но прекрасней всех была их царица. Они разбили шатер и начали пир. Хельги заметил, что вся их посуда была из чистого золота и серебра. Одна из женщин, по имени Ингибьорг, приблизилась к молодому человеку и позвала его к ним. Три дня он жил и пировал с троллями, а затем вернулся на свой корабль с двумя сундуками золота, которые подарила ему Ингибьорг. Он дал слово хранить в тайне, где он был и с кем, и никому не сказал, откуда у него сундуки с золотом. Корабль отплыл, и Хельги возвратился домой.

Но однажды зимней ночью во время страшной бури два загадочных всадника явились за ним и забрали его с собой. Много лет никто не знал, что стало с Хельги, пока молитвы короля Олава не освободили его из плена. Он вернулся к своему отцу и брату, но остался навсегда слепым. Все это время он провел с женщиной в алых одеждах в ее волшебном замке Глэсисвеллир.

Шотландское предание о Томасе из Эрсилдуна очень похоже на это. Под эйлдонским дубом Томас встретил прекрасную женщину эльфийской расы, с которой он спустился в подземное царство и провел там семь лет. Затем его отпустили на землю с условием, что он вновь вернется к своей королеве, как только она призовет его. И вот однажды, когда Томас с друзьями пировал в замке Эрсилдун, прибежал изумленный и напуганный слуга и сказал, что из леса вышли олень и олениха и направляются к замку. Томас тотчас встал, покинул дом и вслед за посланниками отправился в лес, откуда больше не вернулся. Согласно преданию, он до сих пор пребывает в волшебной стране и когда-нибудь возвратится в этот мир (*Скотт. Песни шотландской границы*). Также для сравнения можно вспомнить древнюю балладу о Тэмлейне.

Дебес рассказывает историю, случившуюся давным-давно, когда жители Бергена торговали с Фарерскими островами. «В Серрааде жил один человек, которого звали Йонас Сойдеман. Злые духи продержали его в горе семь лет, и хотя он все же выбрался наружу, но провел всю жизнь в страхе, что они заберут его назад, и люди даже должны были стеречь его по ночам». У того же автора встречается упоминание о молодом человеке, которого тоже похитили, а уже после его возвращения вновь унесли, накануне его свадьбы.

У Гervазия Тильберийского мы находим историю о «высокой горе под названием Кавагум, что расположена в Каталонии. У подножия ее протекает золотonosный ручей, а поблизости от него находятся залежи серебра. Гора эта крута и неприступна. На ее вершине, вечно покрытой льдом и снегом, есть озеро, черное и бездонное. Если бросить в него камень, внезапно поднимается буря. Рядом с этим озером – вход во дворец демонов». Затем следует рассказ о юной деве, похищенной горными духами и проведеншей там семь лет. Она вернулась страшно исхудавшей и иссохшей, глаза ее блуждали, и она почти лишилась рассудка.

Есть шведская легенда в том же духе. Юношу, спешившего к невесте, прельстила прекрасная женщина из рода эльфов. Он прожил с ней сорок лет, которые для него прошли как один час. Вновь оказавшись дома, он обнаружил, что все его друзья либо умерли, либо забыли его. Не найдя себе нигде места, он вернулся в горную страну эльфов.

Рассказывают также, что в Померании некий Джон Дитрих из Рамбина, сын рабочего, провел двенадцать лет в подземном мире. Когда мальчику было восемь лет, его отправили на лето к дяде, фермеру из Роденкирхена. Там он должен был пасти коров вместе с другими мальчиками, и они часто приводили стадо к Девяти холмам. Обычно к ним присоединялся старый пастух по имени Клас Штарквольт. Он рассказывал мальчикам разные истории о подземных существах, живших в волшебной стране прямо под Девятью холмами, и Джона так увлекли эти сказки, что он уже не мог думать ни о чем другом. Как-то раз он решил спрятаться на вершине одного из холмов, где, по словам Класа, гномы собирались, чтобы потанцевать. Он лег ничком на землю и лежал неподвижно с десяти до двенадцати часов, поджидая их. Наконец часы вдалеке пробили полночь, и вдруг отовсюду появились гномы. Они танцевали и подбрасывали свои колпачки. Один колпачок упал рядом с Джоном, он поднял его и надел на голову. Сделав это, он приобрел власть над гномами. Когда раздался крик петуха, в холме открылся вход. Джон спустился вслед за гномами вниз и очутился в волшебной стране. Она была прекрасна и так велика, что можно было идти целый день в любую сторону, и дорога все не кончалась, хотя снаружи холм казался всего-навсего обычным небольшим возвышением, на котором росли кусты и пара деревьев. Там были поля и луга, холмы и озера с островками, везде росли самые разные цветы и деревья, и удивительно – чтобы попасть в другое место, нужно было как будто пройти сквозь хрустальную скалу. Некоторые поля и луга простирались на целую милю, цветы были необыкновенно красивыми и пахли очень сладко, а пение птичек было таким чудесным, что Джон раньше и представить себе не мог ничего подобного. Там не дул сильный ветер, чувствовался только легкий бриз, никогда не было жарко, всегда было светло и ясно, хотя не было видно ни солнца, ни луны. Легкие волны бились о берег, но никому не внушали страха, потому что были неопасными; а если кто-нибудь хотел переплыть озеро, к берегу тотчас же приставали прелестные лодочки, похожие на белых лебедей, которые скользили по воде сами по себе. Отчего происходили все эти чудеса, не знал никто, и слуга Джона не мог ответить на его расспросы. Правда, кое-что Джон разглядел: огромные алмазы и гранаты, вделанные в стены домов и крыши, светили здесь вместо солнца, луны и звезд. Вскоре он повстречался с маленькой девочкой, дочерью священника из Рамбина по имени Элизабет Краббин. Гномы похитили ее за несколько лет до этого. Джон и Элизабет подружились и часто гуляли вдвоем. Один раз они, должно быть, подошли совсем близко к поверхности, потому что услышали крик петуха. Как только до них донесся этот звук, они вдруг вспомнили о родном доме, о земле и захотели вернуться туда. «Все здесь прекрасно, – сказала Элизабет, – и гномы так добры к нам, но нет настоящей радости. Каждую ночь мне снятся мои родители и наш церковный двор, а я не могу войти в дом Божий и помолиться, как подобает каждому христианину. Жизнь здесь не христианская, а странная, наполовину языческая».

Но Джон не мог освободить девочку до тех пор, пока не нашел жабу, вид и запах которой был столь отвратителен гномам, что они согласились сделать все, что только пожелает мальчик, лишь бы он закопал это мерзкое существо.

Итак, Джон и Элизабет сумели выбраться из волшебной страны, унеся с собой столько золота, серебра и драгоценных камней, что этого богатства им хватило на всю жизнь. Конечно же они поженились; Джон купил половину острова Рюген, получил дворянский титул, построил и потом поддерживал деньгами новую церковь в Рамбине, которая стоит там и по сей день, и стал основателем влиятельного рода. На алтарь церкви в Рамбине он пожертвовал несколько золотых блюд и кубков, сделанных гномами, а также хрустальные туфли, которые он и Элизабет носили, когда жили в подземной стране. Но все это пропало во времена Карла XII, короля Швеции, когда остров захватили русские и казаки разграбили церкви.

В швейцарском городе Базеле в 1520 году жил сын портного по имени Леонард. Однажды он, держа в руке освященную свечу, вошел в пещеру, простиравшуюся под землей на несколько километров, добрался до заколдованного царства, где встретил прекрасную

женщину с золотой короной на голове. Однако она была женщиной лишь наполовину – ниже пояса красавица была змеей. Она одарила его золотом и серебром и умоляла трижды поцеловать ее. Леонард согласился; но ее шевелящийся хвост внушал ему такой ужас и отвращение, что он смог только два раза поцеловать ее и в страхе бежал. Потом Леонард, томимый тоской по красавице, еще долго бродил в окрестностях пещеры, пытаясь отыскать вход, но так и не нашел.

Не менее интересную историю, имеющую некоторое отношение к легенде о Тангейзере, рассказывают Иоанн Фордунский в своей «Хронике шотландской нации», Матвей Вестминстерский в своей хронике и Роджер из Вендовера в «Цветах истории». Случилось это в 1050 году в Риме во время свадьбы. Жених, юноша благородного происхождения, участвуя в праздничных увеселениях, снял с пальца обручальное кольцо, чтобы оно не мешало ему при игре в мяч, и надел его на палец статуи Венеры. Когда же он захотел забрать кольцо, то увидел, что каменные пальцы сжались в кулак и взять кольцо уже невозможно. После этого молодого человека стало преследовать наваждение: ему постоянно слышался голос богини, повторявший «Обними меня; я Венера, твоя жена; я никогда не верну тебе кольцо». Однако в конце концов с помощью священника удалось возвратить кольцо законному владельцу.

Также этот случай описан у Винсента из Бове. У Цезария Гейстербахского есть немного похожая история. Некий причетник Филип, известный некромант, по просьбе нескольких швабских и баварских юношей решил продемонстрировать им свое искусство. Он выбрал место вдали от посторонних глаз и своим кинжалом начертил на земле круг, строго-настрого запретив молодым людям выходить за его пределы, что бы ни происходило по ту сторону. Отойдя от них на некоторое расстояние, он начал читать заклинания. Вдруг юношей окружили вооруженные до зубов воины. Угрозами и бранью демоны пытались заставить их покинуть магический круг, но, потерпев неудачу, исчезли. Вместо них появились прекрасные девы. Извиваясь в соблазнительном танце, они звали к себе юношей, обещая им неземные наслаждения. Дева, превосходившая других в красоте, танцуя перед одним из юношей и не сводя с него манящего взгляда, протянула ему золотое кольцо, и он, не в силах устоять перед ее чарами, подал ей свой палец. В ту же секунду привидение схватило его и вместе со своей добычей испарилось. С большим трудом некромант все же сумел вызволить юношу у злых духов.

Подобные рассказы послужили основой для еще одной средневековой легенды, на сей раз христианской. Рыцарь, играя в мяч, снял мешавшее ему кольцо и, чтобы не потерять его, надел на палец статуи Пресвятой Девы Марии. Окончив игру, он обнаружил, что рука статуи сжата и снять кольцо нельзя. После этого рыцарь удалился в монастырь, посвятив себя служению Пресвятой Деве.

Этот мотив, в котором связываются кольцо и древняя богиня, без сомнения, позаимствован из тевтонских и скандинавских верований. В храмах Фрейя изображалась с кольцом на пальце, так же как и Торгерда Хёргабруда. В «Саге о фарерцах» излагается эпизод из жизни фарерского героя Сигмунда Брестессона. Вот он: «Они²⁷ вошли в храм, ярл распростерся перед ее статуей и долго оставался в этом положении. На статуе были богатые одежды, а на пальце блистало тяжелое золотое кольцо. Наконец ярл поднялся, дотронулся до кольца и попытался снять его, но не смог. Сигмунду показалось, будто статуя нахмурилась. Ярл сказал: «Она недовольна тобой, Сигмунд! Не знаю, в моих ли силах вымолить для тебя прощение; знаком ее расположения к тебе будет отданное нам кольцо с ее пальца». Потом ярл взял много серебра, возложил его к ногам статуи, снова пал ниц перед ней, и Сигмунд услышал его горькие рыдания. Когда же он встал, то снова попытался снять кольцо, и богиня позволила ему сделать это. Ярл передал его Сигмунду и произнес: «На благо тебе даю я это кольцо, не расставайся с ним никогда». И Сигмунд пообещал это». Это кольцо послужило

²⁷ ярл Хакон и Сигмунд

причиной смерти вождя фарерцев. Через несколько лет король Олав, который обратит Сигмунда в христианство, зная, что это кольцо является языческой реликвией, попросит отдать его. Сигмунд откажется, и король предскажет, что кольцо принесет ему смерть. Пророчество Олава исполнится: Сигмунд за это кольцо будет убит во сне.

Вне всяческих сомнений, Венера из горы Хёрзельберг, из Базеля, с Эйлдонских холмов, о которых Фордун, Винсент или Цезарий рассказывают столь причудливые сказки, – это древняя богиня Хольда, или Торгерда. К такому выводу можно прийти, прочитав эти истории.

Классический миф об Улиссе, проведшем восемь лет в плену у нимфы Калипсо на острове Огигия и потом еще год у обольстительницы Цирцеи, имеет те же корни, что и легенда о Тангейзере.

В чем значение изначальной легенды, послужившей основой для всех последующих, сейчас уже трудно сказать. Но в том виде, который она приняла в Средневековье, это явно история о борьбе старой веры с новой.

Предание о Тангейзере – это, по сути, история человека, христианина по форме, но все еще язычника в душе. Язычество прельщает его, так как оно красиво и позволяет предаваться любым страстям, не накладывая никаких запретов и ограничений. Но чувственные удовольствия не могут утолить духовной жажды.

Он тянется к христианству, и поначалу оно обещает дать ему все, чего ему так не хватало. Но, увы! Служители культа отвергают его. Как это происходит почти всегда, там, где человека должны принять, поддержать и направить, его встречает гордыня, лицемерие и бессердечность. Все хорошее, что пробудилось было в его душе, умирает, сердце ожесточается, и, отчаявшись получить утешение здесь, человек старается найти его в прежних увеселениях и пороках.

Картина печальная, но, к сожалению, верная.

Глава 11

Чистилище Святого Патрика

В очаровательном средневековом романе «Фортунатус и его сыновья» (который, кстати, является одним из сокровищ мировой мифологии) рассказывается о том, как этот весьма достойный молодой человек посетил загадочную пещеру на озере Лох-Дерг, Чистилище Святого Патрика.

Путешествуя, Фортунатус узнал о том, что в двух днях пути от города Валдрик в Ирландии находится город Верник, где расположен вход в чистилище. Он направился туда с многочисленной челядью. Там он нашел большое аббатство; в церкви за алтарем была дверь, ведущая в темную пещеру, которая называлась Чистилищем Святого Патрика. Чтобы войти туда, требовалось разрешение самого аббата. И вот слуга Фортунатуса, Леопольд, предстал пред очами аббата и доложил ему, что знатный вельможа с Кипра желает осмотреть пещеру. Аббат тотчас же попросил Леопольда передать своему хозяину приглашение отужинать вместе с ним. Фортунатус купил кувшин вина и отослал в дар монастырю; в назначенный час он явился к ужину.

«Преподобный отец, – обратился к аббату Фортунатус. – Я слышал, что здесь находится Чистилище Святого Патрика. Так ли это?»

«Да, это так, – ответил аббат. – Много веков назад на том месте, где сейчас стоят город и аббатство, была унылая пустыня. Недалеко отсюда жил в смирении и аскезе святой отшельник по имени Патрик. Однажды он обнаружил эту довольно глубокую пещеру. Он зашел в нее, но в темноте заблудился и понял, что не может найти дорогу назад. После долгих и бесплодных поисков выхода он упал на колени и попросил Господа вывести его из пещеры, если будет на то Его воля. Пока Патрик молился, он слышал доносящиеся из глубины пещеры душераздирающие стоны, как будто души вопили в Чистилище. Окончив молитву, он, с Божьей помощью, отыскал выход наружу и с того дня еще больше стал

изнурять свою плоть. После кончины Патрик был причислен к лику святых. Набожные люди, узнавшие его историю, построили на этом месте монастырь».

Фортунатус спросил, все ли, кто заходил в пещеру, слышали крики измученных душ.

«Некоторые утверждают, что слышали горестный плач и стоны, другие говорят, что ничего не видели и не слышали. Однако никто еще не сумел добраться до дальних пределов пещеры».

Тут Фортунатус попросил позволения побывать там, и аббат охотно согласился, предупредив молодого человека, чтобы он держался ближе ко входу и не забирался вглубь, поскольку были такие, кто рискнул сделать это, но так и не вернулся назад.

На следующий день рано утром Фортунатус и его верный Леопольд приняли святое причастие, дверь, ведущую в Чистилище, отперли, каждому из них дали по свече, и, с благословения аббата, оставили в крошечной темноте. Дверь за ними закрылась. Сначала до них еще доносилось еле слышное пение монахов наверху, затем, по мере того, как они удалялись от входа, оно становилось все менее слышным и вскоре прекратилось совсем. Они долго блуждали по пещере, переходя из одного коридора в другой, потеряли дорогу, свечи их догорели, и в отчаянии они опустились на землю, мучимые голодом, жаждой и страхом.

Напрасно монахи час за часом ожидали их; посетители пещеры не возвращались. Прошел день, отслужили вечерню, а их все не было. Слуги Фортунатуса начали волноваться и требовать, чтобы им возвратили их господина. Аббат был напуган. Он велел послать за стариком, сумевшим однажды пробраться очень глубоко в пещеру, привязав к дверной ручке один конец клубка, который он держал в руках. Старик вызвался отправиться на поиски Фортунатуса, и по воле провидения они увенчались успехом. После этого аббат уже никому не давал позволения входить в Чистилище.

Во времена правления Генриха II жил Генри Сальтрей, который описал паломничество рыцаря Овейна к Чистилищу Святого Патрика. Сочинение его приобрело огромную популярность. Генри был монахом бенедиктинского аббатства в Сальтрее в Хантингдоншире, а историю эту ему рассказал Гилберт, аббат из графства Лаут, который, по некоторым сведениям, также опубликовал рассказ о необыкновенных видениях, посетивших Овейна в пещере. Сочинение вскоре было переведено на другие языки и распространилось по всей средневековой Европе. Именно из него люди впервые узнали о загадочной пещере Лох-Дерга. Мария Французская была одной из тех, кто перевел это сочинение на французский язык (она изложила его в стихах); имеются также две английские версии. В одной из них происхождение Чистилища описано так. Святой Патрик, проповедовавший в Ирландии слово Божье, рассказывал народу о райском блаженстве, об адских муках и о Чистилище. Однако люди не поверили ему и потребовали, чтобы он как-нибудь подтвердил свои слова. Святой Патрик обратился к Господу с молитвой, прося дать неверующим доказательство. Тогда Господь указал ему пустыню, где находился сокровенный вход в пещеру. И сказал Господь, что тот, кто совершит паломничество в эту пещеру и сумеет провести там день и ночь, призвав на помощь свою веру, увидит многие чудеса и, когда придет его время, будет избавлен от Чистилища.

После этого святой Патрик, «не зная отдыха ни днем, ни ночью», построил на этом месте аббатство. Он сделал дверь в пещеру, запер ее, а ключ вручил настоятелю. Рыцарь Овейн, служивший королю Стефану, вел неправедную жизнь, полную грехов и пороков, но, раскаявшись, решил посетить Чистилище Святого Патрика. Пятнадцать дней он молился и раздавал милостыню, затем пошел к мессе, омылся святой водой и причастился, после чего прошел в процессии вслед за Святыми Дарами; во время ее монахи «так громко, как только могли» пели литании. Затем сэра Овейна заперли в пещере в полной темноте. На ощупь он стал двигаться вперед. Заметив брезживший вдалеке свет, он направился к нему и вышел в огромный зал. Там он увидел людей с обритыми головами, одетых в белое. Они рассказали Овейну, как защититься от злых духов. Вскоре после этого его со всех сторон окружили демоны. Они кривлялись и грозили ему. Овейн видел несколько мест, где мучаются души. Так, он видел души, которые прибывали к земле раскаленными медными гвоздями;

привязанные за волосы души, которых кусали огненные змеи; некоторых подвешивали над огнем за те части тела, которыми они грешили, других поджаривали на вертеле. Были там и ямы с расплавленными металлами; в них погружены были мужчины и женщины, кто по пояс, кто по грудь, кто под самый подбородок. Демоны стали толкать рыцаря к одной из этих ям, но он воззвал к Господу и спасся. Еще он видел озеро, где души пытали нестерпимым холодом, и реку с кипящей смолой, которую он перешел по шаткому и узкому мостику. За мостом была стеклянная стена, ворота в ней вели в рай. Это зрелище показалось Овейну столь восхитительным, что он с радостью остался бы там, пройдя через все муки, но он должен был вернуться на землю и исполнить наложенную на него епитимью. Возвращался он коротким и менее трудным путем. На следующее утро настоятель нашел его у двери, потрясенного пережитым. Позже рыцарь Овейн совершил паломничество в Святую землю и окончил свои дни в благочестии и набожности.

Перевод Марии состоит из трех тысяч строф; Легран д'Осси проанализировал его в своих «Фаблю», том IV.

Гиральд Камбрейский, описывая топографию Ирландии, упоминает и о Чистилище. Он называет остров на озере Лох-Дерг одним из главных чудес в стране. Согласно Гиральду, остров делится на две части: одна из них, та, в которой возведена церковь, светла и приятна глазу; другая же дика, непривлекательна на вид и является логовом демонов. В этой части острова, пишет он, находится девять пещер; и если какой-нибудь храбрец осмелится провести ночь в любой из них, демоны подвергнут его таким страшным мучениям, что счастьем будет, если он останется в живых. Также, пишет Гиральд, говорят, что ночь, проведенная в пещере, избавляет человека от мук Чистилища.

Жослен в жизнеописании святого повторяет эту легенду; Генри Найтон, однако, утверждает, что местоположение Чистилища открылось не Апостолу Ирландии, а аббату Патрику; с ним соглашается и Джон Бромптон. Александр Некам называет это место Чистилищем Святого Брендана. Цезарий Гейстербахский в начале XIII века писал: «Если кто-нибудь не верит в существование Чистилища, пусть отправляется в Шотландию²⁸ и посетит Чистилище Святого Патрика; все его сомнения тут же развеются». «Этой рекомендации, – сообщает господин Райт в своем интересном и во всех отношениях достойном, но несколько занудном сочинении, – часто следовали люди в том, а особенно в последующем столетии. Пилигримы из разных стран Европы, в том числе знатные и богатые, устремлялись в это священное место. Среди реестров, хранящихся в лондонском Тауэре и датированных 1358 годом, находятся свидетельства, выданные королем²⁹ в один и тот же день двум знатным иностранцам, венгру и ломбардцу, Николя де Беккари, о том, что они действительно совершили паломничество в Чистилище Святого Патрика. И позже, в 1397 году, король Ричард II дает охранную грамоту Раймону, виконту Перило, рыцарю Родоса, управляющему двором короля Франции, с двадцатью людьми и тридцатью лошадьми, чтобы он мог посетить Чистилище. Раймон де Перило, возвратившись во Францию, написал рассказ о своем путешествии на лимузенском диалекте; эти записки были переведены на латынь и использованы О'Салливаном в его «Католической истории Ибернии».

Этот рассказ очень напоминает несколько измененную историю Овейна.

Фруассар передает свой разговор с сэром Уильямом Лизлом, побывавшим в Чистилище. «Я спросил его, что это за пещера, называемая Чистилищем Святого Патрика, и правда ли то, что о ней говорят. Он ответил, что такая пещера, без сомнения, есть, поскольку он сам и другой английский рыцарь посетили ее, в то время как король находился в Дублине. Они спустились в нее с заходом солнца, провели там взаперти всю ночь и вышли только утром следующего дня. Тогда я спросил, видел ли он странные и необъяснимые вещи, о

²⁸ то есть в Ирландию

²⁹ Эдуардом III

которых столько рассказывают. Он ответил, что, как только он и его спутник вошли в пещеру, их будто бы окутал какой-то горячий пар и так странно подействовал на их головы, что они вынуждены были опуститься на каменные ступени. Посидев так некоторое время, они почувствовали, что начинают погружаться в сон, и проспали до утра. Я поинтересовался, что же они видели во сне и в каких местах пребывали. На это он ответил, что им снились чудесные сны, совсем не такие, как обычно, но, покинув с рассветом пещеру, они вскоре совершенно забыли, что же им привиделось, из чего он заключил, что все это было не более чем игрой воображения».

Следующим, кто поведал нам о своем паломничестве в Чистилище Святого Патрика, был Уильям Стаунтон из Дарема. Произошло это в 1409 году, в следующую после праздника Святого Креста пятницу. Рукопись, в которой описаны его видения, хранится в Британском музее. Большую ее часть уже процитировал в своей работе господин Райт; я же приведу только несколько отрывков, изложив их на более современном языке.

«Я вошел внутрь в сопровождении процессии; настоятель и монахи горячо молились обо мне. Меня научили молитве *Ihesu Christe, Fili Dei vivi, miserere mihi peccatori* и велели читать ее всякий раз, когда я почувствую присутствие духа, злого или доброго, или услышу любые звуки, могущие напугать меня. Первое слово этой молитвы начертали у меня на лбу». Оставшись в одиночестве, Уильям вскоре уснул. Во сне ему явились святой Иоанн Бридлингтонский и святой Ив, которые стали его проводниками по Чистилищу. По мере их продвижения вперед выяснилось, что Уильям виновен в преступлении против Святой Церкви и он не может идти дальше, не очистившись от этого греха. Обвинение было предъявлено сестрой Уильяма, преградившей им путь. «Перед вами обвиняю я своего брата, находящегося здесь. Ибо человек, который стоит рядом со мной, любил меня, и я любила его, и я была бы ему законной женой, а он мне мужем, как повелел Господь и как учит Святая Церковь, и дала бы я жизнь еще троим, если бы брат мой не воспрепятствовал нашей свадьбе». Святой Иоанн спросил Уильяма, отчего он не дал соединиться двум любящим друг друга. «Говорю тебе, ни мужчина, ни женщина не вправе мешать никому сочетаться узами брака; хотя бы муж вел свой род от пастухов, а жена от королей и императоров, или он был бы знатного происхождения, а она низкого, если они любят друг друга; кто помешает им, тот согрешит против Господа и Святой Церкви и перенесет много страданий». Огорченный этим вопиющим прегрешением, святой Иоанн показывает Уильяму пылающий костер, в котором горят люди в нарядных одеждах. «Некоторые были в золотых ожерельях, другие в серебряных, на третьих были богатые пояса из золота и серебра; были такие, одежды которых украшены серебряными бубенчиками, женщины в платьях с длинными шлейфами, с диадемами из золота, жемчуга и драгоценных камней на голове. Я увидел, как загорелись на них все эти красивые ожерелья, перевязи, пояса, как нарядные одежды превратились в отвратительных гадюк, драконов и жаб, жалящих, кусающих, пьющих из них кровь, увидел, как сквозь каждый серебряный бубенчик бесы забивают в их плоть раскаленные гвозди. Бесы сдирали кожу с их плеч и срезали ее, горящую; от платьев женщин они отрезали шлейфы и сжигали у них на голове, некоторые несчастные отрывали горящую ткань вместе с носами, ушами и губами. Я видел также, как драгоценные диадемы превратились в огненные гвозди, и бесы огненными молотами забивали их прямо в головы». Это была кара, постигшая тщеславных и гордых людей. Затем ему показали другой костер; там бесы вырывали людям глаза и заливали в глазницы расплавленную медь и свинец, отрывали у них руки, ноги и ногти и опять припаивали. Такая судьба ожидала сквернословов. Уильям увидел множество таких костров, где демоны подвергали своих жертв самым изощренным и ужасным пыткам. Пожалуй, нам незачем углубляться в это еще дальше.

В конце XV века Чистилище на Лох-Дерге было разрушено по приказу папы римского после того, как голландский монах из Аймштадта побывал там и нашел, что эта пещера ничем не отличается от всех других. Чистилище было закрыто в День святого Патрика в 1497 году, но молва о нем еще долго будоражила умы людей. Кальдерон посвятил ему одну из своих пьес. Про него рассказывали многочисленные французские и испанские издания

легенд и преданий. Эти истории о Чистилище были не менее популярны в прошлом столетии, чем те книжки с красочными описаниями рая и ада, которыми в наши дни торгуют разносчики. Как-то я сам приобрел одну такую (сюжет ее, возможно, был основан на старой легенде о Чистилище Святого Патрика) и обнаружил, что она вышла совсем недавно.

Вне всяческих сомнений, история о Чистилище Святого Патрика берет начало из древних языческих мифов, в которых герой спускается в ад; их можно найти у всех народов. Геракл, Одиссей, Орфей у греков, Эней у римлян посещают мир иной и наблюдают там картины, весьма схожие с теми, что описаны в приведенных выше христианских легендах. У финнов Вяйнямёйнен попадает в Похьёлу, страну страха и темноты, у эстонцев Калева падает в загадочную пещеру, где обитает мерзкое чудовище; он посещает различные дворы и похищает дочерей чудовища. Еще более удивительное предание есть у древнего народа киче, оно содержится в их священной книге «Пополь-Вух». Там рассказывается о Шибальбе, где встречаются места не менее неприятные, чем поля и озера Чистилища Святого Патрика. Одно – это Дом мрака, другой дом населяют люди с острыми ножами, третье – Дом жары, четвертое – Дом холода; в одном из домов обитают летучие мыши, пьющие кровь, в следующем – свирепые ягуары.³⁰

Согласно норвежской мифологии, у Одина есть Дом холода и Дом жары, а обитель Хель описана следующим образом: «В Нифльхейме у нее большие селения, и на диво высоки ее ограды и крепки решетки. Мокрая Морось зовутся ее палаты, Голод – ее блюдо. Истощение – ее нож, Лежебока – слуга. Соня-служанка, Напасть – падающая на порог решетка. Одр Болезни – постель. Злая Кручина – полог ее».³¹

Туда спускался автор «Песни о солнце» в «Старшей Эдде». Эта причудливая поэма принадлежит, предположительно, Сэмунду Мудрому (ум. 1131), во всяком случае, не более поздним авторам. Она представляет собой странную смесь христианства и язычества, из чего можно сделать вывод, что поэт на тот момент не определился, какой религии придерживаться.

39. Солнце я видел – звезду дневную,
в море скрывалось оно. Тяжкий скрежет
услышал я в ужасе: скрипели смерти врата.

51. У престола норн я сидел девять дней,
был поднят затем на повозку.
Сияло яростно ётунов солнце
с низко нависших небес.

52. Чудилось мне, что на этой повозке
проехал я семь миров.
Всюду искал я дорогу торную,
более ровных путей.³²

Одна из тропинок приводит героя к потоку, где мечутся обожженные птицы; это – души, и их очень много. Затем он оказывается в краю, где не текут воды. Женщины с лживыми лицами перемалывают землю в пищу.

³⁰ *Пополь-Вух*. Кн. II. Гл. 7—14.

³¹ *Младшая Эдда* : Видение Гюльви / Перевод О.А. Смирницкой. (Примеч. пер.)

³² Перевод М. В. Раевского.

58. Кровавые камни жены вращали,
искупая свою вину. У каждой преступницы кровью
сердце сочилось в разверстой груди.³³

Он встречает мужчин с окровавленными лицами, на лбу у них начертаны звезды язычества – знаки рун роковых; на груди у завистников вырезаны кровавые руны. Скупцы отправляются в Замок Скупцов, влача свинцовый груз, убийц пожирают ядовитые змеи, нарушителей субботы прибивают за руки к горячим камням. Гордецов заворачивают в огонь, клеветникам выклевывают глаза вороны Хель.

68. Не должен знать ты все эти муки,
что терпят ушедшие к Хель.
Утехи греховные тяжко караются,
за радостью следует страх.³⁴

Для греков спуск в пещеру Трофония имеет не меньшее значение, чем посещение Чистилища Святого Патрика у христиан. Пышные обряды, в чем-то схожие, предваряют это действие, и результаты тоже не очень отличаются.³⁵

Стоит заметить, что жизнь легенде о Чистилище Святого Патрика дали кельты, и объяснение этого факта лежит на поверхности. Согласно древним кельтским верованиям, потусторонний мир разделялся на три круга, соответствующие Чистилищу, Раю и Аду, над Адом простирался мост («мост страха»), очень узкий («не шире нитки»), по которому души умерших должны были пройти, чтобы попасть во владения света. А чистилище является отголоском учения друидов. Так, в древней бретонской балладе Тина пересекает озеро боли, где в маленьких лодках плавают умершие в белых одеждах, а затем пробирается сквозь долины крови.

Так как эта легенда очень подробно была проанализирована господином Райтом, не имеет смысла задерживаться на ней дальше. Однако мы расходимся с ним относительно ее происхождения. Он утверждает, что она возникла из-за жадности монахов, я же считаю, что она является одним из примеров живучести языческих мифов, проникших в средневековое христианство и добавивших ему новых красок.

Глава 12 Земной рай

Местонахождение Земного рая и представление о том, как он выглядит, похоже, не интересовали наших англосаксонских предков и не слишком обсуждались в их среде.

В Британском музее хранится карта X века, сопровождающая «Описание» Присциана, которая является гораздо более точной, чем большинство карт, которые мы находим в рукописях позднее. Рай на ней располагается не в Кохинхине или на островах Японии, как это было впоследствии, после того как сказочное путешествие святого Брендана стало популярным в XI веке.³⁶

³³ Перевод М. В. Раевского.

³⁴ Перевод М. В. Раевского.

³⁵ *Павсаний*. Описание Эллады. IX, 39—40; *Плутарх*. О Демоне Сократа.

³⁶ Святой Брендан – ирландский монах, живший в конце VI в., основал монастырь в Клонферте. Церковь чтит память этого святого 16 мая. За основу описания его путешествия, полного небылиц, похоже, была взята история Синдбада. В 1836 г. господин Юбиналь опубликовал рукописи о приключениях святого Брендана,

Однако место указал уже Косьма в VII веке. Согласно ему, Рай располагается за океаном на континенте к востоку от Китая, и в нем находятся истоки четырех великих рек: Фисона, Гиона, Хиддекеля³⁷ и Евфрата. На карте IX века, хранящейся в библиотеке Страсбурга, Земной рай расположен на самом востоке Азии, то есть находится в Поднебесной. То же место он занимает и в Туринской рукописи, а также на карте из Британского музея, сопровождающей комментария к Апокалипсису.

Согласно письму Пресвитера Иоанна, посланного императору Мануилу Комнину, Рай находится поблизости от его владений – всего в трех днях пути, но где именно расположены сами владения, четко не указано.

Этот мифический царь пишет: «Река Инд, которая берет начало в Раю, течет среди долин в этой области и охватывает всю ее своими изгибами. Здесь находят изумруды, сапфиры, карбункулы, топазы, хризолиты, ониксы, бериллы, сардисы и многие другие драгоценные камни. Там также произрастает растение ассидий». Более того, чудесный источник пробивается у подножия горы Олимп, находящейся во владениях Пресвитера Иоанна, «вкус воды в этом источнике меняется день за днем и час за часом, источник этот находится едва ли дальше, чем в трех днях пути от Рая, откуда был изгнан Адам. Если кто-то трижды выпьет воду оттуда, то с этого дня не будет ощущать усталости и на протяжении всей жизни останется тридцатилетним».

Этот «Олимп» является искажением названия Алумбо, а это не что иное, как Коломбо на Цейлоне, что совершенно очевидно из «Путешествия сэра Джона Мандевилля», хотя этот важный источник и ускользнул от внимания сэра Эмерсона Теннанта.

Он пишет: «Около этого леса находится город, называемый Поломб, а над городом возвышается огромная гора, также именуемая Поломб. От этой горы город и получил свое название. У подножия ее находится чудесный источник, вода в котором имеет аромат и вкус всех пряностей, и каждый час его вкус и запах меняются. И кто трижды испробует воду из этого источника, тот излечится от всех болезней, что у него были. Те, кто пьет эту воду постоянно, никогда не хворают и становятся моложе. Я попробовал эту воду три или четыре раза, и мне кажется, чувствую себя лучше. Некоторые называют его Источником молодости, потому что они часто пили из него и молодели, живя без болезней. Люди говорят, что этот источник берет свое начало в Раю, и поэтому он такой чудесный».

Готье Мецкий в своей поэме «Картина мира», написанной в XIII веке, помещает Земной рай в недостижимой области Азии. Его окружает стена пламени, а единственный вход охраняет ангел с пылающим мечом.

Ламберт в рукописи XII века, хранящейся в Императорской библиотеке в Париже, описывает его как «райский остров в океане на востоке». На карте Рай изображен в виде острова, расположенного немного южнее Восточной Азии и окруженного сиянием. Остров находится немного в стороне от основной части суши. В другой рукописи из той же библиотеки – средневековой энциклопедии – под словом «Рай» имеется надпись, что в центре Рая находится источник, который питает сад. Его и описывал Пресвитер Иоанн, и из него сэр Джон Мандевилль пил, как он утверждал, три или четыре раза. Недалеко от этого источника находится Древо жизни. Температура в этом месте постоянна, не бывает ни холода, ни изнуряющей жары, иссушающей растения. Четыре уже упомянутых реки вытекают из него. Однако войти в Рай невозможно из-за окружающей его стены пламени.

Палуданус в своей «Новой энциклопедии» на правах авторитетного источника рассказывает, будто Александр Македонский был полон желания увидеть Земной рай и что он предпринял военные походы на Восток, дабы достичь своей цели и получить к нему доступ. Он утверждает, что, когда Александр был уже недалеко от Эдема, его солдаты

хранящиеся в Королевской библиотеке. Первое печатное издание на английском языке осуществил Винкин де Ворд в 1516 г.

³⁷ Хиддекель – Тигр. (Примеч. пер.)

схватили в ущелье некоего старца и собирались отвести его к правителю. Тот сказал им: «Идите и объявите Александру, что напрасно ищет он Рай. Усилия его тщетны, ибо путь в Рай – это путь смирения, о котором он ничего не знает. Возьмите этот камень, отдайте его Александру и скажите ему: «Научись у этого камня, что ты должен думать о себе». Этот камень имел большую ценность и был очень тяжелым, он превосходил по весу и ценности все другие драгоценные камни. Но когда камень измельчают в порошок, он становится таким же легким, как и пучок травы, и ничего не стоит. Этим загадочный старик сказал, что Александр живой является величайшим из правителей, но Александр мертвый представляет собой ничто.

Самый странный из средневековых проповедников, Меффрет, попавший в беду из-за того, что отрицал непорочное зачатие Девы Марии в своей второй проповеди в третье воскресенье рождественского поста, тоже рассуждал о местонахождении Земного рая. Он утверждал, ссылаясь на святого Василия и святого Амвросия, что тот расположен на вершине очень высокой горы в Восточной Азии. Эта гора так высока, что воды четырех рек низвергаются в озеро у ее подножия с ужасным грохотом и люди, живущие на берегах этого озера, стали абсолютно глухими. Меффрет также объяснял, что Рай избежал Всемирного потопа, поскольку гора была столь высока, что воды, которые сомкнулись над вершиной Арарата, смогли всего лишь омыть ее подножие.

Рукопись, хранящаяся в Британском музее, сообщает нам, что «Рай находится не на земле и не на небе. Книга утверждает, что воды потопа поднялись на сорок саженой над самыми высокими горами земли, а Рай располагался на сорок саженой выше этих вод. Он находится между небом и землей, как создал его Творец. Он абсолютно одинаков в длину и в ширину. Там нет низин и нет холмов, холода и снега, града и дождя. Но там есть источник жизни. В первые дни января источник разливается и течет так спокойно и прекрасно по всей этой земле. Он неглубок: человек может пальцем достать до дна. Так происходит каждый месяц, в первые дни источник начинает разливаться. И есть там лес, все деревья в котором прямые, как стрелы, и такие высокие, что ни один человек никогда не видел их верхушек. С них никогда не опадают листья, они всегда зелены и прекрасны. Рай находится в восточной части мира. Здесь нет жары, голода и никогда не наступает ночь. Солнце здесь светит в семь раз ярче, чем на земле. Здесь живут бесчисленные ангелы божьи, а также блаженные души, ждущие дня Страшного суда. Здесь же обитает прекрасная птица феникс, великая и огромная, как и тот, кто создал ее, она господствует над всеми птицами».

Монах, который побудил святого Брендана совершить его мифическое путешествие, сказал ему, что он должен плыть из Ирландии строго на восток и в конце концов достигнет Рая, который представляет собой остров, исполненный радости и веселья. Земля там блестит, подобно солнцу, и являет собой восхитительное зрелище, а полгода, которые монах провел там спящим, пролетели как несколько минут. Когда он вернулся в аббатство, одежда его все еще благоухала ароматами Рая. Святой Брендан также побывал на этом острове и за сорок дней пересек его со своими спутниками, никого не встретив. Затем они достигли широкой реки, на берегу которой увидели юношу, сказавшего им, что этот поток делит мир на две части и никто из живых не может пересечь его.

В сборнике рукописей из библиотеки Колледжа Тела Христова в Кембридже есть карта мира, датируемая XII веком, на которой Рай изображен в виде острова, расположенного напротив устья Ганга, который впадает в океан примерно в том месте, где в действительности в море впадает Амур.

В англо-саксонском стихотворении «О птице феникс» приводится перевод работы Псевдо-Лактанция:

Край прекрасный,
как не раз я слышал,
там, на востоке,
распростерся обширный,

всеземнознатный:
здесь, в средимирье,
та земля далекая
людям недоступна,
вживе недостижима,
а для мужей-злотворцев
по воле Всевышнего
вовсе заповедана.
Берега богатые
благим раствореньем,
нездешним духом
чудесно овеяны.³⁸

Затем следует описание всех удовольствий, которые можно себе представить и без дальнейшего цитирования.

Герефордская карта XIII века изображает Земной рай в виде круглого острова, расположенного недалеко от Индии и отделенного от остальной суши не только морем, но и стеной, ворота в которой обращены к западу.

Руперт Дейцкий говорит, что Рай находится в Армении. Рудольф из Хайдена в XIII веке, опираясь на авторитет святого Василия и святого Исидора Сивильского, помещает Эдем в недостижимой области Восточной Азии, такого же мнения придерживается и Филосторг. Гуго Сен-Викторский в своей книге сообщает следующее: «Рай – это место на Востоке, где растут все виды деревьев. В нем находится и Древо жизни. Здесь нет ни холода, ни зноя, всегда одинаковая температура. Здесь же находится источник, питающий четыре реки».

Рабан Мавр высказывается с большей осторожностью: «Многие люди желают видеть местом для Рая восток земли, хотя его и отделяет от всех стран, ныне населенных людьми, огромное пространство океана. Поэтому воды потопа, покрывшие самую высокую вершину нашего мира, и не смогли достичь его. Находится ли он там, или где-либо еще, Бог знает, но то, что такое место некогда *было*, и было оно на земле, несомненно».

Жак Витрийский, Гервазий Тильберийский и многие другие придерживались такой же точки зрения на местонахождения Рая, что и Гуго Сен-Викторский.

Монах и путешественник Журден де Северак в начале XIV века утверждал, что Земной рай находится в «третьей Индии», иначе говоря, в Индии по ту сторону Ганга.

Леонардо Дати, флорентийский поэт XV века, поместил райский сад в Азию.

Но пожалуй, самое примечательное описание Земного рая появляется в «Саге об Эйрике», исландской повести о приключениях некоего норвежца по имени Эйрик, который, будучи язычником, поклялся, что найдет легендарную Страну бессмертия из скандинавской мифологии. Само повествование, возможно, является христианским изложением древнего языческого мифа, а Рай, согласно ему, находится в Глэсисвеллире.

Судя по большинству рукописей, история является не чем иным, как рассказом религиозного содержания. Но один из переписчиков отважился утверждать, что все это — истинная правда, и детали сообщили те, кто слышал их из уст самого Эйрика. Вкратце эта история такова.

Эйрик был сыном Транда, короля Тронхейма. Поклявшись найти Страну бессмертия, он поехал в Данию, где встретился с другом, которого тоже звали Эйрик. Затем они отправились в Константинополь, там их призвал к себе император, который долго беседовал с ними на темы истинности христианства и местонахождения Страны бессмертия. Последняя, как он уверил их, является не чем иным, как Раем.

³⁸ Перевод В.Г. Тихомирова. (Примеч. пер.)

«Мир, – утверждал правитель, который не забыл географию, окончив школу, – имеет окружность в 180 000 стадий (около 1 000 000 английских миль), и его поддерживают не опоры – ничуть! – поддерживает его сила Господа. Расстояние от земли до неба составляет 100 045 миль (согласно другой рукописи, 9382 мили – разница не важна), а вокруг земли находится огромное море, называемое Океаном». «А что находится к югу от земли?» – спросил Эйрик. «О! Там находится конец мира, и это – Индия». – «И где же я смогу найти Страну бессмертия?» – «Рай, который, я полагаю, ты имеешь в виду, лежит немного восточнее Индии».

Получив эту информацию, оба Эйрика отправились в путь, имея письма от греческого императора.

Они пересекли Сирию и сели на корабль, возможно в Балсоре, на нем достигли Индии и продолжили путешествие верхом на лошадях, пока не попали в густой лес, мрак в котором царил такой, что даже днем сквозь сплетенные ветви были видны мерцающие звезды, так же как они видны со дна колодца.

Когда же оба Эйрика вышли из леса, то оказались у пролива, отделявшего их от прекрасной земли, которая конечно же была Раем. Датский Эйрик, стремясь показать свои знания, заявил, что пролив является рекой Фисон. Его пересекал каменный мост, охраняемый драконом.

Датский Эйрик, испуганный перспективой встречи с чудовищем, отказался идти дальше и даже постарался уговорить своего друга отказаться от попытки войти в Рай, как от безнадежного дела. Однако норвежец осторожно вошел, сжимая меч в руке, в пасть дракона и в следующий момент, к его безграничному удивлению и восторгу, обнаружил себя не во мраке утробы монстра, а в Раю.

«Земля была наипрекраснейшей, пышную траву покрывали цветы, по ней струились потоки меда. Земля была обширной и ровной, не было видно ни гор, ни холмов. В безоблачном небе ярко светило солнце, ночь и темнота не наступали. В воздухе царило спокойствие, лишь легкий ветерок разносил ароматы цветов». После короткой прогулки Эйрик увидел то, что конечно же было заметным объектом, а именно башню, висящую в воздухе без какой-либо поддержки. В нее можно было войти по узкой лестнице. По ней Эйрик поднялся в башню и нашел там прекрасную еду, приготовленную для него. После трапезы он уснул. Во сне ему явился ангел-хранитель, который пообещал привести его на родину, а по истечении десяти лет со дня его возвращения в Тронхейм прийти за ним снова и забрать его навсегда.

Затем Эйрик вернулся в Индию, не пострадав от дракона, который просто изрыгнул его. Несмотря на свой грозный вид, он был, судя по всему, существом безобидным и ленивым. После утомительного семилетнего путешествия Эйрик достиг родных земель, где он поведал о своих приключениях, к замешательству язычников, восторгу верующих и в назидание всем. «На десятый год на рассвете, когда Эйрик вышел, чтобы помолиться, Святой Дух унес его, и его больше никогда не видели в этом мире. Здесь заканчивается все, что мы должны сказать о нем».³⁹

Сага, которую я кратко описал, конечно, поразительна и содержит несколько превосходных пассажей. Она выражает распространенное мнение, которое отождествляло Рай с Цейлоном, и, действительно, более раннее исландское произведение «Римбегла» указывает, что Земной рай находится неподалеку от Индии, поскольку там отмечено, что Ганг берет свое начало в горах Эдема. Похоже, что удивительная история Эйрика, если только это не христианская обработка языческого мифа, может содержать сведения о реальной экспедиции в Индию одного из тех отважных путешественников, которые пересекли Европу, исследовали север России, высадились на побережье Африки и открыли Америку.

³⁹ Ср. со смертью сэра Галахада из «Смерти Артура» сэра Томаса Мэлори.

Позже XV века мы не находим теорий, касающихся Земного рая, хотя существует множество трактатов, посвященных предполагаемому местонахождению древнего Эдема. В Мадриде в 1629 году было опубликовано стихотворение на эту тему. В 1662 году Г. Кирхмайер, профессор Виттенбергского университета, написал серьезное исследование «О Рае». Фр. Арнульс создал в 1665 году работу о Рае, полную вопиющих нелепиц. В 1666 году появилась работа Калвера «Рассуждение о Земном рае». Бохарт создал трактат на эту тему, Гюе также, и работа последнего выдержала семь переизданий. Последнее вышло в Амстердаме в 1701 году. Отец Ардуен написал «Новый трактат о местонахождении Земного рая» (Гаага, 1730). Армянский труд о райских реках был переведен Сен-Мартеном в 1819 году, а в 1842 году сэр У. Усли прочел доклад о местонахождении Эдема на собрании Литературного общества в Лондоне.

Глава 13

Святой Георгий

Трудно представить себе задачу более интересную для исследователя, чем анализ легенд, связанных с этим воином-мучеником, поскольку в них можно найти почти все типичные семитские и арийские мифы практически в первозданном виде.

Корни их отчетливо просматриваются и на Востоке, и на Западе. Священные предания древних стали частью новой веры и приобрели новую окраску. Неизбежно возникает вопрос, существовал ли такой человек на самом деле, и если да, то был ли он католиком или еретиком. Евсевий рассказывает: «Когда впервые был оглашен указ о церквях⁴⁰, некий человек самого высокого, по мирским представлениям, звания, движимый ревностью по Боге и побуждаемый горячей верой, схватил указ, прибитый в Никомидии в общественном месте, и разорвал его на куски как богохульный и нечестивейший. Это произошло, когда в городе находилось два властителя: один – самый старший – и другой, занимавший после него четвертую ступень в управлении. Этот человек, прославившийся таким образом, выдержал все, что полагалось за такой поступок, сохраняя до последнего вздоха ясный ум и спокойствие».⁴¹

Предполагается, что этим мучеником, имени которого Евсевий не называет, был святой Георгий. Если это действительно так, то, пожалуй, это все, что известно о нем из достоверного источника. Однако этот святой был необычайно популярен со времен раннего христианства. Считается, что он претерпел муки в Никомидии в 303 году, а вскоре его стали почитать в Финикии, Палестине, а затем и на всем Востоке. В VII веке в Риме было две церкви Святого Георгия; в Галлии его начали почитать в V веке. В статье, представленной в «Трудах Королевского литературного общества»⁴², господин Хогг упоминает относящуюся к 346 году н. э. греческую надпись, скопированную в очень древней церкви в городе Эзра в Сирии, которая изначально являлась языческим храмом. О Георгии в ней говорится как о святом мученике. Это важное свидетельство, так как в те времена жил еще один Георгий, епископ александрийский (ум. 362), с которым иногда путают святого.

Наиболее ранние сказания о святом Георгии, процитированные впоследствии болландистами, написаны на греческом языке и датируются VI веком. Кроме них существуют еще латинские тексты, составленные, предположительно, слугой Георгия Пасикратом и принадлежащие к VIII веку. На самом деле они являются переводами более ранних источников, чем те, что были опубликованы болландистами. Они также являются

⁴⁰ Диоклетиана

⁴¹ *Евсевий*. Церковная история. Кн. VIII. Гл. 5.

⁴² Сер. 2. Т. VII. Ч. I.

апокрифическими. Соответственно, о святом Георгии мы знаем лишь то, что был такой мученик, родился он в Лидде, но вырос в Каппадокии, что он служил в римской армии и претерпел мученическую смерть за Христа. Кончина его была не просто мученической, но великомученической; судя по тому, как жизнеописатели Георгия рассказывают о пытках, которым он подвергался, – все они сходятся на том, что муки его были невыносимыми.

Георгий является одним из особенно почитаемых святых. Кальвин был первым, кто усомнился в том, что это должно быть так. За ним последовал доктор Рейнольдс, по мнению которого святой Георгий и арианский епископ александрийский – одно и то же лицо. Этот человек родился на сукновальной мельнице в Эпифании, в Киликии. Сначала он был поставщиком провизии для армии в Константинополе, там он и стал последователем арианства. Когда его уличили в мошенничестве, он вынужден был бежать и укрылся в Каппадокии. Друзья-ариане простили его, после того как он выплатил некоторый штраф, и послали в Александрию, где он был избран епископом, в противовес святому Афанасию, сразу же после смерти арианского прелата Григория. Вместе с Драконтием и Диодором он начал жестокие гонения на католиков и язычников. Последние, не выдержав, восстали и убили его. Доктор Хейлин встал на защиту святого покровителя Англии⁴³, но в 1753 году доктор Джон Петтингал снова поднял вопрос о личности святого Георгия в своей работе о происхождении его конной статуи. Ему ответил доктор Самюэль Пегг в докладе, сделанном для Общества собирателей древностей в 1777 году. Гиббон абсолютно необоснованно утверждал, что этот святой и арианский прелат являются одним и тем же человеком. «Этот неприятный персонаж был ошибочно принят за мученика, святого и христианского героя. Пользовавшийся дурной славой Георгий Каппадокийский превратился в святого Георгия Английского, покровителя оружия, рыцарства и ордена Подвязки».

Сама невероятность подобной трансформации уже заставляет любого усомниться в истинности этого утверждения. Слишком велика была вражда между католиками и арианами, чтобы приверженца последних, да еще и гонителя католиков, могли принять за святого. Сочинения святого Афанасия, в которых тот нарисовал далеко не лестный портрет своего противника, в Средние века имели достаточно широкое распространение, и такая грубая ошибка была бы просто невозможна. Я склонен считать, что святой Георгий действительно существовал, что он был мучеником за веру и что все эти неопределенности, окружавшие его имя, невольно предоставили его жизнеописателям возможность связать с ним множество языческих легенд, которые до него не могли быть «прикреплены» к другим святым. Число мучеников-воинов не так уж велико. К житию святого Себастьяна прибавить нечего, так же как и к житиям святых Гереона и Маврикия; но вот история жизни святого Георгия не ясна. Этот недостаток вскоре был восполнен. Похожий случай мы наблюдаем с житием святого Ипполита. Древняя легенда о сыне Тесея Ипполите, разорванном на части лошадьми, была приписана святому, носящему то же имя.

Суть греческих сказаний о святом Георгии заключается в следующем.

Георгий родился в Каппадокии. Родители его были христианами; отца замучили за исповедание Христа, а мать с сыном бежала в Палестину. Он рано поступил на военную службу, где отличился храбростью и выносливостью. Когда ему исполнилось двадцать лет, скончалась его мать и Георгий получил богатое наследство. Он отправился ко двору Диоклетиана, надеясь достичь высокого положения. Когда разразились гонения на христиан, он раздал свое имущество бедным, предстал перед императором и объявил себя христианином. После безрезультатных уговоров отречься и совершить жертвоприношение языческим богам он был приговорен к смерти. В первый день, когда его стали копыями толкать в темницу, одно из копий, коснувшись его тела, сломалось, словно соломинка. Затем его руки и ноги привязали к столбам, а на грудь положили тяжелый камень.

На второй день его подвергли пытке колесом, утыканным острыми ножами и мечами.

⁴³ История самого известного святого и воина Иисуса Христа, святого Георгия Каппадокийского (1633).

Диоклетиан счел мученика мертвым, но вдруг явился ангел, и Георгий приветствовал его, как это делали воины. Император увидел, что мученик все еще жив. Когда его сняли с колеса, оказалось, что все его раны исцелились. Тогда Диоклетиан приказал бросить Георгия в яму с негашеной известью, однако и это не повредило святому. Еще через день ему перебили кости на руках и ногах, но наутро его члены стали опять целыми.

Его заставили бежать в раскаленных докрасна железных сапогах. Он молился всю следующую ночь и на шестой день опять стоял перед Диоклетианом. Его били плетью так, что со спины слезла кожа, но он восстал исцеленным.

На седьмой день его принудили выпить две чаши со снадобьями, от первого из которых он должен был лишиться разума, а от второго умереть. Однако они не повредили ему. После этого он совершил несколько чудес, воскресил умершего и оживил павшего вола, что заставило многих обратиться в христианскую веру.

В ту ночь святому Георгию во сне явился Спаситель с золотым венцом на голове и сказал, что того ожидает Рай.

Георгий тотчас призвал слугу, который записал все вышесказанное, и повелел после смерти отвезти его тело в Палестину. На восьмой день святой, осенив крестным знаменiem статую Аполлона, вынудил беса, обитавшего в ней, объявить себя падшим ангелом. После этого сокрушились все идолы в храме.

Это чудо обратило в христианство императрицу Александру. Диоклетиан в исступлении немедленно вынес ей смертный приговор. После этого был казнен и святой Георгий. Церковь отмечает его память 23 апреля.

В латинских текстах, которые, как уже говорилось, являются переводами с греческого языка, рассказывается следующее.

По наущению дьявола персидский император Дациан, повелитель семидесяти двух царей, подверг христиан жестоким гонениям. В те времена жил некий Георгий из Каппадокии, уроженец Мелитены. Там он жил у некоей благочестивой вдовы, там же и претерпел мучения. Его подвергли многочисленным пыткам: дыба, железные клещи, огонь, колесо с железными остриями; к его ногам прибивали сапоги, сажали его в железный сундук, утыканный изнутри острыми гвоздями, и сбрасывали с обрыва, били кувалдами, клали на грудь столб, швыряли на голову тяжелый камень, укладывали на раскаленное докрасна железное ложе, лили на него расплавленный свинец, бросали в колодец, забивали в него сорок длинных гвоздей, сжигали в медном быке. После каждой из них он снова и снова исцелялся. Мучения его продолжались семь лет. Его стойкость, а также чудеса, совершенные им, обратили ко Христу 40 900 человек, в том числе императрицу Александру. Дациан повелел казнить Георгия и свою супругу. В тот момент, когда их постигла кончина, огненный вихрь испепелил и самого императора.

Оба этих источника послужили основой всех позднейших греческих легенд.

Папенброэх печатает легенды, изложенные Симеоном Метафрастом (ум. 904), Андреем Иерусалимским, Григорием Кипрским (ум. 1289).

Рейнбот фон Турн (XIII век) или, возможно, тот неизвестный французский автор, сочинения которого о святом Георгии он перевел, счел нужным ограничить чрезмерную яркость предания до разумных пределов. Так, семьдесят два царя у него превратились в семерых, а бесчисленные пытки сократились до восьми. Святого связывают и кладут ему на грудь тяжелый груз, бьют палками, морят голодом, подвергают пытке при помощи колеса, утыканного остриями, четвертуют и бросают в пруд, спускают с горы в медном быке, загоняют под ногти отравленные гвозди и затем обезглавливают мечом.

Яков Ворагинский рассказывает, что Георгия сначала привязали к кресту и драли железными крючьями, пока кишки не вылезли наружу, а затем окатили соленой водой. На следующий день его заставили выпить яд, который не причинил ему вреда. Затем его привязали к колесу, утыканному остриями, но оно сломалось. Далее его бросили в котел с расплавленным свинцом, но и оттуда он вышел целым и невредимым. Затем, по его молитве, молния с небес испепелила всех идолов, а земля разверзлась и поглотила жрецов. Увидев

это, жена Дациана, который, согласно Якову Ворагинскому, был проконсулом при Диоклетиане, обратилась в христианство, и ее вместе с Георгием обезглавили, после чего молния поразила Дациана и его прислужников.

Таким образом, в восточных христианских преданиях святой Георгий проходит по крайней мере через семь мук и от последней принимает кончину.

Мусульмане почитают его наравне с христианами, их легенда очень похожа на греческую и латинскую. Гиргис, или Эль-Худи, как они его называют, жил в те же времена, что и пророк Мухаммед. Аллах послал его к правителю города Мосула с призывом принять истинную веру. Владыка отказался сделать это и повелел казнить Гиргиса. Казнь свершилась, но Аллах воскресил Гиргиса и вновь послал к правителю. Его казнили во второй раз, и опять Аллах возвратил ему жизнь. В третий раз пришел он к царю, чтобы исполнить свою миссию. Тогда правитель приказал сжечь его, а пепел развеять над рекой Тигр. Но по воле Аллаха Гиргис восстал из пепла, а властитель и его приближенные были истреблены. Греческий историк Иоанн Кантакузин (ум. 1380) отмечает, что в его время существовало несколько храмов, возведенных в честь святого Георгия, куда мусульмане приходили поклониться ему. Путешественник Буркхардт упоминает о том, что «турки глубоко чтят святого Георгия». Дин Стэнли утверждает, что видел мусульманскую «часовню» на берегу моря возле города Сарафенд, древней Сарефты, посвященную Эль-Худеру, «внутри которой нет усыпальницы, а только ниша». Это отступление от мусульманских канонов объясняется, по словам местных крестьян, тем, что Эль-Худер еще не умер; он летает по всей земле, и везде, где он появляется, люди возводят такие «часовни». Ибн Вахшия эль-Касдани перевел «Книгу о набатейском земледелии». «Около 900 года нашей эры выходец из тех древних вавилонян, что переселились на болотистые земли Васита и Бассоры, где их потомки живут до сих пор, был поражен, увидев работы своих предков, чей язык он понимал, а возможно, и говорил на нем. Вахшия эль-Касдани, или Халдей, как его еще называли, был мусульманином, однако род его стал исповедовать ислам относительно недавно, со времен прадеда; он ненавидел арабов, подобно персам, питавшим те же чувства к своим завоевателям. Судьбе было угодно, чтобы в его руки попало большое собрание набатейских сочинений, спасенное от мусульманских фанатиков. Халдей решил посвятить свою жизнь их переводу и создал набатейско-арабскую библиотеку, три книги из которой, а также отдельные фрагменты четвертой дошли до наших дней».⁴⁴

Одной из них является «Книга о набатейском земледелии», написанная Кутами Вавилонянином. Там можно найти следующий небезынтересный отрывок. «Современники Янбушадха рассказывали, что, когда он умер, все боги и все их статуи плакали над ним так же, как все ангелы и все боги плакали и горевали о Таммузе после его смерти. Они говорят, что статуи⁴⁵ со всего света собрались в вавилонском храме и оттуда устремились в храм Солнца, к огромному золотому изваянию, подвешенному между небом и землей. Статуя Солнца, рассказывают они, стояла в центре храма, окруженная остальными. Рядом с ней находились все изваяния Солнца, пришедшие из других стран, затем статуи Луны, Марса, Меркурия, Юпитера, Венеры и, наконец, Сатурна. И вот статуя Солнца начала свою погребальную песнь над Таммузом, рассказала его историю, и все идолы заплакали. Так они стонали и горевали всю ночь, от заката солнца до его восхода. Затем они вернулись туда, откуда пришли. Рассказывают также, что из глаз идола из Техамы (Южная Аравия), называемого орлом, с той самой ночи всегда текут слезы, потому что он принял особое участие в судьбе Таммуза. Этот идол по имени Неср, говорят, наделил арабов даром прорицания, так что они могут предсказать то, что еще не произошло, и разгадывают сны до того, как им поведают о них. Современники Янбушадха рассказывают, что все идолы в земле

⁴⁴ Ренан Э. О возрасте и древности «Книги о набатейском земледелии». Лондон, 1862. С. 5.

⁴⁵ богов

Вавилонской оплакивали его в своих храмах всю ночь до самого утра. В ту ночь шел проливной дождь, страшно гремел гром, сверкали молнии, и случилось сильное землетрясение от гор Хольвана до берегов Тигра. Идолы, говорят они, во время потопа вернулись на свои места. Это наводнение было возмездием жителям Вавилона за то, что они оставили тело Янбушадха лежать на голой земле в пустыне Шамас, так что поток принес его к Вади эль-Ахфар, а затем увлек в море. После этого в земле Вавилонской три месяца свирепствовали засуха и чума и не хватало живых, чтобы хоронить мертвых. Предания эти⁴⁶ были записаны. Теперь их читают в храмах после молитв, а люди причитают и стенают. Когда я присутствую в храме во время праздника Таммуза, что происходит в месяце, носящем его имя, и там читают его историю, я плачу вместе со всеми не потому, что верю в нее, а из сострадания и сочувствия ко всеобщему горю. Однако в историю Янбушадха я верю и, когда ее читают, тоже плачу, но это совсем иные слезы, чем те, что я проливаю над Таммузом. Причина в том, что Янбушадх жил во времена, которые гораздо ближе к нашим, нежели времена Таммуза, и потому история его более достоверна и правдива. Возможно, история Таммуза также в чем-то правдива, но в некоторых моментах я сомневаюсь, поскольку много времени прошло с тех пор».

Вот что пишет Кутами Вавилонянин. Его переводчик добавляет:

«Рассказывает Абу Бакр Ахмед ибн Вахшия. Месяц этот набатеи именуют таммузом, как я узнал из их книг, и назван он по имени человека, о котором рассказывают странную длинную легенду. Как они считают, его несколько раз подвергали самым жестоким казням. Каждый из месяцев у них носит имя какого-либо отличившегося ученого человека, одного из тех набатеев, что в древние времена жили в земле Вавилонской еще до халдеев. Этот Таммуз не был ни халдеем, ни хананеем, ни евреем, ни ассирийцем... Все сабии в наше время, вплоть до нынешних дней, плачут и причитают о Таммузе в месяце, названном его именем, во время праздника, посвященного ему; особенно женщины, которые все как одна и здесь⁴⁷, и в Харране оплакивают Таммуза. Они рассказывают о нем глупую длинную историю, но, как я убедился, никто из людей, какого бы он ни был вероисповедания, не знает точно, что это был за человек и почему его нужно оплакивать. Однако, когда я переводил эту книгу, я нашел в ней сведения о том, что с Таммузом связана некая легенда и что его предали позорной смерти. Это все; больше о нем не сказано ни слова. Набатеи не знали о нем ничего. Они смогли только поведать нам, что «предки наши оплакивали Таммуза во время праздника, названного в его честь». Я полагаю, что торжество, устраиваемое в память о Таммузе, – очень древний праздник, дошедший до наших дней, история которого забыта за давностью лет. Никто из ныне живущих сабиев не помнит ни истории Таммуза, ни того, почему мы оплакиваем его». Затем Ибн Вахшия обращается к легенде о святом Георгии, в память о котором христиане устраивают празднество в конце месяца нисан (апреля). Неоднократно приходил он к царю проповедовать христианство, несколько раз был казнен им и всякий раз воскресал, но потом умер. Ибн Вахшия отмечает, что то же самое рассказывают и о Таммузе. Далее он говорит, что, кроме сведений о Таммузе, почерпнутых из «Книги о набатейском земледелии», он обнаружил информацию о нем в другой набатейской книге, где эта легенда рассказана полностью: «Он призывал царя поклониться семи⁴⁸ и двенадцати⁴⁹, и царь несколько раз велел казнить его, но каждый раз тот оживал. Однако, в конце концов, он умер. И слушайте! Легенда эта совпадает с легендой о Георгии,

⁴⁶ о Таммузе и Янбушадхе

⁴⁷ в Багдаде

⁴⁸ планетам

⁴⁹ знакам

что в ходу у христиан».

Мохаммед эль-Медун в своей книге пишет: «Таммуз⁵⁰. В середине месяца происходит праздник эль-Бугат, то есть праздник плачущих женщин. Это праздник, справляемый в честь бога Та-Уза. Женщины оплакивают его, потому что хозяин жестоко убил его. Он перемолол его кости на мельнице, а затем развеял их по ветру».

Таким образом, беспристрастный автор подтверждает тождественность мифа о Таммузе и легенды о святом Георгии. Чем по своей сути является миф о Таммузе, точно сказать нельзя, однако слов Ибн Вахшия достаточно для того, чтобы сделать вывод: особое почтение, которое питают к святому Георгию на Востоке, и его необыкновенная популярность объясняются тем, что он представляет собой христианский вариант Таммуза.

Профессор Хвольсон настаивает на том, что Таммуз – это обожествленный человек, ставший объектом поклонения. Я считаю его теорию полностью ошибочной. Таммуз занимает в халдейской мифологии ту же позицию, что Рибху в Ведах. Французский востоковед Нев в 1847 году написал научную работу об этих древних индийских божествах, где доказывал, что они являются действительно жившими мудрецами, которым приписали качества богов. Однако тщательное изучение ведических гимнов о Рибху приводит нас к абсолютно другому заключению. Это обожествленные летние бризы, которые, как считалось, принимают участие в жертвоприношении, поскольку доносят дым от жертвенных костров до небес. Позже, когда этот контекст был утерян, они предстали уже в антропоморфном виде как принадлежащие к священной касте брахманов. Нечто подобное произошло, как я полагаю, и с Таммузом. Он олицетворял солнце, считался богом и героем, умиравшим в конце каждого года и воскресавшим с началом следующего. Во времена Кутами древнее божество, по всей видимости, почитали меньше. Тогда оно получило новое воплощение, уже в Ямбушадхе, легенда о котором повторяет историю о Таммузе и которому поклоняются так же, как и древнему богу, каковым он, собственно говоря, на самом деле и является.

Финикийский Адонис – это тоже Таммуз. В «Вульгате» святой Иероним переводит стих из Книги пророка Иезекииля («И привел меня ко входу в ворота дома Господня, которые к северу, и вот, там сидят женщины, плачущие по Фаммузе»⁵¹) следующим образом: *ecce mulieres sedentes plangentes Adonidem*. Далее в своих комментариях он добавляет: «Того, чье имя мы перевели как Адонис, и на древнееврейском, и на сирийском языках называют Фамузом... и так же называют они месяц июнь». Немаловажный факт: по словам святого Иеронима, временем смерти Таммуза считается летнее солнцестояние, так как оплакивают его в июне. Соответственно, мученичество его происходило в конце декабря. Кирилл Александрийский также отмечает тождество Адониса и Таммуза.

Имя Адонис имеет семитское происхождение, оно означает «господин». Культ Адониса через остров Крит распространился из Финикии на Грецию.

В одном из орфических гимнов Адонис отождествляется с Солнцем. «Ты светишь, и ты исчезаешь в прекрасном круге Ор, живя часть времени во мрачном Тартаре, а потом поднимаясь на Олимп и даря спелость плодам!» Согласно Феокриту, эти восхождения и спуски проходят полный цикл за двенадцать месяцев: «В течение двенадцати месяцев молчаливые Оры шествуют за ним из преисподней к жилищу богини Киприды и назад, когда спускается он к Ахерону». Причина этих странствий, как гласит миф, в том, что Адониса полюбили сразу две богини: Афродита, или, правильнее, Астарта, и Персефона. Афродита любила его так нежно, что вызвала ревность Ареса, и он послал к Адонису дикого вепря, чтобы тот убил его. Когда Адонис спустился в подземное царство, Персефона также вспыхнула страстью к прекрасному юноше. Как следствие, между ней и Афродитой возник

⁵⁰ июль

⁵¹ Иез., VIII: 14.

спор о том, которая из них должна владеть им. Противоречие разрешил Зевс, поделив год на три части. Одна (от летнего солнцестояния до осеннего равноденствия) принадлежала Адонису, другую он должен был проводить с Афродитой и третью с Персефоной. Но Адонис решил отдать свою часть года богине красоты. По другой версии, Зевс повелел, чтобы Адонис полгода жил с Афродитой на небесах, а другие полгода в царстве печали с Персефоной.

Культ Адониса, или того же Баала, был широко распространен в Сирии и Финикии. Поклонение Таммузу, проникшее в Грецию с Крита, практиковалось от Антиохии до Элама. Город Библ в Финикии являлся главным местом его почитания.

Таммуз, или Адонис, тождественен также и Осирису. Это подтверждено несколькими древними авторами.

Миф об Осирисе очень похож на все уже рассмотренные нами. Египетский бог солнца родился в день летнего солнцестояния и умер в день зимнего солнцестояния. Семь раз обходила процессия вокруг храма в поисках его тела. На небе Осирис был возлюбленным Исиды, а в стране тьмы его полюбила Нефтида.

Тифон, как греки называли Сета, или Беса, чудовище, принявшее форму кабана, нападало на Осириса и убило его; затем он разрезал его тело на части и выбросил их в море. Это случилось 17-го числа месяца Афор.

Затем начинается плач по Осирису, продолжающийся четыре дня, за которым следуют поиски его тела. В конце концов тело бога находят.

Подобно тому как это произошло в Вавилоне с мифом о Таммузе, вытесненном более современным культом Янбушадха, миф об Осирисе в другой, позднейшей форме, сопровождаемый соответствующими ритуалами, постепенно возобладал в Египте. Считалось, что душа умершего Осириса воплотилась в быке Аписе. Миф перешел на более низкую ступень, легенда об Осирисе, а также связанные с ним обряды были связаны с Аписом. По свидетельству Геродота, смерть священного быка в Мемфисе служила причиной всенародной скорби, а его обнаружение вызывало у населения ликование. Когда Камбиз был в Египте и страна стонала под игом иностранных захватчиков, Апис не рождался. Однако когда обе его армии были разбиты и он вступил в Мемфис, Апис появился на свет. Люди, облаченные в нарядные одежды, встретили своих завоевателей веселыми плясками и торжествами.⁵²

Итак, у финикийцев, сирийцев, египтян и набатеев – всех семитских народов – существуют своеобразные мифы, а также символические обряды, обладающие столь заметным сходством, что мы не можем не прийти к выводу, что это незначительно отличающиеся формы одного и того же первобытного мифа.

У арабов (еще одна семитская народность) есть миф, повторяющий вавилонский миф о Таммузе, который распространился вскоре после принятия ислама. Чем это объясняется? Полагаю, ответ следующий: у арабов до пророка Мухаммеда имелся некий культ, подобный культу Таммуза, Баала, Адониса или Осириса. Обратившись вслед за пророком в истинную веру, они сохранили старую легенду, связав ее с Эль-Худером, которого они отождествляли со святым Георгием. Мусульмане последовали примеру христиан, закрепивших древнее предание за мучеником из Никомедии. В Вавилоне оно перешло к Янбушадху, а затем и к Гиргису, подобно тому как греческий миф об Аполлоне и Пифоне развился в легенду о Персее и морском чудовище и, как мы увидим далее, нашел свое отражение в христианской мифологии и место в данном исследовании. Этому процессу в немалой степени способствовал тот факт, что одним из имен этого солнечного божества было Гигграс, как бы повторявшее названия труб, использовавшихся во время ритуала оплакивания.

Вот как обстоятельства смерти Таммуза меняются у различных семитских племен. Позвольте мне расположить их в следующем порядке.

⁵² Геродот. История. III, 27.

Набатейский миф. Таммуз.

Великий герой и пророк. Несколько раз подвергается жестоким казням, после каждой из которых возвращается к жизни. Его смерть оплакивают.

Финикийский миф. Адон или Баал.

Прекрасное божество, убитое разъяренным вепрем. Его оживляют и отправляют на небеса. Часть времени проводит на небе, другую часть – в преисподней. Его оплакивают, ищут, находят.

Сирийский миф. Баал.

Повторяет финикийский миф.

Египетский миф. Осирис.

Великий светлый бог и герой, убитый злым богом. Половину времени проводит на небе, половину – в потустороннем мире. Его оплакивают, ищут, находят.

Арабский миф. Эль-Худер, изначально Та-Уз.

Пророк, которого нечестивый царь казнит несколько раз. Каждый раз воскресает.

Восточнохристианский миф. Святой Георгий.

Воин, казненный нечестивым царем. Претерпевает ряд пыток, после каждой возвращается к жизни. В земной жизни проживает с вдовой. В мир иной с ним отправляется царица. Ритуалы поисков и оплакивания отпадают, остается лишь празднество.

Будучи изложенными в подобном виде и порядке, эти легенды представляют собой весьма наглядное доказательство того, что святой Георгий как мифический персонаж представляет собой семитское божество, перешедшее в христианство. В процессе адаптации в историю пришлось внести некоторые изменения, чтобы очистить ее от всего лишнего и лишить эротического оттенка. Необходимо было каким-то образом убрать Афродиту, или Астарту. Ее место заняла набожная вдова, в доме которой проживал святой юноша.

Затем пришла очередь Персефоны, царицы Аида. Она превратилась в мученицу Александру. Так же как и Персефона, являвшаяся женой безжалостного повелителя подземного царства, Александра была супругой Диоклетиана, или Дациана, и сопровождала Георгия в иной мир. Соответственно, в царстве света Георгий живет с вдовой, а в царстве печали с Александрой, подобно Осирису, делившему свое время между Исидой и Нефтидой, или Адонису, пребывавшему то с Афродитой, то с Персефой. Согласно христианскому преданию, тело Георгия было перевезено из места его смерти в его родной город. Это напоминает странствие тела Осириса вниз по Нилу до Библа, где его и отыскала Исида.

Влияние персидской мифологии также заметно. Эль-Недим рассказывает, что кости Таммуза размолоты в мельнице – эта деталь заимствована из иранской традиции приготовления ритуального жертвенного напитка Хаомы, в индийском варианте Сомы, который выступает здесь в антропоморфном виде, а способ его приготовления трансформируется в легенду о нашем герое. Хаому толкли в ступке, а сок лили на жертвенный костер и таким образом возносили на небеса. В легенде Хаома предстает в виде мученика, жестоко убитого и перемолотого в мельнице, воскресшего и вознесшегося на небеса. В истории Георгия можно обнаружить и другие следы иностранных мифов. Так, Георгий оживил павшего вола крестьянина Гликерия; то же самое рассказывают об аббате Уильяме из Вийе, святом Жермене и святом Мочуа. Бог Тор тоже оживил убитых и съеденных козлов. Вот отрывок из Ригведы о Рибху: «О сыновья Судханвана, из шкуры вы воскресили корову; песнями превратили старика в юношу и из одной лошади сотворили другую».

Числа в легенде, так или иначе, связаны с солнцем. Мучения святого Георгия продолжаются семь лет, или, согласно греческим записям, семь дней; тиран является правителем четырех сторон света и семи царей; в набатейской легенде Таммуз призывает поклониться семи планетам и двенадцати знакам зодиака. Семь дней ищут Осириса. Семь зимних месяцев упоминаются во всех мифологиях.

То, что святой Георгий несколько раз умирает от разных пыток, символизирует ежедневное «умирание» солнца. Греки, подобно большинству других народов,

рассматривали заход солнца как смерть этого божества и в своих мифах объясняли, почему это происходит. В греческой мифологии существует множество богов, представляющих солнце, и у каждого есть своя легенда, рассказывающая о его гибели. В семитской мифологии картина другая, солнечный бог там один, и, соответственно, он один (или, если он воплощается в человеке, то его воплощение) умирает разными смертями.

Бог солнца Фазтон падает в западные моря. Геракл тоже представляет солнце, он погибает, объятый пламенем, срывая с себя отравленное одеяние, подаренное ему Деянирой. Смерть Фазтона символизирует быстрый заход солнца на западе; смерть Геракла – заходящее пламенеющее солнце, как бы разрывающее «горящие» облака, обволакивающие его. Огненное зарево, сопровождающее заход солнца, означает также и погребальный костер Мемнона, а облака, тонущие в нем или гонимые ветром, – это птицы, вырывающиеся из погребального костра. Уязвимым местом Ахилла, очеловеченного бога солнца, была пятка. Тевтонского Зигфрида можно было поразить только в спину: это символ солнца, которое спускается с небес, повернувшись спиной, и которое сражает темнота. Так Арес, ослепленный бог, своими клыками пронзил Адониса, или слепой бог Хёд прутком омелы сразил Бальдра.

В легенде о святом Георгии мученика сжигают, как Мемнона или Геракла, и пронзают, как Ахилла и Аякса; подвешивают над огнем в медном быке, то есть над огненным заревом на западе в дождевой туче; он катится с горы, как Фазтон; раскаленный металл, в который его окунают, символизирует все то же пылающее зарево на западе.

Поскольку мы убедились, что святой Георгий, или Таммуз, олицетворяет солнце, мы без труда сделаем вывод, что Афродита или Исида – это видимая сторона луны, а Персефона или Нефтида – та ее часть, которую не видно. Фактически Персефона – это Афродита подземного царства, обреченная, по велению Зевса, полгода проводить там с Аидом, а другие полгода – на небе.

А теперь давайте обратимся к западной легенде о битве святого Георгия со змеем (драконом). Священные предания древности, адаптированные к христианству, нашли свое место и здесь.

История о святом Георгии и змее впервые появляется в «Золотой легенде» Якова Ворагинского. Не задавая себе вопросов о ее истинности или происхождении, средневековые церковнослужители и миряне просто приняли ее, и она даже нашла свое отражение в текстах церковных служб. Так было до реформы, проведенной папой Климентом VII. Тогда та часть молитв, где упоминалась битва с драконом, была удалена из требников и прочих церковных книг, и Георгий стал просто святым мучеником, находящимся у небесного престола вместе с Христом.

Вот как рассказывает эту легенду Яков Ворагинский.

Георгий, трибун, родился в Каппадокии. Он приехал в город Силену в Ливии. Неподалеку от города было озеро, где обитало страшное чудовище. Жители города, вооружившись, не раз пытались убить его, но оно всегда одерживало над ними верх и отгоняло их от озера. Монстр даже добирался до городских стен и своим ядовитым дыханием отравлял всех в округе. Чтобы задобрить его, жители вынуждены были каждый день отдавать ему двух овец; если же они не делали этого, то чудовище приходило к городу и отравляло воздух своим дыханием. Тогда погибало много людей. Так продолжалось до тех пор, пока овец в городе не осталось и нечего было дать чудовищу. Тогда жители собрали совет и решили ежедневно жертвовать монстру одного человека и одно животное. Люди отдавали чудовищу своих сыновей и дочерей, жребий не щадил никого. Однажды он пал на царскую дочь. Объятый ужасом отец предложил все свое золото и серебро и половину царства в обмен на ее жизнь, но возмущенные люди потребовали принести девушку в жертву. Все, чего смог добиться убитый горем царь, была отсрочка на восемь дней, чтобы он простился с дочерью и оплакал ее несчастную судьбу. Когда срок истек, люди явились во дворец и спросили: «Почему ты жертвуешь подданными, чтобы спасти свою дочь? Каждый день чудовище убивает нас своим ядовитым дыханием!» Царь понял, что должен послать

свое дитя на смерть. Деву облачили в царские одежды, отец обнял ее и произнес: «Увы, дочь моя! Я думал, что продолжу жить в твоих детях, мечтал о твоей свадьбе, надеялся украсить тебя пышным нарядом и представлял, какая веселая музыка будет играть в этот день – и флейты, и тамбурины, и все инструменты, какие только есть на свете. Но тебя пожрет ужасное чудище! Зачем я не умер раньше тебя!»

Царевна упала к ногам отца и попросила благословить ее. Царь сделал это и, рыдая, заключил ее в объятия. Затем она направилась к озеру. Георгий, шедший той же дорогой, спросил о причине ее слез и печали. Девушка ответила: «Добрый юноша! Седлай скорее своего коня и беги, если не хочешь погибнуть вместе со мной!» Но Георгий сказал: «Не бойся же, поведай мне, отчего ты плачешь и зачем собралась здесь эта толпа». – «Я вижу, что ты добр и великодушен, но молю тебя, уезжай!» – произнесла она. «Я не уеду, пока не узнаю, в чем дело», – возразил Георгий. Тогда царевна рассказала ему все, и он воскликнул: «Ничего не бойся! Во имя Иисуса Христа я помогу тебе». – «Храбрый воин! Не ищи смерти; достаточно будет и моей; ибо ты не сможешь ни облегчить мою участь, ни спасти меня, а только погибнешь вместе со мной!»

В эту минуту голова чудовища показалась над водой. «Беги же, воин, беги!» – закричала дева, вся дрожа.

Георгий в ответ только осенил себя крестным знаменiem и, произнося слова молитвы, устремился на чудовище. Воин с такой силой метнул копье, что пронзил монстра насквозь. Георгий велел царевне отбросить страх, связать чудище своим поясом и, как пса, вести его в город. Люди в ужасе разбежались при виде его, но Георгий призывал их не бояться, так как Христос послал его к ним, чтобы спасти от дракона. После этого царь и все его подданные, двадцать тысяч человек, не считая женщин и детей, приняли святое крещение, и Георгий отрубил голову чудовища мечом.

Согласно другой версии, царевна и все другие обитатели дворца были лишены воды – единственный источник у подножия холма охранял отвратительный змей, и святой Георгий избавил людей от этого чудища.

Похожие истории связаны с различными святыми и героями Средних веков: святым Секондом из Асти, святым Виктором, Гозо Родосским, Реймондом из обители Святого Сульпиция, Шрутом из Винкельрида, графом Эйманом, Муром из Мурхолла, который «победил дракона из Уонтли», Коньером из Сокберна и рыцарем Лэмбтона, «Джоном, что сразил змея». Ариосто использовал эту легенду в своем «Неистовом Роланде». Его герой освобождает Анджелику в полном соответствии с известным сюжетом; и эта тема снова возникает в сказке о Хедерлесе. То, что этот подвиг приписали святому Георгию, возможно, объясняется неправильным пониманием трудов Симеона Метафраста, который говорит: *«Licebat igitur videre astutissimum Draconem, adversus carnem et sanguinem gloriari solitum, elatumque, et sese efferentem, a juvene uno illusum, et ita dispectum atque confusum, ut quid ageret non haberet»*. Другой автор, описывая деяния святого Георгия, замечает: *«Secundo quod Draconem vicit qui significat Diabolum»*. Госпиниан, описывая страдания мученика, недвусмысленно дает понять, что именно его стойкость послужила причиной того, что Яков Ворагинский посвятил этому святому одну из своих легенд.

Если мы обратимся к мифу о Персее и Андромеде, то увидим, что во всех ключевых моментах он совпадает с историей каппадокийского мученика.

В наказание Кассиопее, похвалявшейся, что она прекраснее Геры, Посейдон наслал на страну, которой правил ее муж Кефей, потоп и морское чудовище, дабы опустошить их земли. Правитель обратился к оракулу Аммона, и тот возвестил, что лишь принесение в жертву царевны Андромеды сможет остановить чудовище. Ее должны были приковать к скале и оставить на растерзание монстру. Когда чудище начало выходить из воды, появился Персей. Увидев опасность, грозящую девушке, он вступил в бой с монстром и победил его.

Действие этого мифа происходит в Иоппе, где при жизни святого Иеронима были обнаружены кости огромной рептилии. Иосиф Флавий утверждает, что он собственными глазами видел цепи, которыми царевна была прикована к скале. Битва святого Георгия со

змеем произошла в Бейруте.

Похожих мифов в Греции было множество. Сын Посейдона освободил остров Саламин от чудовища, причинявшего жителям неисчислимые бедствия. В окрестностях города Феспия жил дракон, державший в страхе все население; по приказанию Зевса люди должны были, согласно выпавшему жребию, отдавать чудовищу своих детей. Однажды жребий указал на Клеострата. Менестрат решил спасти его. Он облачился в одежду, утыканную острыми крючками, и дракон, проглотив его, издох. Ферекид убил громадного змея в Каулонии. Впоследствии эту историю рассказывали уже о Пифагоре, а место действия было перенесено в Сибариду. Геракл, как всем известно, победил гидру. Но все это отголоски изначального, основного мифа об Аполлоне и Пифоне.

Гера послала чудовище Пифона, чтобы оно преследовало Лето, носившую под сердцем Аполлона. В момент своего рождения Аполлон стрелами сразил Пифона. В том месте, где упал змей, из земли забил источник.

Похожие мифы есть у скандинавов и тевтонцев. В северной мифологии место Аполлона занимают Сигурд, Зигфрид и Беовульф.

Сигурд уничтожает Фафнира, охранявшего золото. Подобным же образом Зигфрид в «Песни о нибелунгах», вступив в схватку, одерживает победу над могучим драконом и получает сокровища. У англо-саксонской поэмы о Беовульфе тот же сюжет. Чудовище Грендель обитает в болотах в окрестностях города у Северного моря. Ночью злой дух поднимается в горы, нападает на вооруженных воинов и убивает их. Беовульф просыпается и принимает бой, однако на следующий день Грендель возвращается и снова нападает; герой убивает его волшебным мечом. Несколько лет спустя он побеждает дракона и забирает у него несметные богатства. В исландских сагах полным-полно таких историй; они встречаются и во всех европейских сказках.

В «Ригведе» мы видим тот же миф. Индра борется с отвратительным змеем Ахи, или Вритрой, охраняющим источник дождей. В иранской мифологии подобная битва происходит между Митрой и демоном Ариманом.

Судя по всему, мотив битвы с драконом присутствует в мифах всех ариев.

Значение его заключается в следующем.

Дева, которую хочет пожрать дракон, – это земля. Чудовище символизирует грозную тучу. Герой, вступающий с ним в бой, – это солнце, а меч, которым он поражает монстра, – это, соответственно, молния. Он побеждает и освобождает землю от грозившей ей опасности. Сюжет меняется в зависимости от особенностей климата отдельных стран. В Индии Вритра лежит, свернувшись кольцом, над источником воды, а земля страдает от засухи. Индра пронзает его мечом, и на землю проливаются потоки воды. «Ригведа» гласит: «Я воспою древние подвиги, которыми отличился сияющий Индра. Он победил Ахи, пролил воду на землю, он освободил потоки небесных гор⁵³. Он победил Ахи, прятавшегося в недрах небесной горы, он сразил его громовым оружием, выкованным для него Тваштаром; и воды, подобно вырвавшимся на волю зверям, излились на землю».

И далее:

«О Индра, ты убил жестокого Ахи, кто прятал воду!»

«О Индра, ты победил Ахи, спящего стража вод, и низверг их в море, ты пронзил облака и выпустил наружу потоки, которые хлынули во все стороны».⁵⁴

У древних иранцев тоже существовал этот миф, но рассказывал он о борьбе добра и зла. Ариман представляет собой Ахи и воплощает силы зла. В армянском языке он превратился в Карамана и стал означать змея или дьявола. Ариман принял вид дракона и

⁵³ то есть облаков

⁵⁴ В книге Сомадевы «Океан сказаний» герой сражается с демоническим чудовищем и освобождает прекрасную женщину из его плена. История в этом виде сильно напоминает миф о Персее и Андромеде.

вошел в рай, где встретился с Митрой и был им побежден. Как змей из Апокалипсиса, он «будет связан три тысячи лет, а когда наступит конец света, его сожгут в расплавленных металлах». Согласно Авесте, Ашмог (Асмодей) также является демоном-змеем. Это не что иное, как еще одна ипостась Аримана. Как и в Европе, легенду эту достаточно скоро связали с известным историческим персонажем. В девятом гимне Ясны Заратустра спрашивает Хаому, кем были первые смертные, что почитали его, и Хаома отвечает: «Первым из смертных, кто выжимал меня для телесного мира, был Вивахвант, отец Йимы, в царствование которого не было ни мороза, ни зноя, ни старости, ни смерти, ни зависти, созданной дэвами. Вторым из смертных, кто выжимал меня для телесного мира, был Атвия, отец Траэтаона, который убил Змея-Дахаку, имевшего три пасти, три головы, шесть глаз, тысячу сил». Этот Траэтаон в «Шахнаме» превращается в Феридуна, победителя великого дракона Зохака.

В северной мифологии змей, по всей вероятности, символизирует зимние тучи, которые покрывают небо и прячут от смертных золото – солнечный свет и тепло. Но весной солнце преодолевает силы тьмы и зимние бури и дарит свое золото людям. В древних исландских сагах этот миф предстает в крайне любопытном виде, и, если бы в этой книге было больше места, я с удовольствием изложил бы его полностью. Герой спускается в могилу, где вступает в бой с мертвецом, который обладает огромными богатствами и волшебным мечом. В ходе жесточайшей схватки герой одерживает верх и вместе с сокровищами поднимается на поверхность земли. Это тоже означает солнце северных земель, которое спускается в могилу зимы, одолевает темноту и отнимает у нее меч (молнию) и сокровище (плодородие) – все то, что дарит солнце земле, возвращаясь летом.

Возможно, это древнейшая форма скандинавского мифа, и царь тьмы, охраняющий золото, превратился в дракона только после того, как норвежцам стали известны мифы о драконах, существующие у других народов. В «Саге о Хромунде, сыне Гриппа» герой по веревке спускается в курган, вход в который он раскапывал шесть дней. Там он находит старого короля Траина Викинга; к потолку склепа подвешен котелок, в котором пляшут языки пламени. Конунг собрал в этом кургане все сокровища, которые нажил грабежами и набегами, и велел похоронить себя заживо вместе со своим несправедливым богатством. Хромунд видит, как он сидит на троне с короной на голове в полном вооружении, опоясанный мечом, а ноги его покоятся на трех сундуках серебра. Этот же сюжет мы встречаем в «Саге о Греттире», только короля зовут Кар Старый. Греттир обнаруживает курган, видя ночью огонь над холмом. Во время битвы, которая разворачивается под землей, мертвец и Греттир налетают на кучу костей, оставшихся от коня старого короля, и это помогает Греттиру одержать верх.

Похожие истории попадают в «Сагу о людях с Болот», «Младшей Саге об Олаве Святом» (глава 16), «Древнейшей саге об Олаве Святом» (главы 3 и 4), «Саге о Хёрде и островитянах» и «Саге о Барде». В последней уже ощущается влияние христианства и появляются некоторые признаки превращения злобного существа в дракона. Гест отправляется на остров у побережья Хеллуланда (Лабрадора), где похоронен отвратительный демон – король Ракнар. Он берет с собой священника, несущего распятие и святую воду. Им приходится выкопать яму глубиной пятьдесят фатомов, прежде чем они добиваются до склепа. Гест спускается туда по веревке, держа в одной руке меч, а в другой свечу. Внизу он видит огромный корабль в форме дракона, в котором сидят пятьсот воинов старого короля, похороненных вместе с ним. Они неподвижны, пустыми глазами смотрят на пламя свечи и выпускают дым из ноздрей. Гест забирает у мертвого короля все золото и оружие и уже собирается отнять у него меч, когда свеча догорает. И тут же все пятьсот воинов во главе с королем бросаются на него. Завязывается кровавая битва. Гест взывает о помощи к святому Олаву, и тот появляется. Свет, исходящий от его тела, заливают курган. При свете мертвецы лишаются своей силы, и Гест с успехом завершает начатое. В истории Сигурда и Фафнира дракон наполовину человек, но в битве Гулль-Торира противник уже имеет крылья и покрыт чешуей в лучших восточных традициях.

Позвольте мне еще раз кратко изложить некоторые арийские мифы о борьбе солнца и демона тьмы или бури.

Индийский миф. Индра борется с Ахи.

Индра убивает Ахи, символизирующего грозовую тучу, и дает выход воде, от недостатка которой страдает земля. Ахи – змей.

Персидский миф. Митра и Ариман.

Митра явно обозначает солнце, а Ариман – тьму. Ариман – дракон.

Греческий миф. Аполлон и Пифон, Персей и морское чудовище.

Аполлон олицетворяет солнце, а Пифон – грозовую тучу. Аполлон освобождает свою мать от змея, Персей спасает Андромеду от морского змея. В других греческих легендах герой спасает землю от разрушения.

Тевтонский миф. Зигфрид и дракон.

Зигфрид сражается с драконом, охраняющим спрятанные сокровища. Герой убивает чудовище и получает сокровища.

Скандинавский миф. Сигурд и Фафнир.

Повторяет легенду о Зигфриде. По другой, возможно, более ранней версии, дракон – это царь преисподней, который не выносит света; он украл у земли ее золото. Герой спускается в его царство, борется с ним, побеждает и отнимает у него сокровище.

Христианский миф. Святой Георгий и дракон.

Святой Георгий освобождает царевну от чудовища, которое хочет съесть ее. По другой версии, дракон стережет источник воды, а страна страдает от засухи. Святой Георгий возвращает людям воду, убив дракона.

Список можно было бы продолжить, включив в него кельтские и славянские мифы, но и тех, что уже рассмотрены нами, вполне достаточно, чтобы сделать вывод: легенда о святом Георгии и драконе (змие) является составной частью одного из священных арийских мифов, и после изучения ведических стихов трактовка его становится абсолютно однозначной.

Учитывая, насколько широко распространен и известен был этот миф среди языческих народов Европы, неудивительно, что он проник в христианство и был увековечен в новой форме, а герой, с которым его связали, стал одним из наиболее почитаемых и известных святых в церковном календаре.

Во времена Константина Великого между городами Рамой (древняя Аримафея) и Лиддой (или Диосполем) существовал большой и красивый храм Святого Георгия, возведенный императором над его могилой. Рама была также известна под именем Георгия, и жители города считали, что святой воин родился именно здесь. Храм Юноны в Константинополе был переделан в церковь, которую первый христианский император посвятил тому же святому. Согласно традиции, мощи мученика были перенесены из его могилы, что возле Лидды, в новую церковь в великом граде Константиновом. Известно, что голова святого Георгия находилась в Риме, или, по крайней мере, одна из его голов, поскольку другая голова после захвата турками Византии оказалась в Пикардии, куда ее перевезли из церкви Святого Георгия, построенной Константином Мономахом. О римской голове забыли и обнаружили ее вновь только в 751 году; надпись свидетельствовала о том, что это голова святого Георгия. В 1600 году ее передали церкви в Ферраре. В Риме, Палермо и Неаполе еще во времена раннего христианства существовали храмы, посвященные святому Георгию. В 509 году Клотильда основала в его честь женский монастырь в Шелле, а Хлодвиг II, по призыву святого, построил монастырь возле Баралы. Здесь хранилась рука мученика Георгия, которая в IX веке была перенесена в Камбрэ. Пятьдесят лет спустя святой Жермен посвятил этому воину алтарь в Париже. В VI веке в честь Георгия был возведена церковь в Майнце; в следующем столетии Хлотарь построил храм в Неймегене, а его брат – в Эльзасе. Монастырь Святого Георгия был основан в Тетфорде во времена правления Кнуда; соборная церковь в Оксфорде – при Вильгельме Завоевателе. Церковь Святого Георгия в Саутварке была построена еще до Нормандского завоевания; монастырская церковь в Грисли в Дербишире, посвященная святым Георгию и Марии – при Генрихе I. После Крестовых

походов святого Георгия стали почитать еще больше. Осиянный светом, появился он у стен Иерусалима и, взмахнув своим мечом, повел крестоносцев на Святой город. Несомненно, святой Георгий и святой Михаил приняли на себя обязанности и функции Диоскуров. Роберт Фландрский по возвращении из Святой земли преподнес в дар городу Тулузе частицу руки святого, а еще две частицы – графине Матильде и аббатству в Ошене. Другая рука святого Георгия чудесным образом упала с неба на алтарь церкви Святого Панталеона в Кельне, и в честь этого события епископ Анно заложил церковь.

В церкви Вийесен-Лё находятся мощи святого, подаренные Александром, духовником графа Эрнеста, который получил их от Балдуина в Иерусалиме.

Преклонение крестоносцев перед святым воином, вдохновившим их на битву, сделало Георгия необычайно популярным среди европейской знати и рыцарей. Англия, Арагон и Португалия провозгласили его своим покровителем; после Крестовых походов также было основано множество рыцарских орденов. В 1245 году, в День святого Георгия, Фридрих Австрийский учредил рыцарский орден его имени, и флаг Святого Георгия, красный крест на белом фоне, во время битвы реял рядом с имперским. Когда император вступил в замок Святого Ангела в Риме, оба этих флага несли перед ним. Флаг Святого Георгия стал популярен и в Швабии. В начале XIII века рыцарский орден под покровительством святого Георгия возник в Генуе, а в 1201 году – в Арагоне, и кавалеры его носили титул рыцарей ордена Сан-Хорхе де Альфама.

В 1348 году Эдуард III построил часовню Святого Георгия в Виндзоре. В следующем году он начал осаду Кале. Томас Уолсингем рассказывает, что король, движимый внезапным порывом, выхватил меч и воскликнул: «Ура! Святой Георгий! Ура! Святой Эдуард!» Эти слова вдохновили его солдат, которые с новой силой набросились на французов и в кровавой битве уничтожили двести человек. С того времени святой Георгий стал считаться покровителем Англии, сменив Эдуарда Исповедника. В 1350 году был учрежден прославленный орден. В 1415 году указом архиепископа Чичли День святого Георгия был приравнен основным церковным праздникам и должен был отмечаться наравне с Рождеством. Всякая работа в этот день была запрещена. Святой Георгий был также объявлен покровителем английского воинства. В 1545 году День святого Георгия рассматривался как великий праздник с соответствующими молитвами, «апостолами» и евангельскими чтениями. Однако в правление Эдуарда IV это было упразднено, и время собрания коллегии членов ордена Подвязки было перенесено со Дня святого Георгия на день, предшествующий Троицыну дню, сам Троицын день и День Святого Духа.

В следующем году, который стал первым годом правления королевы Марии, указ был отменен, древний обычай соблюдается до сих пор, и капитул ордена собирается ежегодно в День святого Георгия.

В заключение остается только еще раз обратить внимание читателя на чудесную аллегорию, которая положена в основу этого западного мифа. Святой Георгий – это любой христианин, давший при крещении клятву быть верным членом воинства Христова и служить ему до конца своих дней. Он защищен доспехами Добродетели, щитом Веры, отмеченным красным крестом, шлемом Спасения и вооружен мечом Святого Духа, который есть слово Господне и Его воля.

Отвратительное чудовище, с которым бьется христианский воин, – это тот «древний змей, дьявол», что не дает благодати Божьей пролиться на землю и хочет разорвать на части и пожрать безгрешную душу. За нее и борется воин-победитель.

Глава 14

Святая Урсула и одиннадцать тысяч дев

Перечитывая Тацита «О происхождении германцев и местоположении Германии» с целью изучения тевтонской мифологии, я наткнулся на отрывок, настолько меня озадачивший, что я решил детально исследовать его, проследить связь с другими

утверждениями и определить его точный смысл, не зная еще, как далеко это меня заведет. Этот отрывок будет процитирован ниже. Здесь достаточно отметить, что именно он привел меня к легенде о святой Урсуле и сопровождающих ее девственных мученицах.

Я ознакомился с замечательной книгой доктора Оскара Шаде из Бонна⁵⁵, посвященной святой Урсуле, и был приятно удивлен, что он, начав свои изыскания с того, чем я окончил, пришел к тому пункту, с которого я начал.

Поскольку объектом данного исследования является христианский миф, представляется более целесообразным придерживаться того же курса, что и доктор Шаде, а не следовать моему собственному. Невозможно представить себе христианскую мифологию без легенды о святой Урсуле – она занимает там важнейшее место. Об этом свидетельствуют и многочисленные яркие подробности, и то, как почитается эта святая, и упорство, с которым Церковь настаивает на всех деталях сюжета, представляющих эту историю в наиболее правдоподобном и впечатляющем виде. Вот еще одна причина, по которой нельзя обойти вниманием легенду о святой Урсуле: она представляет собой показательный пример того, как развивались мифы о христианских святых в Средние века. В данном случае этот процесс необычайно нагляден. Легенды создавались буквально из ничего, так сказать, за неимением лучшего. И история святой Урсулы – ярчайшая иллюстрация подобного процесса.

Некоторые средневековые легенды прекрасны, другие нелепы, а какие-то и вовсе отвратительны. Последние два вида я отбрасываю сразу, а вот к первому имею давнюю привязанность. Увы! Слишком часто эти истории напоминают содомские яблоки: румяные и красивые снаружи, но внутри их – пыль и прах язычества.

Согласно преданию, Урсула и одиннадцать тысяч британских дев приняли мученичество в Кельне 21 октября 237 года, так как в 1837 году широко отмечалась 1600-летняя годовщина этого события. Они пострадали от гуннов, которые возвращались после поражения, нанесенного им Аэцием в битве на Каталаунских полях в 451 году. Таким образом, расхождения во времени весьма значительны. В раннем мартирологе, составленном Иеронимом и опубликованном д'Ашери, святая Урсула не упоминается, равно как и в мартирологе Беда Достопочтенного, родившегося в 672 году. Беда утверждает, что перечислил всех святых, о которых читал. Поскольку святая Урсула была британкой очень знатного происхождения и вместе с ней за веру пострадало немалое количество людей – одиннадцать тысяч дев разделили с ней мученический венец, – поразительно и важно, что Беда ничего об этом не знает. В мартирологе, который является компиляцией и был составлен в 804 году, нет сведений о святой Урсуле, так же как и в «Корбийском календаре», относящемся приблизительно к 831 году. Не упомянута она и в мартирологе Рабана Мавра, который умер в 856 году. Усардус, чьи труды датируются примерно 875 годом, ничего не сообщает о святой Урсуле, однако 20 октября значится как день памяти святых дев Марты и Саулы и многих других, пострадавших в Кельне. Святой Адо составил мартиролог в 880 году, но святая Урсула и другие девы в нем не числятся. То же самое у Ноткера из Санкт-Галлена, который умер в 912 году, и в мартирологе Корби 900 года. Ничего об этой святой не сказано и в двух мартирологах, даты составления которых точно не установлены; они названы по именам Лаббе и Ришенов. Итак, мы видим, что вплоть до X века, на протяжении 650 или 450 лет после предполагаемой даты мученичества, нет никаких упоминаний о самой святой Урсуле и лишь одно о святых мученицах-девах из Кельна. Усардус, у которого оно встречается, приводит имена Марты и Саулы. Старинный календарь мучеников, хранящийся в городской библиотеке Дюссельдорфа и относящийся к X веку, просто повторяет вслед за Усардусом имена святых за 21 октября. В литании XI века из библиотеки Дармштадта упоминаются уже пять дев в следующем порядке: Марта, Саула, Паула, Бриттола и Урсула. В другой литании из того же собрания число мучениц увеличивается до восьми. Меняется порядок перечисления: Бриттола, Марта, Саула,

⁵⁵ *История святой Урсулы*. Ганновер, 1854.

Сабатия, Сатурнина, Грегория, Пинноса и Палладия. В следующей литании из дюссельдорфской библиотеки мучениц становится уже одиннадцать: Урсула, Сенсия, Грегория, Пинноса, Марта, Саула, Бриттола, Сатурнина, Рабасия, Сатурия и Палладия. И вновь одиннадцать упомянуты в еще одной литании, но в другом порядке: Марта, Саула, Бриттола, Грегория, Сатурнина, Сабатия, Пинноса, Урсула, Сенсия, Палладия и Сатурия.

Наконец, в XII веке хроника Родульфа, датирующаяся 1117 годом, называет двенадцать дев-мучениц.

Однако в легенде IX века о святом Куниберте (ум. 663) рассказывается, что в то время, как он вел службу в церкви Святых дев, появился белый голубь и указал место, где покоились останки одной из мучениц, которые и были немедленно извлечены.

В IX веке существовал монастырь Святых дев в Кельне; упоминания о нем встречаются и в X, и в последующих столетиях. Но первым, кто увеличил количество мучениц до столь внушительной цифры, стал Вандальберт. В своем поэтическом списке святых, записанном около 851 года, он, не называя Урсулу по имени, сообщает, что пострадавших за веру дев были «тысячи». Однако подлинность строк, приписываемых ему, некоторые исследователи подвергают сомнению.

Далее сведения о многочисленных мученицах мы находим в календаре конца IX века, согласно которому 21 октября почитается память святого Гилария и одиннадцати тысяч дев. Архиепископ кельнский Германн в 992 году также называет это число. В 927 и 941 годах архиепископ Вихрид говорит об одиннадцати тысячах дев, и с этих пор повсюду в Европе девы-мученицы упоминаются уже именно в этом количестве.

Существуют различные предположения насчет того, почему возникло это необыкновенное число. Некоторые считают, что одну из мучениц звали Ундецимила.⁵⁶

Встречающаяся в ранних средневековых календарях запись *Ursula et Undecimilla Virg. Mart.*⁵⁷ могла быть ошибочно истолкована как «Урсула и одиннадцать тысяч дев-мучениц». И действительно, в одном из старинных служебников имеется именно такая строка. В то же время в надписи в Шпирсе, согласно Реттбергу, называются Урсула и Декумилия. Иоганн Шпренц полагал, что объяснение кроется в использовании в старых рукописях мартирологов и календарей тевтонского *Gimartarôt*, или *Kimartrôt (passus)*, и отсюда соответствующую запись *S. Ursula Ximartor* позднейшие авторы могли прочесть как *S. Ursula, et XI. Martor*, то есть Св. Урсула и XI Мучениц. Или, следуя еще одной версии, если настоящее число дев было одиннадцать, оно могло быть записано как *SS. XI. M. Virgines*, что означает одиннадцать святых дев-мучениц, а буква М в сокращении от слова *Martyr* позже была принята за римское число М (тысяча). Противоречит данной версии то, что ни в одном старинном календаре буква М не стоит перед словом *Virg.*; эти святые везде значатся как *SS. M. XI. Virg.* – до тех пор, пока они не превращаются вдруг в одиннадцать тысяч.

До X века никаких подробностей относительно этих святых не сообщается; но затем они начинают появляться. Первым, кто поведал о них, стал Сигеберт из Жемлу (ум. 1112). Под датой 453 год он помещает рассказ о мученичестве девы Урсулы. Она была единственной дочерью могущественного и богатого британского владыки. Ее руки попросил сын «некоего беспощадного тирана». Урсула ранее приняла обет безбрачия, и ее отец оказался в трудном положении: он боялся навлечь на себя гнев Божий в случае, если примет предложение, и опасался ярости короля в случае отказа. Однако девушка разрешила трудность: Господь научил ее, что она должна принять предложение тирана, но с одним условием. Оба владыки должны были дать ей в спутницы десять девиц подходящего возраста и приятной наружности, каждую из которых должна сопровождать тысяча служанок, и выделить им одиннадцать кораблей. На этих кораблях девы будут странствовать

⁵⁶ Это имя в переводе означает «одиннадцать тысяч». (Примеч. пер.)

⁵⁷ То есть «Урсула и Ундецимила, святые девы-мученицы». (Примеч. пер.)

три года, посвятив их своему девичеству. Урсула выдвинула это условие в надежде, что из-за трудности его выполнения ей откажут. В том случае, если ей пойдут навстречу, Урсула собиралась убедить своих спутниц посвятить себя служению Всевышнему.

Тирану удалось собрать требуемое количество девиц; они были предоставлены в распоряжение Урсулы, так же как и одиннадцать богато убранных кораблей. В течение трех лет девы странствовали по морям и океанам. Однажды ветер принес их к берегам Галлии и оттуда вверх по течению Рейна в Кельн. Они доплыли до Базеля, где сошли на землю и продолжили свое паломничество пешком, перешли через Альпы, достигли Италии и в Риме посетили могилы апостолов. Тем же путем они возвращались обратно, но в Кельне встретили гуннов и все до одной были преданы мученической смерти.

Судя по всему, эта история является добавлением к оригинальному тексту «Хроники» Сигеберта, поскольку в первоисточнике, принадлежащем руке самого автора, этого отрывка нет. В то же время следы по краю листа позволяют предположить, что к книге позднее была добавлена еще одна страница, однако, когда и кем это было сделано, остается неясным, так как эта страница утеряна.

Оттон Фрейзингенский (ум. 1158) упоминает об этой легенде в своей «Хронике». Он говорит: «Армия эта⁵⁸, наводнив всю землю, заставила одиннадцать тысяч дев в Кельне принять мученическую смерть».

Легенда XII века в изложении Сурия окрашена в романтические тона. В этом же столетии она появляется в великолепной «Истории» Гальфрида Монмутского (ум. 1154). Входила ли легенда в «Валлийскую книгу» архиепископа Уолтера, из которой славный епископ Сент-Асафа так много позаимствовал для своей собственной, неизвестно. История, рассказанная им, существенно отличается от ее немецкого варианта. Согласно Гальфриду, император Максимиан, истребив население северной Галлии, стал собирать в Британии людей, чтобы заселить опустошенные им земли. Из Арморики он создал вторую Британию и передал власть над ней Конану Мериадоку. После этого он повернул на восток и, утвердившись в Трире, вступил в противодействие с императорами Грацианом и Валентинианом, оспаривавшими у него верховную власть. В то время Конан защищал Бретань от набегов соседствовавших с ней галлов; осознав через некоторое время, что его воины не могут обходиться без жен, он послал в Британию за девицами, которые смогли бы стать верными супругами его воинам и нарожать еще солдат, чтобы можно было продолжить войну с галлами. Тогда же в Корнуолле взошел на престол Дионот, унаследовавший трон от своего брата Карадока. У него была дочь Урсула, девушка необыкновенной красоты, чьей руки добивался сам Конан. Получив просьбу владыки Арморики, Дионот без промедления собрал на корабли одиннадцать тысяч девиц благородного происхождения и шестьдесят тысяч простолудинок и отправил их по Темзе навстречу будущим мужьям.

Но не успели корабли покинуть устье реки, как налетели ветра и отнесли часть из них к берегам населенных варварами островов, девушки были перебиты или взяты в плен. Некоторые пали жертвами отвратительных солдат армий гуннов и пиктов, которые, набросившись на несчастных, истребили их без всякой жалости.

Очевидно, что Гальфрид рассматривает это событие как исторический случай, не вкладывая в произошедшее никакого религиозного смысла.

В 1106 году Кельн был осажден, и крепостные стены в некоторых местах были разрушены. Как только враг отступил, горожане начали отстраивать их заново. А поскольку фундамент тоже пострадал, потребовалось восстановить и его.

Выяснилось, что старая стена проходила по территории древнего кладбища, оставшегося от римского поселения Колонии Агриппины. Когда проводились строительные работы, было найдено огромное количество костей; особенно много в одном месте. Некому фанатичному или же просто легко возбудимому горожанину было видение: ему явились две

женские фигуры, окруженные сиянием, и сказали, что кости эти – останки святых дев-мучениц. Это заявление вызвало всеобщее воодушевление; кладбище раскопали и нашли еще кости, а также урны, оружие, каменные гробницы и надгробные памятники. Древние римские захоронения, по всей видимости, оказались неистощимым складом святых мощей. Однако среди царящего восторга и религиозного подъема вдруг выяснились интересные подробности, к изумлению верующих и злорадству неверующих. Было обнаружено немало костей и памятников, принадлежащих мужчинам. Под надгробными плитами, судя по выбитым на них надписям, покоились Симплиций, Пантул и Этерий, а внушительных размеров берцовые кости никак не могли принадлежать хрупким девам.

В этот как нельзя более подходящий момент, когда смятение охватило было добрых католиков, появилась одна монахиня – Елизавета из монастыря Шенау. Эта PROVIDИЦА и разрешила возникшую трудность, к большому облегчению верующих. Время от времени Елизавета впадала в состояние транса, в момент которого на нее снисходило откровение. Увиденное она на латыни описывала своему брату Эгберту; он был единственным, кто присутствовал рядом с ней в такие моменты. По ее словам, папа римский Кириак, а также некоторые из кардиналов, епископов и монахов, встретившись в Риме со святыми девами, в религиозном порыве пожелали следовать вместе до Кельна, где и разделили с ними мученический венец.

Итак, было найдено удовлетворившее всех объяснение присутствию в захоронении мужских костей. Не было ничего нечистого или порочного в том, что целомудренные девы и их спутники вместе перешли через Альпы и спустились к Рейну, где пали под мечами варваров. Симплиция опознали как архиепископа Равенны, Пантул оказался епископом Базеля, а Этерий, как выяснилось, был нареченным женихом Урсулы, принявшим христианство и дошедшим до Рейна, чтобы встретиться со своей святой невестой.

Возник и еще один деликатный момент. Как получилось, что все мученики были обеспечены саркофагами и надгробными плитами?

Видение монахини помогло объяснить и это.

Архиепископ Антиохии Яков, уроженец Британии, приехал в Рим, чтобы встретиться с папой Кириаком, но по прибытии узнал, что в последний раз Его Святейшество видели переходящим Альпы в сопровождении одиннадцати тысяч дев неопишуемой красоты. Восточный патриарх немедленно последовал за наследником святого Петра и достиг Рейна как раз на следующий день после кровавой бойни. Он вырезал на камнях имена и титулы многих погибших. Как он их узнал, не сообщается. Однако архиепископу не удалось завершить свой святой труд – гунны застали его за этим занятием и предали смерти.

Таким образом, сомнениям и недоверию не был дан ход, и благочестивая монахиня, которой более не являлись видения, связанные с одиннадцатью тысячами дев, окончила свои дни окруженная ореолом святости.

Сразу после ее смерти на раскопках старого кладбища были сделаны новые открытия, и утихший было скандал возобновился опять.

На сей раз откопали значительное количество детских костей, некоторые из них принадлежали младенцам всего нескольких месяцев от роду. Это стало поразительной и неприятной новостью, в немалой степени бросавшей тень на репутацию папы, кардиналов и священников, сопровождавших юных дев на пути из Рима, и возбуждавшей определенные подозрения, что не одни девицы находились на кораблях, бороздивших моря, как утверждалось в легенде.

Монахиня Елизавета из Шенау была мертва. Кто мог встать на защиту добродетели мучеников?

По счастью, объявился старый монах-англичанин из ордена премонстрантов, которого звали Ричард. Он жил в кельнской епархии в аббатстве Арнсберг. Ричард оказался весьма чувствителен к нехорошим слухам вокруг его святых соотечественников и с помощью своих видений постарался исправить ситуацию. Он объявил, что паломничество одиннадцати тысяч дев вызвало такое восхищение в Англии, что их замужние родственницы также

пожелали плыть с ними на кораблях со своими детьми всех возрастов. Все вместе они приняли мученическую смерть. Ричард добавил, что сицилийская принцесса Герасина отправилась в путь с четырьмя своими дочерьми и новорожденным сыном, как и императрица некоей восточной империи Констанция. Цари, принцы и принцессы из Норвегии, Швеции, Ирландии, Фландрии, Нормандии, Брабанта, Фрисландии, Дании – словом, из всех стран, знакомых географу XII века, – присоединились к странникам, чтобы выказать свое восхищение чистотой и набожностью Урсулы и ее спутниц. Олоферн, жених Урсулы, несмотря на противостояние ее отца, настоял на том, чтобы возглавить флотилию. Под его началом находились триста матросов, которые и управляли кораблями.

Такова история развития и распространения этой любопытной легенды. Вся она состоит из множества недоразумений и надувательств. Остается только надеяться, что ничего подобного ей не существует. По сей день церковь Святой Урсулы в Кельне посещают тысячи верующих, прося заступничества у мученицы, в действительности никогда не существовавшей, и поклоняясь святым мощам, которые на самом деле принадлежат язычникам.

Однако есть новость еще хуже.

Урсула, по сути, не кто иная, как швабская богиня Урзель, или Хёрзель, трансформировавшаяся в христианскую святую.

«Часть свебов совершает жертвоприношения и Изиде», – сообщает Тацит в своем произведении «О происхождении германцев и местоположении Германии». По мнению Гримма, эта Изида является богиней Цизой, которой поклонялись жители некоторых областей возле Аугсбурга. Кюхлен, аугсбургский поэт XIV века, пишет:

Они возвели там огромный храм,
Посвященный Цизе, языческой богине,
Которой они по языческим обычаям
Поклонялись в то время.
Город был назван Цизарис
В честь богини; такова была его слава.
Храм ее долго стоял невредимым,
Пока время не разрушило его.

Непонятно, почему Тацит называет богиню, которой поклонялись свебы, Изидой; возможно, это имя показалось ему похожим на имя германской богини или он увидел сходство между двумя культами. Я полагаю, что причина как раз в последнем. Приведем отрывок полностью: «Они больше всего почитают Меркурия и по известным дням приносят ему в жертву людей. Геркулеса и Марса они умилоствуют закланиями животных. Часть свебов совершает жертвоприношения и Изиде. В чем причина и каково происхождение этого чужестранного обряда, я не сумел выяснить, но, поскольку их святыня изображена в виде корабля либурны, этот культ, надо полагать, принесен извне».⁵⁹

Здесь в одном месте сразу три римских имени использованы для обозначения германских богов: Меркурий – это Воден, а Геркулес или Марс – это Тор. Вполне логично будет предположить, что четвертая, Изида, названа так скорее из-за схожести соответствующих атрибутов, нежели из-за созвучия имен. Рассказывая об Изиде, Тацит упоминает об обряде, который соблюдают свебы, а именно ношение корабля в ее честь. Об этом пишет и Апулей в «Метаморфозах». Богиня, явившаяся бедному ослу, говорит: «День, что родится из этой ночи, издавна мне посвящен. Зимние бури утихли, грозные волны успокоились, море сделалось доступным для плавания, жрецы мои, спуская на воду новое судно, посвящают его мне, как первину мореходства». То же самое упоминает и Лактанций.

⁵⁹ Тацит. О происхождении германцев и местоположении Германии. IX.

Миф о богине Исиде (Изиде) и ее поисках достаточно хорошо известен, и нет необходимости его пересказывать.

Можно с уверенностью заявить, что в некоторых областях Германии обычай возить корабль в честь богини не только существовал в Средние века, но и соблюдается до сих пор. Церковь объявила его идолопоклонничеством. Гримм цитирует любопытный отрывок из хроники Родульфа, повествующий о том, что в 1133 году в некоем лесу в Инде был тайно построен корабль, затем его водрузили на колеса, и ткачи с песнями, плясками и музыкой повезли его сначала в Аикс, затем в Майстрихт и другие места. Это действо сопровождалось такими сценами, описывать которые богобоязненный хроникер не решился. Судя по эпитетам, которыми они награждали этот обряд, он вызывал у церковников немалое омерзение.

В городе Ульме, находящемся в Швабии, в 1530 году людям было запрещено возить по улицам корабль или плуг во вторник на Масленной неделе. Подобного же рода указ был издан 5 марта 1584 года в Тюбингене. Я сам два раза наблюдал, как возят корабль на колесах во вторник на Масленной неделе в Мангейме на Рейне. В Брюсселе, я думаю, и по сей день отмечают праздник Оммеганг, во время которого по городу на лошадях возят корабль со статуей святой Девы Марии в память о чудесном прибытии статуи Богоматери на лодке из Антверпена в Брюссель.

Иногда корабль заменяли плугом, крестьянский праздник Пахотного понедельника является отголоском того же самого древнего религиозного обряда в честь тевтонской Изиды.

Различные народы Германии называли эту великую богиню по-своему. Возможно, она тождественна Цизе, но, поскольку мы абсолютно ничего не знаем ни о Цизе, ни об атрибутах, сопутствующих ей, ничего с уверенностью сказать нельзя. Более вероятно, что это Хольда, или Холле, которая по-прежнему занимает воображение немецких крестьян.

Хольда – это великая светлоликая госпожа, которая плывет по ночному небу. При ее темном дворе живут тысячи яркоглазых дев – все, как и она, чисты, и все, как и она, тускнеют.

О Урсула! Царица среди тысяч твоих дев,
Молись о нас!

Хольда, или Луна, – это странствующая Изида, или Урсула. Немецкие поэты часто описывают ее проплывающей по небесам в своей серебряной лодке.

В тевтонской мифологии Хольда – это тихая женщина с печальной улыбкой на лице, сопровождаемая душами девственниц и детей, которым она покровительствует. Она восседает в хрустальной горе, окруженная своими яркоглазыми девами, и посылает зимой снег, воскрешает землю весной и дарит урожай осенью. Описание этих дев, живущих с ней в хрустальном небесном дворце, можно встретить у Эсхила.

Добрая Хольда в других областях называлась Года. В этой ипостаси она напоминает Артемиду как небесную охотницу, сопровождаемую девами. В Баварии и Австрии ее знали под именем Перхта, или Берта («сияющая»). Считалось, что у нее есть рога, как у Исиды или Ио, других богинь луны. Но в Швабии и Тюрингии она представала как Хёрзель или Урсель.

Эта Хёрзель, которую кое-где называли ночной птицей Тутёзель, жила вместе со своими многочисленными подругами в глубине Горы Венеры, где исчез Тангейзер. Она помогала трудолюбивым крестьянам и награждала верных возлюбленных или приманивала к себе души тех, кто еще придерживался языческих верований. Крестьяне считали ее доброй и прекрасной богиней, невзирая на возмущение священников, видевших в ней лишь порочную римскую Венеру, а не рожденную из пены морской Афродиту, серебряную луну, взошедшую над волнами.

Больше об этой легенде сказать нечего. История ее печальна.

То, что языческие мифы сумели проникнуть в средневековое христианство и добавить

в него красок, неудивительно: древние верования не так-то легко искоренить. В этой книге я приведу несколько примеров того, как глубоко отпечатались они в современной протестантской мифологии.

Но поистине горько, что Церковь попыталась придать легенде о святой Урсуле правдивости при помощи фальшивых чудес и лживых откровений. И теперь, когда люди, уставшие от поисков истины и не находящие ее ни в науке, ни в философии, ни в метафизике, должны были бы обратить свой алчущий взор к Церкви, последняя вместо того, чтобы дать им в руки святой крест, который «будет стоять, пока жив этот мир», отвращает их от себя своей косностью и упорством, с каким она держится за небылицы, основанные на язычестве и подкрепленные обманом!

Является ли культ Урсулы и одиннадцати тысяч дев чем-нибудь иным, кроме как «религиозным верованием»? Религиозным верованием, при котором люди молятся луне и мириадам звезд на небе, как святым в раю? «Смотря на... луну, как она величественно шествует, прельстился ли я в тайне сердца моего, целовали ли уста мои руку мою? Это также было бы преступление, подлежащее суду; потому что я отрекся бы тогда от Бога Всевышнего». ⁶⁰

Истина – вот чего жаждут люди сейчас; но если эта истина исходит из уст, изрекавших прежде изощренную ложь, веры ей нет.

Если бы католическая церковь покалась в этом грехе, ее вечное великое учение признали бы тысячи. Но «отцы ели кислый виноград, а у детей на зубах оскомина».

Приведем вкратце библиографию этой легенды. Она не представляет особого интереса.

Откровения Елизаветы из Шенау, а также Германна и Иосифа из Штайнфельда можно найти в «Житиях святых» Сурия в статье за 21 октября.

Epistola ad virgines Christi univ. super hysteria nova undecim milium (sic!) virginum. Место и дата издания неизвестны, приблизительно конец XV века – большая редкость; сам я эту книгу не видел.

Historia vndecim milium virginum breviori atque faciliiori modo pulcerrime collecta, изданная в Кельне в 1509 году. Это также редкость.

De Legende, vn hystorie der XI dusent jonferen, s. l. et a. (приблизительно 1490 год) – любопытная легенда, изложенная на нижненемецком языке и иллюстрированная сорока необычными гравюрами.

De S. Lory, Sainte Ursule triomphante des coeurs, de l'enfer, de l'empire, Patrone du célèbre collège de Sorbonne, изданная в Париже в 1666 году. Эту легенду тщательно проанализировал Реттберг в своей работе «История церквей Германии», с. 111—123.

Кромбах преломил копьё в честь одиннадцати тысяч дев в 1647 году: его труд *Ursula Vindicata* (Кельн, 1647), к которому прилагаются три карты, интересен содержащимися в нем документальными свидетельствами, однако все портят религиозные предрассудки автора.

Leo, J. G., *αλοσκίασμα hist. – antiquarium de 11,000 virginibus. Leucopetae*, 1721. Райшерп Л. История жизни и мученичества святой Урсулы. Кельн, 1837.

Хайнен Э.М. Жизнь, путешествие и мученичество святой Урсулы. Кельн, 1838.

Шебен А. Житие святой Урсулы. Кельн, 1850.

Шаде О. История святой Урсулы. Ганновер, 1854.

Также прекрасная серия иллюстраций, являющихся копиями любопытных росписей в кельнской церкви, опубликована Келлерховеном в «Легенде о святой Урсуле» (Лейпциг, 1861).

Небезынтересные истории о явлениях святых дев-мучениц, спутниц Урсулы, и о чудесах, совершенных их мощами, встречаются у Цезария Гейстербахского в «Диалогах о чудесах».

⁶⁰ Иов., XXXI: 26—28.

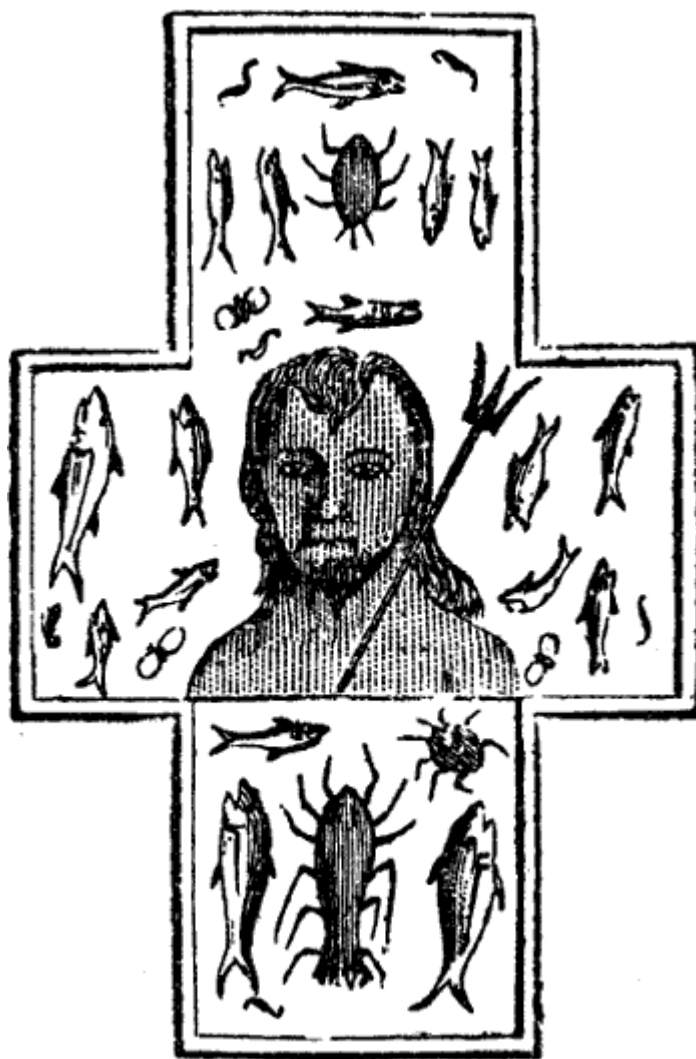
Глава 15

Легенда о кресте

В 1850 году мне представилась возможность побывать в галло-римском дворце в Пон-д'Оли, находящемся неподалеку от города По, на юге Франции. Я смог провести раскопки развалин и найти одну из самых больших коллекций мозаичных полов, сохранившихся до наших дней.

Руины являются остатками здания длиной двести футов, полы которого были выложены мозаиками. Оно было разделено на летние и зимние помещения. Последние отапливались при помощи гипокаустов и имели небольшие размеры, в то время как первые были очень просторными и выходили в галерею над рекой, некогда украшенную прекрасными мраморными колоннами с коринфскими капителями. Одна из исследованных вначале частей дворца служила атриумом, за которым к западу располагался таблинум, полукруглая комната, отделанная алебастром и покрытая росписями.

В атриуме находился большой четырехугольный бассейн, или имплевий, стенки которого были отделаны разноцветным пиренейским мрамором. На западной стороне имплевия перед входом в таблинум на полу были выложены пять рядов квадратов. Квадраты в первом, третьем и пятом рядах были заполнены изящным узором из завитков, а во втором и четвертом рядах в каждом четвертом квадрате на белом фоне находилось изображение красного креста с тонкими белыми полосами внутри (рис. 2). Некоторые из этих крестов имели в углах черный цветочный орнамент, очень похожий на тот, что встречается в готических крестах (рис. 4). Непосредственно перед таблинумом на стенке имплевия находился алтарь, посвященный пенатам, который мы также обнаружили. Пол к востоку от имплевия имел похожий орнамент, но крест Святого Георгия здесь был заменен крестом Святого Андрея, каждая перекладина которого имела окончания в форме сердца или листа клевера (рис. 1 и 5). Орнамент в северной и южной частях атриума отличался от северной и южной и не содержал крестов. К северу от атриума находились летние помещения. Самая северная комната имела размеры 26 на 22 фута. Это была не только самая большая, но и, несомненно, самая важная комната в здании, поскольку пол здесь был не только самого высокого качества, но и самым красивым. По краю его шел изысканный орнамент из виноградных лоз с гроздьями спелых ягод, выраставших из сосудов, находящихся в середине северной, южной, восточной и западной сторон. Внутри этой рамки находился узор из окружностей, внутри которых чередовались изображения распустившихся роз и бутонов. Однако в этот узор грубо вторгался огромный крест, имеющий длину 19 футов 18 дюймов и ширину 13 футов, верх которого был повернут на юг, а низ упирался в начало мраморной лестницы, спускающейся в некое помещение. Мы так и не смогли определить, была ли это баня или же вестибюль.

Фон креста белый, на нем изображены каракатицы, омары, угри, устрицы и рыбы, плавающие как будто в своей естественной среде, однако в центре, в месте пересечения перекладин креста, находится гигантское изображение Нептуна с его трезубцем. Кожа его имела красный цвет, а волосы, борода и трезубец были раскрашены иссиня-черным. Руки не показаны: линия, соединяющая две противоположные части креста, режет фигуру на уровне груди, оставляя только голову и плечи. Сходство с распятием было достаточно заметным, чтобы рабочие, откопавшие этот пол, воскликнули: «Это Господь, это Иисус!» Они посчитали трезубец копьем центуриона. Местный кюре с удовлетворением отметил, что мотивы узоров на полу соответствуют некоторым символам христианства, указав, что чаши и виноград означают Святое причастие, а огромный крест, в верхней части которого находилась, как мы полагали, круглая ванна, – Крещение. Что касается креста, то похоже, при его изображении на галло-римской вилле действовали следующие законы.

Крест Святого Георгия занимает почетное место в главной комнате. Он находится не в центре ее, а ближе к ванной или входу. В атриуме этот крест повторяется двадцать раз в главном месте, перед таблинумом и алтарем, посвященным домашним божествам, и опять-таки связан с водой. Цвет его всегда красный или белый.

На вилле встречается шесть разновидностей крестов (рис. 1—5): простой крест Святого Георгия; такой же крест, но с цветочными орнаментами по углам; тот же, но с изображениями рыб и фигурой Нептуна; мальтийский крест; крест Святого Андрея с концами в виде листьев клевера и подобный ему крест с концами в форме сердец.

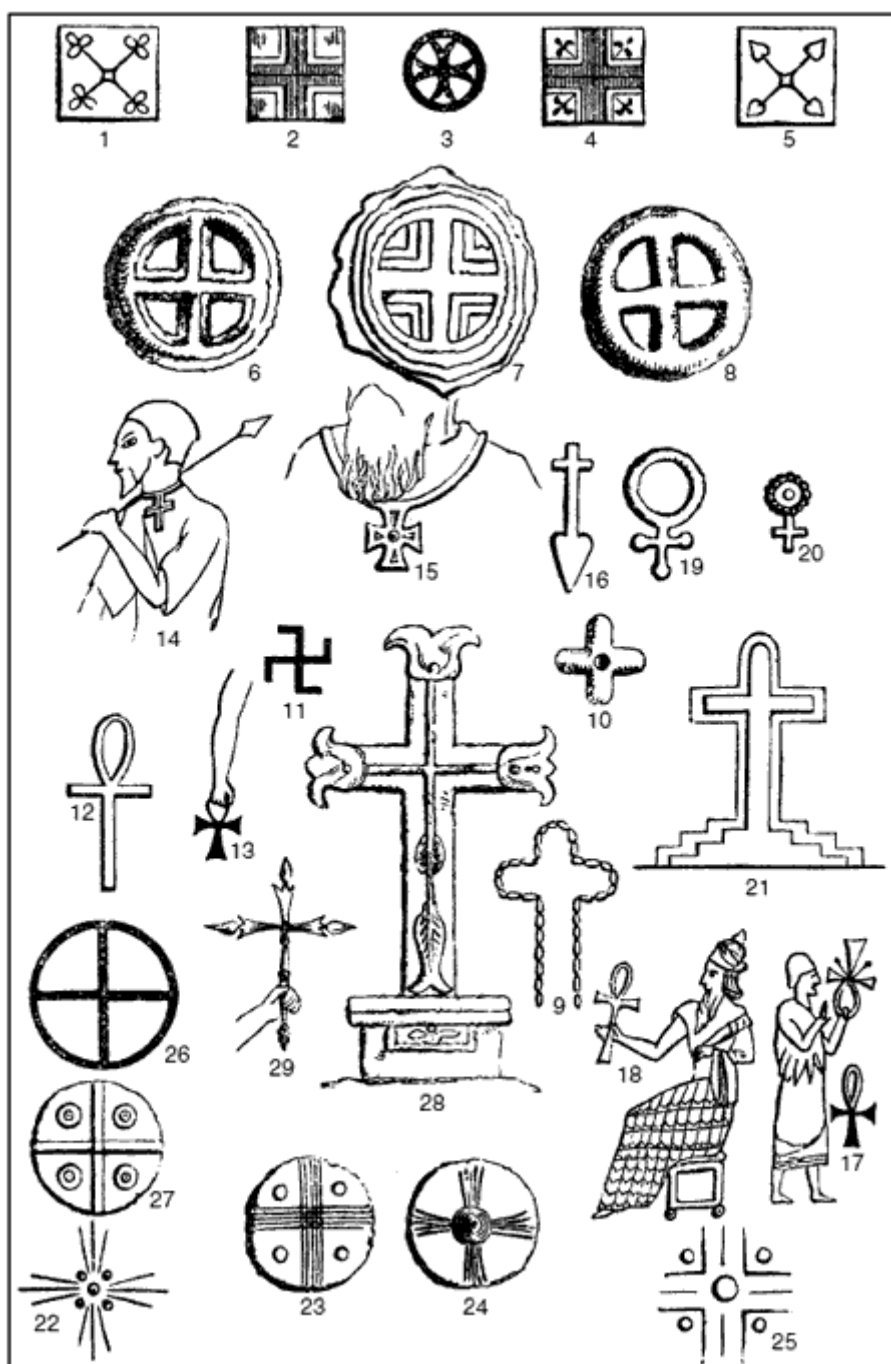
После раскопок виллы было предложено несколько теорий, объясняющих то заметное положение, которое крест занимал в мозаике.

Некоторые выдвинули гипотезу, согласно которой изображение Нептуна является пародией на христианское распятие. Здесь можно возразить, что фигура слишком велика, торжественна и чересчур заметна, чтобы ее можно было расценивать подобным образом; что кресту было отведено почетное место и что, независимо от присутствия морского бога, мастера связали этот крест с водой.

Другие предполагают, что вилла принадлежала христианину, а выполнение орнамента на полу было поручено язычникам, которые по незнанию заменили Спасителя головой Нептуна.

Это решение хотя и возможно, но едва ли вероятно.

Я убежден, что крест являлся священным символом галльских кельтов, а вилла в По принадлежала римскому галлу, который привнес в нее знак бога воды из своей религии и сочетал его с изображением морского божества завоевателей.

Причины того, что я считаю крест галльским символом, таковы.

Самые древние галльские монеты были круглой формы и имели посередине крест, то есть выглядели как маленькие колеса с четырьмя большими отверстиями (рис. 6—8). Но на самом деле такие *кружочки* вовсе не являлись изображениями колес. Это становится очевидным из того факта, что они имели всего четыре «спицы», пересекающиеся под прямым углом. Более того, когда их сменили греческие монеты, на них все равно продолжали изображать крест. Золотые и серебряные монеты, имевшие хождение в Марселе, послужили причиной отказа от примитивных денег, и кельтское население Галлии начало изготавливать грубые копии греческих монет. Копируя иностранные деньги, они сохранили свой символ – крест.

На реверсе монет вольков-тектосагов, населявших большую часть Лангедока, были оттиснуты кресты, углы между перекладинами которых были заполнены шариками, в точности как на серебряных монетах эдвардианской эпохи. Если бы не качество металла, то эти галльские монеты можно было бы принять за изделия средневековых мастеров. Левки, жившие в окрестностях современного города Тула, имели похожие монеты. Одну из них изобразил господин де Солси⁶¹. Она представляет собой круг, в который включен крест, в углах между его перекладинами находится орнамент шеврон. Некоторые из крестов имели украшения в виде дисков или жемчужин, которые складывались в кольца над ними или же располагались между их перекладинами. Недалеко от Парижа, в Шуази-ле-Руа, была найдена галльская монета, на аверсе которой представлена голова – варварская имитация изображения на греческой медали, а на реверсе – змея, свернувшаяся вокруг двух птиц. Между этими птицами находится крест с шариками на конце каждой перекладины и в углах между ними.

Подобные монеты в большом количестве были найдены в городе Луаре вблизи Артенэ. На других галльских монетах кресты изображены одновременно и на аверсе, и на реверсе. Около двух сотен монет, подходящих под это описание, были обнаружены в 1835 году вместе с золой и углями внутри глиняной урны в гробнице, сложенной из грубых каменных блоков, в деревне Кремьясюр-Иен в пригороде Кимпера. Это доказывает, что кресты в Арморике изображались на монетах в то время, когда практиковался обряд кремации. Такие кресты с шариками, характерные для галльских монет, со временем стали изображать на реверсе раннефранцузских монет. Они попали в Англию с англонорманнскими королями.

К сожалению, мы слишком мало знаем о галльской иконографии, чтобы решить, был ли для этого народа крест символом божества воды. Я думаю, что это возможно, поскольку в других религиях он является знаком богов, более или менее связанных с водой. То, что он имел символическое значение для ирландских и британских кельтов, более чем вероятно. Храм у кургана в Ньюграндже имеет форму креста с закругленными краями перекладин (рис. 9). Довольно любопытно, что так называемые финикийские развалины Джгантии на острове Гоцо напоминают его по форме. Ирландский клевер стал священным благодаря схожести с этой формой. В мистицизме друидов стебель, или длинная перекладина креста, представлял жизненный путь, а три листа клевера, или короткие перекладины креста, символизировали небеса, чистилище и ад.

Обратимся к скандинавам. Бог Тор олицетворял гром, и его символом являлся молот. Именно им Тор пробил голову огромного змея Мидгарда, им же он сокрушил великанов, вернул к жизни мертвых козлов, которые тянули его повозку, освятил погребальный костер Бальдра. Молот – это крест.

Тогда же, когда крест Святого Георгия появляется на галльских монетах, крест с загнутыми перекладинами (свастика), или молот Тора (рис. 11), появляется на скандинавских деньгах.

В 1835 году во время пахоты на поле близ Борнхольма в Фиене было найдено несколько золотых монет и украшений, принадлежащих к древней датской цивилизации. Там

⁶¹ Revue de Numismatique. 1836.

были личные украшения: броши, фибулы и крученые браслеты – а также монеты, в которых были проделаны отверстия и которые, возможно, носили как ожерелье. Среди них были найдены две грубые копии монет преемников Константина, а остальные являлись деньгами, широко распространенными на севере. На них было изображено оседланное рогатое чудовище с четырьмя лапами, а всадника в манере, свойственной варварам, заменяла устрашающего вида человеческая голова. Перед ней был знак молота Тора, крест с загибающимися перекладинами. На четырех монетах, содержащих этот символ, видны остатки надписи, напоминающей имя Тора. На еще более грубой монете, обнаруженной вместе с другими, место креста заняла четырехконечная звезда.

Среди кремневых орудий, найденных в Дании, встречаются каменные молоты в виде распятий с отверстием посередине, в месте пересечения перекладин, для прикрепления рукоятки (рис. 10). Поскольку такая форма была малопригодна или вовсе не пригодна для практического применения, возможно, что эти молоты использовались в качестве посвященных жертв в культе Тора.

Крест Тора все еще используют в Исландии в качестве магического символа, связанного с ветром и дождем.

Как рассказывает нам Лонгфелло, король Олав, когда праздновал Рождество в Тронхейме, сотворил над своим кубком знак святого креста, в то время как берсерки сотворили над своими знак молота Тора.

На самом же деле они все сделали один и тот же знак.

Вот что нам рассказывает Снорри Стурлусон в «Круге земном», когда описывает жертвоприношение в Хладире, при котором присутствовал король Хакон, приемный сын Ательстана: «Когда был наполнен первый кубок, ярл Сигурд произнес над ним несколько слов и благословил его именем Одина. Он отпил во славу короля из рога. Затем король взял его и сотворил над ним знак креста. Тогда спросил Кар из Грютинга: «Что сделал король? Значит ли это, что он не свершит жертвоприношения?» Но ярл Сигурд ответил: «Король делает то же, что делаете все вы, кто верит в свою мощь и силу, он благословил кубок именем Тора, сотворив знак его молота над кубком, прежде чем отпил из него».⁶²

В Средние века колокола звонили, чтобы защититься от грома. Немецкие крестьяне использовали знак креста, чтобы рассеять грозу. Крест использовался потому, что напоминал молот Тора, а Тор был богом-громовержцем. По той же причине на колоколах часто изображали свастику, или крест Тора (рис. 11), особенно там, где селились скандинавы – в Линкольншире и Йоркшире. Крест Тора находится на колоколах Эпплби и Скотерна в Ваддингэме, в западном Барквисе в Линкольншире, в Хатерсаге в Дербишире, в Мексборо в Йоркшире и во многих других местах.

Этот крест, как ни странно, является священной свастикой буддистов. Символом Будды на реверсе монеты, найденной в Угайне, служит крест с равными по длине перекладинами. Каждая из них заканчивается кругом, в который вписана свастика.

Тот же особый символ появляется на монетах Сиракуз, Коринфа и Халкедона, а также часто встречается на этрусских погребальных урнах. Как ни удивительно, он появляется на одеянии могильщика в качестве знака его профессии на одной из росписей в римских катакомбах.

Обратимся к другим крестам.

Созомен, церковный историк, описывая разрушение Серапеума в Египте, говорит: «Там были найдены вырезанные на камне некие буквы, считавшиеся священными, напоминающие кресты. Эти надписи были переведены теми, кто понимал их значение, как «Жизнь грядет». Это было причиной обращения многих язычников в христианство, поскольку другие знаки утверждали, что храм будет разрушен, когда эти образы увидят свет».⁶³

⁶² Сага о Хаконе Добром. XVII // Снорри Стурлусон. Круг земной.

⁶³ Созомен. Церковная история. Кн. VII. Гл. 15.

Сократ Схоластик сообщает дальнейшие подробности: «Когда они разрушили и разграбили храм Сераписа, то нашли знаки, вырезанные на камне и называемые иероглифами, среди которых был крест. Когда христиане и греки⁶⁴ увидели их, они приписали их своим религиям. Христиане, которые рассматривали крест как символ Страстей Христовых, посчитали этот образ своим знаком. А греки сказали, что крест является общим и для Христа, и для Сераписа, но этот символ значит для христиан одно, а для греков совсем другое. Разгорелся спор, некоторые из греков⁶⁵, обратившихся в христианство и понимавших иероглифы, сказали, что подобное кресту изображение обозначает «Жизнь грядет». Христиане ухватились за это как за подтверждение своей религии и преисполнились смелости и уверенности. А поскольку другие священные знаки гласили, что храм Сераписа обретет свой конец, когда этот подобный распятию символ, означающий «Жизнь грядет», увидит свет, большое число людей обратилось в христианство и крестилось, исповедавшись и покаявшись в грехах».⁶⁶

Руфин, который также рассказывает эту историю, утверждает, что она произошла при разрушении Серапеума в Канопе, однако Сократ и Созомен, возможно вслед за Софронием, который написал книгу о разрушении Серапеума, свидетельствуют, что это событие случилось в Александрии.

Руфин говорит: «Говорят, что у египтян был символ Креста Господня среди знаков, которые называются жреческими. Эта буква, или изображение, они говорят, означает «грядущую жизнь».

Существует сложность в определении даты разрушения Серапеума. Аммиан Марцеллин относит это событие к 389 году, но некоторые историки смещают его к 391 году. Бесспорно, что это произошло во время правления Феодосия I.

Практически нет сомнений, что крестом в Серапеуме был так называемый *Crux ansata* (рис. 12) – крест Святого Антония, или же греческая буква *tau* с «ручкой». Собиратели древностей XVIII века полагали, что это ключ Нила или фаллос, значения чисто гипотетические и ложные, как и все остальные, приписываемые египетским иероглифам. Как замечает сэр Гарднер Вилкинсон, именно бог Нила реже всего изображался с этим символом в руках⁶⁷, а ключ Нила – знак, который выглядит совсем по-другому. Теперь совершенно точно известно, что этот крест является символом жизни. Среди прочих указаний мы должны процитировать только надпись на Розеттском камне, на котором этот символ используется для перевода титула αἰωνόβιος Птолемея Эпифана.

Христиане в Египте с радостью восприняли это доказательство истинности креста и использовали его в своих церквах и других местах, ставя его в начале, в конце или рядом со своими надписями. Так, рядом с одной христианской надписью на острове Филэ видны и мальтийский крест, и *crux ansata*. В росписях, покрывающих стены церкви на кладбище в оазисе Харга (Большом оазисе), вокруг главной фигуры, которая, похоже, изображала святого, нарисованы кресты с тремя «ручками».

Не менее очевидной является и надпись в христианской церкви, находящейся в пустыне к востоку от Нила. Она такова:

⁶⁴ то есть язычники

⁶⁵ язычников

⁶⁶ Сократ Схоластик. Церковная история. Кн. V. Гл. 17.

⁶⁷ Нравы и обычаи древних египтян. Лондон, 1837—1841. Т. 4. С. 341.

КАΘΟΛΙΚΗ+ΕΚΚΛΗΣΙΑ.

Crux ansata обычно появляется в руках египетских богов или же рядом с ними. Как правило, его держат в правой руке за «петлю», и он означает вечную жизнь, которая является характерной чертой божества. Когда Осириса изображают протягивающим такой крест покойному, это означает, что последний преодолел смерть и вступает в новую жизнь.

Существует несколько теорий насчет формы этого креста. Идея, что он является изображением фаллоса, чудовишна и лишена доказательств. Существует также предположение, что *tau* (Т) представляет собой жертвенный стол или алтарь, а «петля» символизирует сосуд или же яйцо, лежащие на нем.

Если рассматривать египетские памятники, то становится ясно, что эти объяснения несостоятельны. Овал в верхней части креста, несомненно, является ручкой, и именно в этом качестве он и используется (рис. 13). Никто не знает и, вероятно, никогда не узнает, как появился этот символ и почему он приобрел такое значение.

Греческий крест также встречается на египетских памятниках, но гораздо реже, нежели крест Святого Антония. В книге сэра Гарднера Вилкинсона человек изображен в ожерелье с крестом (рис. 14). Похожее украшение можно увидеть на груди Тигратпаласара на рельефе из Нимруда, который в настоящее время хранится в Британском музее (рис. 15). Другой царь из развалин Ниневии носит на груди мальтийский крест. А у еще одного из зала Нисроха на шее ожерелье, которое состоит из солнца, заключенного в круг, луны и вписанного в круг мальтийского креста, а также головной убор с тремя рогами и символ, похожий на два рога.

Третий египетский крест изображен на рис. 16. Он, вероятно, послужил прообразом латинского креста, поднимающегося из сердца. Как и средневековый символ «крест в сердце, а сердце во кресте», он служил символом добродетели.

Крест с «ручкой», несомненно, был священным символом и у вавилонян. Он постоянно появляется на их цилиндрических печатах, кирпичках и геммах.

На цилиндрической печати из Парижского кабинета древностей, опубликованной Мюнтером⁶⁸, изображены четыре персонажа. Первый из них имеет крылья, второй вооружен чем-то, похожим на молнии. Рядом с ним находится *crux ansata*, на овальной «ручке» которого сидит сокол. Затем изображены женщина и ребенок. Крест вполнину ниже божества.

На другой печати из этого же кабинета представлены три персонажа. Между двумя из них, у которых на голове короны, изображен тот же самый символ. На третьей печати из этой коллекции показаны те же три главные фигуры, что и на первой. Крылатое божество держит копьё, в руках центрального персонажа несколько молний и дротик, рядом с ним изображен крест, третья фигура – женщина с цветком. На еще одной, самой любопытной, печати показан правитель или же бог, за которым стоит слуга, держащий тот самый символ (рис. 17). По обе стороны от бога находятся два креста с «ручками», а позади слуги изображен мальтийский крест. Выше показана птица с распростертыми крыльями. Еще на одной печати крылатая фигура вновь появляется рядом с таким крестом. Замечательный образец печати, с которого я скопировал главного персонажа (рис. 18), представляет бога, держащего священный символ за «ножку», в то время как жрец протягивает ему газель.

На печати из белого халцедона, описанной в «Докладах Королевской академии надписей и изящной словесности» (том XVI), главная фигура показана между двумя звездами, под которыми находятся такие кресты. Над головой божества изображен треугольник, или символ Троицы.

Эта печать имеет неясное происхождение, предполагается, что она происходит не из

⁶⁸ Религия вавилонян, илл. I.

Вавилонии, а из Финикии. Финикийцы также считали крест священным символом. Богиня Астарта, луна, – главное божество, связанное с водной стихией, – изображалась на монетах из Библа держащей длинный скипетр, увенчанный крестом, и стоящей на носу корабля. Это напоминает знаменитые изображения Веры в книгах Общества христианского знания.

Гигантский храм на острове Гоцо, расположенном рядом с Мальтой, как считается, мог быть финикийским святилищем Милитты или Астарты. Он имеет форму креста (рис. 9). На одной стороне великолепной медали из Киликии, отражающей финикийскую легенду и отчеканенной во времена персидского господства, богиня изображена рядом с *cruх ansata*, нижний конец которого расщеплен.

Крест другой формы (рис. 19, 20) часто встречается на монетах Малой Азии. Он появляется на реверсе серебряной монеты, которая считается кипрской, на нескольких киликийских монетах, где его изображение находится под тронем Баала из Тарсуса, на финикийских монетах из этого города, отражающих легенду о

בעל תרז

На медали с частично стертыми финикийскими буквами, происходящей, возможно, из тех же мест, крест целиком занимает одну сторону. На некоторых монетах, содержащих надписи на неизвестном языке, на одной стороне изображен баран, а на другой – крест и кольцо. Еще на одной этот символ сопровождает священного быка, другие имеют на аверсе изображение львиной головы, а на реверсе – крест и круг.

На прекрасной сицилийской медали из Камарины изображены лебедь и алтарь. Под алтарем показан один из таких крестов с добавленным к нему кольцом.⁶⁹

Поскольку в финикийской иконографии этот крест обычно появляется рядом с божеством, так же как и крест с «ручкой» у персепольских, вавилонских и египетских богов, мы можем заключить, что для финикийцев он тоже имел значение вечной жизни. Я также уверен, что он символизировал возрождение через воду. На вавилонских печатях он обычно появляется в связи с соколом или орлом, который сидит на нем или же летит над ним. Этот орел – Нисрох, чьи глаза вечно проливают слезы о смерти Таммуза. Неср, или Нисрох, – это, несомненно, дождевая туча. В греческой иконографии Зевса – небо – сопровождает орел, символизирующий облако. На некоторых финикийских монетах, а также монетах неизвестного происхождения из Малой Азии орел и крест изображены вместе. Поэтому я полагаю, что крест мог быть символом жизни, возрождающейся после дождя.

Надпись из Фессалии ΕΡΜΑΩ ΧΘΟΝΙΟΥ сопровождается крестом с Голгофы (рис. 21). Греческие кресты с перекладинами одинаковой длины украшают гробницу Мидаса во Фригии. Кресты разных видов, в основном такие, как на рис. 2 и рис. 11, часто встречаются на погребальных урнах в Италии. Обе эти формы появляются на древних сосудах для захоронения, найденных под слоем вулканического туфа на горе Альбан.

Любопытно, что буква Т использовалась в списках римских солдат в качестве символа жизни, в то время как буква Θ означала смерть.

Но задолго до римлян и этрусков в Северной Италии жили люди, для которых крест был религиозным символом, знаком, под которым они хоронили своих умерших. Об этом народе истории не известно ничего, даже его названия. Изыскания собирателей древностей могут поведать лишь о том, что эти люди жили, не зная благ цивилизации, в деревнях, построенных на платформах посреди озер, и верили в то, что крест защитит и, может быть, воскресит их любимых, которых они предавали земле. Следы жизни этих людей находят по всей Эмилии. Они сформировали карьеры, называемые *террамарами*, откуда современные крестьяне выкапывают удобрения. Это громадные скопления угля, золы, костей, фрагментов керамики и других остатков человеческой деятельности. Поскольку почва здесь очень

⁶⁹ Изображения этих медалей приводятся в статье господина Рауля-Рошетта в «Докладах Академии надписей и изящной словесности». Т. XVI.

насыщена фосфатами, ее охотно используют в качестве удобрения. В этих террамарах нет человеческих костей. Фрагменты гончарных изделий принадлежат предметам домашнего обихода, вместе с ними находят зернотерки, формы для отливки металлов, остатки полов и стен хижин и огромное количество пищевых отходов. Эти карьеры аналогичны тем, что были найдены в Дании и Швейцарии. В большинстве этих террамаров находят бронзу. Сами остатки принадлежат к трем разным периодам. В первом из них сосуды изготавливались без гончарного круга и не подвергались обжигу. Иногда эти отложения демонстрируют прогресс цивилизации: начало использования железа, открытие гончарного круга и обжига посуды.

Если в одном карьере находят следы двух этих эпох одновременно, то остатки второй всегда находятся выше остатков бронзового века.

Третий период тоже встречается, но редко. Это период, когда возникает примитивное искусство и на керамике появляются изображения животных и людей. Среди остатков этого периода были найдены первые следы денег – грубые маленькие бесформенные бронзовые фрагменты.

Согласно подсчетам господина де Верже, величайшего расцвета цивилизация этрусков достигла примерно за 290 лет до основания Рима, более чем 1040 лет до нашей эры. Возраст же террамаров должен быть намного больше. Древность этих остатков может быть установлена по слоям накоплений над ними. Сечение одного из таких террамаров в Парме, где находилось озерное поселение, показывает следующее:

	Футы	Дюймы
Римские и более поздние остатки на глубине	4	1
Мусорные кучи древних жителей, три слоя, разделенные тонкими пластами красной почвы или золы	6	8
Поздний уровень дна озера, содержащий сваи	7	0
Вторичный уровень дна озера, содержащий сваи	3	3
Изначальный уровень дна озера, содержащий сваи	21	0

Скопления поднимались дважды, что потребовало установки свай заново, над последними из них отложения достигли высоты 6 футов 8 дюймов. С того времени как эти люди исчезли, уровень земли достиг глубины 4 футов.

В Кастионе неподалеку от станции Борго Сан-Донино на дороге, соединяющей Парму и Плаценцу, находится монастырь, возведенный на холме. Там, где возвышается этот холм, некогда было озеро. Фундамент здания покоится на развалинах, оставленных древними людьми, которые жили здесь и превратили озеро в груды отходов.

По обломкам костей из мусорных куч мы узнаем, что в те времена в лесах водились косули, олени и вепри, что крупный рогатый скот, овцы, козы и собаки были одомашнены, что у этих людей было два вида лошадей: один – очень мощный, а другой – довольно небольшой – и что обитатели террамаров ели конину.

Вокруг свай были обнаружены пшеница, ячмень, просо и бобы, а также косточки слив, терна, вишен и диких яблок.

В Кастионе был найден бронзовый кинжал, а в Баргоне-ди-Сальса нашли наконечник копья из того же металла. Топор происходит из террамара в Ноцето, также было обнаружено множество маленьких колес неизвестного предназначения, шпильки для волос и гребни. Один из них, изготовленный из оленьего рога и украшенный орнаментом, был найден в террамаре в Фодико-ди-Повильо. В основном обнаруживают не целые сосуды, а только черепки. Иногда попадаются донца, на которых встречаются изображения крестов (рис. 22—24). Недалеко от Болоньи нашли кладбище с древними захоронениями, имеющее размеры примерно 73 на 36 ярдов. Здесь были исследованы сто тридцать три могилы, сложенные из огромных валунов прямоугольной формы со слегка скругленными гранями, немного напоминающих конусы. Над ними накапливались отложения, которые со временем

полностью скрыли их. Могилы были глубиной около четырех футов. Полы были выложены плитами, а стены возведены из валунов. Другие могилы были построены из плит и имели кубическую форму. Сто семьдесят девять тел было сожжено. В каждой могиле находилась урна с прахом. Эти сосуды имеют особую форму и, похоже, были изготовлены именно для такой цели. Они напоминают стаканчики, из которых бросают игральные кости, и состоят из пары перевернутых конусов, которые соединены основаниями. В некоторых урнах вместе с прахом покойных были найдены наполовину расплавившиеся остатки украшений. В одном из сосудов обнаружили обуглившееся ребро лошади. Похоже, любимый конь был принесен в жертву и сожжен вместе с хозяином.

Сверху урна, содержащая прах умершего, накрывалась небольшим сосудом, похожим на блюдо. Возле останков были найдены любопытные цельные сдвоенные конусы с закругленными верхушками. Эти верхушки покрыты крестами (рис. 23, 25, 27). В оссуариях, сделанных из двух конусов, вокруг перегородки располагался узор из кругов, в которые были вписаны кресты (рис. 26).

Еще одно кладбище, которое оставил тот же народ, находится на берегу озера Маджиоре на плато Сомма в Голасекке. Здесь было обнаружено большое число могил, принадлежащих к тому же периоду, что и найденные в Вилланове, – времени озерных жителей.

Господин де Мортилле, нашедший это кладбище, пишет: «То, что характеризует погребения в Голасекке и придает им особый интерес, – это, во-первых, полное отсутствие изображений природного мира, мы нашли только три, и все они встречаются в гробницах, за пределами плато, а во-вторых, практически неизменное присутствие креста под вазами в могилах. Когда мы переворачиваем оссуарии, крышки-блюда или сопутствующие сосуды, то почти всегда, если только они имеют хорошую степень сохранности, мы видим на них крест... Изучение могил в Голасекке доказывает максимально убедительно и точно то, на что террамары Эмилии только намекали и что подтверждает кладбище в Вилланове: за тысячу лет до Христа крест уже являлся часто используемым религиозным символом».⁷⁰

На это можно возразить, что крест – это знак, который очень просто нарисовать, и, естественно, это было первое, что пытались изобразить древние люди. Однако на урнах Голасекки существует такое многообразие форм крестов, а изобретательность в изображении этого символа в разнообразной неповторяющейся манере так широко проявилась, что я не могу не поверить в то, что сам по себе этот знак имел религиозное значение.

В то же самое время по другую сторону Альп жили люди, находящиеся на той же ступени развития цивилизации. Их жилища и памятники были тщательно изучены. Среди гончарных изделий, найденных в Швейцарии, крест встречается крайне редко.

В дебрях лесов Центральной Америки находятся развалины города, который жители покинули еще до завоевания Мексики испанцами. Последние обнаружили храмы и дворцы Чьяпаса, но о Паленке им не было известно. Согласно преданию, он был основан Вотаном за девять столетий до начала христианской эры. Главным сооружением в Паленке является дворец, длина которого составляет 228 футов, ширина 180 футов, а высота 40 футов. Четырнадцать дверей в восточном фасаде выходят на террасу, стены между ними украшены рельефами. Главная башня возвышается над двором в центре. В этом здании находится несколько храмов или святилищ с алтарями. Позади одного из них располагается стела, на которой изображены две фигуры, стоящие по разные стороны от креста (рис. 28). Один из персонажей протягивает к кресту руки, в которых держит подношение – ребенка или обезьянку. Вокруг креста изображены разные орнаменты.

Стиль рельефов и сопровождающая их иероглифическая надпись не оставляют сомнений в том, что это языческое изображение. Над крестом изображена странного вида

⁷⁰ *Де Мортилле. Крест до христианства. Париж, 1866.* Название этой книги обманчиво. На самом деле она посвящена раскопкам первобытных народов в Северной Италии и упоминает о дохристианских крестах лишь изредка и довольно бегло.

птица, сидящая на нем, подобно орлу Нисроху на кресте на вавилонской печати. Тот же крест появляется в древних мексиканских рукописях, например в Дрезденском кодексе и в той, владельцем которой является господин Фейервари. В конце последней изображен огромный крест, а в середине показано божество, истекающее кровью, и фигуры, стоящие вокруг креста в форме *tau*, на котором сидит священная птица.

Крест также встречается на севере Мексики. Он появляется у миштеков и в Керетаро. Сигуенца рассказывает об индейском кресте, который был найден в пещере Миштека Байя. Среди руин на острове Запатеро на озере Никарагуа также были найдены древние кресты, почитаемые индейцами. Когда был открыт остров Уллоа, там были обнаружены кресты из белого мрамора. В штате Оахака, как обнаружили испанцы, устанавливались деревянные кресты, которые играли роль священных символов, то же происходило в Агуатолько и среди сапотеков. Крест почитался от Флориды до Циболы. В Южной Америке тот же знак считался священным. Ему поклонялись в Парагвае. В Перу инки почитали крест, изготовленный из цельного куска яшмы, это был символ, принадлежащий древнейшей цивилизации.

Среди муисков в Кумане считается, что крест наделен силой отгонять злых духов, поэтому новорожденных детей кладут под этот знак.

Возможно, все эти кресты, особенно те, что находят в Центральной Америке, являются символами бога дождя. Такое мнение имели завоеватели относительно крестов на острове Косумель. Крест изначально был символом не ацтеков и тольтеков, а народа майя, который населял Мексику, Гватемалу и Юкатан. Народ майя делился на тотонаков, отоми, уастеков, цендалей и т. д. и был завоеван племенами науатль, называемыми ацтеками и тольтеками, которые пришли с севера и основали великую мексиканскую империю. С ней и столкнулись Кортес и его солдаты.⁷¹

Эти племена майя были высокоразвитыми и оказали влияние на своих завоевателей.

Народ майя вторгся в Центральную Америку, придя с Антильских островов в то время, когда ее населял другой народ, которому принадлежат сохранившиеся циклопические постройки. Его уничтожил Вотан в 800 году до новой эры. Крест был воспринят ацтеками от завоеванных майя. Он являлся символом Куатеота, бога дождя. Чтобы вызвать дождь, ему приносили в жертву малолетних детей, чью плоть съедали вожди во время священного пира. У мексиканцев от имени этого бога получил название дождливый месяц Куауитль. В Циболе под этим символом почитали воду, на острове Косумель священные кресты в храмах изготавливались из дерева или камня и достигали в высоту десяти ладоней. Им приносили жертвы в виде птиц и благовоний. Чтобы вызвать дождь, люди носили крест во время шествий.

Тольтеки говорили, что их божество Кецалькоатль ввел знак и ритуал креста. Это был их бог дождя и здоровья, а крест назывался Древом пищи, или Древом жизни. Вследствие этого накидка тольтекского бога дождя была покрыта красными крестами.

Крест был также символом, имевшим загадочное значение, в индийской иконографии. В пещере Элефанта в Индии над головой фигуры, убивающей детей, можно увидеть крест. Мюллер в своем исследовании «Верования, знания и культура древних индийцев» помещает его в руках Шивы, Брахмы, Вишну, Тваштра (рис. 29). В центре креста, который называется Кьякра или Тшакра, находится колесо. Когда его держит Вишну, бог, поддерживающий мир, он означает его власть проникать сквозь небеса и землю и превращать в ничто силы зла. Он является символом власти над миром и для почитателя Вишну значит так же много, как христианский крест для католика. Фра Паолино рассказывает, что этот знак использовали в качестве скипетра древние цари Индии.

На удивительной индийской картине, воспроизведенной Мюллером, изображен Брахма, увенчанный облаками с лотосами вместо глаз и четырьмя руками: в одной из них он

⁷¹ Весьма трудно классифицировать эти народы и делать некие определенные выводы относительно их истории. Возможно, цендали никогда не были завоеваны.

держит ожерелье творения, в другой – Веды, в третьей – чашу с источником жизни и в четвертой – пылающий крест. На другом изображении в центре мира представлен Кришна как хранитель мира. У него шесть рук: в трех из них он держит кресты, в четвертой – скипетр власти, в пятой – флейту и в шестой – меч. Еще одно изображение показывает Яму, судью преисподней, с копьем, мечом, весами, факелом и крестом. Существует также изображение Бравани, женское воплощение основы мира, держащей лотос, пламя, меч и крест. И этот список изображений можно продолжить далее.

Вполне естественно, что христиане древности и Средневековья, обнаружив, что крест является символом жизни у многих народов, должны были с любопытством заглядывать в Ветхий Завет, чтобы посмотреть, что предвещает «древо, что принесет справедливость».

Они обнаружили, что он был начертан кровью на косяках и притоках дверей в домах евреев в Египте. Они считали, что посох Моисея заканчивался египетским крестом (*Cruх ansata*). Тогда его использование в вызывании дождя и града, разделении вод Красного моря, в добывании источника из скалы показывает связь креста с водной стихией. Они видели крест в Моисее, раскинувшем руки на горе, в столбе с поперечиной, который был обвит медной змеей, и в двух поленьях, которые подобрала вдова из Сарепты. Но особенно это видно в отрывке из Иезекииля: «И сказал ему Господь: пройди посреди города, посреди Иерусалима, и на челах людей скорбящих, воздыхающих о всех мерзостях, совершающихся среди него, сделай знак. А затем сказал в слух мой: идите за ним по городу и поражайте; пусть не жалеет око ваше, и не щадите; Старика, юношу и девицу, и младенца и жен бейте до смерти, но не троньте ни одного человека, на котором знак, и начните от святилища Моего».⁷²

В «Вульгате» сказано: *Et signa Thau super frontes vivorum gementium*. Существуют, однако, сомнения, означает ли знак *tau* крест. В Септуагинте его нет, там просто говорится δὸς σημειῶν. Святой Иероним заявляет, что версии Акилы и Симмаха, записанные одна при Адриане, а другая при Марке Аврелии, не содержали его, и Т появляется только в варианте Феодотиона, созданном при Септимии Севере. Но тем не менее святой Иероним принимает его в своем переводе.

С другой стороны, Тертуллиан видит в этом отрывке крест. *Tau* – это древняя еврейская буква, похожая на самарийскую, чья форма напоминает крест. Возможно, святой Иероним использовал ее в своем переводе не без оснований, поскольку он очень хорошо знал еврейский язык и обращался к отрывку из Иезекииля снова и снова. Послание святого Варнавы, похоже, намекает на это, так же как и святой Киприан, святой Августин, Ориген и святой Исидор. Епископ Лоут склонялся к тому, чтобы принять *tau*, так же как и доктор Мюнтер, епископ-протестант из Зеландии. Однако сомнений в отношении этого отрывка быть не может.

Слово «знак», использованное пророком, – это

Tau, означающее, как говорит Гесений в своем «Лексиконе», «крестообразный знак», и добавляет: «Евреи на монетах применяли древнейший знак в форме креста +».

Люди Средневековья пошли еще дальше. Они желали найти подтверждение тому, что крест является отличительным признаком в истории еврейской церкви, а поскольку свидетельств Ветхого Завета для этого было недостаточно, они дополняли их легендами.

Такой басней стала «Легенда о кресте», необыкновенно популярная в Средние века, о чем можно судить по многочисленным изображениям его основных событий на витражах и фресках.

В одном только Труа в церквях они появляются на окнах Святого Мартина из Виня,

⁷² Иез., IX: 4—6.

Святого Пантелеона, Святой Мадлен и Святого Низира.

Они изображены на фресках вдоль хоров в церкви Святого Креста во Флоренции, принадлежащих кисти Аньоло Гадди. Пьетро делла Франческа также посвятил часть своего таланта истории Креста, создав серию фресок в главной капелле в церкви Святого Франциска в Арреццо. Легенда о Кресте появляется в качестве росписи пределлы среди образцов раннего искусства в Академии изящных искусств в Венеции, а также как сюжет картины Бехамма в мюнхенской галерее. Полностью легенда излагается в «Жизни Христа», изданной в Труа в 1517 году, в «Золотой легенде» Якова Ворагинского, в старой голландской работе «История Святого Креста» и во французской рукописи XIII века, хранящейся в Британском музее. Гервазий Тилберийский рассказывает часть ее в своем произведении «Императорские досуги», цитируя Коместора. Также она появляется в «Зерцале историческом» Готфрида Витербосского, в «Хронике» Энгельхуса и в других источниках.

Сама история такова.

Наш прапродитель, будучи изгнан из Рая, жил в раскаянии и стремился искупить свой грех молитвами и тяжким трудом. Когда же он состарился и почувствовал приближение смерти, он призвал к себе Сифа и сказал ему: «Пойди, сын мой, к вратам Земного Рая и попроси архангела, который их охраняет, дать мне бальзам, который спасет меня от смерти. Ты легко найдешь дорогу, ибо следы мои опалили землю, когда я покинул Рай. Иди по моим обугленным следам, и они приведут тебя к вратам, откуда я был изгнан». Сиф поспешил в Рай. Земля, где он проходил, была бесплодной, растительность весьма скудной и темной, поверх всего виднелись черные следы ног его отца и матери. Некоторое время спустя он увидел стену, окружающую Рай. Природа вокруг была прекрасна, земля покрыта зеленью и пестрыми цветами. В воздухе разливалась прекрасная музыка. Сиф был ослеплен красотой, окружающей его, и продолжал свой путь, забыв обо всем. Внезапно перед ним промелькнул отвесный всполох огня, подобный извивающейся горячей змее. Это был огненный меч в руках херувима, охраняющего врата Рая. Когда Сиф приблизился, он увидел, что крылья ангела закрывают ворота. Он простерся ниц перед херувимом, не в силах произнести ни слова. Но ангел прочел в его душе лучше, чем смертный может прочесть в книге, то, что там было запечатлено, и сказал: «Время прощения еще не пришло. Четыре тысячи лет должно миновать, прежде чем Спаситель откроет ворота для Адама, закрытые из-за его неповиновения. Но в качестве символа будущего прощения дерево, на котором искупление должно свершиться, будет расти на могиле твоего отца. Смотри, что он утратил благодаря своему непослушанию!»

С этими словами ангел распахнул огромные ворота из огня и золота, и Сиф заглянул внутрь.

Он увидел в центре сада источник, прозрачный, словно хрусталь, и искрящийся, подобно серебряной пыли, который давал начало четырем потокам. Перед этим источником росло огромное дерево с толстым стволом и большими ветвями, лишенное коры и листвы. Вокруг ствола свернулась ужасная змея, которая выжигала кору и пожирала листву. Внизу был обрыв. Сиф увидел, что корни дерева простираются в Аду. Там находился Каин, старающийся ухватиться за них и подняться в Рай, но они опутывали братоубийцу, подобно нитям паутины, удушающей муху, и пронзали плоть Каина, как если бы они были живыми созданиями.

Охваченный ужасом от этого страшного зрелища, Сиф поднял глаза к верхушке дерева. Там все было иначе. Ветви дерева достигали небес, их покрывали листья, цветы и фрукты. Но самым чудесным плодом было малое дитя, прекрасное, словно солнце. Казалось, оно слушает воркование семи белоснежных голубок, круживших над его головой. Женщина, которая была прелестней луны, держала его на руках.

Затем херувим закрыл ворота и сказал: «Я дам тебе три семени этого дерева. Когда Адам умрет, положи их в рот своему отцу и похорони его».

Сиф взял семена и вернулся к отцу. Адам был рад услышать рассказ своего сына и восхвалил Господа. На третий день после возвращения Сифа он умер. Тогда сын похоронил

его в шкурах зверей, которые Бог дал ему, чтобы прикрыться. Местом его захоронения стала Голгофа. Со временем из семян, принесенных из Рая, выросли три дерева. Это были кедр, кипарис и сосна. Они росли с поразительной быстротой, простирая свои ветви вправо и влево. Одну из этих ветвей Моисей использовал, чтобы творить чудеса в Египте, добыть воду из скалы и излечить тех, кого укусили змеи в пустыне.

Спустя какое-то время все три дерева коснулись друг друга и начали соединять и смешивать свою природу в едином стволе. Под этим деревом сидел Давид, когда скорбел о своих грехах.

Во времена Соломона это было самое величественное из деревьев Ливана, оно превосходило все леса царя Хирама, подобно правителю, который превосходит тех, кто склоняется у его ног. Когда сын Давида возводил свой дворец, он срубил это дерево, чтобы превратить его в главную колонну, поддерживающую крышу. Но его постигла неудача. Колонну нельзя было использовать для этой цели:

то она была слишком длинной, а то – слишком короткой. Удивленный этим, Соломон сделал стены своего дворца ниже, чтобы колонна подошла, но она сразу же начала расти и пробила крышу, подобно стреле, пронзающей холст, или птице, вырвавшейся на свободу.

Соломон, разгневавшись, бросил дерево над Кедром, чтобы все могли ходить по нему, когда пересекают поток.

Там царица Савская и обнаружила его. Узнав о его качествах, она повелела поднять дерево. Соломон приказал закопать его. Спустя какое-то время царь выкопал на этом месте пруд – Вифезду, который тут же приобрел чудесное свойство исцелять больных. Вода приобрела свои качества от дерева, лежащего под ней.

Когда приблизилось время распятия Христа, это дерево показалось на поверхности, и его вытащили из воды. Палачи искали подходящее дерево, чтобы сделать из него крест. Они нашли его и изготовили из него орудие казни Спасителя. После распятия крест был закопан на Голгофе, но его вместе с двумя другими нашла 3 мая 328 года императрица Елена, мать Константина Великого. Тот крест, на котором был распят Христос, смогли отличить от двух других потому, что больная женщина излечилась, прикоснувшись к нему. Это же деяние, однако, было приписано в сирийской рукописи, хранящейся в Британском музее и датирующейся, несомненно, V веком, жене императора Клавдия, Протонисе. Царь Персии Хосров увез крест после разграбления Иерусалима, однако Ираклий, победивший в битве 14 сентября 615 года, вернул его. Этот день теперь почитается как праздник Воздвижения Креста.

Такова Легенда о Кресте – одна из самых замечательных фантазий Средневековья. Она основывается, хоть и бессознательно, на том факте, что крест был священным символом задолго до того, как на нем принял смерть Христос.

И как же объяснить это?

Как мне кажется, достаточно легко принять тот факт, что вера в крест входила в изначальную религию, следы которой существуют во всем мире у всех народов, которая научила людей верить в Троицу, в борьбу на небесах, в Рай, из которого человек был изгнан, в потоп и Вавилонскую башню, в Пресвятую Деву, которая зачнет и родит сына, в то, что голова дракона будет пробита и что через пролитие крови придет спасение. Использование креста как символа жизни и возрождения посредством воды широко распространено в мире, как и вера в Ноев ковчег. Возможно, тень креста распространяется гораздо дальше во тьму веков и охватывает больше стран, чем мы осознаем.

И это больше чем совпадение, что Осирис посредством креста должен дать вечную жизнь праведникам, что крестом Тор должен пробить голову огромному змею и вернуть жизнь тем, кто умер, что матери из племени муиска кладут своих детей под знак креста, веря, что это охранит их от злых духов и что этот символ древние люди Северной Италии использовали для защиты, хороня своих усопших.⁷³

⁷³ См. приложение.

Глава 16

Шамир

Позволю себе напомнить вам, что Господь, дав Моисею десять заповедей на горе Синай, повелел тому воздвигнуть Ему жертвенник: «Если же будешь делать Мне жертвенник из камней, то не сооружай его из тесаных, ибо, как скоро наложишь на них тесло твое, то осквернишь их»⁷⁴. И затем снова: «И устрой там жертвенник Господу Богу твоему, жертвенник из камней, не поднимая на них железа»⁷⁵. Такой жертвенник построил Иисус Навин, перейдя через Иордан («...жертвенник из камней цельных, на которые не поднимали железа»)⁷⁶.

Когда царь Соломон возводил свой знаменитый храм, «...на строение употребляемы были обтесанные камни; ни молота, ни тесла, ни всякого другого железного орудия не было слышно в храме при строении его»⁷⁷. Причина, по которой запрещалось использование железных орудий, в Мишне объясняется так: железо укорачивает жизнь, жертвенник же призван продлевать ее⁷⁸. По словам Плиния, железо – металл, который люди используют в войне; с помощью железа мы делаем все самое хорошее и одновременно все самое плохое: возделываем пашню, строим жилище, обтесываем камень, но вместе с тем творим кровопролитие, раздоры, грабежи. Жертвенник являлся символом мира, заключенного между Богом и человеком, и потому при возведении его не позволялось пользоваться железом, которое служит войне. Эту идею Соломон перенес на строительство целого храма. В Библии не говорится, что железные орудия не применялись для обтесывания камней; сказано только, что при сооружении храма их не было слышно.

Этот храм символизировал торжество Церкви на небесах. Предварительно подготовленные камни бесшумно укладывались в ряды, и так, камень за камнем, рос храм Господень.

Нигде в Священном Писании не подразумевается, что в подобном возведении храма из камней, обтесанных в отдаленных каменоломнях, было задействовано какое-либо чудо. Ни в Первой, ни во Второй книге Паралипоменон также нет ничего о чудесах, сопровождавших этот процесс.

В «Септуагинте» это описывается следующим образом: ὁ οἶκος λίθοις ἄκροτόμοις ἄρυοῖς ὠκοδομήθη. Слово ἄκροτομος в LXX употребляется трижды, для понятия которое означает «грубый, необработанный камень». В том месте во Второзаконии, где сказано: «...который источил для тебя источник воды из скалы гранитной»⁷⁹, – LXX использует ἄκροτομος. Там, где в Книге псалмов говорится: «Превращающего скалу в озеро воды...»⁸⁰ – употребляется

⁷⁴ Исх., XX: 25.

⁷⁵ Втор., XXVI: 5.

⁷⁶ Иис. Нав., VIII: 31.

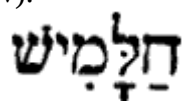
⁷⁷ 3 Цар., VI: 7. (Примеч. пер.)

⁷⁸ Миддот. 3, 4.

⁷⁹ Втор., VIII: 15.

⁸⁰ Псалом CXIII: 8.

ἀκρότομος, так же как и в Книге Иова: «На гранит налагает он руку свою, с корнем опрокидывает горы»⁸¹. В Книге премудрости Соломона сказано: «...дана им была вода из утесистой скалы»⁸² (ἐκ πέτρας ἀκρότομον), – что тождественно «твердому камню» (λίθος σκληρός). В Книге премудрости Иисуса, сына Сирахова о Езекии говорится, что он «пробил железом скалу»⁸³ (ὤρυξε σιδήρῳ ἀκρότομον).

Λίθος ἀκρότομος, таким образом, означает необработанный камень, обладающий естественными неровностями, то есть неотесанный. Поэтому Суда использует выражение σκληρὰ καὶ ἄτμητος, а Феодотион называет острый камень, с помощью которого Сепфора совершила обрезание своего сына, ἀκρότομος. В LXX ἀργοῖς означает также камень в его природном состоянии. Так, Павсаний говорит о золотых и серебряных самородках как ο ἄργυρος καὶ χρυσὸς ἀργός. Тогда получается, что LXX, сообщая, будто храм строился из ἀκρότομοις ἀργοῖς, подразумевает на самом деле, что эти камни вообще не были обработаны и находились в своем природном состоянии, а мастерство Соломона заключалось в том, чтобы соединить в одно целое валуны, которых никогда не касались инструменты. Такого же мнения придерживается и Иосиф Флавий, по словам которого «весь храм целиком собран был с большим искусством из необработанных камней, ἐκ λίθων ἀκρότομων, идеально пригнанных друг к другу без видимого участия молота или иного строительного инструмента. Строители обошлись без них, и подгонка, судя по всему, производилась не с помощью какого-либо механического воздействия, а с учетом естественной формы камня». В этом и состояло величайшее искусство: бесформенные глыбы были настолько ловко подобраны друг к другу, что создавалось впечатление, будто их специально вытесали для этого. Прокопий Кесарийский тоже свидетельствует, что храм был возведен из необработанных валунов, поскольку Господь запретил налагать на них железные орудия, но тем не менее все вместе они смотрелись как единое целое. Эти отрывки как бы предполагают, что в строительстве храма, при котором не было задействовано никаких сверхъестественных сил, все же есть некие признаки чудесного. Но легенда на этом не заканчивается. После переселения евреев в Вавилон в их мифологию влилось огромное количество иранских и халдейских мифов.

С именем Соломона оказались связаны легенды, ранее рассказываемые о Джемшиде и других персидских героях. Евреи стали считать их своим собственным наследием. Было явно недостаточно того, что Соломон просто искуснейшим образом подогнал друг к другу неотесанные валуны; нет, их обработали при помощи каких-то магических средств, не прибегая к орудиям из железа.

Легенда рассказывает, что, когда Соломон пытался решить, как построить храм, не прикасаясь к камням никакими железными инструментами, мудрецы указали ему на драгоценные камни на нагрудных знаках первосвященников. Эти камни были огранены и отшлифованы неким инструментом, еще более твердым, чем они сами. Шамир – так он назывался. Шамир был способен разрезать то, что не поддавалось никакому железу. Тогда Соломон вызвал духов и стал расспрашивать их, где же можно разыскать этот чудесный инструмент. Духи открыли ему, что шамир – это червь. Размером он не больше ячменного зернышка, но обладает такой силой, что перед ним не устоит даже самый твердый камень.

⁸¹ Иов., XXVIII: 9.

⁸² Книга премудрости Соломона, XI: 4.

⁸³ Книга премудрости Иисуса, сына Сирахова, XL: 19.

Духи посоветовали ему обратиться к Асмодею, царю демонов, – он больше знает об этом. Соломон спросил, как ему найти Асмодея, и духи рассказали, что далеко-далеко, на горе, Асмодей выкопал себе огромный колодец, из которого он каждый день пьет. Соломон призвал своего слугу Беная и вручил ему цепь, на которой было написано волшебное слово «шем аммефораш» («овечья шерсть и бурдюк вина»). Бенай отправился к колодцу Асмодея, проделал к нему подкоп и, выпустив из него всю воду сквозь маленькую дырочку, заткнул ее овечьей шерстью. После этого он наполнил колодец вином. Злой дух, прилетев, по своему обыкновению, к колодцу, почувствовал запах вина. Заподозрив какую-то ловушку, он поначалу не стал пить и ушел, однако вскоре жажда вынудила его все же выпить вина. Когда он опьянел, Бенай сковал его цепью и поспешил к Соломону. Нельзя сказать, что это удалось ему с легкостью – Асмодей бился и вырывался, сокрушая дома и деревья. Одна бедная вдова, возле дома которой они оказались, стала умолять Асмодея пощадить ее лачугу и не разрушать ее. Тот, пожалев вдову, повернул было в сторону, но так неудачно, что сломал ногу. «Истинно говорят, мягкий язык переламывает кость»⁸⁴, – произнес демон, и с тех пор он известен как *хромой бес*. Тем не менее, будучи доставлен к Соломону, Асмодей стал вести себя более прилично. Он поведал царю, что шамир принадлежит Князю Моря, и тот не доверяет волшебного червя никому, кроме куропатки, что поклялась ему в верности. Куропатка приносит шамира на вершины гор, раскалывает их и опускает туда семена, чтобы они проросли, и голые скалы покрылись зеленью. Поэтому эту птицу называют Нагар Тура («разрезающая горы»). Если Соломон желает добыть червя, то ему надлежит найти гнездо куропатки и накрыть его сверху стеклянным блюдом, чтобы она не могла добраться до своих птенцов. Она должна будет прибегнуть к помощи шамира, чтобы разрезать стекло, и волшебного червя можно будет у нее отнять.

И вот Бенай, сын Иодая, отыскал гнездо птицы и прикрыл его куском стекла. Когда куропатка прилетела и не смогла дотянуться до своих птенцов, она принесла шамира и приложила его к стеклу. Тут Бенай страшно закричал, куропатка, испугавшись, выронила червя и унеслась прочь. Так Бенай завладел драгоценным шамиром и принес его Соломону. А куропатка, мучимая совестью за то, что она нарушила клятву, данную Князю Моря, убила себя.

Согласно другой версии, Соломон пошел к своему колодцу и, разыскав там демона Сакара, хитростью поймал его и сковал цепью. Когда царь прикоснулся к цепи своим перстнем, Сакар испустил крик такой пронзительный, что содрогнулась земля.

«Не бойся, – произнес Соломон. – Я верну тебе свободу, если ты скажешь мне, как безо всякого шума разрезать камни и металлы».

«Этого я не знаю, – ответил джинн, – но ворон может дать тебе ответ. Накрой гнездо ворона хрустальным блюдом, и увидишь, как птица разобьет его».

Царь так и поступил и увидел, что ворон принес в клюве камень, который расколол хрусталь. «Что это за камень?» – спросил Соломон у ворона.

«Это камень Самур, – сказал ворон. – Он из пустыни, что далеко к востоку отсюда». Тогда царь послал нескольких великанов вслед за вороном в ту пустыню и получил столько камней, сколько ему требовалось.

Согласно третьей версии, шамиром назывался Камень Мудрости, а птицей, владевшей им, был орел.

Раздобыв этот шамир, Соломон обтесал камни для своего храма.

Раввинская фантазия создала и другие мифы об этой мистической силе, заключенной в черве или в камне. Во второй день творения был создан колодец, у которого Иаков встретил Ревекку, манна, которой питался народ Израилев в пустыне, волшебный посох Моисея, говорящая Валаамова ослица и шамир, тот не-железный инструмент, с помощью которого Соломон должен был построить Дом Божий. В ранних раввинских сказках шамир не

⁸⁴ Притч., XXV: 15.

является червем. В трактате Сота впервые появляются некие намеки на то, что шамир – это нечто большее, чем камень; там он называется «созданием»

חפדיב

«Наши ребе учат нас, что шамир – это некое создание величиной с ячменное зернышко, созданное в один из шести дней творения, и ничто не может устоять перед ним. Как его хранят? Его заворачивают в шерсть и помещают в свинцовый сосуд, наполненный каким-либо мелким зерном, вроде ячменя». После того как храм был построен, шамир исчез.

Легенда перешла к грекам. Элиан рассказывает об удоде, который свил гнездо в трещине одной старой стены.

Хозяин заделал эту трещину. Удод, обнаружив, что не может подобраться к своим птенцам, улетел на поиски растения лба. Принеся его, он приложил его к замазанной трещине, и та тотчас раскололась вновь, и удод проник внутрь. Затем птица улетела за пищей, и хозяин опять произвел починку стены. И снова удод устранил возникшее препятствие с помощью того же средства. То же самое повторилось и в третий раз. Плиний в этой сказке заменяет удода на дятла. По его словам, дятел растит свое потомство в дупле дерева; если вход в него чем-нибудь плотно заткнуть, дятел найдет способ открыть его.

В английской версии «Римских деяний» приводится следующая история. Жил в Риме выдающийся император по имени Диоклетиан. Превыше всего на свете он ценил такую добродетель, как сострадание. Как-то он пожелал узнать, какая из птиц более всего привязана к своим птенцам. Гуляя однажды по лесу, император заметил гнездо большой птицы, которая называлась страусом, где находились и мать, и птенцы. Диоклетиан взял гнездо с птенцами с собой во дворец и поместил его в стеклянный сосуд. Мать видела все это, и, будучи не в силах освободить своих детей, скрылась в лесу. После трехдневного отсутствия она вернулась во дворец и принесла в клюве червяка, который назывался *thumare*. Она уронила его на стекло, сосуд разбился вдребезги, и птенцы улетели прочь вместе с матерью. Императору оставалось лишь подивиться преданности и сообразительности страуса. На что мы можем, в свою очередь, заметить, что этой сообразительности очень не хватало тем, кто, сочиняя эту легенду, приписал качества, коими так восхищался Диоклетиан, именно страусу – птице, отличающейся особенно заметным их отсутствием. Подобные истории излагают и Винсент из Бове в своем «Зерцале историческом», и восхитительный сплетник и любитель небылиц Гервазий Тильберийский. Последний рассказывает, как Соломон прибегал к помощи маленького червячка по имени *thamir*, чтобы обтесать камни для храма. Если окропить его кровью мрамор, то он очень легко поддастся обработке. А завладел им Соломон следующим образом. Он взял птенца страуса и посадил его в стеклянную бутылку. Страус, видя это, убежал в пустыню и принес червяка. Его кровью он брызнул на бутылку, и она раскололась. «А в нынешние времена, в правление папы Александра III, когда я был мальчиком, в Риме нашли пузырек, наполненный жидкостью молочного цвета, которая, если сбрызнуть ею любой камень, заставляет его принимать ту форму, какая только угодна резчику. Пузырек этот обнаружили в очень древнем дворце; искусство, с которым он был выстроен, всегда служило предметом удивления римлян».

Гервазий позаимствовал эту историю у Петра Коместора.

«Если кто желает уметь разрывать цепи, – говорит Альберт Великий, – то пусть он идет в лес и найдет там дупло дятла с птенцами, взберется на дерево и заткнет чем угодно вход в него. Как только птица увидит, что ты сделал, она принесет растение, которое и приложит к предмету, мешающему ей попасть в гнездо. Тогда он разорвется, а растение упадет вниз. Следует заранее расстелить под деревом кусок ткани, чтобы можно было поднять его». Но, добавляет Альберт, это не более чем выдумки евреев.

Конрад Мегенбергский сообщает: «Есть птица, по-латыни она зовется *merops*, а по-немецки *Bömheckel*, которая вьет гнезда на высоких деревьях. Если гнездо с птенцами накрыть чем-нибудь так, чтобы птица не могла получить к нему доступ, она принесет некое растение, приложит его к помехе, и та подается. Это растение называется *herba meropis*, или

дятлова трава, а в магических книгах его называют *chora* .

В Нормандии верят, что ласточка обладает способностью находить на берегу моря гальку, которая возвращает слепым зрение. Чтобы завладеть волшебным камешком, крестьяне предлагают сделать следующее. Нужно выколоть глаза птенцам ласточки, и мать немедленно отправится на поиски чудодейственного средства. Как только птенцы снова обретут зрение, ласточка попытается отделаться от талисмана, чтобы никто не узнал секрет. Однако если предварительно расстелить под гнездом кусок алой ткани, ласточка, приняв его за огонь, бросит камень туда.

Я обнаружил подобную историю в Исландии. Местные жители уверяют, что существует некий камень, наделяющий своего владельца самыми чудесными способностями: он сможет иметь столько вяленой рыбы и бренди, сколько пожелает, превращаться в невидимку, воскрешать мертвых, излечивать болезни и взламывать любые запоры и решетки. Чтобы стать обладателем этого волшебного камня, нужно взять яйцо ворона, сварить его, подбросить обратно в гнездо и спрятаться. Когда мать увидит, что одно из ее яиц мертво и все попытки согреть его безрезультатны, она улетит прочь и вернется, неся в клюве черный камень. Им она коснется яйца и снова вдохнет в него жизнь. Тут нужно застрелить птицу и взять камень.

В легендах такого рода шамир обладает силой возвращать жизнь. В этом отношении они схожи с весьма распространенными в Средневековье историями о птицах и ласках, которые умели воскрешать мертвых с помощью волшебного растения. Авиценна в своей восьмой книге, «О животных», рассказывает, что один достойный доверия старец поведал ему следующее. Наблюдая за птицами, он заметил, что, когда две птицы дрались и одна из них начинала одерживать верх, другая, ослабевшая, находила какое-то растение и клевала его, а восстановив силы, возвращалась к битве. Так происходило несколько раз, и старец решил сорвать растение. Когда птица прилетела и увидела, что его нет, она громко вскрикнула и упала замертво. Растение называлось *lactua agrestis* .

В книге Фуке «Сэр Элидок» маленький мальчик по имени Амьот и его спутница стояли во дворе церкви и смотрели на гроб с покойницей, как вдруг ребенок громко вскрикнул. Какое-то маленькое существо скользнуло мимо них, рогатка в руках у мальчишки издала свист, и вот существо уже лежало на земле, сраженное ударом. Это была ласка... Через некоторое время появилась другая ласка, будто разыскивающая своего товарища, и нашла его бездыханным. Последовала печальная сцена. Зверек коснулся друга лапкой, как бы говоря: «Вставай! Проснись! Давай поиграем!» Но тот оставался недвижим. Тогда второй в страхе отпрянул от него. Снова и снова пытался он разбудить приятеля, но все было напрасно. Маленькие глазки его блестели словно бы от слез. Вдруг зверек как будто вспомнил о чем-то. Он наострил уши, оглянулся по сторонам и в мгновение ока скрылся из вида. Не успели Амьот и его спутница обменяться хоть словом, как зверек появился опять. В зубах он держал корень, на котором распустился красный цветок. Никогда прежде девочке не доводилось видеть такое растение. Она сделала Амьоту знак, чтобы тот не двигался. Зверек приблизился к своему другу и осторожно вложил в его рот корень с цветком. Тельце первого, до этого момента неподвижное, вдруг вытянулось, и в то же мгновение он вскочил на ноги, все еще с корнем во рту. «Корень! Корень! Возьми его, только не убивай их!» – прошептала Амьоту его спутница. Он выпустил еще один камень из своей рогатки, но так аккуратно и точно, что не только не убил ни одну из ласок, но даже не повредил им. Корень жизни с красным цветком лежал перед рассказчицей и находился в полной ее власти. Естественно, она тут же воспользовалась им, чтобы вернуть к жизни покойницу. «Сэр Элидок» основан на бретонской легенде, на «Поэме об Элидуке» Марии Французской. Однако в другой французской сказке цветок желтый; это не что иное, как календула. Она может даровать способность понимать язык птиц, но только в том случае, если в одно определенное утро ее коснется босой ногой человек с чистой душой. Эта история практически повторяет историю о Полииде и Главке. Полиид заметил возле тела умершего принца змею и убил ее. Появилась вторая змея, увидела, что первая мертва, и принесла

корень, который оживил ее. Полиид завладел корнем и сумел вернуть жизнь Главку⁸⁵. Греческая легенда о Роданфе и Досикле имеет похожий сюжет. Роданфа выпивает кубок с отравленным вином и падает замертво. В это время Досикл и Кратандр охотятся на диких зверей в лесу. Они видят раненого медведя, который, отыскав какое-то растение, начинает кататься по нему и мгновенно исцеляет свои раны. Корень этого растения был белым, цветки розовыми, а стебель имел слегка фиолетовый оттенок. Досикл подобрал его и вернулся домой, где обнаружил лежащую без чувств Роданфу. С помощью чудесного растения он оживляет ее. Похожие сказки рассказывают в Германии, Литве, встречаются они и среди современных греческих сказок, и среди древних скандинавских.

В Германии полно историй о волшебных свойствах цветка удачи.

Человек мимоходом срывает красивый цветок, в большинстве случаев голубой, и прицепляет его к шляпе или к груди. Идя мимо горы, он вдруг замечает, что она расступается перед ним. Он входит и видит прекрасную женщину, которая предлагает ему ни в чем себе не отказывать и набрать сколько угодно золота, что в изобилии рассыпано вокруг. Он набивает карманы сверкающими самородками и собирается уходить, но слышит голос женщины: «Не забудь самое ценное!» Думая, что она приглашает его взять еще золота, он ощупывает свои карманы, удостоверяется, что он сделал все, что мог, и упрекнуть себя ему не в чем, и устремляется к выходу. Бесценный голубой цветок, обладающий свойством открывать горы, остается лежать на земле там, где он его выронил.

В тот момент, когда он выходит наружу, гора с грохотом затворяется за ним и оставляет его без пятки. Теперь она закрыта для него навеки.

Один пастух перегонял свое стадо через Ильзенштейн. Будучи утомлен долгим и изнурительным путешествием, он оперся на свою палку. Тут же недра горы раскрылись перед ним, поскольку в его посохе был молочай. Внутри он встретил принцессу Ильзу, предложившую ему наполнить карманы золотом. Он так и сделал и собирался уходить, но принцесса воскликнула: «Не забудь самое ценное!» Она имела в виду его палку, прислоненную к стене.

Но пастух не понял ее и, взяв еще золота, пошел к выходу. Гора, сомкнувшись, разорвала несчастного пополам. В некоторых версиях это был маленький голубой цветок:

Лазоревый цветок, как говорят брамины,
В раю который только лишь растет.

«Лалла Рук»

Он жалобно прокричал: «Не забудь меня!» Но голос его был так тих, что его никто не услышал.

Отсюда и произошло имя этого маленького симпатичного цветка – незабудка. Когда это предание забылось, придумали красивую романтическую легенду, объяснявшую необычное название.

В сказке «Али-Баба и сорок разбойников» горы отворяет волшебное слово «Сезам», произнесший его получает доступ к сокровищам, что находятся внутри. На забывшего волшебное слово невезучего злодея обрушивается несчастье. Но сезам – это название известного восточного растения, *sesamum orientale*, или кунжут восточный, так что вполне вероятно, что изначально в персидской сказке, вошедшей в состав «Сказок 1001 ночи» в роли ключа, открывавшего гору, выступал цветок. В античных мифах тоже присутствует растение, раскалывавшее горы, а именно *saxifraga*, или камнеломка, чьи тонкие корешки, проникая внутрь, могли разрушить самую твердую скалу – этой силе древние греки не могли найти объяснения.

Исаия, описывая опустошение виноградников сионских, говорит, что на месте их

⁸⁵ Аполлодор. Мифологическая библиотека. Кн. III. Гл. 3.

«...будет терновник и колючий кустарник»⁸⁶, – а также «зарастет он тернами и волчцами»⁸⁷ и «на земле народа моего будут расти терны и волчцы».⁸⁸

Слово нигде не используется самостоятельно, оно всегда сочетается со словом которое в LXX переводится как ἄκανθα καὶ χόρτος. Название растения в седьмой главе переведено как χέρσος ἄκανθα; в пятой – χέρσος и ἄκανθα, таким образом, χέρσος означает, а ἄκανθα означает. В девятой главе, там, где «огонь... пожирает терновник и колючий кустарник»⁸⁹, используется слово ἄγρωστις ξηρά, а в десятой – «терны его и волчцы»⁹⁰ – ὥσεὶ χόρτον τὴν ὕλην.

שִׁית
שְׁמִיר

В отношении обоих этих названий переводчики не имеют единого мнения. Далее, словом «смирис», не сочетая его ни с какими другими словами, Исаия называет некое растение. «Смирис», как мы убедились, – это нечто, обладающее силой разрушать камни. Соответственно, та же идея, что выражается латинским словом *saxifraga* (камнеломка), на еврейском выражается словом «смирис»; так что мы можем перевести как «камнеломка и терн».⁹¹

שְׁמִיד וְשִׁית

У северных народов есть еще один талисман, которому приписывают те же свойства, что шамиру и молочаю. Это – Рука Славы. Она представляет собой руку повешенного, подготовленную особым образом. Ее следовало туго завернуть в кусок савана, так чтобы выдавить, возможно, еще оставшуюся кровь, затем поместить в глиняный сосуд вместе с селитрой, солью и перцем, тщательно перемешанными. В этом «маринаде» рука должна оставаться две недели, чтобы как следует высохнуть. Затем ее нужно еще высушивать на солнце во время «Собачьих дней», пока она совсем не съезжится. Если солнечного тепла оказывается недостаточно, рука нагревается в печи, в которой сжигают вербену и папоротник. Затем нужно изготовить свечу из жира повешенного, смешанного с воском и лапландским кунжутом. Обратите внимание на использование этого растения. В Руку Славы вставляли эту горящую свечу. Дустер Свивел добавляет: «Вы делаете свечу и вставляете ее в Руку Славы в соответствующий час и минуту и с соответствующими ритуалами, и тот, кто ищет сокровища, не найдет ничего!» У Саути такой рукой владеет чародей Мохареб, он использует ее, чтобы усыпить Иохака, великана, охраняющего вход в пещеры. Из сумки он вынимает высохшую, сморщенную черную человеческую руку и вставляет в нее свечу. Далее чародей рассказывает, как он приобрел эту руку – руку убийцы, принявшего смерть на эшафоте, ту самую, которая и совершила страшное преступление. Он объясняет действие

⁸⁶ Ис., VII: 23.

⁸⁷ Там же, V: 6.

⁸⁸ Там же, XXXII: 13.

⁸⁹ Ис., IX: 18. (Примеч. пер.)

⁹⁰ Там же, X: 17. (Примеч. пер.)

⁹¹ Восточное слово «смирис» было в ходу у греков. Так они называли самое твердое известное им вещество, использовавшееся для полировки камней. Это слово сохранилось в немецком языке – *Smirgel* («наждак») – и в английском – *emery* («корунд, наждак»).

руки: сгорая, ее мертвые ингредиенты распространяют вокруг омертвелость, безжизненность.

Несколько историй об этой ужасной руке встречается в «Фольклоре северных графств Англии» Хендерсона. Я приведу здесь только одну; ее мне рассказал рабочий из Вест-Райдинга в Йоркшире. Эту же историю приводит Мартин Энтони Делрио в своих «Магических изысканиях» 1593 года, она дается в качестве приложения в книге Хендерсона.

В некоей довольно глухой местности, посреди вересковой пустоши, находился постоянный двор. Как-то раз темной ночью, когда все его обитатели уже приготовились ко сну, раздался стук в дверь. На пороге стоял дрожащий от холода нищий, чьи лохмотья были насквозь промокшими от дождя, а руки совсем посинели. Он попросил ночлега, который и был ему милосердно предоставлен. В доме не было ни одной свободной кровати, но нищему сказали, что он может устроиться на полу перед огнем, где потеплее.

Вскоре все в доме уснуло, кроме одной девушки-служанки. Через маленькое оконце в двери кухни она могла видеть, что происходило в большой комнате. Когда все разошлись и нищий остался один, он поднялся с пола, сел за стол, вынул из кармана коричневую сморщенную человеческую руку и вставил ее в подсвечник. Затем он чем-то смазал ее пальцы и, поднеся к ним спичку, поджег их. Охваченная ужасом, девушка метнулась к черной лестнице, взбежала наверх, чтобы разбудить своего хозяина и других мужчин; но напрасно – все они крепко спали, погружившись в заколдованный сон. Видя, что ее усилия бесплодны, она вновь кинулась вниз. Заглянув в оконце, она увидела, что пальцы на руке по-прежнему горят, не горел только большой палец – это был знак, что в доме кто-то не спит. Нищий стал собирать все ценное в доме в большой мешок; ни один замок не мог устоять перед горячей рукой. Поставив ее на землю, вор зашел в соседнюю комнату. Как только он скрылся из вида, служанка бросилась к руке и попыталась потушить пляшущие на кончиках пальцев желтые огоньки. Она дула на них, потом вылила на руку немного остававшегося в кувшине пива – но огоньки только ярче разгорелись, затем попробовала воду – но опять безуспешно. Тогда, в качестве последнего средства, она схватила кувшин с молоком и выплеснула его на горящую руку – и четыре огонька немедленно погасли.

Пронзительно крича, девушка подбежала к двери в комнату, в которую вошел вор, и заперла ее. Весь дом был поднят на ноги, и вор оказался схвачен и повешен.

Похожую легенду рассказывает Томас Инголдсби. Но мы не будем пересказывать ее сюжет, а лучше попытаемся поднести мифологического шамира к самому мифу и посмотрим, не спадут ли замки со всех дверей, не откроются ли перед нами ворота в пещеру чудес, не сумеем ли мы проникнуть в самую суть этой легенды и понять, откуда произошла эта вера в волшебного червя, принадлежащего Князю Моря, камень мудрости, сезам, забудку или Руку Славы.

Какими свойствами обладает этот магический предмет?

Он взламывает замки, дробит камни, открывает недра горы, где лежат сокровища, скрытые доселе от человеческих глаз, парализует, погружает в волшебный сон или, наоборот, возвращает к жизни.

Я думаю, во всех этих разнообразных сказках говорится об одной и той же вещи, а именно о молнии.

Но что же это за птица, приносящая в клюве шамир, червя или камень, разрушающий горы? Это грозная туча, которая в древних мифах разных народов часто принимала вид могучей птицы. В греческой иконографии Зевс, согласно определению Еврипида, «небо, держащее землю в своих влажных объятиях», обычно изображается с молнией в руках, рядом с ним показан орел, символизирующий тучу. «Блистающие небеса над нами, что все называют Юпитером», как говорит Цицерон, не могут обойтись без облака и молнии, а когда небо принимает человеческое воплощение, его неизменным спутником становится птица. Это та самая грозная туча, что, приняв форму орла, ежедневно терзает печень Прометея. Те же грозные яростные тучи представляют гарпии. В древнеиндийской мифологии легкое пушистое белое облако, плывущее в небе, было белым лебедем, равно как и в скандинавской,

в то время как черные тучи отождествлялись с воронами, кружащимися над землей, чтобы потом вернуться к Одину и рассказать ему все, что происходит в мире. Клубящийся туман – это птица Рух из сказок «1001 ночь», высиживающая свое огромное сияющее яйцо, солнце, и живущая в сверкающей самоцветами долине, звездном небе. Сравнение облака с птицей достаточно легко приходит на ум как современному поэту, так и библейскому Давиду – недаром он говорил о «крыльях ветра». Итак, если облако, или туча, – это огромная птица, то молнии – это не что иное, как извивающиеся черви или змеи, которых она несет в клюве. Канадские индейцы по сей день считают молнии огненными змеями и верят, что гром – это их шипение. Согласно преданиям друидов, именно эти небесные пресмыкающиеся породили солнце. Молния, разрушающая все, во что она попадает, рассматривалась как камень, брошенный птицей-тучей. Сходство молнии с небесным цветком, голубым, желтым или красным, является более отдаленным; тем не менее существуют свидетельства, которые я не могу здесь привести, что именно так молния в ряде случаев и рассматривалась.

Облако, озаренное всполохами молнии, также символизировало пылающую руку. Греки помещали изогнутое копьё в руку Зевса, а у мексиканских индейцев кроваво-красная рука, изображенная на стене храма, символизировала жертвенный костер. Возможно, та же мысль присутствовала в уме отрока Илии, когда он увидел с вершины горы Кармил облако и сказал об этом своему хозяину. «Вот, небольшое облако поднимается от моря, величиною в ладонь человеческую... Между тем небо сделалось мрачно от туч и от ветра, и пошел большой дождь»⁹². В финской и эстонской мифологии облако – это маленький человечек с медной рукой, который, поднимаясь из воды, вырастает и превращается в гиганта.

Черная пламенеющая туча – вот из чего родился образ магической Руки Славы.

Производимые молнией эффекты выражаются различно. Шамир, дробящий скалы, – образ достаточно ясный. Менее понятна другая его ипостась – ключ к сокровищам, заключенным в недрах горы. У древних ариев и облако, и гора назывались одним словом. Груды облаков на горизонте настолько напоминали им Альпы, что для обозначения их не нашлось более подходящего слова. И эти громадные небесные горы раскалывала молния. На доли секунды перед человеком открывалось ослепительное золото за облаками, но тут же с грохотом скалы смыкались опять. Вера в то, что за громадами облаков таятся несметные богатства, которые на мгновение открывались простым смертным, привела к быстрому формированию легенд о людях, сумевших проникнуть в эти сокровищницы. Корень жизни, который приносит ласка или змея, возвращает жизнь мертвым. Этот миф родился на Востоке, где порой от продолжительной засухи земля будто умирает. Затем приходит облако. Молния ударяет в бесплодную, потрескавшуюся, мертвую землю, и вслед за ней с небес обрушиваются потоки воды, возвращая к жизни иссохшие растения, восстанавливая их соки. Главк символизирует именно мертвую, высохшую растительность, а мертвая женщина в «Поэме об Элидуке» – безжизненную, лишенную сил землю. Эту возрождающую силу в мифологии приписывают также дождю. В славянских мифах мертвую землю оживляет живая вода, которую приносит птица из глубины мрачной пещеры. Убитый принц означает умершую землю; затем прилетает орел с пузырьком живой воды – облако, несущее дождь, он окропляет драгоценной влагой труп – и жизнь возвращается.

У Руки Славы есть еще одно весьма специфическое свойство. Она обездвиживает. В этом отношении она напоминает голову Медузы горгоны или василиска. Голова Медузы с развевающимися волосами-змеями – это, вне всяческих сомнений, дождевое облако, точно так же, как и василиск, от взгляда которого умирает все живое. Парализующий ужас, который внушали людям раскаты грома, отразился в легендах об обездвиживающем взгляде василиска, голове Медузы и помахивании Руки Славы.

Возможно, некоторые из этих объяснений могут показаться натянутыми, однако все они являются истинными. Мы, с нашим знанием причин, вызывающих различные

⁹² 3 Цар., XVIII: 44–45.

метеорологические явления, едва ли можем представить себе, какие невероятные объяснения предлагали им невежественные люди.

Как в финской космогонии могла родиться вера, что земля и небо представляют собой яйцо, в котором скорлупа – это небесный свод, желток – непосредственно земля, а прозрачная жидкость, окружающая его, – Мировой океан, нам не понять; и тем не менее именно так они и думали, это факт. Как скандинавам могло прийти в голову, что горы – это разлагающиеся кости могущественного йотуна, а земля – его гниющая плоть, непостижимо для нас, однако в эту теорию совершенно серьезно верили и передавали ее другим. Почему древние индийцы считали, что дождевые облака – это коровы с полным выменем, которых доят небесные ветра, – не поддается объяснению, но в ведах содержатся неопровержимые доказательства этому.

Нонн в «Деяниях Диониса» описывал луну как светящийся белый камень, а Демокрит называл звезды *пётроус*. Лукреций считал солнце колесом, а Овидий – щитом:

...тогда ли, когда на рассвете
Палантиада весь мир, чтобы Фебу вручить, обагряет.
Даже божественный щит, подымаясь с земли преисподней,
Ал, возникая, и ал, скрываясь в земле преисподней...⁹³

Уже в 1600 году немецкий автор, описывая грозу, от которой гибнет урожай, изобразил дракона с пламенеющим языком и железными клыками, пожирающего поле, а детям и сейчас говорят, что гром – это голос Всевышнего.

Беспокойный человеческий ум, находясь в постоянных поисках причин тех чудес, что предстают перед ним, принимает одну теорию за другой, а те объяснения, что отвергаются им, остаются в памяти нации в качестве мифов, значение которых со временем забывается.

Глава 17 Гамельнский крысолов

В 1284 году городок Гамельн заполонили крысы. Люди не могли найти спасения от них в своих домах, крысы не давали им покоя ни днем ни ночью.

Они истребили собак и кошек,
Едва в колыбелях детей не убили,
Съедали на полках запасы сыров
И все, что хозяйки на ужин варили.
В бочонки с соленою рыбой пробрались
И гнезда устроили в праздничных шляпах.
И женщин беседы теперь заглушали
Их писк и шуршанье бесчисленных лапок.

Однажды в городок пришел человек в причудливой разноцветной одежде. Никто не знал, кто он и откуда. Он объявил себя ловцом крыс и предложил за некоторую сумму избавить жителей от вредных грызунов. Горожане согласились на его условия. Тогда человек достал дудочку и начал играть.

Не успел он сыграть и трех нот, как послышался такой шум, будто двигалась целая армия. Вон из города бросились крысы: огромные и мелкие, тощие и толстые, бурые, черные, серые и рыжие, старые и молодые. Вздернув хвосты и топорща усы, они последовали за музыкантом. Играя на дудочке, он повел их по улицам к реке Везер, в

⁹³ Овидий. *Метаморфозы* / Перевод С.В. Шервинского. (Примеч. пер.)

которой они все и утонули.

Как только горожане избавились от своих мучителей, они тут же начали жалеть о договоре с музыкантом и, под предлогом того, что он колдун, отказались заплатить назначенную сумму. Музыкант пришел в ярость и поклялся отомстить неблагодарным. 26 июня, в День святых Иоанна и Павла, этот загадочный человек снова появился в городке Гамельн.

Он опять прошел по улицам, играя на своей дудочке. И едва он извлек из нее три ноты, такие прекрасные и нежные, какие еще никогда не звучали, как послышался топот маленьких ножек и стук деревянных башмачков. Отовсюду к нему сбегались дети, подобно птицам, что во время сева слетаются на поля. Галдя, смеясь и хлопая в ладоши, они последовали за чудесной музыкой.

Человек, играющий на дудочке, продолжал идти по улице, а за ним толпой бежали дети. Пораженные жители Гамельна стояли, не зная, что делать и что может случиться в результате этой таинственной игры.

Меж тем музыкант привел детей к горе, возвышающейся над рекой Везер. Когда они подошли совсем близко, в горе открылись чудесные ворота, куда, продолжая играть на дудочке, вошел этот странный человек. Дети последовали за ним, и как только все они оказались внутри, двери быстро захлопнулись.

О нет, не все! Двое остались снаружи: один из них был слепым, а другой немым. Немой ребенок заметил место, где исчезли остальные дети, а слепой мальчик рассказал, что он почувствовал, когда услышал игру музыканта. По другой версии, паренек был хромым и оказался единственным, кто остался снаружи. Он жалел об этом всю жизнь, и печаль никогда не покидала его. Вот что он рассказывал об этом:

В городе нашем стало мне скучно,
С тех пор как товарищи мои исчезли,
Я не могу забыть то, чего лишился,
Тех прекрасных мест, что они увидели,
Которые музыкант обещал также мне.
Он сказал, что ведет в страну радости,
Совсем рядом, в двух шагах от города.
Там много ручьев и фруктовых садов,
Прекрасные цветы растут круглый год,
Все кажется в ней необычным и новым:
Воробьи там раскрашены ярче петухов,
А собаки обгоняют быстроногих оленей,
Пчелы не кусают, ведь у них нет жала,
А лошади имеют крылья, подобно орлам.
Он уверял меня, что хромота пройдет.
Но музыка смолкла, и я остановился.
Тут я увидел, что у подножия горы
Я остался один, вопреки желанию,
Чтобы снова хромать, как и раньше,
И никогда уже не найти ту страну.

Исчезнувших детей было сто тридцать. Их родители бросились к восточным воротам. Но когда они достигли горы, которая называлась Коппенберг и в которой исчезли их чада, они обнаружили только небольшую расщелину, куда каким-то образом вошли чародей и его спутники.

Улица, по которой прошел музыкант, называется *Bungen-Strasse*, потому что на ней нельзя играть на барабанах (*Bunge*), да и вообще там не должна звучать музыка. Когда по ней проходит свадебная процессия, музыканты умолкают, пока она не покинет эту улицу. На

горе Коппенберг два поросших мхом креста отмечают место, где исчезли дети. На стене одного из городских домов золотыми буквами сделана надпись о том, что 26 июня 1284 года, в День Иоанна и Павла, музыкант увел 130 детей из Гамельна и забрал их с собой внутрь горы Коппен. Надписи об этом событии также встречаются на стене ратуши и на воротах города.

Глубокое впечатление от произошедшего сохранялось в течение долгого времени, и город даже датировал свои общественные документы, начиная со дня этой трагедии.

Похожие истории рассказывают и в других местах. Некий человек со скрипкой пришел когда-то в Бранденбург и, играя на ней, прошел через город. Все дети последовали за ним. Он привел их к горе Мариенберг, которая открылась и впустила его и его спутников, а потом опять закрылась, не оставив никого снаружи. Однажды поля в окрестностях города Лорха подверглись нашествию муравьев. Епископ Вормса организовал шествие и молился об избавлении людей от этой напасти. Когда процессия достигла озера Лорх, навстречу ей вышел отшельник и предложил избавить людей от муравьев, если крестьяне возведут в этом месте часовню, потратив на это дело сто гульденов. Когда они согласились, он достал свирель и заиграл на ней. Все насекомые сползли к нему, он повел их к воде, в которую погрузился и сам. Затем он потребовал заплатить ему деньги, но люди отказались. Тогда он снова заиграл на своей свирели, и к нему сбежались все свиньи в округе. Он повел их к озеру, в котором и скрылся вместе с ними.

В следующем году туча сверчков поедала траву, и люди были в отчаянии. Вновь они организовали шествие. Процессия столкнулась с угольщиком, который предложил избавить людей от насекомых, если они потратят пятьсот гульденов на часовню. Затем он заиграл на свирели, и сверчки последовали за ним в воду. И вновь люди отказались заплатить ему оговоренную сумму. Тогда он своей игрой на свирели заманил в озеро всех их овец. На третий год случилось нашествие крыс. На этот раз старичок горец предложил освободить землю от вредителей за тысячу гульденов. Он завел их при помощи игры на свирели в Танненберг, и вновь крестьяне не развязали свои кошельки. Тогда старичок увел всех их детей.

В горах Гарца однажды появился странный музыкант с волынкой. Каждый раз, когда он начинал играть мелодию, умирала какая-нибудь девушка. Таким образом он убил пятьдесят дев и исчез с их душами.

Удивительно, что похожая история существует в Абиссинии. Ее рассказывает Харрисон в своей работе «Эфиопское нагорье». Хаджиуи Маджуи являются злыми демонами, которые играют на дудках. Они разъезжают верхом на козлах по деревням и при помощи своей музыки, которой невозможно сопротивляться, уводят детей, чтобы убить их.

Считается, что в германской мифологии душа имела некоторое сходство с мышью. В Тюрингии в Сальфельде девочка-служанка заснула в то время, как ее приятели лущили орехи. Они увидели маленькую рыжую мышку, которая выползла у нее изо рта и бросилась к окну. Один из слуг начал трясти девочку, но не смог разбудить ее. Тогда он перенес ее на другое место. В это время на прежнее место вернулась мышка и бросилась искать девочку. Не найдя ее, она исчезла, и в то же мгновение маленькая служанка умерла.

На легенду о музыканте, играющем на дудочке, похожа история, ставшая известной благодаря стихотворению Гёте «Лесной царь».

Поздней ночью по лесу скачет всадник и везет своего сына, завернутого в плащ. Малыш слышит призыв лесного царя, который обещает ему чудеса страны эльфов, где его дочери танцуют и поют, ожидая мальчика. Владыка леса просит ребенка остаться с ним. Отец успокаивает малыша и просит не слушать, потому что это только ветер, который шумит среди деревьев. Но песня привлекает юную душу, и, когда отец разворачивает плащ, он видит, что ребенок умер.

Удивительно, что следы этой легенды сохранились у уэслианцев. Из моего опыта общения с диссентерами я убедился, что их вера в гораздо большей степени, чем предполагалось, является возрождением древнего язычества, которое долгое время дремало в

среде английских крестьян. Один из уэслианцев рассказал мне однажды, что он уверен, будто его маленькая служанка скоро умрет, поскольку накануне ночью, когда он лежал без сна, он слышал, как в соседней комнате ей играет ангел. Музыка была невыразимо прекрасна и напоминала звуки флейты. Йоркширцы говорят: «Когда ангелы делают так, они собираются забрать с собой чью-нибудь душу». Я знаю несколько примеров, когда уэслианцы заявляли, что они скоро умрут, потому что они слышали голоса, певшие им о том, что никто, кроме них, не мог услышать, и рассказывающие им о

...счастливой стране
Далеко-далеко отсюда,

совсем как музыкант из Гамельна, обещавший хромоту мальчику рассказать о земле, где:

Прекрасные цветы растут круглый год,
Все кажется здесь необычным и новым...

Мне известен случай, когда смерть человека объяснили тем, что неподалеку играла какая-то музыка. «Когда она смолкла, душа была вынуждена покинуть тело».

Весьма популярный гимн, сочиненный покойным доктором Фабером, несомненно, основан на этом древнем суеверии и, возможно, является бессознательным возрождением ранних детских пуританских воспоминаний.

Слушай! Внимай, моя душа!
Песни ангелов звучат громче,
Над зелеными земными полями
И океанским берегом,
Что омывают волны.
Как прекрасна та истина
О новой жизни, где не будет греха,
Ее славят божественные напевы!
Вперед мы идем, ибо слышим их пение,
Спешите же, измученные души,
Ведь Христос призывает вас.
Сквозь тьму звучит их прекрасное эхо,
И музыка Библии ведет нас домой.
Ангелы Иисуса, Ангелы Света,
Пойте же, чтобы приветствовать
Странников во тьме.

Идея, которую я почерпнул из гимна о переходе через Иордан, видимо, заставила ранних христиан трактовать фигуру Орфея как символ Христа.

Ангелы зовут меня с того берега:
Приди же, приди, чтоб не странствовать больше.

Музыку, которую наши английские диссентеры считают ангельским пением, немцы приписывают эльфам, а их песни называют «песней духов» или «хороводом эльфов». Детей предупреждают, чтобы они не слушали ее и не верили в то, что обещает им этот таинственный напев. Если же они станут слушать, то фрау Холле – древняя богиня Хольда – заберет их с собой в лес.

Некий юноша слушал эту музыку и преисполнился непреодолимого желания быть

вместе с фрой Холле. Спустя три дня он умер, и о нем говорили: «Он предпочел общество фрой Хольды на небесах, и теперь до дня Страшного суда он должен скитаться вместе с ней по лесам». Подобным образом в скандинавских балладах описано, как юношей привлекают сладкие напевы эльфийских дев. Их музыку называют *ellfr-lek*, на исландском языке – *liuflíngslag*, по-норвежски – *Huldreslåt*.

Читатель уже понял, что эти северные мифы напоминают античные легенды о сиренах с их волшебными песнями, об Улиссе, который, будучи привязан к мачте и слыша их пение, рвался к ним, стремясь погибнуть.

Истоки этого мифа таковы. Волшебник-музыкант – это не кто иной, как ветер, а древние люди верили, что в ветре живут души умерших. Английские крестьяне во всех уголках страны до сих пор считают, что души некрещеных детей скитаются вместе с ним, а завывания ветра у их дверей и окон являются на самом деле плачем юных душ, обреченных странствовать до последнего дня. Древнегерманскую богиню Хольду всегда сопровождает множество детских душ. А за Одином во время Дикой Охоты над верхушками деревьев несутся духи смелых мужчин. Мы открываем окно, чтобы позволить умирающему человеку сделать свой последний вздох, поскольку считается, что душа странствует вместе с ветром. Мне очень часто повторяли, что человек на последней стадии болезни не мог умереть, хотя и хотел этого, пока не открывали окно. Тогда его дух сразу покидал тело.

В одной из исландских саг есть странная история о человеке, который стоял у двери своего дома и видел души, летящие в воздухе. Среди этих душ была и его собственная. Он закончил свой рассказ и умер.

В греческой мифологии Гермес Психопомп провожал души умерших в Аид, а древние египтяне верили, что эту же роль играл бог Тот. Я убежден, что в Гермесе соединились два разных божества, и произошло это из-за сходства их имен. Итифаллический Гермес, божество пеласгов, – это персонаж, совершенно отличный от озорного вороватого юноши в крылатых сандалиях и развевающимся плаще. Гермес пеласгов (от ἔρμα) – это солнце, податель жизни, в то время как другой Гермес (от ὄρμη) является порывистым ветром. В индийской мифологии он предстает как Сарам, сильный, порывистый ветер. Таким образом, Гермес Психопомп – это ветер, который уносит прочь души умерших. У него есть и другие характеристики, подтверждающие это: летящий плащ – символ плывущего облака (подобно Одиному, буре, который является также Хеклуберанди, «носящим плащ»), крылатые сандалии – символ быстроты его полета – и лира, с помощью которой он закрыл тысячу глаз Аргоса – звездного неба, означающая музыку ветра.

Сами слова, которыми называли душу, – *animus*, *ἄνεμος* или *spiritus*, и *athem*, обозначали также ветер и дыхание, что указывает на связь, предположительно существовавшую между ними. Английское слово *Ghost* («дух, душа») и немецкое *Geist* происходят от единого корня *gîsan* («порыв ветра»).

В пении античных сирен мы не можем не узнать свист ветра в снастях в преддверии шторма, что предвещает крушение корабля. Само слово «сирена» происходит от *συρίζω* («свистеть»). Так же и в ведической мифологии родственные им Рибху получают свое имя от *rebh* («звучать»), которому близко греческое *ροῖβδέω*. Сами сирены являются крылатыми существами, несущимися над землей и ищущими пропавшую Персефону.

Но воющий ветер не просто несет с собою души мертвых и предупреждает мореплавателей о готовящемся кораблекрушении. Иногда он делает кое-что другое. Можно лечь на холме и наблюдать за тем, как начинается буря. Вокруг царит тишина, и ничто не движется. И вот мы начинаем слышать свист травы, а потом каждое растение приходит в движение. Деревья раскачиваются из стороны в сторону, цветы колышутся и качают своими головками. Все вокруг начинает танцевать и не останавливается, пока не прекращается свист. Здесь мы видим основу другого мифа – мифа о музыкальном инструменте, который заставляет всех танцевать, пока звучит музыка.

У Гримма есть история с таким сюжетом: юноша получает лук, который всегда выпускает стрелу точно в цель, и скрипку, которая заставляет всех, кто слышит ее мелодию,

танцевать. Он подстреливает птицу, которая падает в терновник, и иудей пробирается туда, чтобы найти и забрать себе добычу охотника. Тогда юноша начинает играть на своем инструменте, и иудей пускается в пляс в кустах. Так продолжается до тех пор, пока он не соглашается заплатить юноше много денег, чтобы тот прекратил играть и дал ему отдохнуть.

В валашской сказке юноше дает волынку сам Господь. История развивается так. Мальчик убегает от своего брата, захватив ручную мельницу. С наступлением ночи он прячется на дереве. Под этим деревом собираются разбойники, чтобы разделить свою добычу. Парнишка бросает вниз мельницу, что заставляет грабителей в ужасе бежать, и таким образом добывает золото. Далее история развивается по сюжету, подобному сказке Гримма, только иудея заменяет священник.

Та же легенда бытует у современных греков: героя зовут Бакала, и у него есть дудочка.

В Англии есть похожая сказка, которую издал Винкин де Ворд. В ней юноша получает лук, чтобы стрелять в птиц, и дудочку, обладающую волшебной силой: каждый, кто ее слышал, начинал смеяться и прыгать.

В одной исландской саге, которая основана на мифах, появляется арфа, которая принадлежит некоему Сигурду. Боси убивает Сигурда, натягивает его кожу и одежду, берет арфу и идет в пиршественный зал короля Годмунда, где его возлюбленная должна выйти замуж за другого. Он начинает играть на арфе, и все ножи и тарелки, столы и стулья, а затем гости и, наконец, сам правитель пускаются в пляс. Боси не останавливается, пока они не падают от усталости, не в силах шевельнуться. Тогда он хватается невесту и уносит ее прочь на плече.

В средневековом романе «Гюон Бордосский» рог Оберона имеет те же свойства. В испанской сказке о фанданго при звуках музыки папа и кардиналы пускаются в пляс.

В очаровательнейшей коллекции сказок, собранной господином Крофтоном Крокером в Южной Ирландии, мы встречаем тот же прелестный мотив, но история много потеряла в изложении, поскольку ее части были переставлены местами. Морис Коннор, слепой музыкант, умел играть на дудочке так, что мог заставить все живое и неживое танцевать. Каким образом он этому научился, неизвестно. С самой первой ноты башмаки на ногах у всех людей, которые ее слышали, молодых и старых, начинали дрожать, затем в движение приходили ноги и пускались в пляс как безумные, мотаясь из стороны в сторону, как лист на ветру. Это не прекращалось, пока музыка не заканчивалась. Однажды Морис заиграл эту мелодию на морском берегу, и тут же появились всякие рыбы, замороженные прекрасным напевом и подпрыгивающие в такт музыке. С каждым мгновением все больше и больше их показывалось из воды. Солнечники начали это путешествие, рядом с ними появился хек, яркие макрели взлетали из моря, как маленькие радуги, мерланг и пикша танцевали в соленой воде, приплыли плоские скаты, осторожно приблизилась камбала, и неспешно появились палтусы. Гигантские крабы кружились на одной клешне с проворством заправских танцоров, вращая и размахивая в воздухе другой клешней, как если бы они им не принадлежали.

Затем из моря появилась русалка и нашептала Морису о чудесах подводного мира. Слепой музыкант, танцуя, отправился вслед за ней в сопровождении рыб. Его никогда больше не видели.

В славянских сказках волшебный инструмент имеет совсем другое свойство – он погружает в сон. Это символ свистящего осеннего ветра, замораживающего землю и сдерживающего все признаки жизни и роста. Но другой чудесный инструмент – это уже весенний ветерок, который все восстанавливает. Когда кудесник извлекает звуки из гуслей, все стихает, – это значит, что бог зимы насылает на землю сон, убаюкивая ее свистом своих холодных ветров, но под напевы весеннего ветерка золотоволосый солнечный бог оживляет природу, преодолевая чары.

Такую же волшебную арфу похитил Джек, когда поднялся по бобовому стеблю в верхний мир. В этой истории великан-людоед (который некогда являлся отцом всего сущего, пока христианство не превратило его в чудовище), живя в своей стране, что находится над

облаками, владеет тремя сокровищами: арфой, которая сама собой играет завораживающую музыку, мешками с золотом и самоцветами и курицей, каждый день несущей золотые яйца. Арфа – это ветер, мешки – это облака, проливающие сверкающий дождь, а золотое яйцо, которое каждое утро сносит красная курица, – это солнце на рассвете. У меня здесь недостаточно места, чтобы останавливаться подробно на двух последних сокровищах. Но они встречаются в многочисленных космогониях, поэтому едва ли могут быть сомнения в том, что мое истолкование является правильным.

Не вызывает удивления тот факт, что у народа киче в Гватемале есть легенда о волшебной флейте, которая заставляет плясать. В их священной книге «Пополь-Вух» близнецы Хун-Ахпу и Шбаланке превратили своих сводных братьев в обезьян. Затем они пришли к матери, которая спросила, где ее дети. Близнецы ответили, что она вновь обретет их, если сможет смотреть на них без смеха. Затем они начали играть на своих флейтах. Услышав музыку, превращенные в животных братья Хун-Бац и Хун-Чоуэн прибежали из леса в дом и начали танцевать. Их мать не смогла сдержать смех, видя их комичные ужимки, и они исчезли.⁹⁴

Я очень боюсь, что, подобно одному из этих волшебных музыкантов, я уже заставил читателей оцепенеть, надеюсь лишь, что не погружу их в сон, как славянский чародей. Мы должны двигаться дальше.

Любопытно, что бога Аполлона, играющего на лире, называли *Богом крыс*, поскольку он избавил Фригию от нашествия этих грызунов. Как он этого добился, мы не знаем. Возможно, это было сделано тем же способом, что и у музыканта из Гамельна, – с помощью лиры, поскольку в греческих мифах этот инструмент обладает притягательной силой для животных. Крыс, животных, любящих темноту, можно рассматривать в качестве символов ночи, а Аполлон, изгоняющий их из страны, олицетворял солнце, рассеивающее мрак.

Орфей своими мелодиями собирал вокруг себя зверей и птиц и заставлял деревья и травы расти. Имя Орфей может быть родственным ведическим Рибху, которые изначально, несомненно, назывались Арбху. Однако это не единственная возможность. Преллер полагает, что имя Орфей происходит от того же корня, что и ὄρφνῃ, ἔρεβος, и означает «мрак, темнота». Но это неправдоподобно. Он был сыном Аполлона, а значит, возможно, солнечным богом.

Едва ли можно было ожидать, что христиане позволят пропасть такому чарующему и невинному мифу, как легенда об Орфее. Сидя в своих катакомбах, они постарались найти ему другое, более допустимое в христианстве, применение, представив Орфея аллегорией Христа, который чудесными евангельскими напевами преодолел животную природу и заставил волка лечь рядом с ягненком. Но в меньшей степени заслуживает оправдания переделка этого образа средневековыми агиографами. Они забрали у Орфея его лиру, украли у него его песню и «разделили» его на Франциска Ассизского и святого Антония – первого с его проповедями птицам и второго, со знанием дела разъясняющего Священное Писание рыбам.

Удивительно, что этот миф об Орфее можно найти у арийских и иранских народов.

На санскрите такую легенду рассказывают о Гунадхье. Поэт Гунадхья, воплощение Мальявана, писал в лесу книгу сказаний из семисот тысяч шлок собственной кровью. Затем он послал двух своих учеников, Гунадеву и Нандидеву, отнести эту книгу царю Сатавахане, но тот отверг ее под предлогом, что она написана на языке пайшачи. Тогда Гунадхья поднялся на гору и разложил огромный костер. Он читал вслух свои сказания и, заканчивая страницу, бросал ее в огонь. Так были уничтожены сто тысяч шлок. Пока поэт читал притчи, олени, медведи, буйволы и косули – одним словом, все животные в лесу – собрались и плакали от восхищения, слушая эти прекрасные истории. В это время царь заболел, и врачи посоветовали ему есть мясо животных, добытых на охоте. Однако дичи в лесу совсем не

⁹⁴ См.: Пополь-Вух. Ч. 2. Гл. 5.

осталось, поскольку все живые создания собрались послушать Гунадхью. Охотники доложили об этом царю, тот поспешил к горе и предложил купить чудесную книгу. Но, увы! К тому времени только одна из семисот тысяч шлок уцелела.

Однако это не самая древняя форма индийского мифа. Поэт Гунадхья является воплощением небесного Мальявана, а сам сюжет, собственно говоря, принадлежит небесным музыкантам – Рибху, Марутам или Гандхарвам.

В мифологии «Ригведы» Рибху являются прекрасными музыкантами, чьим символом является легкий летний ветерок. Они похожи на Марутов, резкие ветра, с которыми их объединяет пение волшебной песни. Арбху (*Arbhus*) в тевтонской мифологии превратились в духов, или эльфов (*Alben, Elben, Elfen*), английских *Elfs* и скандинавских *Alfar*. Названия их одинаковы: *Arbhus* превращается в *Albhu* (*r* меняется на *l*, а *b* в старонемецком *Elbe* в современном немецком и норвежском заменяет *f*).

Древние арии обожествляли весенние и летние ветра, которые, согласно «Ригведе», спали зимой в течение двенадцати дней. А когда они просыпались, землю украшали цветы, деревья покрывались листьями и ручьи стряхивали с себя оцепенение. Эти Рибху были детьми Судханвана, искусного лучника, так же как греческий Орфей был сыном бога-лучника Аполлона. Возможно, они тождественны Гандхарвам, небесным музыкантам, прислуживающим Индре. Слово «Гандхарва» происходит от *gandh* («беспокоить, вредить»). Гандхарвы получили свое имя как яростные ветры, которые гонят по небу облака и срывают листья с деревьев. Их представляют в облике коней, и, согласно некоторым этимологам, они послужили прообразами кентавров.

Я помню, как однажды летним вечером, будучи на юге Франции, в Ландах, я поднялся на холм в районе некогда движущихся песчаных дюн, а ныне соснового леса. Воздух был полон благоуханием хвои и ароматом цветущих акаций. Повсюду высились сосны, гревшиеся на солнце и простиравшиеся вплоть до снежной линии Пиренеев, которые парили в туманной синеве на горизонте.

Здесь царило полное спокойствие: не было слышно ни одной птичьей трели, ни одного звука, издаваемого животным. И вдруг странная, вначале необъяснимая, музыка разлилась в воздухе. Нежная и далекая, как будто тонкие пальцы тронули сразу тысячу струн, она нарастала и затем вновь затихала. Станные гармонии вторгались в мелодию, затем угасали, а потом опять возникали, чтобы соединиться в продолжающуюся песнь. Поблизости не было ни одной живой души, а музыку в лесу, несомненно, играл ветер. Трудно представить что-либо более прекрасное и торжественное, это было совсем не похоже на звучание обычных инструментов или на то, что мы считаем «музыкой сфер», это был голос природы. Апостол сказал, что все живое стонет и мечется в муках – это так, но с течением времени оно сменило эти выражения боли на проявления радости жизни. Это была чудесная лира Орфея, ищущего свою Эвридику, песнь-притча Гунадхьи, напевы сыновей Калева и игра Вайньямейнена на кантеле.

Эстонское описание очарования музыки леса очень выразительно и может быть поставлено рядом с рассказом Овидия о том, как росли деревья при звуках лиры Орфея.

Как в лесу сосновом темном
Калева сын старший песню,
Сидя под ветвями ели, пел.
Пел он, и на ветках шишки
Танцевали и качались,
Каждый листик волновался.
Лиственницы трепетали,
И росли на них иголки.
Зелень свежая в закате
Сосен кроны обвивала,
Погружаясь в яркий пурпур.

На орешнике сережки
Танцевали, а на дубе
Желуди росли и крепи.
Слива дикая покрылась
Белоснежными цветами,
Что в венки сплетались сразу,
Наполняя вечер с ночью
Ароматом незабвенным.

Потом второй сын Калева идет в березовую рощу и поет там. Тогда зерно начинает прорастать, лепестки цветов вишни опадают, ароматные плоды растут и краснеют, зреющие яблоки розовеют на солнце, клюква и черника покрывают болота пурпуром и багрянцем.

Когда третий сын запекает свою мелодию в дубраве, собираются звери, птицы подают голоса: жаворонок начинает издавать пронзительные звуки, кукушка куковать, голуби ворковать, сороки стрекотать, лебеди трубить, воробей чирикать, а затем, когда они устают, печальный соловей начинает выводить свои трели, похожие на напевы флейты.⁹⁵

В финской мифологии все это является результатом игры волшебного кантеле Вяйнямёйнена. История этого инструмента довольно необычна.

Вяйнямёйнен подошел к водопаду и убил щуку, которая плавала под ним. Из костей этой рыбы он сделал свой кантеле, подобно тому как Гермес сделал свою лиру из панциря черепахи. Но он уронил этот инструмент в море. Таким образом кантеле попал к морским богам; вот откуда возникла музыка волн, которую мы слышим на берегу. Тогда герой сделал себе другой кантеле из дерева. С ним он в поисках таинственного сокровища Сампо спустился в страну тьмы Похьёлу, совсем как в античной мифе Орфей спускался в Аид, чтобы забрать оттуда Эвридику. Когда в стране мрака вечный финский полубог заиграл на своем кантеле, все обитатели Похьёлы погрузились в сон, подобно тому как Гермес, собираясь похитить Ио, при помощи звуков своей лиры заставил Аргуса закрыть глаза. Вяйнямёйнен забрал Сампо и почти достиг страны света, когда обитатели Похьёлы проснулись, погнались за ним и стали сражаться за похищенное сокровище. Во время боя Сампо падает в море и исчезает, вновь напоминая нам античный миф об Орфее.

Чудеса, которые происходят, когда Вяйнямёйнен перебирает струны кантеле, напоминают те, что сопровождали игру греческого музыканта.

«Старый Вяйнямёйнен начинает петь прекрасным чистым голосом, перебирая легкими пальцами струны кантеле, и радость сливается с радостью, а песня сплетается с песнею. Каждый зверь и всякая птица собираются к нему, чтобы послушать его красивый голос и музыку его напевов. Волк покинул болото, и медведь оставил свою берлогу в чаще. Они взобрались на ограду, и она под ними свалилась. Тогда они влезли на сосну и уселись на суку, чтобы послушать, как Вяйнямёйнен воспекает свою радость. Старый чернобородый владыка леса и весь народ Тапио спешат его послушать. Хозяйка леса, бесстрашная госпожа Тапиолы, надела свои синие чулки, подвязав их красной тесемкой, и поднялась на ствол дерева, чтобы послушать бога. Орлы спустились из-под облаков, ястреб прилетел на землю, чайка прибыла с берега, лебедь покинул чистые волны, быстрый жаворонок, легкий воробей и хрупкий зяблик уселись на плечах бога. Светлые девы воздуха – прекрасное золотое солнце и мягко светящая луна – остановились, одна на сияющем небосводе, другая на краю облака. Там они ткали, используя золотой челнок и серебряное бёрдо. Они услышали незнакомый голос и прекрасную песнь героя. Девы уронили золотой челнок и серебряное бёрдо, порвав свои нити. Потом к берегу приплыли большие и маленькие рыбы: семга и форель, щука и дельфин, – чтобы послушать прекрасные напевы вол шебника».⁹⁶

⁹⁵ См.: *Калевитоег*. Песнь 3.

⁹⁶ *Калевала*. Песнь 41. (Примеч. пер.)

В одной из татарских героических песен ветер, который представляется жеребенком, бегаящим по всему свету, обнаруживает, что дети его хозяина – Айдолей Мирген и Альтен Куруптью, которых я считаю утренней и вечерней звездой, умерли и были похоронены. Их стерегут семь воинов. Жеребенок превращается в девушку и идет к могиле, напевая колдовские стихи. Тогда все лесные звери и небесные птицы собираются, чтобы, затаив дыхание, послушать их. Воины были зачарованы, и девушка смогла украсть детей, подобно тому как Гермес украл Ио, околдовав Аргуса. Она воскресила их живой водой, которая символизирует рассвет.

В скандинавской мифологии Один прославился пением рун. Благодаря способности творить мир при помощи этих песен он получил имя Гальднер, что происходит от слова *gala* – «петь». В английском языке этот корень сохранился в словах «соловей» (*nightingale*), то есть «ночной певец», и «буря» (*gale*) – имя, данное ветру за его способность петь песни. В латинском языке этот корень можно найти в названии крикливого петуха (*gallus*).

Следы мифа обнаруживаются в древнем немецком героическом эпосе «Кудруна», где эта власть приписана Хоранту (норвежскому Хьярранди). Про него сказано, что он поет песню, которую никто не может выучить. «Песни, которые он пел, были чудесны. Никому из тех, кто их слушал, они не казались слишком длинными. Время, которое понадобилось бы, чтобы проскакать тысячу миль, пролетало как одно мгновение, когда слушали его. Дикие лесные звери и робкие олени внимали ему, мелкие черви выползали на зеленый луг, рыбы приплывали послушать – и каждый забывал о своей природе, пока длилась его песня». Читая это, мы вспоминаем чудесную немецкую легенду, прекрасно изложенную Лонгфелло, где роли изменились, и не птицы теперь слушают песнь человека, а человек, прижав к губам палец и едва дыша, внимает бесподобным птичьим трелям.

«Тысяча лет пред Тобой, как вчерашний день! Как это может быть?» – задумчиво вопрошает брат Феликс, полный сомнений о словах Господа, и уходит в лес, чтобы поразмыслить о них.

...И вдруг
В лесу раздался голос, – дивный голос
Какой-то птицы, райски белоснежной,
Упавшей точно с неба и запевшей
Столь сладостно, столь звучно, что казалось,
Запели в небе струны золотые
Несметных арф. И Феликс
Забыл святую книгу
И долго, долго
Шел и внимал той птице, восхищенный...⁹⁷

Пока он слушал, протекли года. Вернувшись в монастырь, он увидел, что все изменилось, и не нашел ни одного знакомого лица среди братии.

Когда принесли монастырскую книгу, в которой были записаны имена всех, кто имел отношение к обители, то в ней прочли следующее:

...что столетье
Тому назад, в такой-то день и месяц,
Ушел из врат обители брат Феликс
И под ее благословенный кров
Уж больше не вернулся – слыл умершим.

⁹⁷ Лонгфелло Г. Очарованный инок / Перевод И.А. Бунина. (Примеч. пер.)

И, прочитав,
Признали, что ему,
Плененному бессмертной райской песнью,
Век показался истинно мгновеньем.⁹⁸

Глава 18 Епископ Гатто

Вероятно, любой из тех, кто побывал на Рейне, никогда не забудет эти разрушенные замки и оскверненные монастыри. И независимо от того, интересуется ли он легендами, неразрывно связанными с этими руинами, или же нет, он не пройдет мимо знаменитой истории нечестивого епископа Гатто. О ней напоминает необычная Мышиная башня, возвышающаяся на скале посреди реки.

В конце X века жил некий Гатто, который сначала был настоятелем монастыря в Фульде, где прославился своим разумным управлением обителью, а позже епископом в Майнце.

В 970 году население Германии страдало от голода.

Были и лето, и осень дождливы;
Были потоплены пажити, нивы;
Хлеб на полях не созрел и пропал;
Сделался голод; народ умирал.
Но у епископа милостью Неба
Полны амбары огромные хлеба;
Жито сберег прошлогоднее он:
Был осторожен, епископ Гаттон.⁹⁹

Когда епископу надоели постоянные жалобы людей на голод, он приказал всем прийти в определенный день и пообещал удовлетворить их просьбы. Из всех концов потянулись в Кауб голодные, обнищавшие крестьяне, неспособные купить и куска хлеба, так как цена его в то время была невероятно высока. Всем беднякам епископ велел собраться в огромном амбаре; наконец, туда набилось столько народу, что и яблоку негде было упасть.

Вот уж столпились под кровлей сарая
Все пришлецы из окружного края...
Как же их принял епископ Гаттон?
Был им сарай с гостями сожжен.
Глядя епископ на пепел пожарный
Думает: «Будут мне все благодарны;
Разом избавил я шуткой моей
Край наш голодный от жадных мышей».
В замок епископ к себе возвратился,
Ужинать сел, пировал, веселился,
Спал, как невинный, и снов не видал...
Правда! но боле с тех пор он не спал.
Утром он входит в покой, где висели

⁹⁸ Лонгфелло Г. Очарованный инок. (Примеч. пер.)

⁹⁹ Саути Р. Суд Божий над епископом / Перевод В.А. Жуков ского. (Примеч. пер.)

Предков портреты, и видит, что съели
Мыши его живописный портрет,
Так, что холстины и признака нет.¹⁰⁰

Затем, бледный от страха, прибежал слуга с епископской фермы и поведал, что крысы сожрали все зерно в закромах. В это же время примчался еще один и сказал, что полчища крыс движутся по направлению к замку. Епископ выглянул в окно, и ему открылось страшное зрелище – ни дороги, ни полей не было видно, так как их покрывали миллионы крыс; никакая изгородь, никакая стена не могли сдержать их натиска. Они шли прямо на замок. Ужас объял епископа. Через черный ход он покинул замок, сел в лодку и начал грести к башне, что возвышалась посреди реки.

К башне причалил, дверь запер и мчится
Вверх по гранитным крутым ступеням;
В страхе один затворился он там.
Узник не знает, куда приютиться;
На пол, зажмурив глаза, он ложится...
Вдруг он испуган стенаньем глухим:
Вспыхнули ярко два глаза над ним.
Смотрит он... кошка сидит и мяучит;
Голос тот грешника давит и мучит;
Мечется кошка; невесело ей:
Чует она приближенье мышей.
Пал на колени епископ и криком
Бога зовет в исступлении диком.
Воет преступник... а мыши плывут...
Ближе и ближе... доплыли... ползут.
Вот уж ему в расстоянии близком
Слышно, как лезут с роптаньем и писком;
Слышно, как стену их лапки скребут;
Слышно, как камень их зубы грызут.
Вдруг ворвались неизбежные звери;
Сыплются градом сквозь окна, сквозь двери,
Спереди, сзади, с боков, с высоты...
Что тут, епископ, почувствовал ты?
Зубы об камни они наострили,
Грешнику в кости их жадно впустили,
Весь по суставам раздернут был он...
Так был наказан епископ Гаттон.¹⁰¹

Читателю небезынтересно будет узнать, что популярная литература очернила имя несчастного епископа Гатто, который вовсе не был жестокосердным и подлым человеком. У Вольфа, который приводит легенду в своей книге, ссылаясь на Гонория Августодунского (ум. 1152), Мариана Скота (ум. 1086) и Тритемия (ум. 1516), она сопровождается любопытной картинкой – вы найдете ее на следующей странице. Вольф добавляет: «Многие считают эту историю сказкой, но башня, получившая свое название от мышей, и по сей день стоит на реке Рейн». Однако это нельзя принять за доказательство, поскольку существует

¹⁰⁰ Там же.

¹⁰¹ *Саути Р.* Суд Божий над епископом.

документ, подтверждающий, что башня эта была построена как пост, где взимался сбор с судов, проходящих по реке.

Эту легенду связывают с еще несколькими лицами. Гравюра, изображающая епископа Гатто в «мышинной башне», могла бы послужить иллюстрацией к истории Видерольфа, епископа Страсбургского (997), который на семнадцатом году своего правления, 17 июля понес Божью кару за то, что уничтожил монастырь Зельцен на Рейне: его съели мыши или крысы¹⁰². Такая же судьба, по другим сведениям, постигла Адольфа, епископа Кельнского, умершего в 1112 году.

Эта легенда пришла к нам из Швейцарии. Барон фон Гюттинген выстроил три замка между Констанцем и Арбоном, в кантоне Тургау, и назвал их Гюттинген, Мосбург и Обербург. Во время голода он собрал всех бедняков, проживавших в его владениях, в большой амбар и поджег его. На крики несчастных он только смеялся: «Послушайте-ка, как пищат эти мыши и крысы!» Вскоре после этого, будучи атакован полчищами мышей, он попытался добраться по Боденскому озеру до замка Гюттинген и укрыться там, но грызуны последовали за ним и сожрали его. Когда это случилось, замок ушел под воду; развалины его можно видеть и сейчас, если воды озера чисты и спокойны. В Австрии такое предание рассказывают о мышинной башне в Хользельстере, с той лишь разницей, что в местном варианте легенды бессердечный представитель знати не сжигает бедняков, а запирает в темнице и предает голодной смерти.

Между баварскими городами Иннингом и Зеефельдом расположено озеро Вёртзее, которое также называют Мышиным озером. Когда-то давным-давно в этих краях жил граф Зеефельд; во время голода он заключил истощенных бедняков в темницу, посмеявшись над их воплями, которые он назвал мышинным писком, и уморил голодом, за что и был впоследствии съеден вышеназванными животными в своей башне на озере, несмотря на то что для безопасности подвесил свое ложе на железных цепях к потолку.

¹⁰² Хроника Кёнигсхофена содержит историю о епископе Видерольфе и мышах. Кёнигсхофен был священником в Страсбурге (1360—1420).

Епископ Гамто.

Такую же легенду рассказывают о Мышином замке на озере Хиршбергер. В некоторых старинных исторических книгах встречается польская версия истории.

Мартин Галл, чей труд датируется 1110 годом, говорит, что короля Попьела после изгнания его из королевства так замучили мыши, что он бежал на остров, где была построена деревянная башня, но мыши добрались и туда и съели его. Более подробно эту историю излагает Майоль. По его словам, когда поляки стали роптать, что король плохо управляет страной, и требовать удовлетворения своих нужд, тот вызвал главных возмутителей спокойствия во дворец, притворившись, что болен, и отравил их. Тела убитых по приказу короля бросили в озеро. После этого король устроил пир в честь удачного избавления от надоевших... Но во время праздника вследствие странного превращения из тел отравленных

появилось огромное количество мышей. Наводнив дворец, они набросились на короля и его семью. Попьел попытался оградиться от них кругом огня, но мыши прорвались сквозь пламя. Затем он вместе с женой и ребенком хотел скрыться от мышей в замке на морском острове, но они добрались и туда и съели короля.

Если верить скандинавам, Кнуд Святой был убит ярлом Асбьорном в церкви Святого Альбана в Оденсе во время нашествия ютов в 1086 году. На следующий год в стране разразился голод, и его посчитали божественным возмездием за убиенного короля. На Асбьорна набросились крысы и съели его.

Вот что рассказывает Уильям Малмсберийский: «Я узнал от человека, заслуживающего самого высокого доверия, что однажды некий враг Генриха IV¹⁰³, личность ненадежная и склонная к мятежу, находясь на пиру, внезапно был окружен мышами так, что не мог скрыться от них. Так велико было число этих маленьких животных, что вряд ли нашлось бы больше и в целой провинции. Напрасно пытались от них отбиваться дубинками и подручными средствами вроде разломанной на части скамьи; и хотя нападали на них все, мыши, словно под действием колдовских чар, направляли свою злобу лишь на одного человека, только в него они с ужасающим мерзким писком впивались зубами. Слуги понесли было его к морю, которое находилось на расстоянии броска копья, думая, что вода остановит мышей. Но и таким способом несчастный не смог спастись, ибо как только корабль с ним вышел в море, несметное количество мышей бросилось в воду вслед за ним. Можно было поклясться, что вся поверхность моря покрыта плывущими мышами. Но когда они начали грызть обшивку корабля и вода начала просачиваться сквозь щели, стало ясно, что корабль неизбежно пойдет ко дну, и слуги повернули к берегу. Мыши не отставали от корабля и выбрались на берег первыми. Итак, бедняга, высадившись, в конце концов сделался добычей грызунов, которые обглодали его до костей, утоляя свой отвратительный голод.

«Однако я знаю, что случаются и более невероятные вещи. Доподлинно известно, что в Азии, если леопард укусит человека, тут же появляются мыши и устремляются прямо к последнему... Но если слугам удастся отогнать их и сдерживать их натиск в течение девяти дней, тогда может пригодиться медицинская помощь. Тот, кто рассказал мне это, своими глазами видел человека, который пострадал от леопарда. Отчаявшись найти спасение на берегу, он устремился в море на корабле, где встал на якорь. Вдруг откуда ни возьмись показались мыши, их было более тысячи. Немыслимо, но они плыли в корках граната, из которого выгрызли внутренности. Однако громкие крики моряков помогли утопить их».

Альберик из монастыря Трех Источников в 1083 году рассказывает ту же историю, возможно позаимствовав ее у Уильяма Малмсберийского.

У Гиральда Камбрейского (ум. 1220), в его «Путешествиях по Уэльсу» можно найти любопытную историю о том, как на молодого человека по имени Сицилл Эсейр-хир, или Длинные Ноги, напали жабы в то время, как он лежал в собственной постели. Спасаясь от них, он взобрался на верхушку дерева, но жабы залезли туда вслед за ним и обглодали его плоть. Он добавляет: «Мы прочитали о похожем случае – как провидение, смысл которого зачастую скрыт от нас, но всегда основан на Божьей справедливости, заставило сотни мышей, обычно называемых *рати*, преследовать некоего человека».

Титмар Мерзебургский (976—1018) сообщает, что некий рыцарь как-то присвоил себе имущество обители Святого Клемента и отказался заплатить за него и однажды, когда он лежал в постели, подвергся нападению бесчисленных полчищ мышей. Сначала рыцарь отбивался от них дубиной, потом схватился за меч и, наконец, поняв, что он не в состоянии справиться с таким количеством грызунов, приказал своим слугам посадить себя в сундук и подвесить этот сундук на веревке к потолку, а затем, когда мыши уйдут, освободить его. Но мыши добрались даже туда, и, когда сундук спустили на землю, все увидели, что они обгрызли кожу и мясо с костей рыцаря. И это послужило уроком для людей, показав, как

¹⁰³ короля Германии

отвратителен Господу грех святотатства.

Цезарий Гейстербахский рассказывает историю о ростовщике из Кельна, который, мучимый совестью, покаялся в своих грехах священнику. Тот велел ему наполнить хлебом большой ящик, чтобы раздать его беднякам прихода Святого Гереона. На следующее утро обнаружилось, что весь хлеб превратился в жаб и лягушек. «Смотри, – произнес священник, – какова цена твоей милостыни в глазах Господа». – «Господи, что же мне сделать?» – спросил в ужасе ростовщик. И священник ответил: «Если хочешь спастись, раздешься, ляг среди этих гадов и проводи так всю ночь». Поистине удивительный способ получить отпущение грехов. Ростовщик, хотя и содрогнулся от омерзения от подобной перспективы, все же предпочел помучиться некоторое время в обществе тварей земных, нежели быть мучимым вечно тварями бессмертными. Он разделся и забрался в ящик с жабами. Затем священник запер его и удалился; открыв ящик утром, он обнаружил там только человеческие кости.

Из этих вариаций на тему легенды о епископе Гатто видно, как сильно владела умами северных людей идея о человеке, которого сжирают грызуны. Причины их смерти объясняются по-разному, но все легенды сходятся в том, что смерть эта является загадочной.

Я думаю, что корни всех этих историй кроются в человеческих жертвоприношениях, совершаемых язычниками во время голода. То, что подобного рода жертвоприношения имели место у скандинавов и тевтонов, сомнению не подлежит. Тацит говорит, что германцы приносили в жертву людей. Снорри Стурлуссон (ум. 1241) свидетельствует, что шведы принесли в жертву своего короля, чтобы получить обильный урожай.

«Дональд наследовал трон от своего отца Висбура и начал править страной. Во время его правления случился большой голод и нужда, и шведы приносили богатые жертвы богам в Упсале. В первую осень они принесли в жертву быков, но следующий год не стал лучше. Во вторую осень принесли в жертву людей, но наступивший год оказался еще хуже. На третью осень, когда пришло время жертвоприношений, множество народа собралось в Упсале, и вожди, посоветовавшись, посчитали, что трудные времена наступили по вине короля Дональда. Они решили принести его в жертву и окропить его кровью алтарь, чтобы боги даровали хороший урожай. Так они и сделали». То же произошло и с королем Олавом Дровосеком: «Пришли тяжелые времена и голод, и решено было, что причиной тому был король, поскольку шведы всегда связывали хорошие или плохие урожаи с правлением того или иного короля. Люди посчитали, что король приносил слишком скудные жертвы богам и поэтому наступил голод. Собрав войско, они выступили против короля Олава, окружили его дом и сожгли вместе с ним, принеся короля, таким образом, в жертву Одину в надежде на обильный урожай».

Саксон Грамматик рассказывает, что в правление короля Снио Датского настали голодные времена. «Хроника датских королей» содержит интересную историю о том, как этого правителя съели грызуны, которых наслал на него его бывший хозяин великан Лаэ. Возможно, Снио, подобно Дональду и Олаву, был принесен в жертву богам, чтобы получить хороший урожай.

Способы, которые использовались при принесении людей в жертву, были различными. Иногда их сбрасывали со скалы, иногда вешали, иногда топили в болоте. Мне представляется весьма вероятным, что человека, приносимого в жертву ради урожая, отдавали на съедение крысам, подобно тому как, по словам господина Дюшайю, одно африканское племя бросает преступников муравьям. Это чем-то напоминает странную казнь Рагнара Лондброга, который, по приказанию Эллы, правителя Нортумбрии, был до смерти зажат змеями в темнице. Если верить Гримму и Вольфу, в некоторых областях Германии крестьяне до сих пор практикуют подношения мышам и крысам, и это можно объяснить только отголосками языческих обычаев, поскольку смысл этого обряда утерян.

В Марке говорят, что эльфы появляются на Святки в виде мышей, и для них принято оставлять пироги. В Богемии в сочельник остатки рождественского ужина отдают мышам, произнося при этом: «Мыши! Ешьте эти крошки и не трогайте пшеницу!»

Если верно мое предположение о том, что происхождение легенды о епископе Гатто связано с принесением в жертву вождей и королей во время голода, а также о способе жертвоприношения, то неудивительно, что, когда смысл этого действия оказался утерян, смерть от крыс или мышей стала считаться Божьим возмездием за грехи, такие как жестокосердие, убийство или святотатство. Однако Гиральд Камбрейский и Уильям Малмсберийский не потрудились указать причину, по которой такое наказание постигло героев их историй.

У большинства народов крысы и мыши считались священными животными. Скандинавы и тевтонцы считали их душами умерших.

В статье о Гамельнском Крысолове я упоминал историю Претория о том, как душа покидала тело девочки в виде рыжей мыши. Согласно божемскому суеверию, человек не должен засыпать, испытывая жажду, потому что душа его в таком случае оставит тело и отправится на поиски воды. Однажды трое рабочих заблудились в лесу. Мучимые жаждой, они стали искать какой-нибудь источник воды, но напрасно. В конце концов один из них лег на землю и уснул, но остальные продолжали свои поиски, и им удалось найти родник. Они напились и вернулись к своему товарищу. Он все еще спал. Вдруг они увидели, что изо рта у него вылезла маленькая белая мышка, побежала к роднику, попила и снова скрылась во рту. Тогда рабочие разбудили спящего и сказали ему: «Ты настолько ленив, что даже не пошел сам за водой, а отправил свою душу. Больше мы не будем иметь с тобой дела».

Один мельник, нарубив дров в Черном Лесу, прилег отдохнуть и уснул. Слуга увидел, как из него выскочила мышка. Вместе с другими работниками они кинулись ловить ее; разумеется, им и в голову не могло прийти, что это была душа их хозяина. Напуганная мышка убежала, и мельника разбудить так и не сумели. Павел Диякон рассказывает, что душа короля Гунтрамна покидала тело в виде змеи. Хью Миллер излагает шотландскую историю о двух приятелях, один из которых спал, а другой сидел рядом. Тот, что бодрствовал, заметил, как изо рта спящего вылезла пчела, перебралась по соломинке через ручей, скрылась на какое-то время, а затем вернулась и вновь исчезла во рту. Все эти истории похожи, только место мыши в иных занимает змея или пчела. Представление о том, что душа сродни мыши, лежит в основе и некоторых нелепых рассказов, вроде тех, что приводит Лютер в «Застольных беседах». Таковы истории о женщине, родившей крысу, или о матери, которой так надоела возня и шум детей, что она в сердцах пожелала, чтобы они стали мышами, и необдуманное желание ее немедленно исполнилось.

Это представление проникло и в христианскую иконографию. Согласно широко распространенному немецкому суеверию, душа умершего, после того как покинет тело, первую свою ночь проводит со святой Гертрудой, вторую со святым Михаилом, а третью уже там, где ей суждено пребывать. Святая Гертруда считается покровительницей странствующих душ, именно она первой дает им пристанище в начале их долгого путешествия. Символом ее, когда она предстает в этом качестве, является мышь. Было придумано множество объяснений этому факту. Так, по одной из версий, некая девица пряла в День святой Гертруды, и мыши в наказание прогрызли ее клубок. Более изящное толкование таково: святая так горячо молилась, что не замечала ничего вокруг, в том числе и мышей, которые свободно резвились возле нее и забирались на ее пастушеский посох. Есть версия, что мышь олицетворяет злого духа, которого поборола святая Гертруда.

Святая Гертруда заняла место древней тевтонской богини Хольды, или Перхты, которая была покровительницей душ девиц и детей. В немецких легендах она появляется как Белая Дама и время от времени или сама превращается в белую мышь, или обращает в мышей тех, кого заманивает в свой дом.

Возможно, пословица «Крысы покидают рушащийся дом» изначально основывалась на аналогии с распадом тела, которое покидает душа.

Очевидно, что в легендах о епископе Гатто и короле Попьеде в роли крыс выступают души погубленных ими людей.

Крысы Бингена возникают из языков пламени, в котором погибают несчастные

бедняки. То же самое говорится о крысах, сожравших барона фон Гюттингена. Крысы появляются из тел людей, отравленных Попьелом.

Существует интереснейшее исландское предание, имеющее поразительное сходство с легендой о епископе Гатто, Видерольфе и иже с ними, в котором, однако, не фигурируют крысы.

В X веке в Исландии выдался очень голодный год, и большая часть населения испытывала страшную нужду. Вся надежда была только на помощь богатых людей, иначе многие семьи бедняков просто не смогли бы пережить наступающую зиму. И вот Свати, языческий правитель, выступил вперед и вызвался накормить значительное число голодающих. Согласно уговору, бедняки собрались у его дверей, и Свати приказал им выкопать огромную яму на своем лугу. Они проворно принялись за работу, и к вечеру яма была готова. Тогда несчастных согнали в большой сарай, дверь заперли и сказали, что утром всех их заживо похоронят в той самой яме, что они вырыли.

«Вам вскоре станет ясно, – произнес Свати, – что, если часть из вас избавится таким образом от всех неприятностей, число голодных ртов тут же уменьшится и появится больше еды для тех, кто остался».

В словах Свати была некая доля истины, однако бедняки оказались неспособны взглянуть на дело под таким углом и не сумели оценить должным образом силу приведенных им аргументов, поэтому ночь они провели в стенаниях и плаче. В то время мимо случилось проезжать Торвальду из Аси, христианину. Жалобные крики привлекли его внимание, и он подъехал ближе, чтобы узнать их причину. Разобравшись в деле, он освободил пленников и велел им следовать за ним в Аси. Скоро Свати стало известно, что узники сбежали, и он пустился в погоню. Но, так или иначе, ему все равно не удалось схватить их, поскольку люди Торвальда были вооружены, а бедняки оборонялись со всей силой, какую только может придать отчаяние. Итак, замечательная возможность помочь родному краю оказалась утеряна, и Свати вернулся домой, скорбя о своих провалившихся планах. Когда он в ярости, не разбирая дороги, мчался к своему дому, лошадь его оступилась и провалилась в яму, выкопанную голодными бедняками, Свати при падении расшибся насмерть. Там его и похоронили на следующий день, вместе с лошадью и псом.

По всей вероятности, этот Свати на самом деле был принесен в жертву во время голода, а легенда слегка корректирует события, описывая способ, который был при этом использован, а именно захоронение заживо.

В этой истории, как и в рассказе Снорри о Дональде, мы видим, что сначала в жертву предлагаются люди низшего звания, а затем уже сам вождь.

Божеством, которому приносятся эти жертвы, судя по всему, является Один. В «Саге о Хервор» рассказывается о голоде на Ютландии. Крестьяне и знатные люди стали решать, кого же принести в жертву, чтобы умиловить Одина и упросить его даровать им хороший урожай. Было решено, что наиболее подходящей для этого кандидатурой будет сын короля. Но король, чтобы спасти жизнь сына, вступил в единоборство с другим королем, убил его и его сына, окропил их кровью алтарь Одина, и это умиротворило бога.

Считалось, что Один принимает души умерших мужчин, так же как Фрейя, или немецкая Хольда, покровительствует душам умерших женщин. Одина описывали как дикого охотника, который мчится в сопровождении множества душ или, как в рассказе о Гамельнском Крысолове, заманивает их в гору, где он живет.

Фрейя, или Хольда, выступает как предводительница армии мышей, а Один возглавляет крысиное войско.

Вполне логично будет предположить, что людей, приносимых в жертву Одину, божеству, связанному с крысами и душами, оставляли на острове, кишасщем водяными крысами, им на съедение. Способ жертвоприношения был зачастую связан с сущностью самого божества. Так, поскольку Один являлся богом ветра, посвященных ему людей вешали. Герои большинства легенд, рассматриваемых нами, находят свою кончину именно на острове, а острова, как нам известно, среди северных народов почитались особенно свято.

Морские острова Рюген и Гельголанд являлись священными с древнейших времен, и вероятно, на озерах тоже были небольшие священные острова, куда привозили жертву с перебитой спиной и отдавали крысам на съедение.

Крысы и мыши считались священными животными и у других арийских народов. Так, мышь – это священное животное индийского Рудры.

«Эта часть принадлежит тебе, о Рудра, и сестре твоей Амбике, да умилюет она тебя. Эта часть принадлежит тебе, о Рудра, чье священное животное мышь» – так звучат слова молитвы из «Яджурведы». В более поздней мифологии мышь стала атрибутом Ганеши, которого изображали едущим верхом на крысе, но Ганеша является всего лишь ипостасью Рудры.

Аполлона, как уже упоминалось, называли Сминфей. На некоторых монетах из Аргоса вместо самого бога был отчеканен его символ – мышь. В храме Аполлона в Хрисе находилась статуя, изображавшая его с мышью под ногой, и еще при храме содержались живые прирученные мыши, посвященные ему. В Сминфейоне в Гамаксите кормление белых мышей являлось торжественным ритуалом; они жили в норах под алтарем, а перед треножником Аполлона располагалось изображение одного из этих животных.

У семитских народов мышь также была священной.

Геродот приводит любопытную легенду об уничтожении войска Сеннахериба под Иерусалимом. В Книге пророка Исаии нет никаких подробностей об этом: «И вышел Ангел Господень и поразил в стане Ассирийском сто восемьдесят пять тысяч человек. И встали поутру, и вот все тела мертвые».¹⁰⁴

Не говорится, как именно были убиты ассирийцы, но, поскольку войску грозили губительным вихрем и дуновением огня, возможно, их поразил горячий ветер. Но история Геродота очень отличается от этой. Он узнал ее от египетских жрецов, которые, имея самое отдаленное представление о природе произошедшего, сочли его чудом, совершенным одним из их богов, и, кроме того, перенесли действие легенды в свою страну. «После Анисиса начал править жрец Гефеста по имени Сетос. Он не выказывал должного уважения касте египетских воинов и пренебрегал ими, считая, что не нуждается в них; в числе прочего он отнял у них земли, пожалованные им прежними царями, – каждому воину было даровано по двенадцать отборных участков. После этого Санахариб, царь арабов и ассирийцев, собрав большую армию, пошел войной на Египет, а египетские воины отказались выступить против него. Царь-жрец, доведенный до отчаяния, пришел в храм и с плачем стал горько жаловаться перед изображением божества на свои беды и несчастья. Когда он так рыдал, его одолел сон, и было ему видение, что бог стоит рядом с ним, ободряя его, и говорит, чтобы он, не боясь ничего, шел на арабскую армию и что бог сам пошлет ему помощников. Жрец поверил сну и, собрав столько людей, сколько смог, отправился в погоню за ним и разбил стан в Пелусии, где находятся «врата» Египта, однако никто из воинов не последовал за ним, только торговцы, ремесленники и прочие. Когда они прибыли туда, множество полевых мышей напало на стан врагов, изгрызло их луки, колчаны и даже рукоятки щитов, так что на следующий день арабы, безоружные, бежали с поля боя, и многие из них пали. И по сей день каменная статуя этого царя с мышью в руке стоит в храме Гефеста, и надпись на ней гласит: «Смотри на меня и имей страх перед богами»».¹⁰⁵

У вавилонян существовал религиозный обряд, во время которого мышь приносили в жертву и съедали, но с каким божеством он был связан, неизвестно. Когда филистимляне, которые, согласно Гитцигу, были пеласгами, а значит, ариями, были наказаны за то, что удерживали ковчег Господень в своей земле, их жрецы и прорицатели сказали им: «Итак, сделайте изваяния наростов ваших и изваяния мышей ваших, опустошающих землю, и

¹⁰⁴ Ис., XXXVII: 36.

¹⁰⁵ Геродот. История. II: 141.

воздайте славу Богу Израилеву»¹⁰⁶. Филистимляне сделали пять золотых мышей и пожертвовали их Господу. Таким образом, они рассматривали мышь как символ божества, с которым у них ассоциировался Бог Израиля.

Глава 19 Мелюзина

Эммерик, граф Пуату, был человеком выдающегося ума и редких добродетелей. У него было двое детей: сын по имени Бертрам и дочь Бланиферта. Холм, на котором стоял город и замок Пуатье, был окружен огромным лесом, простиравшимся во все стороны света, и в том лесу жил некий граф де ла Форе, приходившийся родственником Эммерiku, однако был он беден и к тому же обременен большой семьей. Из сочувствия и доброго отношения к нему Эммерик взял на воспитание его младшего сына Раймона, юношу красивого и любезного, и тот стал его верным спутником и сопровождал графа и на охоте, и на балу. Однажды граф и его свита охотились на вепря в лесу Коломбьер. Каким-то образом Эммерик и Раймон отделились от остальных и оказались одни в чаще леса. Вепрь скрылся. Наступила ночь, и охотники поняли, что заблудились. Им удалось разжечь костер, и, греясь, они прилегли возле огня. Вдруг из леса выскочил вепрь и бросился прямо на графа. Раймон выхватил меч и нанес удар, но промахнулся и неосторожным движением задел графа. Второй удар достиг цели и уложил вепря. Тут только Раймон с ужасом осознал, что его друг и покровитель был мертв. В отчаянии он вскочил на коня и помчался прочь, не разбирая дороги.

Из церкви Пюсе (Жиронда).

Наконец лес начал редеть, деревья расступились, и конь Раймона, продравшись сквозь кусты, вынес его на чудесную поляну. Траву, покрытую инеем, серебрили лучи молодого месяца; в центре поляны бил родник, такой чистый, что сквозь прозрачные струи виднелось каменистое дно. Успокаивающее журчание разливалось в воздухе. Возле родника сидели три невыразимо прекрасные златокудрые девы в ослепительно-белых одеждах.

¹⁰⁶ 1 Цар., VI: 5.

От изумления Раймон застыл на месте. Ему представилось, что три ангела слетели на землю, и он готов был уже простереться ниц перед ними, как одна из дев приблизилась и остановила его. Лицо Раймона было искажено страхом и отчаянием, и она спросила, что с ним произошло. После некоторого колебания он рассказал ей о постигшем его ужасном несчастье. Дева выслушала Раймона со вниманием, а после предложила ему снова сесть на коня и поехать обратно в замок Пуатье, притворившись, будто он не знает ничего о судьбе графа. Все охотники в тот день заплутали в лесу и возвращались в замок поодиночке, в разное время, так что его отсутствие не возбудит ни в ком подозрения. Когда найдут тело графа, а рядом обнаружат убитого вепря, то все решат, что граф поразил дикого зверя, но сам был смертельно ранен его клыками и скончался.

Успокоенный словами прекрасной незнакомки, Раймон теперь полностью поддался ее чарам. Он подыскивал все новые и новые темы для беседы, и разговор их длился до самого рассвета. Никогда еще не видел он столь совершенной красоты, ни одна девушка не могла сравниться с ней, и восприимчивое сердце юноши было покорено. Прежде чем покинуть красавицу, Раймон добился от нее обещания принадлежать ему навсегда. Она велела ему попросить у его родственника Бертрама в качестве свадебного подарка столько земли вокруг родника, где они повстречались, сколько можно покрыть шкурой оленя: она сказала, что берется построить на этой земле великолепный замок. Она поведала, что ее зовут Мелюзина, она является могущественной водяной феей и владеет несметными богатствами. Мелюзина согласилась стать женой Раймона, но выдвинула одно условие: каждую субботу она будет проводить в полном уединении, и муж не должен пытаться увидеть ее в этот день.

После этого Раймон оставил ее и, вернувшись в замок, сделал все так, как научила его Мелюзина. Бертрам, наследовавший графу, с готовностью пообещал ему выделить столько земли, сколько он просит, однако был немало удивлен, когда узнал, что Раймон разрезал шкуру оленя на тонкие полосы и, связав их в длинную веревку, отмерил себе весьма значительный кусок.

Затем последовала свадьба, куда Раймон пригласил молодого графа, и пышные свадебные торжества, которые прошли с невиданным доселе блеском. Свадебный пир был устроен в прекрасном замке, построенном Мелюзиной. В первую брачную ночь невеста со слезами на глазах стала умолять Раймона дать клятву, что он никогда, ни при каких обстоятельствах, не нарушит ее субботнего уединения, иначе, говорила она, они вынуждены будут расстаться навсегда. Влюбленный Раймон обещал ей исполнить ее повеление.

Замок все рос; Мелюзина продолжала расширять его и строить оборонительные укрепления, наконец, своими размерами и великолепием он превзошел все замки в стране. Когда он был закончен, хозяйка нарекла его Лузинией в свою честь. Затем замок стали именовать Лузиньяном, и под этим названием он дожил до наших дней.

В свой срок хозяйка Лузиньяна подарила жизнь своему первенцу, которого окрестили Урианом. Ребенок уродился странным: рот у него был большим, уши свисали, один глаз был красным, а другой зеленым.

Двенадцать месяцев спустя Мелюзина родила второго сына, которого называли Гедом; у того лицо оказалось алым. В знак благодарности Богу за его рождение она основала монастырь Малье, а чтобы сыну было где жить, воздвигла хорошо укрепленный замок Фаван.

Третий сын получил имя Жио. Это был милый и красивый мальчик, только один глаз у него располагался выше другого. Для него мать построила Ла-Рошель.

Следующий сын, Антоний, был весь покрыт шерстью, а на руках у него были длинные когти. Затем родился одноглазый мальчик. Шестого прозвали Жоффруа Большезубый, потому что изо рта у него торчал клык, как у кабана. Мелюзина родила еще нескольких детей, но все они обладали какими-либо уродствами.

Шли годы, а любовь Раймона к красавице жене не иссякала. Каждую субботу она удалялась от него и двадцать четыре часа проводила в строжайшем уединении, и мужу даже в голову не приходило вторгаться в ее покои. Дети росли и становились храбрыми воинами,

известными своим героизмом. Один из них, Фреймун, посвятил себя служению церкви и поступил в монастырь Малье. Раймон не оставил своего престарелого отца и братьев; граф де ла Форе прожил свои последние годы в его замке, окруженный богатством и уважением, в то время как братья не знали недостатка ни в деньгах, ни в слугах, подобающих их высокому положению.

Однажды за обедом старый граф поинтересовался, где же его невестка. Раймон ответил, что по субботам она не выходит. Тогда один из братьев, отведя его в сторону, начал нашептывать ему разные слухи, которые ходили в народе относительно этого странного субботнего обычая, и убеждать Раймона, что тому надлежит все разузнать и успокоить людей. Возмущенный и встревоженный этими разговорами, граф бросился в покои графини, но там было пусто. Дверь, которая вела в ванную комнату, оказалась заперта. Раймон заглянул в замочную скважину и, к своему ужасу, увидел, что его супруга лежит в воде, а вместо ног у нее не то рыбий, не то змеиный хвост.

Беззвучно он удалился. Граф никому и словом не обмолвился об увиденном, однако его переполняло не отвращение, а страх, что из-за своей оплошности он может потерять обожаемую им красавицу супругу, которая являлась светом его очей и составляла счастье всей его жизни. Прошло время, а Мелюзина и знака не подавала, будто ей известно о том, что ее видели в ее ином качестве. Но однажды в замок пришли дурные вести: Жоффруа Большезубый напал на монастырь Малье и сжег его дотла, в пламени вместе с настоятелем и сотней других монахов погиб и Фреймун. Услышав о постигшем их несчастье, Мелюзина подошла было к мужу, чтобы утешить его, но бедный отец, не помня себя от горя, воскликнул: «Прочь, гнусная змея, осквернившая мой славный род!»

При этих словах она упала без чувств. Раймон, сожалея о том, что вырвалось у него в минуту отчаяния, кинулся к ней, чтобы помочь. Мелюзина пришла в себя, в последний раз обняла и поцеловала мужа, слезы струились по ее лицу. «О муж мой! – произнесла она. – Я оставляю в колыбели этих двух малышей. Люби и заботься о бедняжках, лишенных матери. А теперь прощай навсегда! Но знай, что ты и твои наследники еще не раз увидите меня в славном замке Лузиньян, я буду являться всякий раз, когда должен прийти новый хозяин». И со стоном она вылетела в окно, а на камне, куда она ступила последний раз, остался отпечаток ее ноги.

Малолетних детей, которых она оставила, звали Дитрих и Раймон. Ночью няньки заметили у колыбели мерцающую фигуру. Обликом она напоминала исчезнувшую графиню, однако ниже пояса у нее был чешуйчатый рыбий хвост, переливавшийся белым и голубым. Увидев ее, малыши заулыбались и протянули к ней руки, а она поднесла их к груди и начала кормить. Но с первыми лучами солнца она исчезла, и по громкому детскому плачу няньки поняли, что мать ушла.

Долгое время во Франции верили, будто несчастная Мелюзина появляется на крепостном вале замка перед тем, как должен скончаться его нынешний хозяин. Когда весь ее род вымер, то стали считать, что ее появление предвещает смерть короля Франции. Мезере говорит, что о явлении Мелюзины на старой башне Лузиньяна, предшествующем смерти одного из ее потомков или короля Франции, он слышал от людей, достойных всяческого доверия и не принадлежащих к тем, кого можно легко ввести в заблуждение. Она всегда показывалась в траурном платье, и люди слышали ее долгие душераздирающие причитания.

Брантом в своем панегирике герцогу Монпансье, разрушившему в 1574 году Лузиньян, ставший прибежищем гугенотов, пишет:

«Более сорока лет назад я слышал рассказ одного бывалого солдата о том времени, когда император Карл V посещал Францию. Его привезли в замок Лузиньян, чтобы он мог предаться такому приятнейшему занятию, как охота на оленей, в изобилии водившихся тогда в старых добрых парках Франции. Король безмерно восхищался поваром, а также красотой и размерами этого замка, имевшего, кроме всего прочего, такую интересную историю, и без усталости слушал причудливые легенды о прекрасной даме, построившей его. Сказки эти в тех

краях известны всем, даже старухам, стирающим белье в ручье. Мать короля, королева Екатерина Медичи, частенько расспрашивала этих старух о делах тех дней и слушала их рассказы. Некоторые утверждали, что им порой приходилось встречать хозяйку замка у родника, куда она приходила купаться в обличье прекрасной женщины, облаченной во вдовьи одежды. Другие говорили, что она появляется, но очень редко, и всегда в субботние вечера (поскольку именно в это время она не позволяла видеть себя) купается; верхняя половина ее тела принадлежит прекраснейшей женщине, а нижняя – змее. Третьи уверяли, что ее можно видеть на вершине высокой башни и в виде красавицы, и в виде змеи. Иные говорили также, что если королевство ожидало большое несчастье или смена короля либо смерть или опасность угрожала потомкам Мелюзины, бывшим величайшими людьми Франции и даже монархами, то всякий раз за три дня до события люди слышали ее крик, ужасающий и пронзительный, который повторялся всегда трижды.

Говорят, что это истинная правда. Некоторые обитатели замка верят в эти истории безоговорочно и передают их от отца к сыну. Рассказывают, что во время осады многие солдаты и высшие чины были свидетелями появления хозяйки замка, и они подтверждали это. Но громче и жалобнее всего она стенала, когда был отдан приказ разрушить все ее замки. С тех пор ее больше не слышали. Старухи утверждают тем не менее, что иногда она является им, но очень редко».

В 1387 году Жан Аррасский, секретарь герцога Беррийского, получил от своего хозяина задание собрать все возможные сведения о Мелюзине. Вероятно, герцог сделал это, чтобы доставить удовольствие своей сестре, графине Барской. Секретарь выполнил указание, используя для этого труд «одного представителя рода Лузиньянов, Уильяма де Портенаша» об истории этой загадочной дамы, написанный на итальянском языке. Работа эта, если и существовала когда-либо, до наших дней не дошла; сочинение Жана Аррасского – это роман в чистом виде. Согласно ему, Элмас, король Альбы (Шотландии или, в популярном немецком варианте, Скандинавии), женился на фее по имени Прессина, встретив ее, когда она пела у источника. Она согласилась стать его женой, предварительно взяв с него обещание не входить в ее спальню, когда она рождает. Она подарила королю тройню, дочерей, которых называли Мелюзина, Мелиор и Палатина. Сын Элмаса от первой жены поспешил к нему с этой счастливой вестью, и король, потеряв голову от радости, вбежал к жене и увидел, что она купает детей. Прессина при виде его пронзительно вскрикнула и, упрекнув Элмаса в забывчивости, исчезла вместе с детьми. Она воспитывала дочерей одна, пока им не исполнилось пятнадцать лет. Тогда Прессина рассказала им, как их отец нарушил данное ей обещание, и Мелюзина, самая младшая, решила отомстить ему. Договорившись с сестрами, она подстерегла короля Элмаса и, схватив его, заточила в сердце горы Авалон, или, как называли ее в немецких книгах, Бранбелуа, что в Нортубелоне, то есть Нортумберленде. Мать, узнав о том, что они сделали, пришла в ярость и наложила на Мелюзину заклятье каждую субботу принимать форму полурыбы до тех пор, пока не найдется человек, который женится на ней и никогда не станет допытываться, что же происходит с ней в этот день. Жан Аррасский пишет, что Сервиль, воевавший на стороне англичан и защищавший Лузиньян от солдат герцога Беррийского, клялся этому вельможе своей честью и добрым именем, будто «за три дня до того, как войска окружили замок, к нему в покои через запертые двери проникла огромная змея, чешуя которой переливалась голубым и белым, и несколько раз ударила хвостом по изножью кровати, где он лежал с женой. Жена, по всей видимости, вовсе не была напугана этим, чего нельзя сказать о нем самом. Когда же Сервиль выхватил меч, змея тут же превратилась в женщину и произнесла: «Как же так вышло, Сервиль, что ты, побывавший в сотнях битв и выдержавший множество осад, испугался? Знай же, что я хозяйка этого замка, я построила его, а тебе вскоре придется защищать его!» Сказав это, она снова приняла вид змеи и удалилась, прежде чем он успел что-либо понять».

Стефан, монах-доминиканец, происходивший из рода Лузиньянов, развил и продолжил сочинение Жана Аррасского. Он сделал эту легенду настолько популярной, что семьи

Люксембург, Роан и Сассенэ даже изменили истории своих кланов так, чтобы доказать, что и они происходят от знаменитой Мелюзины, а император Генрих VII немало гордился тем, что может назвать эту прекрасную и загадочную даму в числе своих предков. Хронист Конрад Вецерий в своем жизнеописании этого короля говорит: «Не могу не упомянуть о том, что узнал из одного небольшого сочинения, написанного на местном диалекте, о жизни и деяниях некоей женщины по имени Мелюзина. Она считается одной из прародительниц Генриха VII, обреченной в один из дней недели от пояса и ниже принимать форму змеи... Как уверяют авторы этого труда, в океане есть остров, где живут девять сирен, наделенных различными магическими дарованиями, к примеру они могут превращаться в любой предмет, какой пожелают. Так что не будет нелепым предположить, что эта самая Мелюзина происходит именно оттуда».

Эта легенда приобрела необычайную известность во Франции, Германии и Испании, она многократно издавалась и переиздавалась.

В легенде о Мелюзине есть несколько моментов, заслуживающих более подробного рассмотрения. Это, во-первых, то, что послужило собственно основой для сюжета, а именно полужмеиная или полурыбья сущность Мелюзины, а во-вторых, ее появление как предзнаменование грядущих несчастий или смерти. На менее существенных деталях, таких как, например, хитрость Мелюзины с уединением, позаимствованная у Дидоны, мы останавливаться не будем.

Сюжетная линия этого мифа напоминает историю Лоэнгрина. Основные вехи таковы:

1. Мужчина влюбляется в женщину, не принадлежащую к человеческой расе.
2. Она соглашается жить с ним, но выдвигает одно условие.
3. Он нарушает это условие и теряет ее.
4. Он ищет ее и а) обретает ее вновь; б) теряет ее навсегда.

В нашей истории последний пункт оказался утерян, но он присутствует во многих других сказках и легендах, произошедших от этого же корня. Прекрасная легенда об Ундине есть не что иное, как другая версия этого мифа. Юный рыцарь берет в жены водяную фею и обещает никогда не лгать ей и никогда не приводить ее к реке. Он нарушает свою клятву и теряет ее. В день его второй свадьбы она снова является к нему и убивает поцелуем. Неповторимое произведение Фуке основывается на истории, рассказанной Теофрастом Парацельсом, однако философ просто изложил сюжет, а перо Фуке привнесло в него божественную поэтическую искру, поистине вызвавшую легенду к жизни и заставившую ее сверкать и переливаться.

Во французской легенде Мелюзина ищет союза со смертным единственно для того, чтобы избавиться от заклятия, но в немецкой, более серьезной, Ундина становится его невестой, чтобы обрести бессмертную душу. Сказку, похожую на эти две истории, можно найти у Ханса Кристиана Андерсена. Маленькая русалочка, поднявшись на поверхность моря, видит прекрасного принца и относит его к берегу, когда его корабль терпит крушение. Сердце ее наполняется безмерной любовью к юноше, которого она спасла. По собственной воле она покидает родную стихию и живет на земле, хотя каждый шаг, который она делает, приносит ей острую боль. Она становится постоянной спутницей принца, но тот, в конце концов, женится на принцессе. Сердце ее разрывается, и она становится духом воздуха и, предполагается, обретает бессмертие.

Из этой же семьи и красивая индийская легенда об Урваши. Урваши была апсарой, или небесной нимфой. Она полюбила Пурураваса, царя-воина, и стала его женой, поставив условие, что она никогда не должна видеть его без одежды. Несколько лет они прожили вместе, пока ее друзья и подруги не решили вернуть Урваши обратно на небо. Хитростью они заставили Пурураваса вскочить ночью с постели, и, озарив его молнией, показали его наготу Урваши, которая вынуждена была тогда оставить его. В чем-то схожая история встречается в «Океане сказаний». Видушака влюбляется в прекрасную Бадру и женится на ней, но через некоторое время она исчезает, оставив только кольцо. Безутешный муж отправляется на ее поиски, он долго странствует и, наконец, достигает небес. Он роняет

кольцо в кубок с водой, который относят Бадре; по этому кольцу она узнает, что муж ее где-то рядом, и они воссоединяются.

Легенда о Мелюзине, в том виде, в котором она предстает перед нами, вовсе не является оригинальной. Жан Аррасский или другие сочинители заметно изменили простой сюжет, чтобы он в большей степени соответствовал форме романа. История феи Прессины и ее брака с королем Элмасом – это просто вариации на ту же тему Мелюзины.

Элмас встречается Прессину у источника и просит ее стать его женой, она соглашается при условии, что он никогда не войдет к ней, когда она рождает. Он не выполняет этого обещания и теряет ее. То же самое происходит у Раймона и Мелюзины. Он встречается ее у родника и получает ее руку и сердце, пообещав, что не будет входить к ней один раз в неделю. Как и Элмас, он нарушает договор и теряет свою супругу. То, что и Мелюзина, и Прессина – это водяные феи или нимфы, сомнению не подлежит – обе они обитают у источника, и превращения хозяйки замка Лузиньян выдают ее водяную природу. Как отмечает Гримм, это галльский, а следовательно, кельтский миф, что подтверждается легендами о банши, форму которой порой принимает несчастная нимфа. Предания о банши являются исконно кельтскими, соответствующих им мифов не найти ни в скандинавской, ни в тевтонской, ни в античной мифологии. У других народов существуют мифы о вестниках смерти, однако их персонажами не являются женщины, опекающие определенный род и возвещающие о приближении короля ужаса своими пронзительными криками в ночи.

Ирландскую банши описывают следующим образом: «Перед нами предстала высокая худая женщина с непокрытой головой и длинными развевающимися волосами, облаченная во что-то, напоминающее свободный белый плащ или кусок ткани, обернутый вокруг нее. Она издавала пронзительные вопли».

Самое интересное свидетельство о встрече с банши встречается в рукописных воспоминаниях леди Фэншо, любовь и привязанность которой к супругу поистине делают ее образцом для подражания. Ей и ее мужу сэру Ричарду случилось во время пребывания их в Ирландии навестить друга, бывшего главой септа. Друг этот жил в старинном замке, обнесенном рвом. Около полуночи леди Фэншо была разбужена ужасающим нечеловеческим криком. Выглянув из-за полога кровати, она увидела в окне лицо и часть фигуры женщины, освещенной лунным светом. Лицо было молодым и довольно привлекательным, но страшно бледным, а длинные рыжеватые волосы были растрепаны. Несмотря на ужас, сковавший ее, от внимания леди Фэншо не ускользнуло, что женщина была одета в старинное ирландское платье. Еще некоторое время это создание продолжало парить в воздухе, а затем, издав два точно таких же душераздирающих вопля, что разбудили леди Фэншо, исчезло. Утром, не скрывая своего страха, леди Фэншо рассказала хозяину замка об увиденном, и он не только сразу поверил ей, но и готов был объяснить столь странное явление.

«Прошлой ночью здесь, в замке, скончался близкий родственник моей семьи, – сказал он. – Мы знали о том, что сие должно произойти, но постарались скрыть это от вас, дабы не омрачать вашего пребывания здесь. Когда нечто подобное случается с членами нашей семьи в этом замке, всегда появляется то самое создание, которое вы лицезрели. Есть предание, что это дух одной женщины-простолюдинки, на которой женился один из моих предков, опозорив свой род, и которую он позже приказал утопить в замковом рву, чтобы искупить свою вину перед семьей».

Весьма любопытную историю о банши приводит Крофтон Крокер. Преподобный Чарльз Бануорт был священником в приходе Баттевант, что в графстве Корк, приблизительно в середине XVIII века. Он был известен своей великолепной игрой на национальном инструменте, ирландской арфе, а также тем, что всегда оказывал радушный прием бродячим музыкантам-арфистам, странствующим от дома к дому по всей стране. В его амбаре хранилось пятнадцать арф, завещанных ему последними представителями вымершего ныне племени.

Обстоятельства смерти господина Бануорта были весьма примечательными, но, как

заявляет Крофтон Крокер, на тот момент оставались еще живые свидетели произошедшего, достойные доверия и полностью готовые подтвердить почти все, если не все, из того, что об этом рассказывали. Незадолго до его кончины некий пастух слышал, как недалеко от дома преподобного под деревом, в которое ударила молния, завывала и хлопала в ладоши банши. Та ночь, когда он умер, выдалась на редкость ясной и спокойной. Ни один звук не нарушал грустной тишины, царившей в гостиной, где лежал больной. У изголовья его постели дежурили две дочери. Вдруг послышался странный шум, встревоживший их: под окном комнаты так близко, что ветки его касались стекла, рос розовый куст, и вот его, как показалось им, раздвинула чья-то рука. Вслед за этим раздались громкие стенания, как будто причитала женщина, у которой случилось огромное горе, и хлопанье в ладоши. Звук был таким отчетливым, словно женщина приблизила лицо к самому окну. Одна из дам, находившихся в гостиной, вышла в соседнюю комнату, где сидели несколько родственников-мужчин, и спросила испуганно, слышали ли они банши. Двое из них, весьма скептически относившиеся к каким бы то ни было сверхъестественным явлениям, тут же встали и отправились осматривать улицу, в надежде обнаружить источник звуков, которые они сами ясно слышали. Они обошли вокруг дома и тщательно обследовали каждый клочок земли, особенно возле окна, откуда исходили крики. Клумбу, на которой рос розовый куст, совсем недавно взрыхлили, и – если только ветки от окна отодвинула человеческая рука – на земле непременно должны были остаться отпечатки ног; но они не смогли найти никаких следов. Вокруг стояла мертвая тишина. Желая все-таки найти объяснение произошедшему, мужчины вышли на дорогу. Ночь была лунной, а местность – достаточно ровной, и поэтому дорогу они могли видеть довольно хорошо. Однако кругом не было ни души, царили тишина и спокойствие. Озадаченные и разочарованные, они вернулись в дом. Каково же было изумление скептиков, когда они узнали от тех, кто оставался в доме, что все то время, пока они отсутствовали, крики и хлопанье в ладоши раздавались еще громче и отчетливей, чем до этого, и как только они закрыли за собой дверь, то и сами опять услышали этот унылый плач. С каждым часом больному становилось все хуже и хуже, и, когда забрезжил рассвет, преподобный Бануорт скончался.

У жителей Уэльса роль банши выполняет Гурах-и-Рибин. Говорят, что она приходит в сумерках и стучит о стекло своими кожистыми крыльями. Ее надрывный плач предвещает смерть. Несколько раз она выкликает имя того человека, которому предстоит покинуть этот мир. В Бретани этих духов называют бандрудами, считается, что они опекают некоторые древние роды. В других областях Франции они известны как белые дамы. Не стоит путать их с тевтонскими белыми дамами, которые являются духами совсем другого толка.

Однако давайте оставим ту часть истории Мелюзины, которая связывает ее появление с дурными предзнаменованиями, и обратимся к ее рыбьему или змеиному хвосту. Жан Аррасский говорит, что она стала такой из-за заклятия, наложенного на нее феей Прессиной, но это его собственная выдумка. Происхождение Мелюзины было ему неизвестно, и поэтому он вынужден был придумать какую-нибудь историю, чтобы объяснить, откуда взялась ее столь необычная внешность. Мелюзина была русалкой. Место ее обитания – источник – и рыбий хвост указывают на ее сущность. Возможно, она являлась не морской жительницей, а речной, но с настоящими русалками – обитательницами морских глубин – имела столь же близкое родство, как пресноводная рыба с морской.

Оанн из Хорсабада.

Вера в русалок распространена повсеместно, с ними связана масса суеверий, и, признаюсь, я далеко не в каждом случае могу объяснить происхождение этого мифа. Иногда сделать это довольно легко, иногда крайне сложно. Рассмотрим пример, где объяснение мне известно: халдейский Оанн или Дагон филистимлян.

Оанн и Дагон (Даг-Он, то есть рыба Он) тождественны. Согласно древней легенде, сохраненной Бероссом, некое существо, получеловек-полурыба, вышло из воды «в той части Эритрейского моря, где находится Вавилон». Оно научило людей «различным умениям, наукам и ремеслам, например «строить города, возводить храмы, составлять законы, одним словом, всему, что смягчает и облагораживает человеческую природу», и, как добавляет Беросс, изображение этого существа, Оанна, сохранилось до его дней. Также изображение Оанна в морских волнах, по всей видимости благословляющего флотилию кораблей, нашел господин Ботта при раскопках Хорсабада.

Вавилонская печать, хранящаяся в Британском музее.

В Нимруде господин Лэйард обнаружил гигантское изображение Оанна, где тот представлен с головой и телом рыбы и человеческими ногами. В левой руке он держит

богато украшенную суму, правая рука приподнята, как если бы он держал в ней загадочную ассирийскую шишку.

Оанн – это египетский Он и иудейский Аон. Это имя происходит от корня, значение которого можно перевести как «освещать». Аон – таково было исконное имя бога, которому поклонялись в храме Гелиополя, называемого в Священном Писании Бет-Аон, Дом Она, что является переводом с иврита слова «Бет-Шемеш», Дом Солнца. Не только имя указывает на его «солнечную» сущность, но и изображение его в головном уборе с рогами. Амон, Апис, Дионис – боги солнца; Исида, Ио, Артемида – богини луны; у всех у них есть рога. И в самом деле, в древней иконографии рога были неизменным атрибутом богов, представлявших эти два главных светила. Даже видимые исключения, такие как Фавн, при более тщательном исследовании не оказываются исключениями. Боги-просветители, несущие знания и учащие дикарей всему, тоже являются солнечными божествами, например египетский Осирис, набатейский Таммуз, греческий Аполлон, мексиканский Кецалькоатль. К их числу принадлежит и Оанн, бог солнца, дарующий просвещение и культуру. По легенде, изложенной Бероссом, он выходил на берег каждое утро, а вечером снова погружался в море. Это мифологическое описание восхода и захода солнца. Его полурыбья форма выражает идею, что половину времени он проводит на земле, а другую половину – в море.

Таким же образом семитская богиня луны, следовавшая за солнцем, ночью показывала себя людям, днем скрывалась в морских волнах и представляла собой наполовину женщину, наполовину рыбу, наглядно демонстрируя двойственность своей природы. Ее называли Деркетто или Атаргатида. На монетах Ашкелона, где ее особенно почитали, изображена богиня, над головой которой располагается полумесяц, а у ног – женщина с рыбьим хвостом. Это Семирамида, являвшаяся, согласно распространенной легенде, дочерью Деркетто. В Яффе она предстает в виде русалки. Легенда гласит, что, убегая от Тифона, она бросилась в море и приняла вид рыбы. Плутарх сообщает, что сирийская богиня Тиргата, то есть палестинский вариант Деркетто, считалась богиней влаги¹⁰⁷, а Лукан говорит, что это была женщина, у которой ниже пояса был рыбий хвост.

В любой мифологии атрибуты божества с течением времени становились отдельными божествами, сохраняя тем не менее признаки, по которым легко можно было проследить их происхождение.

Подобно тому как Он, бог солнца, выходящий из моря и вновь спускающийся туда, имел сопутствующую ему богиню луны, Атаргатиду, а Бел, или Баал, тоже бог солнца, имел лунную Баалти, так и огненный Молох, «великий бог», имел женское дополнение, Милитту, «дарительницу жизни». Молох был яростным богом огня, а Милитта – богиней влаги. Между ними существовала тесная связь. Жрецы Молоха были одеты в женское платье, а жрицы Милитты носили мужскую одежду. Поклонение богу огня требовало человеческих жертв, поклонение богине воды – проституции. От ее имени произошли имена гетер Мелитты, Мелето, Милто, Милезии. Эту богиню почитали и жители Карфагена, судя по тому, что они называли одну из африканских областей Магасмелита, «жилище Милитты». Милитта – то же самое, что Атаргатида, она считалась матерью всего, источником жизни.

В Греции жрицы Деметры назывались мелиссами, а верховный жрец Аполлона именовался *kúrios tōn mellissōn*. Чтобы объяснить это имя и связать эти божества с пчелами и медом, была придумана легенда, но я не сомневаюсь, что оно происходит от искаженного семитского слова, обозначающего прислужниц Милитты. О мелиссах иногда говорят как о нимфах, но не стоит путать их с мелиадами, дриадами, рожденными из праха. Но Мелия, дочь Океана, бросающаяся в воды Альякмона, сильно напоминает сирийскую богиню. Селена, луна, также была известна под именем Мелисса.

¹⁰⁷ Согласно греческой мифологии, эта богиня под именем Кето, «прекрасноланитная», была дочерью Земли и Моря и супругой Форкия.

Двойственной природой Милитты, праматери всего и одновременно богини луны, объясняется то, что в Греции ее именем стали называться и жрицы Деметры, и жрицы Селены.

Имя Мелисса, возможно, распространилось в Галлии через фокейское поселение в Массилии, современном Марселе. Оно проникло в мифологию галльских кельтов и закрепилось там в качестве общего названия нимф, а затем уже окончательно перешло к Мелюзине.

На первый взгляд сложно усмотреть связь между луной, богиней воды и божеством, покровительствующим деторождению; но таковая, вне всяческих сомнений, существует. Венера из классической мифологии родилась из пены морской и точно была связана с луной. Также она была богиней любви, и ей поклонялись беременные женщины – как в Бретани к Венере Кимперлейской обращаются те, у кого нет детей.

На сирийском побережье люди говорили, что богиня погружается в море, потому что видели, как луна опускается в воду на западе, в то время как жители Крита, наблюдавшие, как луна восходит из него на востоке, создали легенду о богине, появившейся из морской пены.

В греческой иконографии тритоны, а позднее и сирены изображались как наполовину люди, наполовину рыбы.

Сначала у сирен присутствовали крылья, но потом, когда появилась легенда о их раздоре с музами и низвержении в море, они приняли форму полурыб. Внешний вид их был позаимствован у Деркетто. Удивительно, насколько широко распространена вера в женщин-полурыб. Огромное количество сказок кельтских народов о русалках свидетельствует о том, что изначально водные нимфы были их божествами, и я более чем уверен, что круглое зеркало, которое они обычно держат в руке, – это не что иное, как напоминание о диске луны. Бото в своей «Саксонской хронике» 1492 года описывает бога Кродо, почитаемого в районе Гарца, который изображался стоящим на рыбе и держащим в одной руке колесо, символизирующее луну, а в другой – ведро воды. Поскольку у северных народов луна мужского рода, божество, представляющее ее, было мужчиной. Вероятно, мексиканский Кошкош, или Теоципактли (то есть Рыба-бог), был либо солнечным, либо лунным божеством. Его полное имя звучало как «Рыба-бог нашей плоти». Он в некоторой степени напоминает ветхозаветного Ноя, поскольку мексиканская легенда рассказывает, что во время великого наводнения он спасся на стволе кипарисового дерева и населил мир мудрыми и разумными существами. Вавилонский Оанн также ассоциировался с наводнением.

У перуанских индейцев также были похожие божества-полурыбы, но легенды, связанные с ними, не сохранились.

Североамериканские индейцы верили, что их предки приплыли в свою страну из Северной Азии, ведомые человеком-рыбой. «Давным-давно, в сезон распускающихся бутонов, люди нашего племени узрели в морских волнах странное создание, очень похожее на человека, и вид его испугал их. На голове у него были длинные зеленые волосы, напоминающие грубые водоросли, что выбрасывают на берег могучие штормы. Лицо его, похожее на морду дельфина, украшала борода того же цвета. И если наш народ был напуган, увидев человека, который может жить в воде, как рыба или утка, каков же был их ужас, когда они заметили, что начиная от груди и ниже он и был рыбой или, скорее, двумя рыбами, потому что каждая его нога имела форму отдельной рыбы. Он часами качался на волнах, напевая изумленным индейцам чудесные песни о том прекрасном, что видел в глубине океана, и странные свои рассказы всегда заканчивал словами: «Идите за мной, и я покажу вам все». Много солнц они не решались последовать за ним, но однажды голод заставил все же их выйти в море и, ведомые человеком-рыбой, который держался рядом с лодкой, они прибыли к побережью Америки».

Можно предположить, что у североамериканских индейцев, как и у сирийцев, человек-рыба символизировал солнце. В таком случае легенда означает, что первые

поселенцы, достигшие Новой Земли, плыли за солнцем, которое движется с востока на запад, тогда как, погружаясь в море, оно плывет с запада на восток. Этому курсу следовали индейцы в своих каноэ. В фольклоре обитателей канадских лесов тоже присутствует женщина-рыба, сказка о которой сильно напоминает легенду об Ундине и, в значительной степени, историю Мелюзины.

Однажды вождь племени оттава, сидя на берегу, увидел, как из воды показалась прекрасная женщина. Лицо ее было необычайно красивым, глаза голубыми, зубы белыми, по плечам рассыпались локоны. От талии и ниже она была рыбой или даже двумя рыбами. Она стала умолять воина позволить ей жить на земле, так как хотела обрести человеческую душу, а этого можно было добиться, лишь заключив союз со смертным. Он согласился, привел ее в свой дом, где она и стала жить, и относился к ней как к дочери. Через несколько лет юноша из племени адирондаков увидел ее и влюбился. Он взял ее в жены, и она получила то, чего так жаждала, – человеческую душу.

В истории об Ундине водную нимфу по той же причине усыновил старый рыбак, и она стала невестой молодого немецкого рыцаря. Но люди племени адирондак были недовольны тем, что их вождь женился на таинственной деве, они вырвали ее из его объятий и вернули обратно в родную стихию. Тогда все духи воды поклялись отомстить за оскорбление, нанесенное одной из них, и развязали войну между племенами оттава и адирондаков, в которой последние были истреблены. Спасся только один воин, потому что жена подхватила его и унесла с собой под воду в том месте, где находится водопад Святого Антония. В немецкой сказке супруг устал от замечаний друзей и соседей, насмехавшихся над тем, что он взял в жены водную жительницу, и велел ей возвращаться туда, откуда она пришла. Водные духи обещают уничтожить его и посылают Ундину на землю, чтобы она обняла своего неверного мужа и зацеловала его до смерти. Женщина-рыба на немецком называется *Meerfrau* или *Meriminni* ; на датском *Maremind* ; на исландском и старонорвежском *Marmennill* ; на ирландском *Merrow* ; бретонские крестьяне называют ее *Marie-Morgan* . В мифологиях всех этих народов встречаются истории о любви смертного и русалки. Согласно господину Крофтону Крокеру, О'Салливан Мор, владыка Дан-керрона, потерял голову от любви к одной прекрасной водяной нимфе, и она дала согласие принадлежать ему, но ее родители воспротивились этому союзу и убили ее.

У берегов бухты Смервик некоему ирландцу по имени Дик Фитцджеральд удалось поймать русалку с помощью ее *cohuleen driuth* , или волшебной шапки. Он схватил шапку, лежавшую рядом с ней на камне, и таким образом завладел и самой нимфой, которая, однако, не имела ничего против замужества с земным человеком. Они прожили в любви и согласии несколько лет и родили красивых детей. Но в один прекрасный день жена нашла свою старую шапку. Она посмотрела на нее, взяла в руки, ей вспомнились ее отец-король и мать-королева, и она почувствовала сильную тоску по дому и желание навестить родителей. Поцеловав на прощание детей, она направилась к берегу моря, будучи полностью уверена в том, что вернется, погостив немного в родительском доме. Но как только она надела на голову *cohuleen driuth* , все воспоминания о земной жизни тут же испарились, она нырнула в воду и больше никогда не вернулась. Похожие сказки существуют на Шетландских и Фарерских островах, в Исландии и Норвегии.

Вада, отец знаменитого кузнеца Вёлунда, был сыном короля Вилкина и русалки, которую он встретил в лесу на берегах России. В «Саге о Хальви и дружинниках Хальви» рассказывается о мужском варианте русалки, человеке-рыбе, которого они поймали и некоторое время удерживали на земле. Вот заклинание, которое он использовал, чтобы вернуться в родную стихию:

Холодная вода глазам!
Сырое мясо зубам!
Саван мертвецам!
В море меня отнеси!

Пусть же никогда
Люди в лодках снова
Не вытащат меня
Из морских глубин!

В «Зерцале короля», исландском труде XII века, дается следующее описание русалки: «У берегов Гренландии можно встретить чудовище, которое люди называют Маргигр. До пояса это существо выглядит как женщина; у него женская грудь, длинные руки и мягкие волосы; шея и голова в точности такие, как у человека. Кисти рук довольно длинные, а пальцы не разделены, как у людей, а соединены перепонками, как у водоплавающих птиц. От пояса и ниже это создание похоже на рыбу, с хвостом, чешуей и плавниками. Говорят, что появляется она обычно перед сильными бурями. Она имеет обыкновение то и дело погружаться в воду и выныривать с рыбами в руках. Моряки всегда боятся, когда видят, что она играет с рыбами или кидает их в сторону корабля. По их мнению, это предвещает гибель нескольких членов команды во время шторма. Но если она выбрасывает рыбу или, отвернувшись от корабля, кидает ее в другую сторону, это считается добрым знаком – значит, они не понесут потерь при буре. У этого чудовища отвратительное лицо: лоб большой, глаза пронзительные, рот широкий, а подбородок двойной».

В «Ланднаме», исландской книге о конце света, рассказывается, что возле острова Гримсей поймали *Marmennill*, человека-рыбу, а в летописях можно найти сведения о том, что эти существа были замечены у берегов Исландии в 1305 и 1329 годах.

Мегасфен говорит, что в море, омывающем берега Тапробана, то есть Цейлона, обитает создание, видом своим напоминающее женщину, а Элиан вносит некоторые исправления в это сообщение – он утверждает, что существуют киты, имеющие облик сатиров. В 1187 году человека-рыбу выловили у берегов Саффолка. Он был очень похож на человека, но не обладал даром речи. Однажды ему подвернулась возможность сбежать; он устремился к морю, нырнул, и больше его не видели. Понтопшидан так описывает человека-рыбу со слов людей, клятвенно заверявших, что они видели его своими собственными глазами: «Примерно в миле от берегов Дании, возле Ландскроны три моряка заметили в воде нечто, похожее на утопленника, и стали грести в ту сторону. Подойдя на расстояние семь или восемь фатомов, они решили, что не ошиблись – тело в воде было совершенно неподвижным. И вдруг оно погрузилось в воду и почти сразу же снова вынырнуло в том же месте. Моряки, испугавшись, замерли. Они позволили лодке подплыть ближе к странному существу, чтобы лучше рассмотреть его. Монстр, влекомый течением, все приближался. Он повернул голову и уставился на людей, и им тоже, таким образом, удалось хорошо рассмотреть его. Семь или восемь минут он не шевелился. Тело его виднелось из воды примерно по грудь. В конце концов моряки осознали, что им может грозить какая-либо опасность, и начали грести в другую сторону. В ответ на эти действия монстр надул щеки, издал нечто вроде мычания и, уйдя под воду, скрылся из вида. Касательно его внешности морякам пришлось давать показания под присягой; их расспрашивали об этом неоднократно и записывали сказанное. Они утверждают, что выглядел он как старик, крепко сбитый, широкоплечий; рук видно не было. Голова по сравнению с телом была довольно маленькой, волосы черные и кудрявые, короткие, не закрывающие ушей. Глаза глубоко посаженные, лицо худое, изнуренное, борода черная. Очертания его тела под водой напоминали рыбы».

В 1403 году в Голландии после сильнейшей бури, разрушившей плотины и затопившей низины, несколько девушек, жительниц города Эдама в западной Фрисландии, отправившись на лодке доить коров, увидели русалку, видимо вынесенную бурей на мелководье и застрявшую в грязи. Они помогли ей выбраться, посадили в лодку и взяли с собой в Эдам. Они одели ее в женское платье и выучили прясть, она ела с ними, но говорить так и не научилась. Впоследствии ее привезли в Харлем, где она прожила несколько лет, хотя все эти годы выказывала сильную склонность к воде. Париваль рассказывает, что ее обратили в христианство, и она даже молилась перед распятием. Мореплаватель Хадсон в

своем суховатом и довольно тяжеловесном повествовании помещает отчет о следующем происшествии, имевшем место 15 июня во время перехода к полюсу на широте 75 градусов возле архипелага Новая Земля. «Этим утром один из членов команды, выглянув за борт, заметил русалку и позвал остальных посмотреть на нее; подошел еще один матрос; к этому времени она подплыла близко к борту корабля, пристально глядя на людей. Немного погодя подкатившая волна перевернула ее. От пупка и выше ее тело, грудь и спина выглядели как у женщины, по словам тех, кто видел ее. Величиной она была с любого из нас, кожа очень белая. Волосы длинные и свисающие, цвета черного. Когда она нырнула, они увидели ее хвост, похожий на хвост дельфина формой, а окраской на макрель. Имена членов команды, наблюдавших это зрелище, Томас Хиллес и Роберт Райнер».

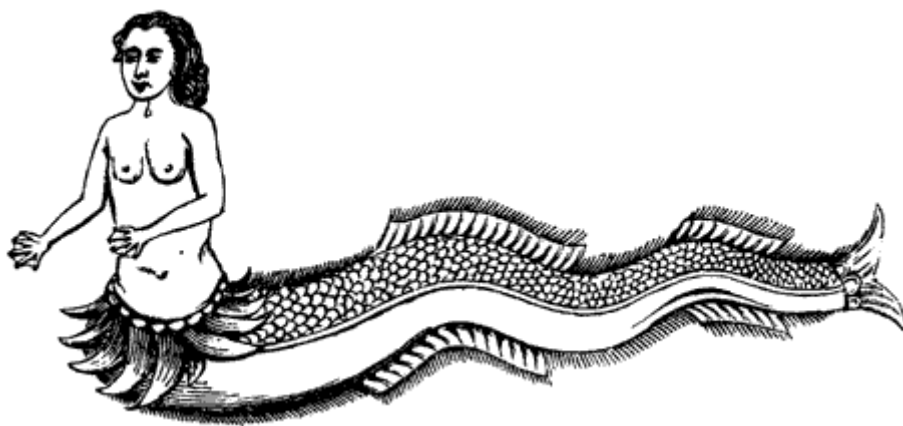
В 1560 году возле острова Мандар к западу от Цейлона в сети рыбаков попали семь русалок женского и мужского пола, свидетелем чего стали несколько иезуитов, отец Энрике и Боскез, личный врач вице-короля Гоа. Врач тщательнейшим образом осмотрел их и произвел вскрытие. По его утверждению, как внутреннее, так и внешнее их строение напоминало человеческое. Есть еще одно свидетельство о встрече с человеком-рыбой, которая произошла возле побережья Мартиники. Люди, видевшие его, дали подробное описание, которое заверил нотариус; они сообщили, что наблюдали, как это существо вытирало ладонями лицо, и даже слышали, как оно сморкается. Еще одно такое чудо поймали в 1531 году в Балтийском море и послали в подарок польскому королю Сигизмунду. Русалка прожила у него три дня, и весь двор ее видел. Также русалку поймали возле Мыса Рока в Синтре, как сообщает Дамиан Гоес. По его словам, король Португалии и Великий магистр ордена Святого Иакова даже вынуждены были обратиться к судье, чтобы выяснить, кому из них принадлежит эта диковина.

Капитан Уэдделл, хорошо известный благодаря своим географическим открытиям, связанным с водами вблизи Южного полюса, рассказывает следующую историю. «Команда корабля была занята на берегу острова Холла. Один из ее членов, которого оставили наблюдать за какими-то заготовками, видел странное существо, издававшее довольно мелодичные звуки. Матрос прилег отдохнуть, но около десяти часов услышал шум, напоминающий человеческие крики. Поскольку в тех широтах в это время года солнце никогда не опускается за горизонт, он поднялся, огляделся, но не увидел ничего и вернулся в постель. Через некоторое время он снова услышал тот же шум, снова встал и посмотрел по сторонам, но опять ничего не заметил. Подумав тем не менее о том, что у берега могла перевернуться лодка и что это матросы, сумевшие уцепиться за выступающие из воды скалы, взывают о помощи, он немного прошел вдоль берега, и на этот раз крики донеслись до него более отчетливо, но звучали они уже больше как мелодия. Осмотрев внимательно местность, он увидел нечто, лежащее на скале примерно в дюжине футов от берега, и слегка испугался. Лицо и плечи этого существа были человеческими, кожа немного красноватого оттенка; по плечам рассыпались длинные зеленые волосы, хвост был как у морского котика, а руки он не разглядел. Он наблюдал за непонятным созданием минуты две, а оно продолжало издавать все те же музыкальные напевные звуки. Наконец, заметив моряка, существо мгновенно исчезло. Как только матрос встретился со своим командиром, он рассказал ему эту невероятную историю, а чтобы подтвердить истинность своих слов, он (будучи католиком) начертил на песке крест и поцеловал его, таким образом поклявшись, что говорит чистую правду. Когда я разговаривал с ним, он излагал свою историю так уверенно и убедительно и так искренне клялся, что это правда, что я не мог не поверить в то, что он действительно видел описанное им животное, или же это была весьма убедительная галлюцинация».

В посвященном английскому королю Георгу великолепно иллюстрированном сочинении под названием «Рыбы, раки и крабы различных цветов и необычного вида, которые встречаются вокруг Молуккских островов», выпущенном Луи Ренаром в Амстердаме в 1717 году и снабженном рисунками, выполненными вручную, есть любопытнейшее свидетельство о русалке. Эта книга стала плодом тридцатилетнего исследования, проведенного в ост-индийских морях Бальтазаром Койеттом, губернатором

островов провинции Амбуан и главой комиссаров в Батавии, и Адрианом Ван дер Стеллем, губернатором провинции Амбуан. Во втором томе, на странице 240 имеется изображение русалки с соответствующей подписью: «Морская Женщина. Существо, похожее на сирену, пойманное возле острова Борнео, в департаменте Амбуан. Оно было 59 дюймов длиной, размером с угря. На суше, помещенное в бочку с водой, оно прожило четыре дня и семь часов. Время от времени оно издавало негромкий писк, вроде мыши. От пищи оно отказывалось, хотя ему предлагали мелкую рыбу, моллюсков, крабов, лобстеров и так далее. После его смерти в бочке нашли небольшое количество экскрементов, напоминающих кошачьи». На картинке, с которой я сделал копию для этой книги, русалка была раскрашена следующим образом: волосы цвета водорослей; тело оливкового оттенка; четыре перепонки, соединяющие пальцы, оливковые; бахрома вокруг талии оранжевая с синей окантовкой; плавники зеленые; лицо синевато-серое и тонкие волоски по всей длине хвоста розовые.

Посмотрев на эту иллюстрацию, читатель может спросить вслед за Теннисоном, кто же эта русалка.

Во вступлении к книге содержится некоторая дополнительная информация.

В предисловии издателя сказано: «Честь этого открытия принадлежит господину Бальтазару Койетту. Будучи губернатором, он всячески поощрял отлов различных диковинных рыб и, собрав более двухсот рисунков, изображавших рыб, приносимых ему туземцами Амбуана и соседних островов, а также осевшими здесь голландцами, он составил из них две коллекции, которые были привезены его сыном господину Скотту, главному управляющему Ост-Индской компании в Амстердаме. Тот велел сделать с них точные копии. Второй том, рисунки в котором, если не грешить от истины, *менее верны*, любопытен тем, что в нем содержатся изображения многих неизвестных доселе созданий, сопровождающиеся подробными комментариями. Рисунки были сняты с коллекции, принадлежащей господину Ван дер Стеллу, губернатору Молуккских островов, художником по имени Самюэль Фаллур, который привез их мне из Ост-Индии. Я отобрал около двухсот пятидесяти из них. Более того, чтобы развеять сомнения некоторых скептиков, я счел уместным присовокупить к сему труду следующие документы, подтверждающие их подлинность». Среди них наиболее интересны те, что касаются русалки.

Письмо от издателя Ренара господину Франсуа Валентину, священнику Евангельской церкви в Дорте, бывшему управляющему церковными делами в колониях.

«Амстердам, 17 декабря 1716 года.

Милостивый государь,

Его Величество Царь Московии оказал мне великую честь, посетив мой дом.

Я имел возможность показать Его Величеству труд, посвященный рыбам с Молуккских островов, принадлежащий кисти господина Фаллура, в котором, среди прочих рисунков, имеется и изображение морского чудовища, похожего на сирену. Художник говорит, что своими глазами видел его в течение четырех дней в

Амбуане, как узнаем мы из подписи под рисунком, сделанной его собственной рукой. А поскольку он полагает, что господин Ван дер Стелл, являющийся в настоящее время губернатором Амбуана, мог послать его Вам, то Его Величество Царь был бы очень благодарен, если бы Вы как-либо подтвердили этот факт. Посему я буду Вам очень признателен, если Вы сообразоволяете ответить на мое письмо.

Остаюсь и пр.».

Ответ:

«Дорт, 18 декабря 1716 года.

Милостивый государь,

Вполне вероятно, что после моего отбытия из Ост-Индии Фаллур мог наблюдать в Амбуане то морское чудовище, рисунок которого Вы столь любезно послали мне и который я прилагаю к своему письму, но вплоть до сегодняшнего дня я никогда не видел и не слышал о нем ничего. Если бы я владел этим созданием, я был бы счастлив преподнести его в дар Его Величеству Царю, рвение которого в собирании различного рода диковинных вещей вызывает всеобщее восхищение. Однако, сэр, в качестве доказательства, что существа, похожие на сирен, действительно встречаются, я могу привести сведения, в которых совершенно уверен. В 1652 или 1653 году один лейтенант, состоявший на службе у Компании, видел двух подобных существ в заливе недалеко от поселения Геннетело, возле островов Серам и Бозро, в Департаменте Амбуан. Они плыли рядом, из чего он заключил, что одно из них было

женского рода, а другое мужского. Шесть недель спустя они снова появились в том же месте, и на сей раз их наблюдали более пятидесяти человек. Чудовища эти были зеленовато-серого цвета, и тела их от головы до пояса имели точно такой же вид, как человеческие, с руками, но книзу сужались. Одно было несколько больше другого; волосы они имели средней длины. К этому могу присовокупить, что когда я возвращался из Ост-Индии, где прожил более тридцати лет, то на долготе 12 градусов 18 минут в ясную тихую погоду в полдень 1 мая 1714 года я собственными глазами видел на расстоянии, равном трем или четырем длинам корабля, чудовище, судя по всему, морского человека сине-серого цвета. Оно в достаточной степени высунулось из воды, на голове у него было нечто вроде рыбацкой шапки из мха. Вся команда корабля видела его так же хорошо, как и я; и хотя чудовище было обращено к нам спиной, оно, видимо, почувствовало наше приближение, внезапно ушло под воду, и мы его больше не видели.

Примите заверения и пр.

Ф. Валентин ».

Письмо господина Парана, настоятеля амстердамской церкви, написанное в присутствии нотариуса Якоба Лансмана и заверенное им.

«Амстердам, 15 июля 1717 года.

Милостивый государь,

Со смесью восторга и удивления созерцал я оттиски, сделанные Вами с прекрасных рисунков, изображающих рыб Молуккских островов, зарисованных с натуры господином Самюэлем Фаллуром, которого я знал в бытность свою в Амбуане. Признаюсь, сэр, я был поражен тем, как похожи эти изображения на тех рыб, которых мне доводилось видеть, а также и пробовать (по крайней мере, некоторых из них) в течение тридцати лет, проведенных мною в Амбуане, откуда я вернулся в 1716 году. <...> На вопрос Ваш, видел ли я сирену в этих краях, отвечаю, что, совершая объезд наших церквей на Молуккских островах (что делается дважды в год теми священнослужителями, что понимают язык этой страны) на некоей местной разновидности галеры и находясь между деревнями Голильеу и Карьеу, которые расположены на расстоянии примерно двух лиг по

воде друг от друга, я задремал и был разбужен неграми-гребцами, издававшими пронзительные изумленные вопли. Я вздрогнул от неожиданности и поинтересовался, что за причина вызвала эти крики, на что они все как один ответили, что только что ясно и отчетливо видели чудище, похожее на сирену, с лицом мужчины и длинными, как у женщины, волосами, спускавшимися на спину. Но, напуганное воплями, это существо снова нырнуло в воду, и все, что мне удалось увидеть, была лишь рябь на воде, потревоженной сиреной.

Примите заверения и пр.

Паран ».

Один из самых замечательных рассказов о русалках содержится в «Истории китов и тюленей» доктора Роберта Гамильтона из «Библиотеки натуралиста». Сам он уверяет, что все рассказанное – правда, так как был лично знаком с некоторыми участниками событий. «Сообщалось, что рыбаки, вышедшие на лодке в море у берегов острова Елл, принадлежащего к Шетландскому архипелагу, поймали русалку, запутавшуюся в их сетях». По их словам, животное имело около трех футов в длину, верхняя половина его туловища напоминала человеческое тело с выделяющейся, как у женщины, грудью; шея была короткой, лицо и лоб маленькими, похожими на обезьяны, руки маленькие, скрещенные на груди, пальцы раздельные, не соединенные перепонками. Редкие жесткие волоски росли на макушке и достигали плеч, и существо могло опускать и поднимать их наподобие гребня. Нижняя часть туловища была рыбьей. Кожа гладкая, серого оттенка. Существо не сопротивлялось, не пыталось укусить, а только издавало низкие жалобные звуки. Моряки, которых было шестеро, подняли его в лодку, но суеверие все же одержало верх над любопытством, и они осторожно освободили его от сетей, вытащили застрявший в теле крючок и возвратили странное создание в родную стихию. Оно тут же нырнуло и почти перпендикулярно ушло в глубину.

Записав все вышесказанное (как нам поведали), автор имел разговор с капитаном судна и одним из членов команды и узнал от них следующие дополнительные подробности. Животное находилось в лодке около трех часов. На туловище не было чешуи или шерсти, оно имело серебристо-серый цвет сверху и белый, как человеческая кожа, снизу. Жабр видно не было, равно как и плавников на спине или на животе. Хвост был как у морской собаки. Грудь была величиной с женские, рот и губы сильно выделялись и очень напоминали человеческие. Эти сведения господин Эдмонтон, внимательный наблюдатель, всем известный именно этим своим качеством, передал выдающемуся ученому, профессору естественных наук Эдинбургского университета. Господин Э. снабдил их собственными рассуждениями, которые были столь уместны, что и мы не преминули ими воспользоваться. То, что было поймано крайне редкое животное, сомнению не подлежит. Его видели и осязали в течение некоторого времени сразу шесть человек, и никто из них не испытывает и тени сомнения в том, что это была русалка. Если допустить предположение, что страх увеличил в их глазах сходство этого животного с человеком, то, во всяком случае, должны были существовать основания для этого страха. Однако видимой причины для такой боязни нет, так как русалка для рыбаков не является недоброжелательным существом, скорее, это желанная гостья, и беду она может принести, только если с ней дурно обращаться. Обычные доводы скептиков, например, что тюлени или другие морские животные, появляясь при определенных обстоятельствах, действуют на разгоряченное воображение таким образом, что вызывают обман зрения, здесь тоже не действуют. Маловероятно, что в подобной ситуации шесть шетландских рыбаков могли одновременно так ошибиться».

Одно из этих существ было извлечено из желудка акулы у северо-западного побережья Исландии, и сын Вернарда Гутмунда, священник из Оттрардейла описывает его следующим образом:

«Нижняя часть туловища животного была полностью съедена, в то время как верхняя часть, начиная от подчревной и надчревной областей, была съедена кое-где частично, а где-то полностью. Грудина, или грудная кость, сохранилась замечательно. Это животное, по

всей видимости, было размером с восьми– или девятилетнего мальчика, и голова его имела форму человеческой. Затылок очень выдавался, а в задней части шеи было углубление или впадина. Ушные раковины имели очень большой размер и заметно выдавались назад. Передние зубы животного были длинными и заостренными, как и клыки. Глаза тусклые, напоминающие глаза трески. Голова его была покрыта длинными, жесткими, черными волосами, весьма похожими на *fucus filiformis* ; они достигали плеч. Лоб был большой и закругленный. Кожа век очень сморщенная, яркого оливкового цвета, как и все туловище. Подбородок раздвоенный, плечи высоко подняты, шея неестественно короткая. Руки обычного размера, на каждой из них по четыре пальца, покрытые плотью. Строение груди было в точности таким, как у мужчины, были также видны какие-то образования, напоминающие соски; спина тоже была как мужская. Ребра были хрящевыми, а в тех местах, где кожа оказалась содрана, виднелась грубая черная плоть, очень напоминающая мясо тюленя. Это животное было выставлено на всеобщее обозрение на берегу в течение недели, а затем его выбросили обратно в море».

Что касается японских изображений русалок, которые можно увидеть на выставках, то я ограничусь лишь кратким комментарием. Они выражают представления японцев о тех морских созданиях, что родственны древнегреческим тритонам, сирийским Ону и Деркету, скандинавскому *Marmennill* и мексиканскому Кошкошу.

Глава 20

Острова Блаженных

В своем очерке о Земном рае я упоминал основные средневековые легенды, относящиеся к некоему прекрасному месту, которое располагалось, согласно общераспространенному мнению, к востоку от Азии. В древности существовало представление об Атлантиде, находящемся далеко-далеко на Западе огромном континенте, где спит Кронос и который охраняет Бриарей. Это была земля, покрытая лесами, где текли реки, а воздух был свеж. В представлении древних людей она занимала то же место, что и Земной рай у христиан. Отцы Церкви боролись с этим популярным верованием, поскольку Священное Писание давало ясное указание, что чудесная земля находится «в Едеме на востоке»¹⁰⁸. Однако, несмотря на их попытки искоренить идею о существовании западного рая, она продолжала жить в умах людей на протяжении эпохи Средневековья до тех пор, пока Христофор Колумб не начал искать и не обнаружил Атлантиду и Рай в Новом Свете. Это был мир, где совпадали представления древних людей и людей Средневековья, поскольку он находился к востоку от Азии и к западу от Европы. «Святые богословы и философы были правы, когда помещали Земной рай далеко на Востоке, поскольку климат там самый благоприятный, а земля, которую я только что открыл, находится на границе Востока» – так писал адмирал в одном из своих писем. В 1498 году он вновь повторил свою мысль в другом письме: «Я уверен, что это – Земной рай», тот, что, по мнению святых Амвросия, Исидора и Беаты Достопочтенного, располагался на Востоке.

Представления о западных землях, или группе островов, было распространено среди кельтов, а также среди греческих и римских географов, они имели для древних религиозное значение, и с ними были связаны суеверия, которые сохранились и после введения христианства.

Эта вера в западную страну, возможно, возникла потому, что океан приносил к берегам Европы странные чужеродные предметы. Во времена Колумба Мартин Винсент, один из капитанов на службе у короля Португалии, подобрал на мысе Сент-Винсент фрагмент деревянной резьбы, похожий кусок прибило к берегам острова Мадейра, где его обнаружил Педро Корреа, родственник великого мореплавателя. Население Азорских островов

¹⁰⁸ Быт., II: 8.

рассказывало, что когда с запада дул ветер, то на берег выбрасывало бамбук и палки с надписями на неизвестном языке. В песках острова Флорес однажды обнаружили останки двух человек с широкими лицами и чертами весьма отличными от европейцев. В другой раз к берегу прибило два каноэ, в которых находились люди странного вида. В 1682 году каноэ из Гренландии появилось у берегов острова Эдей (Оркнейские острова), а в церкви Бурры долгое время хранилась эскимосская лодка, которую некогда вынесло на берег. На побережье Гебридских островов часто находят орехи, из которых рыбаки делают табакерки или носят их в качестве амулетов. Мартин, который писал о Западных островах в 1703 году, называет их *моллука*. Это плоды *Mimosa scandens*, которые к нашим берегам приносит Гольфстрим. Большие деревянные обломки, имеющие странную форму, также прибывает к этим берегам, и островитяне строят из них свои хижины.

В 1508 году французское судно повстречало неподалеку от английского побережья лодку с американскими индейцами, как нам сообщает Бембо в своей истории Венеции. Другие примеры упоминают комментаторы удивительного фрагмента Корнелия Непота, который способствовал развитию в Средние века идеи о возможности северо-западного пути в Индию. Гумбольдт в своих заметках относительно этого фрагмента пишет: «Помпоний Мела, который жил во время относительно близкое ко времени Корнелия Непота, рассказывает¹⁰⁹, что Метелл Целер, будучи проконсулом Галлии, получил в качестве подарка от короля бойев, или боетов¹¹⁰, нескольких человек, принесенных бурей из индийских морей к берегам Германии. Здесь нет необходимости обсуждать, являлся ли этот Метелл Целер тем самым претором Рима в год консульства Цицерона, а затем консулом совместно с Африканом, или был ли тот германский король Ариовистом, побежденным Юлием Цезарем. С определенностью можно сказать только, что из цепочки идей, которые привели Помпония Мелу к упоминанию этого факта как бесспорного, можно сделать вывод, что в его время в Риме были уверены, что эти смуглые люди, присланные из Германии в Галлию, пересекли океан, который омывал Восточную и Северную Азию».

Каноэ, человеческие останки, деревянные фрагменты и орехи, которые океан выносит на западное побережье Европы, могли послужить источником веры в то, что за заходящим солнцем существует земля, которую обозначали как Меропиду, землю Кроноса, остров Огигия, Атлантиду, Острова Блаженных или Сад Гесперид. Страбон ясно указывает, что единственным препятствием на пути на запад от Иберии в Индию является ширина Атлантического океана, но что «в том умеренном поясе, где мы проживаем, особенно поблизости от параллели, проходящей через Афины и пересекающей Атлантический океан, могут существовать два обитаемых мира, а возможно, даже больше, чем два».¹¹¹

Это куда более ясное предсказание о существовании Америки, чем неопределенные слова Сенеки. Аристотель принял идею о существовании нового континента на Западе и описал его, опираясь на рассказы карфагенян, как плодородную землю, покрытую лесами и орошаемую водой, которая находится напротив Геркулесовых столбов (Гибралтарского пролива). Диодор пишет, что ее открыли финикийцы, и добавляет, что в той стране есть высокие горы, а климат не слишком изменчив. При этом он пытается провести различия между ней и Элизиумом Гомера, Островами Блаженных Пиндара и Садам Гесперид. Карфагеняне начали основывать там колонии, но это было запрещено законом, поскольку существовало опасение, что изначальная территория Карфагена опустеет и жители переселятся в новую, лучшую страну. Плутарх помещает гомеровский остров Огигия в пяти днях плавания от Бриттии и добавляет, что в пяти тысячах стадий от него находится

¹⁰⁹ и Плиний это повторяет

¹¹⁰ название неясно, Плиний называет его королем свевов

¹¹¹ Страбон. География. Кн. I.

большой континент. Он простирается далеко на север, а люди, которые населяют эту огромную страну, считают старый мир маленьким островом. Такое же замечание делает и Феопомп, излагая свой географический миф о Меропиде.

Не стоит разбирать здесь древние теории об Атлантиде, поскольку их подробно изложил Гумбольдт в своей работе по географии Нового Света. Поэтому мы перейдем к кельтам и к тому месту, которое Америка занимала в их мифологии.

Как утверждает Прокопий Кесарийский, Бриттия лежит в 200 стадиях от побережья, между Британией и Фулой, напротив устья Рейна, и ее населяют англы, фриссоны и бриттоны.¹¹²

Под Британией он подразумевает современную Бретань, а Бриттия – это Англия. Цец рассказывает, что на океанском побережье напротив Британии живут рыбаки, покоренные франками, но освобожденные от выплаты дани из-за их рода занятий, которое состоит в перевозке душ на другой берег. Прокопий также излагает эту историю, и сэр Вальтер Скотт передает ее в своем «Графе Роберте Парижском». Агеласт говорит: «Я прочел в том чудесном зеркале, что отражает времена отцов, труды ученого Прокопия о том, что в море за Галлией, почти напротив нее, находится призрачная земля, всегда скрытая облаками и бурями, которая известна соседствующим с ней народам как место, куда отправляются души после смерти. На одной стороне пролива живет несколько странного рода людей, рыбаков, которым дарованы определенные привилегии за то, что, будучи живыми, они выполняют обязанности языческого Харона и перевозят души усопших на остров, который становится обиталищем последних после смерти. В ночи этих рыбаков попеременно вызывают, чтобы они исполнили свое дело, благодаря которому у них есть разрешение жить на этом странном берегу. В дверь того, чья очередь исполнить эту единственную службу пришла на сей раз, раздается стук, который производит не рука смертного, и шепот, подобный угасающему ветерку, призывает рыбака сделать его работу. Он спешит на берег к своей лодке и едва только садится в нее, как ощущает, что ее корпус заметно погружается в воду – это означает, что в ней уже сидит мертвец. Никого не видно, и, хотя слышны голоса, невозможно разобрать, о чем они говорят – как будто кто-то разговаривает во сне». Согласно мнению господина де ла Вильмарке, место, откуда отчаливала лодка с призрачным грузом, находилось поблизости от мыса Рац, рядом с Бухтой Душ на крайнем западе Финистера. Пустынные равнины этого мыса напротив острова Сент с его озером Кleden, вокруг которого каждую ночь танцуют скелеты утонувших моряков, расположенным неподалеку от Плогофа, и болотами, усеянными памятниками друидов, делают этот пейзаж подходящим для того, чтобы здесь собирались души перед своим призрачным путешествием. Также в этих краях поблизости от Ланниона находятся развалины древнего города, отождествленного с *Yáδetoι* Страбона.

«На большом острове Бриттия, – продолжает Прокопий, – люди в древние времена построили длинную стену, отделив значительную часть земли. К востоку от этой стены хороший климат и обильные урожаи, но к западу от нее они, напротив, таковы, что никто не может прожить там и часа; это прибежище змей и других рептилий. Если кто-нибудь попадает на ту сторону, то сразу умирает, отравленный ядовитыми испарениями». Это суеверие как бы служило второй, дополнительной, стеной страны мертвых, сохраняющей абсолютную уединенность душ. Прокопий отмечает, что данное представление было широко распространено, и ему рассказывали об этом многие.

Клавдиан тоже слышал эту легенду, но спутал ее с иным миром Одиссея. «На дальнем побережье Галлии есть место, защищенное от приливов и отливов Океана, где Одиссей, совершив кровопролитие, привлек призраков. Там слышались стоны, и огни мерцали среди теней. Жители того места видели бледные, как статуи, фигуры и бродивших мертвецов». Согласно Плинию, Филемон называл Северный Океан «морем мертвых».

¹¹² См.: *Прокопий Кесарийский. Война с готами. Кн. IV. Гл. 20.*

В древней балладе о Ланселоте Озерном Дева из Астолата просит после смерти положить ее тело, одетое в богатое платье, в лодку и позволить той уплыть вслед за ветром. Это следы того самого древнего представления о путешествии за море в мир мертвых.

И пусть поставят одр смертный мой,
Где к Ланселоту от любви я умерла,
Украшенный по-королевски щедро,
С моим остывшим телом бездыханным,
Одетым в самые роскошные одежды,
На ту повозку, что к реке его доставит,
Чтоб в лодку опустить его, затянутую черным.¹¹³

Могильщик в «Гамлете» поет о мертвеце:

...перевезла на корабле в страну,
Как будто я не был таким.¹¹⁴

Когда король Артур получил свою смертельную рану, сэр Бедивер принес его на берег. «И когда они подошли к воде, то увидели у самого берега маленькую лодку, в которой сидели прекрасные дамы, и среди них – королеву, и у всех них на голове были черные капюшоны. Они начали плакать и стенать, когда увидели короля Артура.

– Положи меня в эту лодку, – произнес король, и он осторожно сделал это.

Три королевы приняли его с глубокой скорбью. Эти три королевы сели рядом, на колени одной из них король Артур положил голову.

И тогда эта королева сказала:

– Ах, дорогой брат, почему же ты медлил вдали от меня? Увы! Эта рана на твоей голове чересчур остудилась.

Они стали грести прочь от берега, и сэр Бедивер вскричал:

– О, господин мой Артур! Что будет со мною теперь, когда ты покидаешь меня здесь одного среди моих врагов?

– Утешься, – произнес Артур, – и сделай все, что можешь, ибо на меня уже не в чем полагаться. Я уезжаю в долину Авалона, чтобы залечить свою тяжелую рану. И если ты более никогда не услышишь обо мне, молись за мою душу!

Королевы и дамы плакали и стонали так, что было горестно их слушать. И когда лодка скрылась из глаз сэра Бедивера, он заплакал и вошел в лес». ¹¹⁵

Этот чудесный Авалон,

Где не бывает града, снега и дождя,
И ветер не взывает громко,
А есть счастливые долины и сады,
Что к морю летнему подходят,

является кельтским Островом Блаженных. Цец и Прокопий пытаются определить его местоположение и приходят к выводу, что это Британия. Но в этом они ошиблись, так же как и те, кто надеялся найти Авалон в Гластонбери. Авалон – это Остров яблок, название,

¹¹³ Теннисон. Элейн.

¹¹⁴ Шекспир У. Гамлет. Акт V. Сц. 1.

¹¹⁵ Мэлори Т. Смерть Артура.

напоминающее о Саде Гесперид, находящемся далеко в западных морях, в центре которого стоит дерево с золотыми яблоками. Затем нам говорят, что на далеком острове Огигия спокойно спит Кронос, охраняемый Бриареем, пока не настанет время ему проснуться. Это греческая форма мифа об Артуре, который излечивается на Авалоне от своей тяжелой раны. Едва ли нужно говорить, что Артур из романа является на самом деле полубогом, в которого верили задолго до появления исторического Артура. Плутарх утверждает, что Огигия лежит на западе за заходящим солнцем. Согласно древнему стихотворению, опубликованному господином Вильмарке, это место восхитительной красоты. Юноши и девушки танцуют там, взявшись за руки, на покрытой росой траве, ветви зеленых деревьев отягощают яблоки, а золотое солнце опускается и поднимается за лесами. Журчащий ручей течет из источника в центре острова, души пьют из него и получают новую жизнь с глотком этой воды. В той стране царят радость, стихи и песни. Это земля изобилия, где вечно продолжается золотой век. Коровы дают так много молока, что им наполняют пруды. Там также есть стеклянный дворец, парящий в воздухе, который принимает в своих прозрачных стенах души блаженных умерших. Это тот самый стеклянный дом, куда путешествовали Меррдин Эмрис и девять его бардов. О нем упоминает Талиесин в своем стихотворении «Добыча бездны», где он говорит, что бесстрашие Артура не удержать в стеклянном здании. Существуют лишь три рода людей, которые не получают туда доступ: портные (о них говорят, что один человек другой профессии стоит девятерых портных), которые проводят дни сидя и руки которых, несмотря на труд, остаются белыми, колдуны и ростовщики.

Согласно общераспространенному мнению, этот отдаленный остров гораздо прекраснее рая. Слухи о его великолепии так волновали умы людей Средневековья, что западная страна превратилась в предмет сатиры и острот. Ее прозвали «страной с молочными реками и кисельными берегами» («Кокейн»).

В английском стихотворении, «написанном, предположительно, в конце XIII века», которое, как замечает господин Райт («Чистилище Святого Патрика»), «было весьма небрежно напечатано Хикесом с рукописи, ныне хранящейся в Британском музее», эта страна описывается как находящаяся далеко за морем к западу от Испании. В современном изложении оно таково:

Хотя Рай и прекрасен,
Кокейн еще лучше.
Что есть в Раю?
Трава, цветы и зеленые листья,
Радость и удовольствия.
Там нет мяса, а есть лишь плоды,
Нет зала, жилища и даже скамьи,
И для утоления жажды — только вода.

В раю живут только два человека, Енох и Илия. А вот Кокейн наполнен счастливыми мужчинами и женщинами. Страны, подобной этой, нет больше нигде на земле. Там всегда царит день и никогда не наступает ночь, не бывает ссор и раздоров, никто не умирает, никогда не идет град, снег и дождь, не слышно грома и рева ветров:

Есть там и прекрасное аббатство,
Где живут разные монахи,
Там есть и жилища, и залы,
Стены их построены из теста,
Из мяса возведены и из рыбы.
Из всего самого вкусного.
Пироги покрывают крыши
Церкви, монастыря, жилищ и зала.

Гвозди – кровавые колбасы.
Мясо для принцев и королей.

Монастырь построен из сдобы и специй, а над всем этим весело поют птицы, готовые зажаренными влететь в голодные рты.

Французское стихотворение об этой стране описывает ее как кулинарный рай, что и отразилось в ее названии. По улицам ходят жареные гуси, течет река вина, все женщины там прекрасны, и каждый месяц человек получает новое платье. Там есть источник вечной молодости, который восстанавливает силы и цветущий вид каждого, кто в нем искупается, даже если до этого он был старым и безобразным.

Несмотря на то что большинство бурлесков Средних веков могли смеяться над этой загадочной западной страной блаженных душ, она прочно заняла свое место в умах людей. Довольно любопытно, что, так же как Прокопий путает Британию с Авалоном, у немецких крестьян есть своя «земля ангелов», которую они по созвучию идентифицируют с Англией, куда, как они считают, увозят души умерших¹¹⁶. Согласно тевтонской мифологии, которая в этом пункте похожа на кельтскую, в этой стране есть стеклянная гора. В подобном же виде славяне представляют рай для душ. В нем находится огромный сад с яблонями, в центре которого возвышается стеклянная гора с золотым чертогом на вершине. В древности при погребении они клали рядом с телом медвежьих когти, чтобы помочь покойному забраться на эту хрустальную гору.

Эта загадочная западная страна в Ирландии называлась Тир-на-Ог, то есть Страна юности, она отождествлялась с городом дворцов и церковей, затопленным Атлантическим океаном или находящимся на дне озера.

Господин де Латокнэ в своем описании поездки по Ирландии, процитированном Крофтоном Крокером, говорит: «Древнегреческие авторы, и в особенности Платон, записали древнее предание. Они рассказывают, что огромный остров, или даже большой континент, находившийся к западу от Европы, поглотило море. Более чем вероятно, что жители Коннемара никогда не слышали о Платоне и вообще о греках, и тем не менее у них есть такое же древнее предание. «Наша земля снова появится когда-нибудь», – говорят старики молодому поколению, когда приводят их в определенный день года на вершину горы и указывают в море. Рыбаки на побережьях также ссылаются на то, что видели города и деревни на дне под водой. Описания этой вымышленной страны являются столь же яркими и преувеличенными, как и описания земли обетованной: там текут молочные ручьи, реки плещут вином, и, несомненно, там есть потоки виски и портера».

Тема подводных городов, которые появляются над волнами на рассвете Пасхального воскресенья или которые можно увидеть при лунном свете в безмолвной глубине, слишком обширна, чтобы рассматривать ее здесь, она могла бы стать предметом отдельного труда. Каждый из мифов древности связан с другими легендами, и очень трудно выделить для исследования только один, не касаясь при этом других, соединенных с ним, и не пытаясь их анализировать. Так в христианстве один символ неразрывно связан с другим, объясняя все остальные и логично продолжая те, что ему предшествовали, поэтому вырезание одного догмата разрушит целостность и единство веры. Так же и с мифами древности: один миф связан с другим и не может быть отделен без разрушения гармонии волшебного цикла.

Однако ограничимся двумя пунктами – призрачной страной на Западе и путешествием в нее.

Вашингтон Ирвинг пишет: «Те, кто читал историю Канар, могут припомнить чудеса, которые рассказывают об этом загадочном острове. Иногда его можно было увидеть с берега далеко на западе. По всей видимости, он был столь же реален, как и сами Канары, и даже более прекрасен. Экспедиции отплывали от Канарских островов, чтобы обследовать эту

¹¹⁶ В переводе с немецкого *Engel-land* – «земля ангелов», *Engel-land* — «Англия». (Примеч. пер.)

землю обетованную. Некоторое время его позолоченные солнцем горные вершины и длинные темные очертания мысов были четко видны, но по мере того, как путешественники приближались, и горная вершина, и мыс постепенно растворялись в воздухе, и оставалось только голубое небо над синей водой.

Поэтому этот загадочный остров был назван древними географами *Aprositus*, то есть «недостижимый». Жители Канар рассказывают об этом острове, который они называли именем Святого Брендана, следующую сказку. В начале XV века в Лиссабоне появился старый капитан. Шторм раз занес его неведомо куда, и он сумел пристать к берегам далекого острова. Там капитан увидел прекрасные города, где жили христиане. Жители острова поведали ему, что являются потомками той группы верующих, которая отплыла из Испании, когда страну завоевали мусульмане. Они спросили, как обстояли дела сейчас на их родине, и глубоко опечалились, когда узнали, что мусульмане все еще господствуют в Гранаде. Старого капитана по возвращении на корабль настиг шторм, который кружил его по морю, и он никогда больше не видел неизвестного острова. Эта странная история вызвала немалое волнение в Португалии и Испании. Те, кто был сведущ в истории, вспомнили, как читали, что в VIII веке, во времена завоевания Испании, семь епископов во главе семи групп изгнанников пересекли огромный океан и приплыли к далеким берегам, где они смогли основать семь христианских городов и исповедовать свою веру в безопасности. Судьба этих скитальцев до того времени оставалась загадкой и стерлась из памяти, но рассказ старого капитана воскресил забытую историю. Набожные и восторженные люди решили, что этот остров, так случайно найденный, был тем самым местом спасения, куда скитавшиеся епископы привели свою паству по воле Божественного Провидения. Однако никто не занялся этим делом хотя бы вполноту так же ревностно, как дон Фернандо де Альма, молодой, романтически настроенный дворянин, занимавший высокое положение при дворе португальского короля и обладавший мягким сангвиническим оптимистическим характером. Остров Семи Городов становится отныне постоянным предметом его мыслей днем и его снов ночью, он решает снарядить экспедицию и отправиться на поиски святого острова. Король снабдил его документом, согласно которому он становился губернатором страны, которую откроет, с единственным условием – он возьмет на себя все расходы и заплатит десятую долю прибыли в казну. Дон Фернандо отправился с двумя кораблями к Канарским островам – в то время это была область морских открытий и романтики и самая дальняя точка известного мира (Колумб еще не пересек океан). Едва суда достигли этой широты, как их разделил ужасный шторм. Множество дней каравелла дон Фернандо скиталась по воле стихий, а команда пребывала в отчаянии. Но однажды шторм утих, океан успокоился, тучи, затянувшие небо, разошлись, и измученные бурей моряки увидели прекрасный остров, покрытый горами, чьи вершины появились из темноты, словно по волшебству. Каравелла легла в дрейф напротив устья реки, на берегах которой на расстоянии около лиги раскинулся величественный город с высокими стенами, башнями и укрепленным замком. Спустя некоторое время на реке появилась шестнадцативесельная лодка и стала приближаться к кораблю. Под шелковым балдахинем на корме сидел богато одетый дворянин, над головой которого развевался флаг со святым символом креста. Когда лодка достигла каравеллы, кавалер поднялся на борт и на старом кастильском наречии поприветствовал странников на Острове Семи Городов. Дон Фернандо с трудом мог поверить в то, что это не сон. Он назвал свое имя и цель путешествия. Великий камергер – таков был титул дворянина – уверил его, что, как только он представит свои документы, его тут же признают губернатором Семи Городов. День близился к закату, лодка была готова доставить его на землю и конечно же привезла бы назад. Дон Фернандо спустился в нее вслед за Великим камергером, и они отправились на берег. Все носило отпечаток прошлых времен, как если бы мир вернулся назад на несколько столетий; и это было неудивительно, ведь Остров Семи Городов был отрезан от остальной части суши веками. На берегу дон Фернандо провел приятный вечер в замке, а ночью он с неохотой вновь сел в лодку, чтобы вернуться на корабль. Лодка вышла в море, но каравеллы не было видно. Гребцы продолжали свой труд, их монотонная песня

производила убаюкивающее впечатление. Дремота охватила дону Фернандо: предметы стали расплываться перед его глазами, и он потерял сознание. Придя в себя, он обнаружил, что находится в странной каюте в окружении незнакомцев. Где он? На борту португальского судна из Лиссабона. Как он сюда попал? Его бесчувственное тело было найдено на обломке, дрейфующем в океане. Судно прибыло в бухту Тагус и стало на якорь перед знаменитой столицей. Счастливый дон Фернандо сошел на берег и поспешил в отчий дом. Дверь ему открыл незнакомый привратник, который ничего не знал о нем и его семье: люди с таким именем многие годы не жили здесь. Тогда он разыскал дом своей невесты, донны Серафины. Он увидел ее на балконе и протянул к ней руки с возгласом восторга. Она взглянула на него с негодованием и поспешно удалилась. Он позвонил у двери, когда привратник открыл ему, кинулся к хорошо знакомой комнате и бросился к ногам Серафины. Она в ужасе попятилась и нашла спасение в объятиях молодого кавалера.

– Что это значит, сеньор? – вскричал последний.

– Какое право вы имеете задавать мне этот вопрос? – воскликнул дон Фернандо в бешенстве.

– Право жениха!

– О, Серафина! И это твоя верность? – произнес он с мукой в голосе.

– Серафина! Кого вы называете Серафиной, сеньор? Эту сеньору зовут Мария.

– Как?! – вскричал дон Фернандо. – Разве это не Серафина Альварес, та самая, чей портрет улыбается мне со стены?

– Пресвятая Дева! – произнесла молодая дама, взглянув на портрет. – Он говорит о моей прапрабабке!

С португальской легендой, которая была очаровательно пересказана Вашингтоном Ирвингом, мы должны сравнить приключения Порсенны, царя России, изложенные в шестом томе «Поэтического собрания» Додсли. Западный ветер унес Порсенну к отдаленным землям, где было очень красиво и всегда цвели цветы. Там он встретил принцессу, с которой приятно провел несколько недель. Однако, желая вернуться в свое царство, он простился с ней, пообещав вернуться через три месяца.

«Три месяца! Три месяца одной! – вскричала дева. —
Знай же, три столетья миновали,
Пока у ног моих любимый Феникс».
Как эхо повторил он: «Три столетья...
Три сотни лет прошли, пока я здесь?»

Когда он вернулся в Россию, его настигло всепобеждающее время и он умер. Почти такая же легенда есть в Ирландии.

Таким же образом Ожье Датчанин обнаружил, что провел в Авалоне много времени. Однажды его конь Папиллон увлек его по дороге света в таинственную Яблочную долину, где он спешил к источнику, вокруг которого росли кусты, покрытые благоухающими цветами. Возле него стояла прекрасная дева, которая протянула Ожье золотую корону, увитую цветами. Он надел ее и в тот же миг забыл о своем прошлом, о битвах и любви к славе. Карл Великий и его рыцари стали в его памяти просто сном. Он видел только Моргану и желал лишь одного – провести вечность у ее ног. Однажды корона соскользнула с его головы и упала в источник, к нему тут же вернулась память, а мысли о его друзьях, родных и воинской доблести нарушили его безмятежность. Ожье попросил Моргану позволить ему вернуться на землю, и она согласилась. Он обнаружил, что за несколько часов, проведенных им в Авалоне, прошло двести лет. Карла Великого, Роланда и Оливера больше нет, на троне Франции сидит Гуго Капет, а династия Карла Великого сошла на нет. Ожье не обрел покоя во Франции и вернулся в Авалон, чтобы не покидать более фею Моргану.

В португальской легенде Остров Семи Городов, несомненно, является страной душ древних кельтов, населявших Иберийский полуостров. В ней сохранились такие древние

символы, как лодка, которая доставляет души на берег, великолепные пейзажи и прекрасный замок, но значение мифа было утрачено. Поэтому была сочинена история об испанской колонии, находящейся далеко в Западных морях, где нашли спасение беглецы, с которыми дон Фернандо встретился на призрачном острове.

Вера в существование этой страны была очень сильна в Ирландии в XI веке. Это ясно из того факта, что она вошла в народную мифологию скандинавов под названием Великая Ирландия. Вплоть до сокрушения скандинавского королевства на востоке Эрина в великой битве при Клонтарфе (1114) скандинавы много почерпнули из контактов с ирландцами, по этой причине у них появились ирландские имена, например Найал и Кормак, и ирландские суеверия. Название, которое они использовали для Острова Блаженных, находящегося в западных морях, было или Великая Ирландия, поскольку там говорили на гойдельском языке (это была колония душ кельтов), или Страна белых людей, потому что ее жители носили белые одежды. В средневековом видении рыцаря Овейна, которое является просто фрагментом кельтской мифологии в христианском облачении, рай был окружен светлой стеной, «белой и сверкающей, подобно стеклу», что напоминает о стеклянном дворце в Авалоне, а его обитатели «носили светлые одежды». Пятнадцать из них встретились ему в начале путешествия, и все они носили белые одеяния.

Следующая выдержка из исландских хроник упоминает об этой таинственной земле.

«Мар из Холума женился на Торкатле, их сыном был Ари. Шторм занес его к Стране белых людей, которую некоторые называют Великой Ирландией. Она находится в Западном море поблизости от Винланда¹¹⁷. Сказано, что она находится в шести днях пути от Ирландии, если плыть строго на запад. Ари так и не смог выбраться оттуда. Там он принял крещение. Храфн, который плавал в Лимерик, был первым, кто рассказал об этом. Он провел много времени в Лимерике, в Ирландии».

Это отрывок из «Книги о заселении земель», труда XII века. Беспокойный исландец, Бьёрн Боец Широкого Залива, покинул свой дом. Спустя долгое время, примерно в 1000 году уроженец того же острова по имени Гудлейв, занимавшийся торговлей между Исландией и Дублином, был захвачен ужасным штормом, пришедшим с востока, который отнес его далеко в Западные моря, где он прежде не бывал. Здесь он нашел землю, достаточно густо населенную, жители которой говорили на ирландском языке. Его команда предстала перед судом обитателей тех мест, которые собирались поступить с ними жестоко. Однако тут подъехал высокий человек, окруженный отрядом воинов, перед которым все население преклонило колени. Этот человек заговорил с Гудлейвом на северном наречии и спросил, откуда тот пришел. Узнав, что он из Исландии, он задал ему вопросы о людях, живущих в непосредственной близости от Широкого Залива, а потом дал ему кольцо и меч, чтобы он передал их дома друзьям. Затем он попросил его немедленно вернуться в Исландию и предупредить его родичей, чтобы они не искали его в этой новой стране. Гудлейв снова вышел в море и, благополучно достигнув Исландии, рассказал о своих приключениях, придя к выводу, что человек, которого он встретил, был Бьёрном Бойцом Широкого Залива.¹¹⁸

Другой исландец привез из Винланда двоих детей, которые рассказали, что неподалеку от их дома находится страна, где люди носят развевающиеся белые одежды и поют церковные псалмы. Северные ученые пытались отождествить эту Страну белых людей с Флоридой, где, как они полагают, располагалась валлийская колония, основанная Мадоксом в 1169 году. У меня почти нет сомнений, что это просто исландская версия ирландского суеверия, относящегося к Острову Душ, который находится за заходящим солнцем.

...На корабле своем хрустальном,

¹¹⁷ Америки

¹¹⁸ См.: *Saga* о Людях с Песчаного Берега. Кн. LXIV.

Куда уехал Мерлин с бардами своими,
Тот самый старый Мерлин, тайн владыка.
Возможно, что ковчег его был полон жизни,
И он повиновался господину.
Они достигли в нем Страны умерших,
Где, может, обретут они бессмертье,
Испив до дна блаженства воздух,
Что над Флатиннисом несет источник вечный,
Все ароматы смешивая, дабы
Создать тот ветер, что вечернею порою
Поет мелодию свою скитальцу.¹¹⁹

Флат Иннис – это газльское название западного рая. Макферсон в своем введении к «Истории Великобритании» рассказывает легенду, которая совпадает с теми, что были распространены среди кельтских народов. В давние времена в Скерре жил прославленный друид. Он сидел на берегу, обратившись лицом на запад, глаза его следили за заходящим солнцем, и он проклинал жестокие волны, что стоят между ним и далеким Зеленым Островом. Однажды, когда он, задумавшись, сидел на камне, в море поднялся шторм. Туча, под которой бушевали пенные волны, неожиданно опустилась на бухту, и из ее темных глубин показалась лодка с белыми парусами, наполненными ветром, и рядами блестящих весел, но без гребцов. Она, похоже, двигалась сама собой. Ужас охватил друида, и тут он услышал голос: «Поднимайся, и ты увидишь Зеленый Остров, где живут те, кто ушел!» Тогда он сел в лодку. В то же мгновение ветер изменился, туча окутала его со всех сторон, и в этом облаке лодка отплыла. Семь дней промелькнули над ним в тумане, а на восьмой волны взыграли, лодку окутала тьма, которая все больше сгущалась вокруг друида, а затем он услышал крик: «Остров! Остров!» Тучи рассеялись, волны успокоились, ветер стих, и лодку окружил ослепительный свет. Перед ним лежал Остров Мертвых, испускавший золотое сияние. Склоны его холмов покрывала зелень и прекрасные деревья, вершины гор окутывали прозрачные яркие облака, с них струились чистые потоки, чье журчание было подобно переливам арфы, которые исчезали в голубых заливах. Долины были открыты океану, листья деревьев, разбросанных по зеленым склонам, едва колыхались от легкого ветерка, все было тихим и ярким. Чистое осеннее солнце сияло с небес над полями. Оно не спешило на запад, чтобы упокоиться там, и не поднималось на востоке, а висело, словно золотой светильник, всегда озаряя Остров Блаженных.

Здесь в сверкающих залах жили души умерших, всегда цветущие и прекрасные, смеющиеся и веселые.

Удивительно, как живучи в людской памяти древние мифологические представления о смерти. Эта кельтская легенда о «Земле за морем», куда переносятся души после смерти, вошла в народную религию Англии. Гимн из коллекции Союза Воскресной Школы основан на этой древней друидической доктрине:

А встретимся ли мы на берегу том,
Где перестанут бесноваться волны,
Где душу никогда не потревожит
Печаль, в том вечности краю?
Достигнем после плаванья сквозь бури,
Благословенной гавани той, чтобы
Могли в ней бросить якорь и увидеть
Небесные блаженства берега?

И встретим ли мы тех, кого любили
И кто был вырван из объятий наших,
Услышим ли их голоса мы снова
И лица их узрим опять воочию?

Таков и гимн из коллекции графини Хантингтон:

Я судно на воду спущу, оставив землю,
Где грех царит, что души усыпляет.
Я для тебя все с радостью покину,
Чтоб к небесам уплыть с тобою.
Так приходи же, ветер, и неси
С собою бурю благодати вечной,
Чтобы вести корабль мой отсюда
На небо, где мое отныне место.
Где я ту гавань обрету, в которой
Забуду мир и все его грехи навеки.

Я могу процитировать стихотворение «Последнее путешествие», которое основано на гаэльской легенде, рассказанной Макферсоном:

Вперед! Туда! Сквозь шторм и волны,
Оставив все тревоги жизни,
Покинув дом и одр мой смертный,
Я поплыву к Земле блаженных.
Пусть темнота меня смущает
И подо мною катят волны,
Но сострадание, я знаю,
Поддержит душу на плаву
В смятенье тягостном моем.
Меня влекут потоки ливня
В угрюмый темный океан,
Где мой корабль одиноко
По водам темным заскользит.
О, как пугают рев и грохот!
Но все ж вперед, скорей навстречу
Блаженства берега сиянью!
О, капитан великий, славный,
Сидящий в белом одеянии
И победивший смерть и ад,
Ты Путь, и Истина, и Свет!
Поговори со тьмой ужасной
И попроси утихнуть волны,
Ведь, слышишь, ангелы взывают
Сейчас к душе моей с небес.
Теперь все сожаленья канут,
Печаль уйдет, и я навеки
Останусь здесь и буду песню
С детьми о счастье распевать.

Мне представляется крайне интересным проследить связи современного протестантизма с древними мифологиями, из которых он возник. В ранний период Отцы

Церкви заблуждались, считая древние ереси «поддельными» формами христианства, ибо они являются самостоятельными религиями, лишь слегка окрашенными христианством. Я уверен, что мы сделали ошибку такого же рода, рассматривая религиозный раскол в Англии в христианском ключе, учитывая то, с какой силой он проявился в малонаселенных местностях Корнуолла, Уэльса и восточных болотистых областях Йоркшира, где сильны кельтские элементы. Это абсолютно другое явление: его основой и движущей силой являются древние британские верования, постепенно перешедшие в христианство.

В соборе Святого Петра в Риме находится статуя Юпитера, лишенная своей молнии, которую заменили символические ключи. Таким же образом большинство религиозных верований низших сословий, которые мы считаем по существу христианскими, являются древними языческими, только с замененными христианскими символами. Это измененная история о хитрости Иакова: голос является голосом старшего брата, а руки и одежда принадлежат младшему.

Я уже приводил веру в ангельскую музыку, которая зовет за собой душу в качестве примера сохранившихся языческих представлений в народной протестантской мифологии.

Другой пример нашел воплощение в доктрине, согласно которой души умерших превращаются в ангелов. В иудаизме и христианстве ангелы и люди являются совершенно разными созданиями, сотворенными из разных материй. И иудей, и католик со столь же малой вероятностью могли смешать представления о них, как поверить в переселение душ. Но религия диссентеров отличается. Согласно представлениям друидов, души умерших охраняют живых. Ту же идею разделяли древние индийцы, которые почитали духов предков, питри, потому что они наблюдали за ними и оберегали их. Гимн «Я хочу быть ангелом», столь популярный в диссентерских школах, основан на древнем арийском мифе и поэтому представляет большой интерес, но никак не является христианским.

Еще один принцип, который противоречит христианскому вероучению, хотя и вытеснил его в народных верованиях, – это переселение души в рай сразу после того, как она покидает тело.

Апостолы учат нас о воскресении тела. Если мы прочтем Деяния святых Апостолов и их Послания внимательно, то удивимся, какое большое значение придается этой доктрине. Они разошлись по земле, чтобы проповедовать, во-первых, воскресение Христа, а во-вторых, следующее за этим воскресение христиан. «Ибо, если мертвые не воскресают, то и Христос не воскрес; А если Христос не воскрес, то вера ваша тщетна... Но Христос воскрес из мертвых, первенец из умерших... Как в Адаме все умирают, так во Христе все оживут»¹²⁰. Это ключевой момент в учении апостолов, он проходит через весь Новый Завет и находит отражение в трудах Отцов Церкви. Он занимает свое законное место в символе веры, и Церковь никогда не переставала весьма твердо настаивать на нем.

Но представление о душе, которая возносится на небеса, и о ее счастливом существовании после смерти не находит отражения в Библии или в богослужении любого направления церкви – греческого, римского или англиканского. Это было верование наших кельтских предков, и оно сохранилось в английском протестантизме, чтобы лишить доктрину воскресения ее власти в умах людей. И опять же у кельтов включение в священный внутренний цикл просветленных в точности соответствовало доктрине перехода, проповедуемой диссентерами. К ней относятся, согласно бардам, такие понятия, как «второе рождение» и «обновление», которые по сей день используют методисты, чтобы описать таинственный процесс перехода.

Однако вернемся к предмету настоящей статьи. Вот только один факт: я слышал о том, что некоего человека в Кливленде похоронили два года назад со свечой, пенни и бутылкой вина. Свеча должна была освещать ему путь, пенни он должен был отдать перевозчику, а вино должно было поддержать его силы, пока он путешествует на небо. Мне об этом

¹²⁰ 1 Кор., XV: 16—17, 20, 22.

рассказали сельские жители, которые посетили похороны. Это выглядит так, как будто плавание в иной мир является не просто фигурой речи, а реальностью.

Глава 21

Девы-лебеди

Я помню, как долго пробирался по узкому горному ущелью в Исландии. Мой маленький пони упорно поднимался по пыльному склону, ведущему, казалось, в никуда, и вдруг подъем неожиданно закончился обрывом, с высоты которого мне открылся чарующий вид. Далеко впереди сиял белоснежный, отливающий серебром горный пик, вдвойне прекрасный из-за того, что он покоился в небесной синеве.

Слева вздымались отвесные чернильно-черные скалы, покрытые льдами, с которых белая водяная пыль постоянно сыпалась в озеро, вблизи такое же темное, как и окружающие его горы, но вдалеке обретавшее голубизну, более яркую, чем у небесного свода над ним. Ни одна живая душа не нарушала тишину, что воистину было бы ужасным, слышен был лишь шум низвергающихся потоков. Единственными живыми созданиями были два лебедя, гордо плывущие по поверхности чистой воды.

Я никогда с тех пор не удивлялся тем суевериям, сопровождающим этих чистых, словно только что выпавший снег, славных птиц, обитающих в уединенных горных озерах. В первую ночь, которую я провел в палатке на этом острове, меня разбудила дикая ликующая музыка, как будто трубы играли на небесах. Я откинул полог, чтобы взглянуть вверх, и увидел диких лебедей, держащих путь к внутренним озерам. Они летели высоко, освещенные солнцем, похожие на кусочки золотой фольги в зеленом небе арктической ночи.

Их повадки, чистота оперения, удивительная песня, которые придают диким лебедям очарование и внушают любовь поэтам, обеспечили им место и в мифологии.

Древние индийцы, которые наблюдали, как в небе проплывают белые перистые облака, рассказывали о небесном озере, в котором купаются подобные лебедям апсары, воплощения этих нежных, светлых облачков. Древние арии были не в состоянии понять, что это за белые облака пара, и поэтому, поскольку они более или менее напоминали лебедей, скользящих по голубой воде, предположили, что они являются божественными созданиями, имеющими природу и внешний вид этих прекрасных птиц.

Слово «апсары» означает «те, кто идет в воду» (от *ap* «вода», *saras* – от *sr* – «идти»). Те, кто носил это имя, скользили, подобно лебедям, по поверхности небесного пруда, покрытого лотосами, или же, оставив на берегу свои одеяния из перьев, купались в прозрачном потоке в облике прекрасных дев. Эти девы-лебеди являются гуриями ведического рая, принимающими в свои объятия души героев. Иногда они снисходят на землю и становятся женами смертных, но вскоре их божественная природа берет верх, они расправляют свои светящиеся крылья и улетают в вечную лазурь небес. В другом месте я упоминал об апсаре Урваши и ее возлюбленном Пуруравасе. Сомадева рассказывает о приключениях Нишчаядатты, который поймал одну из таких небесных дев, полюбил ее всем сердцем, а затем потерял и последовал за ней в золотой город. Он повествует также, как Шридатта, увидевший одну из них, когда она купалась в Ганге, и нырнувший вслед за ней, оказался в чудесной подводной стране в компании своей возлюбленной.

В сборнике калмыцких сказок, названном «Сиддхи-Кур», которые являются переводами с санскрита, есть история о женщине, у которой было три дочери. Они по очереди пасли скот. Однажды потерялся бык, и в поисках его старшая дочь вошла в пещеру, где обнаружила огромное озеро, по голубым водам которого плавал белоснежный лебедь. Девушка спросила, не видел ли он ее быка, и лебедь ответил, что она получит его назад, если станет его женой. Девушка отказалась и вернулась к матери. На следующий день вторая дочь потеряла быка и пришла по его следам в пещеру. Она попала в загадочную страну, где увидела голубое озеро, по берегам которого росли цветы. По нему плавал серебряный лебедь. Она отказалась стать его женой, так же как и ее сестра. На следующий день то же

самое случилось с третьей сестрой, которая, однако, уступила желанию птицы.

У самоедов есть сказка о девах-лебедях. Два человека жили в безлюдной болотистой местности, где они охотились на лис, соболей и медведей. Один отправился в странствие, а другой остался дома. Первый встретил старуху, которая рубила березы. Он порубил для нее поленья и отнес в ее жилище. Старуха была ему благодарна, она попросила его спрятаться и посмотреть, что будет происходить дальше. Он укрылся и вскоре увидел, как появились семь девушек. Они спросили у старухи, сама ли она нарубила дров, а затем одна ли она сейчас. На оба вопроса та ответила утвердительно, и девушки удалились. Старуха позвала мужчину из его укрытия и велела ему идти следом и украсть платье одной из них. Он повиновался. Пройдя сквозь мрачный сосновый бор, он оказался у прекрасного озера, в котором купались семь дев, и схватил одеяние, которое было ближе всего к нему. Семь красавиц вернулись на берег и стали искать платья. Та, что не смогла найти своего, начала горько плакать и восклицать:

– Я стану женой того человека, что украл мое платье, если он вернет его мне.

Он ответил:

– Я не отдам тебе твою одежду из перьев, потому что ты расправишь крылья и улетишь от меня.

– Дай мне мое платье, я замерзла!

– Недалеко отсюда живут семь самоедов, которые днем бродят по окрестностям, а по ночам вешают свои сердца в своих жилищах. Раздобудь для меня эти сердца, и я верну тебе одежду.

– Я принесу тебе их через пять дней.

Тогда он отдал ей платье и вернулся к своему товарищу.

В назначенный день с неба спустилась девушка и попросила героя пойти с ней к ее братьям, чьи сердца он велел ей добыть. Они вошли в палатку, где мужчина спрятался, а девушка стала невидимой. Ночью вернулись семь самоедов, поужинали и подвесили свои сердца. Девушка-лебедь похитила их и принесла своему возлюбленному. Он разбил все, кроме одного, о землю. Когда сердца упали, братья испустили последний вздох. Однако герой не разбил сердце самого старшего. Тогда этот брат проснулся и стал умолять вернуть ему сердце.

– Некогда ты убил мою мать, – сказал самоед. – Оживи ее, и получишь назад свое сердце.

Тогда человек без сердца приказал своей жене:

– Иди в то место, где лежат мертвые. Там ты найдешь сумку, и в сумке этой находится ее душа. Вытряхни сумку над костями мертвой женщины, и та оживет.

Женщина сделала, как ей было приказано, и мать самоеда ожила. Тогда он разбил сердце о землю, и последний из семи братьев умер.

Но девушка-лебедь взяла свое сердце и сердце своего мужа и забросила их в воздух. Мать самоеда увидела, что у них нет сердец, и пошла на берег озера, где купались шесть девушек. Там она украла платье одной из них и не отдавала, пока хозяйка не пообещала вернуть сердца, которые были в воздухе. Так она и сделала, и ее платье было ей возвращено.

У минусинских татар эти загадочные дамы утрачивают и свое изящество, и красоту. Они обитают в семнадцатой области земли в черных как вороново крыло горах и являются свирепыми яростными демонами. Убивают жертву мечом и жадно пьют ее кровь, а насытившись, летают сорок лет. Всего их сорок, но порой они все соединяются в одну, так что иногда появляется только одна женщина-лебедь, а в другой раз небо темнеет от их многочисленных крыльев. Это описание легко позволяет отождествить их с облаками. Однако они не всегда являются злыми женщинами-лебедями, а могут быть и добрыми.

Хан Катая жил на берегу Белого моря у подножия мрачных гор. У него было две дочери – Кара Куруптью («черный наперсток») и Кезел Джибяк («красный шелк»). Старшая была злой и присоединилась к силам тьмы, она водила дружбу с яростными женщинами-лебедями, младшая же была прекрасной и доброй. Кезел Джибяк часто

прилетала в облике белоснежного лебедя в страну, где правили кудаи и семь их дочерей летали в облике белых лебедей, и купалась вместе с последними в золотом озере.

Семь кудаев, или татарских божеств, – это планеты. Кара Куруптью является вечерними сумерками, а Кезел Джибяк – рассветом, который поднимается в небе и задерживается среди плывущих перистых облаков. Кара Куруптью спускается в темную страну жестокосердных женщин-лебедей, где выходит замуж за их сына Джидар Моса («бронзовый»), грозовую тучу. Эти суровые дамы в облике лебедей у татар, конечно, напоминают нам κικνόμορφοι, как их называет Эсхил.

Античные мифы о лебеде необходимо рассмотреть более подробно. Их множество, так как каждое греческое племя имело свои собственные, и в дополнение к ним в религиозные верования постоянно вливались иноземные мифы. У греков лебедь был птицей муз и, таким образом, также Аполлона. Когда золотоволосый бог родился, лебеди приплыли по золотым водам Пактола и совершили семь кругов над островом Делос, распевая песни радости.

Семь раз на крылах белоснежных и резвых
Делоса вокруг берегов облетели те птицы,
Пели они, божества славя чудо рожденья,
Каждою песней своей утешая страдания Лето.
Вот почему Аполлон к своей лире чудесной
Семеро струн лишь приладил – они не успели
Песню восьмую начать, как свершилось рожденье.¹²¹

Это изображение белых облачков, плавающих вокруг поднимающегося солнца.

Музы, изначально бывшие нимфами, являются родственницами индийских апсар, и поэтому лебеди считаются их символами. За Эриданом в земле лигийцев некогда жил очень музыкальный царь, которого Аполлон превратил в лебедя.¹²²

«Кикн, покинув свое царство, в сопровождении его сестер оглашал зеленый берег, реку Эридан и лес своими печальными жалобами, когда его человеческий голос превратился в пронзительный крик, а его волосы покрыли серые перья. Длинная шея протянулась над его грудью, и перепонки соединили его покрасневшие пальцы. Перья покрыли его бока, а рот превратился в плоский клюв. Кикн превратился в новую птицу. Однако он не доверяет небесам и воздуху. Он часто бывает в прудах и широких озерах и, ненавидя огонь, выбирает воду».¹²³

Этот Кикн был сыном Сфенела, он считался также сыном Пелопии от Ареса и сыном Фирии от Посейдона. Сын Ареса жил в южной Фессалии, где убивал странников, пока Аполлон не отрубил ему голову и не поместил его череп в храм Ареса. Согласно другой версии истории, он был сыном Ареса от Пирены. Когда Геракл убил его, отец его был так взбешен, что боролся с героем всевозможными способами.

Кикн, сын Посейдона, был противником Ахилла, который победил его, и он тут же превратился в лебедя. Или же он был сыном Гирии, который бросился со скалы и обернулся птицей, по имени которой его и назвали, пока его мать растворилась в слезах и превратилась в озеро, по поверхности которого эта величавая птица могла скользить.

В мифе о Леде Зевс (небо) принял облик лебедя, окутался облаками и обнял свою возлюбленную Леду, которая, возможно, была матерью-землей ¹²⁴. У нее родились

¹²¹ *Каллимах*. Гимн к острову Делос.

¹²² См.: *Павсаний*. Описание Эллады. I, 30.

¹²³ *Овидий*. Метаморфозы. Книга вторая.

¹²⁴ Λήδα, возможно, происходит от *lada*, то есть женщина. Однако Леда имеет близкое сходство с Лето,

Диоскуры – утренние и вечерние сумерки – и, согласно некоторым источникам, прекрасная Елена, то есть Селена (луна). Мужем Леды был Тиндарей, это имя отождествляет его с громовержцем¹²⁵, и, таким образом, он является все тем же Зевсом.

Согласно кипрской легенде, Немезида, спасаясь от преследований Зевса, приняла облик лебедя и снесла яйцо, из которого родилась Елена. Немезида является норной, которая вместе со Стыдом, «покинув людей, ушла, *когда они покрыли свою светлую кожу* белыми одеждами, к бессмертным».

Лебедей держали и кормили как священных птиц на реке Еврот, а также почитали в Спарте в качестве символа Афродиты. Это неудивительно, так как Афродиту отождествляли с Еленой, луной, которая плыла в ночи, подобно серебряному лебедю, по глубокому темному небу-море. Поздний миф рассказывает, как Ахилл и Елена соединились на призрачном острове в Черном море, где им прислуживали белые птицы.¹²⁶

Дом лебедей, однако, находится на севере, и здесь мы в изобилии находим мифы об этих загадочных птицах.

«Старшая Эдда», созданная Сэмундом, рассказывает историю о троих братьях, сыновьях конунга финнов. Одного из них звали Слягфид, второго Эгиль и третьего Вёлунд, прототип английского бога-кузнеца Велунда. Они ходили на лыжах и охотились на диких животных. Они пришли в Ульвдалир и построили себе дом. Там было озеро, которое называли Волчьим. Однажды утром они увидели на берегу трех девушек, которые пряли лен. Рядом с ними лежали их лебяжьи одежды. Это были валькирии. Две из них – Хлядгуд (Лебяжьебелая) и Хервёр (Чудесная) – были дочерьми конунга Хлёдвера, третья – Эльрун – дочерью Кьяра из Валлянда. Они привели их в свой дом. Эгиль женился на Эльрун, Слягфид на Лебяжьебелой, а Вёлунд на Чудесной. Они прожили семь лет, а потом валькирии улетели прочь, ища битву, и не вернулись. Эгиль ушел искать Эльрун, Слягфид отправился на поиски Лебяжьебелой, а Вёлунд остался в Волчьих долинах. В немецкой истории о могущественном кузнеце, которая сохранилась в «Саге о Тидрике», этот случай не описан, но то, что этот миф существовал у тевтонцев, так же как и у скандинавов, ясно из поэмы о Фридрихе Одноглазом, произведения XIV века, где рассказывается история о странствиях героя в поисках его возлюбленной Ангельбурги. Случайно он наткнулся на источник, в котором купались три девушки, их одеяния из голубиных перьев лежали рядом. Виланд, у которого был корешок, делавший его невидимым, подкрался к берегу и похитил одно из платьев. Девушки, обнаружив пропажу, начали отчаянно плакать от горя. Виланд показался им и пообещал вернуть платье, если одна из них согласится стать его женой. Они приняли его условия, оставив за Виландом выбор, который пал на Ангельбургу. Он полюбил ее еще до того, как встретил. О Брунгильде, которую победил Сигурд и которая умерла за него, сказано, что она двигалась плавно, словно лебедь, плывущий по волнам. А о трех морских девах, у которых Хаген украл платье и которые описываются просто как «чудесные» в «Песни о нибелунгах», говорится: «...плыли, как птицы, пред ним в том потоке».

В Германии рассказывают историю о дворянине, который, охотясь в лесу, наткнулся на озеро, где купалась прекраснейшая девушка. Он подкрался и забрал у нее золотое ожерелье. Тогда она потеряла способность летать и стала его женой. Она родила сразу семерых сыновей, у каждого из которых на шее была золотая цепь, дававшая им ту силу, которой некогда владела их мать, – превращаться по желанию в лебедей. В «Кудруне» ангел появляется подобно плывущему лебедю.

«одетой в черное» (κτανότῃ πλός), которая получила свое имя от λανθάνω или λήθω, *lateo* и означает темноту, давшую рождение Аполлону, солнцу, и Артемиде, луне.

¹²⁵ По-английски имя царя звучит как *Tyndareus*, а громовержец – *thunderer*, поэтому автор и говорит о тождественности. (Примеч. пер.)

¹²⁶ См.: Павсаний. Описание Эллады. III, 19.

Гессенский лесник однажды увидел прекрасного лебедя, плавающего в уединенном озере. Очарованный его красотой, он приготовился застрелить его, но птица воскликнула: «Не стреляй, это будет стоить тебе жизни!» Поскольку лесничий не собирался последовать призыву, лебедь превратился в восхитительную девушку, которая подплыла к нему и рассказала, что она заколдована, но он сможет освободить ее, если будет читать ей «Отче наш» каждое воскресенье в течение двенадцати месяцев и не упомянет о том, что он видел, в разговоре со своими друзьями. Он пообещал, но нарушил свое слово и потерял ее.

Охотник из Южной Германии лишился своей жены и пребывал в глубокой печали. Он пришел к отшельнику и попросил его совета. Старик предложил ему отыскать уединенный пруд и ждать на берегу, пока не появятся три лебедя и не сбросят свои перья. Тогда ему следует украсть одно из платьев и ни за что не возвращать его, а сделать девушку, у которой он похитил одеяние, своей женой. Охотник так и сделал и счастливо прожил с прекрасной девой пятнадцать лет. Но однажды он забыл запереть шкаф, где хранил платье из перьев, жена нашла его, надела, расправила крылья и улетела, чтобы уже не вернуться. В некоторых сказках злая мачеха набрасывает белые юбки на своих приемных детей, и они сразу превращаются в лебедей. Похожая история, которая произошла с Хасаном из Басры, рассказана в сказках «1001 ночь».

Древние легенды о валькириях были неправильно поняты, когда христианство «выбросило» этих дев с небес. Сами истории изменились, чтобы объяснить эту трансформацию. Прелестные девушки не по своей воле теперь плавали по кристально чистым водам, а потому что были заколдованы. Так, в ирландской легенде о Фионуале, дочери Лира, рассказывается, что после смерти ее матери отец женился на злой Аоифе, которая превратила ее и остальных детей Лира в лебедей, и они столетиями должны были оставаться в облике птиц, пока не прозвонит первый колокол, призывающий к мессе.

Согласно другой версии легенды, особых условий, благодаря которым колдовство должно было разрушиться, не существовало. Но когда колокола прозвонили к мессе, четыре белые птицы прилетели с озера в церковь, где заняли скамью и сидели на ней день за днем, прижавшись друг к другу, демонстрируя почтительность и набожность. Очарованный благочестием птиц, святой Брендан помолился за них. Тогда они превратились в детей, их окрестили, после чего они умерли.

Существует славянская легенда о юноше, отдыхавшем в лесу. Ветер шелестел среди деревьев, наполняя его тихой грустью, которую невозможно выразить словами. И вот среди ветвей появился белоснежный лебедь, который спустился прямо на грудь юноши. Тот прижал его к сердцу и не дал вырваться. Тогда лебедь превратился в прекрасную девушку, которая последовала за ним в церковь, где они и обвенчались.

Причудливая исландская сага рассказывает о битве, случившейся на льду озера Венер, между двумя шведскими конунгами, которым помогал вождь Хельги, и королем Олавом Норвежским, коего поддерживал Хромунд, сын Грипа, обрученный с его сестрой, Лебязьбелой. Над головой бойцов летал большой лебедь. Это была Кара, любовница Хельги, превратившаяся в птицу. Своим волшебством она затупила оружие воинов короля Олава, и они начали отступать под натиском шведов. Но Хельги, подняв свой меч, случайно отсек лапу лебедю, который летал над его головой. С этого момента ход битвы изменился, и норвежцы одержали победу.

Это прекрасный повод задаться вопросом, не приобрело ли популярное изображение небесного воинства свои наиболее поразительные черты у языческих мифов. Наши представления о легких белоснежных одеяниях небожителей и их больших крыльях происходят из поздних греческих и римских изображений победы. Но не являются ли они теми самыми полуптицами-полуженщинами, произошедшими от ведических апсар, являвшихся всего лишь облачками, которых люди в древности считали небесными лебедями?

Глава 22

Рыцарь-Лебедь

«В древних подлинных хрониках читаем мы, что жил некогда в Лилефорте, называемом иначе Сильным островом, славный король, и имя его было Пьерон. Страна его была богатой и могучей. Взял он в жены Матабруну, дочь другого короля, не менее богатого и могущественного». От жены Матабруны у него родился сын Ориант, «каковой после кончины отца своего унаследовал трон и стал править королевством вместе с матерью своей Матабруной, и правил достойно, однако супруги у него не было».

Однажды король Ориант охотился в лесу на оленя и заблудился. Устав от долгой погони, он спешил к источнику, бывшего из покрытой мхом скалы.

«И уселся он под деревом, к которому привязал своего коня, чтобы немного перевести дух и успокоиться. А пока он вкушал свой отдых, приблизилась к нему очень печальная юная дева. Была она весьма благородного происхождения, звали ее Беатриса, и сопровождал ее некий знатный рыцарь с двумя товарищами, а также несколько девиц, бывших с ней для приятной беседы и увеселения».

Эта Беатриса стала женой Орианта, вызвав тем самым огромное неудовольствие Матабруны, которая до сих пор единолично правила замком. Она сразу же возненавидела свою невестку и во что бы то ни стало решила известить ее.

Не успел король прожить с Беатрисой и нескольких месяцев, как разразилась война, и он вынужден был оставить свой замок и возглавить армию. Перед тем как покинуть жену, король поручил ей заботиться о его матери, и Беатриса обещала беречь ее и относиться к ней со всей возможной любовью и почтительностью. «Когда пришел срок, назначенный всемогущим Господом, доброй и досточтимой королеве Беатрисе разрешиться от бремени, эта лживая матрона пришла к ней в надежде осуществить свои зловещие замыслы. И вот, в боли и муках, славная королева Беатриса подарила жизнь шестерым сыновьям и прекрасной дочери, и у всех детей на шее были серебряные ожерелья, в каковом виде они и вышли из материнской утробы. И когда королева Матабруна увидела семерых чад с серебряными ожерельями, велела она повивальной бабке втайне ото всех унести их, а после взяла семерых новорожденных щенков, что приготовила ранее, и, вымазав их в крови, положила подле королевы, словно бы это она родила их».

Затем Матабруна приказала своему слуге Марксу отнести семерых младенцев к реке и утопить их. Однако тот, сжалившись над детьми, отнес их в лес и оставил там на своем плаще, где их и нашел отшельник. Этот человек «взял их, завернул бережно в свою одежду, и, не сняв с них серебряных ожерелий, отнес их в свою уединенную бедную хижину, где постарался согреть и накормить их и сделать для них все, что было в его скромных силах». Из семерых детей один был прекраснее всех других. Набожный старец окрестил малышкой, а тому, кто превосходил остальных в красоте, дал имя Гелиас. «И когда они достигли самой прелестной и свежей поры своей ранней юности, то стали бегать по всему лесу, резвясь и играя среди деревьев и цветов».

Однажды случилось так, что слугитель при дворе королевы Матабруны, охотясь в лесу, увидел сидящих под деревом семерых ребятишек, которые ели дикие яблоки. У каждого на шее было серебряное ожерелье. Он рассказал старой Матабруне об этом чуде, и та тут же поняла, что это были ее внуки. Поэтому она приказала слуге взять с собой еще семерых человек, вернуться в лес и убить детей. Однако Господь смягчил сердца этих людей, и, вместо того чтобы убить малышек, они всего лишь сняли с них серебряные ожерелья. Однако им удалось найти только шестерых, потому что отшельник взял Гелиаса с собой просить милостыню. «В тот же миг, как сняли с них ожерелья, дети превратились в прекрасных белых лебедей воистину божественной красоты и грации. Они поднялись в воздух и стали кружить над лесом, издавая скорбные крики печали».

Гелиас вырос в лесу у своего крестного отца. Далее легенда рассказывает о том, как святому отшельнику во сне явился ангел и поведал, что это были за дети, как против Беатрисы было выдвинуто несправедливое обвинение и ее приговорили к казни, как

появился Гелиас и объявил ее невиновной и как оказались раскрыты козни Матабруны.

«Но вернемся же к дальнейшему рассказу о славном Гелиасе, Рыцаре-Лебеде. Упомянутый Гелиас, Рыцарь-Лебедь, высказал своему отцу, королю Орианту, просьбу, чтобы тот вернул ему серебряные ожерелья, принадлежавшие его пятерым братьям и сестре и отданные золотых дел мастеру. Король исполнил эту просьбу с величайшей готовностью и вручил ему украшения. Получив желаемое, Гелиас поклялся, что не успокоится до тех пор, пока не обойдет все пруды и болота и не отыщет своих братьев и сестру, обратившихся в лебедей. Господь наш, что посылает помощь тем, кто вершит добрые дела, даровал ему Свою милость. На реке, что протекала возле королевского замка, появились вдруг лебеди, и все люди узрели это чудо... В великом нетерпении король и королева сбежали вниз по лестнице, сопровождаемые множеством придворных, рыцарей и прочего люда, и поспешили к реке, дабы посмотреть на упомянутых лебедей. Король и королева не в силах были сдерживать слез жалости, глядя на своих несчастных возлюбленных детей, обращенных в птиц. Когда же лебеди увидели подошедшего к берегу Гелиаса, они будто обрадовались и стали резвиться в воде. Он приблизился к самой воде, и тогда лебеди подплыли к нему близко и начали ласкаться к нему, а он нежно гладил их перышки. После он показал им серебряные ожерелья, и все они выстроились перед ним по порядку. И на шеи пятерых из них он надел ожерелья, и они сразу стали обретать вновь свой настоящий человеческий облик, сделавшись такими, как раньше». Но, к несчастью, шестое украшение уже переплавили в серебряный кубок, и поэтому последний из братьев не смог превратиться обратно в человека.

Некоторое время Гелиас провел в отцовском замке, а потом жажда приключений позвала его вдале.

«Некоторое время славный король Гелиас мудро управлял королевством Лилефорт, и там царили мир и спокойствие. Однажды случилось так, что, сидя у окна замка и глядя на реку, заметил он лебедя, одного из его братьев, того, что не смогли превратить обратно в человека, поскольку ожерелье его было переплавлено в кубок для Матабруны. Лебедь этот тянул за собой ладью и привел ее к берегу, будто бы ожидая короля Гелиаса. И когда Гелиас увидел это, он сказал себе: «Вот знак, что посылает мне Господь; я должен плыть в другую страну, туда, куда лебедь этот приведет меня, и там искать ратных подвигов во славу Господа».

И вот Гелиас смиренно покинул друзей и родителей, перенес в ладью свои доспехи и вооружение, а также щит свой; а щит его был таков: на серебряном поле двойной золотой крест. И простился он с друзьями и родителями, каковые вышли на берег проводить его».

Примерно в это время Оттон, император Германии, устроил суд в городе Ноймагене, чтобы разрешить спор между Клариссой, герцогиней Бульонской, и графом Франкфуртским, оспаривавшим ее герцогство. Было решено, что истину установит поединок. Граф Франкфуртский собирался участвовать в нем лично, в то время как герцогиня должна была найти какого-либо бесстрашного воина, который сражался бы за нее и защитил ее честь.

«И вот сия достойная дама в смятении стала оглядываться по сторонам, пытаясь отыскать того, кто пожелает выступить на ее защиту. Но никто не вызвался помочь ей. Тогда она обратилась к Господу, смиренно прося Его послать ей помощь и защитить ее от злых нападков упомянутого графа».

Члены совета разошлись, все дамы и кавалеры разбрелись по берегу реки Мёз.

Вдруг плывет, к ладье прикован,
Белый лебедь по реке;
Спит, как будто очарован,
Юный рыцарь в челноке.
Алым парусом играет
Легкокрылый ветерок,
И ко берегу приплывает
С спящим рыцарем челнок.

Белый лебедь востепенулся,
Распустил криле свои;
Дивный плаватель проснулся —
И по Рейну обратно
С очарованной ладьей
Поплыл тихо лебедь статный
И сокрылся из очей.¹²⁷

Конечно, этим рыцарем был Гелиас, который сражался с графом Франкфуртским, победил его и завоевал любовь дочери герцогини. Так Гелиас стал герцогом Бульонским.

Однако он еще до свадьбы предупредил свою невесту, что если она когда-нибудь спросит его имя, то он покинет ее.

По истечении девяти месяцев жена Гелиаса родила дочь, которую окрестили Идан. Она стала впоследствии матерью Готфрида Бульонского, правителя Иерусалимского королевства, а также его братьев Балдуина и Евстафия.

Как-то ночью жена, нарушив запрет мужа никогда не спрашивать, кто он и откуда, все же задала ему вопрос о его имени и происхождении. С горечью он упрекнул ее в том, что она не исполнила его просьбы, покинул супружеское ложе и сказал своей супруге «Прощай». В то же мгновение на реке снова появился лебедь, тянущий за собой ладью, и криками стал призывать своего брата. Итак, Гелиас ступил в лодку, и лебедь увлек его прочь с глаз опечаленной дамы.

Повествование в романе о Гелиасе продолжается вплоть до времен Готфрида Бульонского, но я, пожалуй, остановлюсь здесь, поскольку дальнейшая история уже не имеет отношения к мифу, который послужил предметом моего исследования. Это очень древняя и известная легенда. Ее связывают с именами Лоэнгрин, Лоэрангрин, Сальвия и Жерара Лебеда, в то время как его супруга звалась Беатрисой Клевской или Эльзой Брабантской. В XII веке, судя по всему, в качестве места, где разворачивались эти события, окончательно были избраны земли в нижнем течении Рейна.

Вероятно, самое раннее упоминание этой легенды встречается у Вильгельма Тирского (1180), который заявляет: «Мы намеренно опустим легенду о Лебеде, хотя многие и считают ее истинной, от которого он¹²⁸ якобы ведет свой род, поскольку она полностью лишена правды». Следующим, кто рассказывает о ней, становится Гелинанд (ок. 1220). Его цитирует Винсент из Бове: «Есть в Кельнской епархии известный всем большой замок, возвышающийся над Рейном, и называется он Ювамен. Однажды здесь, в день, когда собралось в замке множество знати, появился на реке челнок, который тянул лебедь, запряженный в него при помощи серебряной цепи. Не известный никому рыцарь на глазах у всех выпрыгнул из челнока на берег, а лебедь с лодкой уплыл обратно. Рыцарь этот впоследствии женился и родил детей. В один прекрасный день, находясь в своем замке, он снова увидел на реке лебедя с серебряной цепью на шее, влекущего за собой челнок. В ту же минуту он опять взобрался на него, и больше рыцаря никогда не видели, но потомки его живут и поныне».

Якоб ван Марлант (р. 1235) в своем «Зеркале истории» также касается этой легенды. Н. де Клерк в своем труде 1318 года пишет: «Прежде о герцогах Брабантских рассказывали лживые сказки, будто бы их предок приплыл на лебеде». Ян Вельденар (1480) сообщает следующее: «И вот однажды эта добрая дева из Клеве стояла на берегу возле Нимвегена. Погода была ясная, и она любовалась Рейном. И представилось ее очам странное зрелище: по воде плыл белый лебедь, на шее у которого была золотая цепь, и тянул он за собой

¹²⁷ Саути Р. Радигер / Перевод В.А. Жуковского.

¹²⁸ Готфрид Бульонский

ладью...» и так далее.

Существует исландская сага о Рыцаре-Лебеде, переведенная с французского Робертом Монахом в 1226 году. В парижской Королевской библиотеке хранится роман объемом около 30 000 строк с таким же сюжетом, начатый неким Рено и законченный Ганадором де Дуаем. В Британском музее есть сборник французских романов, в который в числе прочих входит и «История Рыцаря-Лебеда», рассказанная в 3000 строках.

Более короткая поэма на ту же тему была перепечатана господином Уттерсоном с рукописи, хранящейся в библиотеке Коттона. Позднее Перси и Уортон цитировали ее в качестве раннего образца аллитеративного стихосложения. Она явно датируется временем не позднее правления Генриха IV.

Следующий роман в прозе, посвященный Гелиасу, принадлежит перу Пьера Десре и называется «Деяния и подвиги доблестного Готфрида Бульонского, а также некоторые хроники и рассказы» (Париж, дата выхода неизвестна). «Генеалогия, подвиги и славные деяния храброго и знаменитого правителя Готфрида Бульонского и его братьев, рыцарей Балдуина и Евстафия, благородных и прославленных потомков доблестного Рыцаря-Лебеда» (Париж, 1504, а также Лион, 1580). Часть этой книги была переведена на английский язык и выпущена Винкином де Вордом («История Гилиаса, Рыцаря-Лебеда, напечатанная Винкином де Вордом», 1512). Полностью ее издал Кекстон под заглавием «История последней осады и завоевания Иерусалима, содержащая в себе также и многие другие рассказы» (Вестминстер).

Своего «Гелиаса» Роберт Копланд составил из перевода первых тридцати восьми глав французских «Деяний и подвигов» и посвятил его «могущественному и прославленному лорду Эдуарду, герцогу Букингемскому», потому что тот происходил по прямой линии от Рыцаря-Лебеда. Этот вельможа был обезглавлен 17 мая 1521 года.

Едва ли нам нужно продолжать искать данную историю в других переводах.

Роман в том виде, в каком он известен нам, представляет собой объединение двух четко различных мифов. Один из них – это история о детях-лебедях, другой – о рыцаре-лебедь. Составитель романа присоединил первую легенду ко второй, чтобы объяснить ее. В ее изначальном варианте ничего не известно о происхождении рыцаря, который приплыл на ладье, ведомой лебедем, в Ноймаген, или в Клеве, а затем снова исчез. Никто не знает, кто он, и Хейвуд в своей «Иерархии святых ангелов» (1635) выдвигает предположение, что это был один из злых духов, называемых *инкубами*. Однако сочинитель разрешил эту загадку, предварив историю женитьбы рыцаря на герцогине рассказом о превращении в лебедей, схожей с легендой о Фионуале, о которой я говорил в предыдущей главе.

Оставим легенду о детях-лебедях и посвятим наше внимание изначальному мифу.

Местом его происхождения стала та пограничная земля, где встречались германцы и кельты и где легенды о нибелунгах переплелись с преданиями об Артуре и Святом Граале.

Лоэнгрин принадлежит к рыцарям Круглого стола; героя, который приходит на помощь Беатрисе Клевской, зовут Эли Грейл. Пигге сообщает, что в древних летописях сказано, будто Эли был родом из благословенной земли, где располагался рай земной, называющейся Грэль. А имя Гелиас, Гелий, Эли или Сальвий есть не что иное, как искаженное кельтское *ala, eala, ealadh*, то есть «лебедь». Я полагаю, что история Рыцаря-Лебеда – это миф брабантского происхождения. То, что это не выдумка романиста, становится очевидным, если рассмотреть внимательнее разнообразные вариации сюжета, что мы и сделаем.

1. Лоэнгрин.

Герцог Лимбургский и Брабантский умер, оставив после себя единственную дочь, Эльзу, или Эльзам. На смертном одре он препоручил ее заботам Фредерика фон Тельрамунда, храброго рыцаря, победившего дракона в Швеции. После смерти герцога последний стал требовать, чтобы Эльза вышла за него замуж, утверждая, будто ее руку обещал ему ее отец. После того как Эльза отказала ему, он обратился к императору, Генриху Птицелову, прося у того позволения в честном поединке доказать свое право, выступив

против рыцаря, которого изберет Эльза.

Разрешение это было ему даровано, и напрасно искала герцогиня заступника, который сражался бы за нее против прославленного Фредерика фон Тельрамунда.

В ту же минуту далеко-далеко от тех мест, в священном храме Грааля в Мунсалвеше, зазвонил колокол – знак того, что кому-то требуется помощь. На это дело призван был Лоэнгрин, сын Персиваля. Он уже вдвинул ногу в стремя, не зная еще, куда ему предстоит отправиться, как вдруг на реке появился лебедь, тянущий за собой лодку. Как только Лоэнгрин увидел это, он воскликнул: «Отведите лошадь обратно в конюшню, я поплыву с этой птицей туда, куда она приведет меня!»

Уповая на Божью помощь, он не взял с собой никакой провизии. После пяти дней пути лебедь поймал рыбу, половину которой проглотил сам, а другую отдал рыцарю.

В это время Эльза, видя, что день поединка приближается, а рыцаря, готового выступить за нее, так и не нашлось, уже совсем было отчаялась. Но в час, когда оглашали имена участвующих в единоборстве, на реке появилась лодка, влекомая серебристо-белым лебедем, в которой, укрывшись щитом, спал Лоэнгрин. Птица подвела лодку к берегу, рыцарь проснулся и сошел на землю, а лебедь скрылся из вида.

Услышав рассказ о злключениях герцогини Эльзы, Лоэнгрин тотчас вызвался сражаться за нее. Рыцарь Грааля победил и убил Фредерика. Тогда Эльза отдала ему свою руку и сердце, но он, женившись на ней, поставил одно условие: Эльза никогда не должна была спрашивать о его происхождении. Некоторое время они прожили счастливо. Однажды на турнире Лоэнгрин сбросил с коня герцога Клевского, и тот сломал руку, а герцогиня Клевская при этом воскликнула: «Этот Лоэнгрин, может быть, и силен, и, возможно, христианин, но кто знает, какого он рода и племени!» Слова эти достигли ушей герцогини Брабантской, и она, опустив голову, покраснела.

Ночью Лоэнгрин услышал ее рыдания и спросил: «Что опечалило тебя, моя возлюбленная?»

Она ответила: «Слова герцогини Клевской уязвили меня».

Больше он ничего не спрашивал.

Следующей ночью она опять плакала, Лоэнгрин снова спросил, в чем причина ее слез, и получил тот же ответ.

На третью ночь она не выдержала и произнесла: «Не сердись, муж мой, но я должна знать, кто ты и откуда».

Тогда Лоэнгрин ответил ей, что имя его отца Персиваль, что он рыцарь Святого Грааля и Господь послал его на помощь ей. После этого он подозвал к себе детей и, поцеловав их, сказал: «Вот вам мой рог и мой меч, берегите их; а вот, жена моя, кольцо, что дала мне мать, никогда не расставайся с ним».

Когда занялся рассвет, снова появился на реке лебедь, запряженный в ладью. Лоэнгрин взошел в нее и уплыл в неизвестные дали. Никто его больше не видел.

Такой предстает эта история в старинной немецкой поэме о Лоэнгрине, напечатанная Гёрресом с рукописи из Ватикана, а также в великом «Парцифале» Вольфрама фон Эшенбаха (стихи 24, 614—24, 715).

2. История рыцаря-лебедя Конрада Вюрцбургского в общих чертах напоминает сказания о Лоэнгрине и Гелиасе, но имя героя не называется. Он женится на дочери покойного Готфрида Брабантского и сражается против герцога Саксонского. Дети его положили начало великим родам Гелдерна и Клеве, на гербе которых был изображен лебедь.

3. Жерар Лебедь.

Однажды Карл Великий стоял у окна и смотрел на Рейн. Вдруг он заметил плывущего по воде лебедя, к шее которого шелковой лентой был привязан челнок. Когда лодка приблизилась к берегу, лебедь перестал грести, и император увидел, что в челноке сидел вооруженный с ног до головы рыцарь. На шее у него висела лента, к которой было

прикреплено послание. Навилон (Нибелунг), один из людей императора, протянул незнакомцу руку, помог ему выбраться на берег и препроводил к Карлу. Монарх спросил рыцаря, как его зовут, но тот вместо ответа указал на записку на своей груди. Император прочел ее. Там говорилось, что Жерар Лебедь прибыл, чтобы искать себе жену и владения.

Навилон помог рыцарю снять доспехи, а император дал ему богатый плащ, и все сели за стол. Когда Роланд увидел незнакомого человека, то спросил, кто это. Карл ответил: «Он послан Господом». – «Судя по всему, он бесстрашный воин», – заметил Роланд.

Жерар доказал, что он храбрый рыцарь и хорошо послужил императору. Вскоре он научился разговаривать. Король очень полюбил его и отдал ему в жены свою сестру, а также сделал его герцогом Арденнским.

4. Гелиас.

В 711 году в замке Нимвеген жила Беатриса, единственная дочь Дитриха, герцога Клевского. Однажды в солнечный день она сидела возле окна, любовалась Рейном и увидела на реке лебедя, который на золотой цепи тянул за собой лодку. В лодке сидел Гелиас. Он сошел на берег, завоевал ее сердце, стал герцогом Клевским и много лет прожил с ней в мире и согласии. Одно лишь было помехой счастью герцогини: она не знала, откуда происходил ее супруг, а он строго-настрого запретил ей об этом спрашивать. Но однажды она нарушила запрет и поинтересовалась, кто же ее муж. Тогда он передал детям свой меч, рог и кольцо, завещал никогда не расставаться с этими вещами и, войдя в лодку, которая вернулась за ним, уплыл навсегда. Одна из башен Клеве в честь этого события называется Лебединой, а ее крыша увенчана лебедем.

5. Сальвий Брабо.

Готфрид-Карл был королем Тонгра и жил в Мегене-на-Мёзе. У него был сын по имени Карл-Юнах, от которого он отрекся за какой-то проступок. Карл-Юнах бежал в Рим, где влюбился в Герману, дочь проконсула Луция Юлия, и вместе с ней покинул Вечный город. Они сели на корабль, направлявшийся в Венецию, а затем на лошадях добрались до Бургундии и достигли Камбре. Оттуда они продолжили свое путешествие до местечка под названием Сен и, очутившись в прелестной долине, спешили, чтобы немного отдохнуть. Здесь произошло следующее: лебедь, которого хотел подстрелить один из слуг, укрылся в объятиях Германы, и та, восхищенная и очарованная им, спросила у Карла-Юнаха, как будет «лебедь» на его родном языке. «Свана», – ответил он. «Тогда с этого дня я буду называться этим именем», – сказала она, – потому что, если я оставлю свое прежнее имя, кто-нибудь может узнать меня и нас разлучат».

Затем они продолжили свой путь, дама взяла лебедя с собой и кормила его из своих рук.

Они добрались до Флоримона, что возле Брюсселя, и там Карл-Юнах узнал, что отец его умер и теперь он стал правителем Тонгра. Вскоре после того, как они прибыли в Меген, жена его родила сына, которого назвали Октавиан, а на следующий год дочь, получившую имя Свана. Через некоторое время Ариовист, король Саксонии, развязал войну против Юлия Цезаря. Карл-Юнах объединился с Ариовистом и пал в битве при Безансоне. Жена его, Свана, опасаясь преследований своего брата Юлия Цезаря, забрав тело мужа, бежала с детьми в Меген. Там она похоронила Карла-Юнаха и каждый день кормила на его могиле лебедя.

В римской армии служил храбрый воин по имени Сальвий Брабо, который происходил от Франка, сына Гектора Троянского. Цезарь отдыхал в Клеве, а Сальвий Брабо развлекался тем, что стрелял птиц в соседних лесах. Однажды он вышел на берег Рейна. В прозрачных водах плавал белоснежный лебедь и, забавляясь, потягивал за веревку, которая привязывала к берегу маленький челнок. Сальвий прыгнул в лодку и отвязал ее. Лебедь поплыл впереди, словно указывая дорогу, и Сальвий стал грести, плывя вслед за ним. Поравнявшись с замком Меген, лебедь выбрался из воды и полетел к могиле Карла-Юнаха, где хозяйка обычно

кормила его. Сальвий, держа в руке лук, последовал за ним и уже готов был выпустить стрелу, когда окно замка отворилось и какая-то дама на латыни прокричала ему, чтобы он не трогал птицу. Сальвий повиновался и, опустив лук, вошел в замок. Там он узнал историю его хозяйки. Он поспешил к Юлию Цезарю и рассказал тому, что его сестра живет поблизости. Вместе они отправились в замок, и обрадованный император прижал Герману к груди. Сальвий Брабо попросил отдать ему в жены юную Свану, и Юлий Цезарь с готовностью исполнил его просьбу, одновременно пожаловав ему титул герцога Брабантского. Октавиан взял имя Германик и сделался правителем Кельна, а Тонгр стал с тех пор называться Германией, по имени своей королевы, сестры императора.

В память о прекрасной легенде о Рыцаре-Лебеде Фридрих II Бранденбургский учредил в 1440 году орден Лебеда, который представлял собой цепь с подвешенным к ней образом Пресвятой Девы и изображением лебедя под ним. Символом клеветского рыцарского ордена также был серебряный лебедь, подвешенный на золотой цепи. В 1453 году герцог Адольф Клевский устроил в Лилле турнир «от имени Рыцаря-Лебеда, слугителя дам».

13 мая 1548 года герцог Клевский наградил участников состязаний серебряным лебедем немалой ценности. Карл, герцог Клевский, попытался в 1615 году возродить орден Лебеда. Когда Клеве был завоеван Пруссией, граф Барский постарался убедить Фридриха Великого воскресить орден, но безуспешно. Вместе с Анной Клевской белый лебедь перебрался на вывески английских таверн.

Эта легенда является бельгийским религиозным мифом. Подобно тому как кельтские предания об Островах Блаженных рассказывают о смертных, сумевших совершить путешествие на корабле в Авалон и затем вернуться назад, так и бельгийская легенда повествует о жителе некоего далекого рая, приплывшем в лодке к этим необитаемым берегам, а затем оставившем их.

В первом случае счастливый смертный живет с божественной девой и остается вечно юным, во втором – неземное создание соединяется на время с земной женщиной и становится прародителем аристократического рода.

Существует англосаксонская легенда, в которой можно отыскать следы этого мифа. К берегам Скандии однажды приплыла лодка без руля и ветрил, в ней лежал спящий мальчик, укрытый щитом. Местные жители приняли его и воспитали, дав имя Скильд Скевинг (сын челнока). Со временем он стал их королем. В «Беовульфе» говорится, что он правил долго, а когда почувствовал, что приближается его смерть, то приказал своим людям положить его в полном вооружении в лодку и пустить ее в море. Среди норвежцев такие вещи были распространены. Короля Хаки, когда он умер, положили на корабль, который подожгли и пустили по волнам. То же самое рассказывают и о Бальдре. Но плавание мертвых в скандинавской мифологии не имело никакого значения, в то время как для кельтов в нем был заложен глубокий смысл. Скандинавская Валгалла, в отличие от кельтского Авалона, что лежал в море за заходящим солнцем, располагалась на вершине высокой горы. Соответственно, я делаю вывод, что обычай германских и северных народов класть умерших в лодки является заимствованным, а не местным.

В связи с мифом о Гелиасе заслуживает упоминания и античная легенда о Гелиосе, проплывающем по небу в своей золотой ладье. Образы солнца и луны, путешествующих по небесам в золотой или серебряной лодке, являются общими для многих мифологий. На первый взгляд кажется весьма вероятным, что Гелиас – это то же самое, что Гелиос, но каким образом классическое божество очутилось в Брабанте, понять невозможно. Я все же думаю, что имя Гелиас происходит от кельтского названия лебеда.

То, что рыцарь вынужден покинуть свою жену, когда она задает вопрос о его происхождении, связывает этот миф с легендой о Граале. Согласно правилам ордена Святого Грааля, каждый рыцарь должен был вернуться в храм ордена, как только кто-нибудь спросит о его родословной или службе. В известной легенде причина этого не объясняется, поскольку миф о Граале исконно кельтский и корни его уходят в таинства друидов.

Я не буду приводить здесь сведения о различных изданиях Лоэнгринга, Гелиаса и

прочих легенд о рыцаре-лебедь, поскольку все основные труды уже были перечислены мною выше.

Глава 23 Святой Грааль

Когда сэр Ланселот прибыл к королю Пелесу, то, как рассказывает сэр Томас Мэлори, «они поприветствовали друг друга и вошли в замок, чтобы вкушать пищу. Вдруг в окно влетела голубка, которая несла в клюве маленькую золотую курильницу, и в воздухе разлился такой аромат, как будто все благовония мира были там. И тотчас стол их оказался заставлен всеми яствами и напитками, какие они только могли пожелать. И пришла прекрасная юная дева, которая несла в ладонях золотую чашу. Король преклонил колени и прочел молитву, и все, кто был там, сделали то же самое.

– Иисусе! – воскликнул Ланселот. – Что же это может значить?

– Это – величайшее сокровище, каким только может владеть смертный, – отвечал король. – И когда оно будет утрачено, Круглый стол распадется. Знай же, что ты видел сейчас Святой Грааль».¹²⁹

Следующим, кому суждено было увидеть священный сосуд, стал набожный сэр Борс. После того как он узрел оный, «его проводили в просторный покой, где вокруг было множество запертых дверей. И когда сэр Борс заметил все эти двери, он отослал всех людей, чтобы никого не осталось рядом с ним. При этом, однако, он не стал снимать доспехов и прямо в них улегся на ложе. И вот увидел он свет, в котором разглядел тяжелое длинное копье, чей наконечник был направлен прямо на него. И показалось сэру Борсу, что наконечник этот горит, подобно свече. Вдруг копье вонзилось ему в плечо, нанеся рану в ладонь глубиной, которая причинила сэру Борсу большие страдания».

Однажды, когда король Артур и его приближенные вкушали ужин в Камелоте, они «неожиданно услышали треск и грохот грома и подумали, что все сейчас обратится во прах. И не смолк еще раскат грома, как солнечный луч, в семь раз более яркий, чем виден днем, проник в покои, и их осветила благодать Святого Духа. Тогда рыцари посмотрели друг на друга, и каждый показался остальным намного прекраснее, чем прежде. Долгое время никто из них не мог вымолвить и слова, поэтому они взирали друг на друга, словно немые. Затем появился в зале Священный Грааль, накрытый белой парчой, но никому не дано было увидеть его и того, кто нес его. Зал наполнился прекрасными ароматами, а перед каждым из рыцарей появились те кушанья и напитки, которые он предпочитал всяким другим. А когда Грааль пронесли по всему залу, то священный сосуд неожиданно исчез, и никто не мог понять, как это произошло».

Тогда рыцари один за другим поднялись со своих мест и поклялись отправиться на поиски Святого Грааля и не возвращаться за Круглый стол, пока они не увидят чашу яснее, чем ныне.

Мы должны покинуть рыцарей в начале их поисков и обратиться для изучения истории Грааля к роману о нем – «Персивалю» Кретьена де Труа, – написанному в конце XII века, а также «Титурелю» и «Парцифалю» Вольфрама фон Эшенбаха, переводов на немецкий язык с произведений, которые появились еще ранее романа Кретьена де Труа.

Когда копье пронзило тело Христа, из раны потекли кровь и вода. Иосиф из Аримафеи собрал кровь в чашу, из которой Спаситель пил на Тайной вечере. Взбешенные иудеи бросили Иосифа в тюрьму и оставили умирать там от голода. Но сорок два года, проведенные в темнице, он восстанавливал свои силы и получал пропитание из священного сосуда, которым владел. Тит освободил Иосифа из тюрьмы и принял от него крещение, после чего Иосиф отправился в Британию, везя с собой чашу с кровью, или Грааль. Перед смертью

¹²⁹ Мэлори Т. Смерть Артура.

он доверил священное сокровище своему племяннику. Однако, согласно другой версии легенды, Грааль хранился на небесах, пока не появилось на земле поколение героев, достойных того, чтобы охранять его. Прародителем этого племени стал азиатский правитель Перилл, который прибыл в Галлию, где его потомки породнились с семьей бретонского князя. Титурель, который принадлежал к этому героическому роду, был одним из тех, кого Господь избрал, чтобы начать почитание Святого Грааля у галлов. Ангелы принесли ему сосуд и поведали о тайнах его. Титурель воздвиг для Грааля огромный храм по образу иерусалимского. Он поставил стражу у чаши и учредил церемониал поклонения ей. Говорят, что Грааль могут увидеть только крещенные люди, и то лишь частично, если они запятнаны грехом. Единственным, кто может увидеть его во всей красе, является человек чистый сердцем.

Каждый год в Страстную пятницу с небес спускается белая голубка и приносит просфору, которую кладут перед Граалем. Святая чаша предсказывает будущее: на ее поверхности чудесным образом появляются картины, которые затем исчезают. Духовные блага сопровождают ее лицезрение и защиту; хранители и те, кто заслужил право увидеть Грааль, всегда ощущают загадочную радость, предвкушение Рая. Материальные блага легче описать. Грааль снабжает тех, кто ему поклоняется, кушаньями и напитками, которые они предпочитают всяким другим, и поддерживает в людях вечную молодость. В день, когда они увидели святой сосуд, его хранители не могут быть ранены или страдать от боли. Если они будут воевать в течение восьми дней после его лицезрения, они могут подвергнуться ранению, но не погибнут на поле боя.

Каждая деталь в конструкции храма полна загадок. Он был возведен на горе Мунсалвеш из драгоценных камней, золота и дерева алоэ, имел форму круга и три главных входа. Рыцари, которые охраняли Грааль, являли собой образцы добродетели. Плотская любовь, даже в рамках супружества, была строго запрещена. Даже мысль о страсти затуманит взор и скроет таинственный сосуд. Глава этих рыцарей носил титул Короля. Поскольку его обязанности передавались по наследству, ему разрешено было жениться.

Когда вера или истина находились в опасности, в часовне Грааля звонил колокол и рыцарь должен был выйти с мечом в руке на ее защиту. Где бы он ни был, если ему зададут вопрос о его жизни и службе в храме, он должен отказаться отвечать и немедленно вернуться в Мунсалвеш.

Титурель правил четыреста лет, а выглядел, казалось, на сорок. После него его обязанности стал выполнять его сын Фримутель, который нарушил обет, полюбив деву по имени Флорами. Соответственно он утратил благоволение Грааля и пал в поединке, затаенном, дабы доставить удовольствие и прославить имя своей любимой.

Ему наследовал его сын Анфортас, который совершил тяжкий грех, и потому Грааль допустил, чтобы копьё ранило его. После этого было объявлено, что его рана не заживет, пока в Мунсалвеш не придет тот, кто будет юн и чист и кто увидит тайны священного сосуда и постигнет их значение.

Анфортас – это Пелес или же Пелам из «Смерти Артура».

Прошли годы, раненый король продолжал оставаться в замке. Братство Грааля разрушилось, и о существовании храма и таинственных ритуалов почти забыли. Сэр Томас Мэлори приводит другой рассказ о ранении короля, чем тот, что изложен в «Повести о Граале», и ставит выздоровление короля в зависимость от прибытия целомудренного рыцаря, который добудет для него святую кровь.

Через много лет Галахад, Добрый Рыцарь явился ко двору короля Артура и отправился вместе с другими на поиски Грааля.

Давайте же последуем за Ланселотом, плывущим на корабле.

«Поднялся ветер и бросал сэра Ланселота по морю больше месяца, он почти не спал и молился Господу о том, чтобы увидеть Святой Грааль. И случилось так, что как-то в полночь, когда ярко светила луна, он пристал к берегу у некоего большого богатого замка, вход в который располагался со стороны моря. Ворота его были распахнуты, и их охраняли

два льва».

«И вдруг Ланселот услышал голос, который произнес: «Ланселот, сойди же с корабля и войди в замок, там ты увидишь многие из твоих желаний исполненными». Тогда он бросился к своему оружию, надел доспехи и подошел к воротам, где увидел львов. Он положил ладонь на рукоять меча и уже вытащил его, как вдруг появился карлик, который ударил его по руке с такой силой, что вышиб меч из его пальцев. Тогда он услышал голос, произнесший: «О муж, слабый духом и не имеющий веры! Почему ты полагаешься больше на свое оружие, чем на твоего Создателя? Ведь тот, кому ты служишь, помогал тебе больше, чем твои доспехи...» И вошел сэр Ланселот, так и не снявши доспехов, и обнаружил, что все двери и ворота открыты. Наконец он нашел покой, дверь которого была закрыта. Он поднял руку, чтобы открыть ее, но не сумел. Тогда он приложил все свои силы, чтобы отворить ее. Он прислушался и услышал голос, который пел так нежно, что, казалось, не мог принадлежать земному созданию. Голос тот, чудилось ему, повторял: «Радуйся и славься, Отец небесный!» Тогда сэр Ланселот опустился на колени перед тем покоем, ибо понял, что в нем находится Святой Грааль. И сказал он: «Пресветлый и милостивый Отче Иисусе Христе! Если я хоть раз свершил что-то, чтоб заслужить Твою милость, сжался надо мной, несмотря на мои прошлые прегрешения. Дай мне увидеть хоть частицу того, что я ищу».

«И вот узрел он, как дверь покоя отворилась, и оттуда излился яркий свет, как будто все факелы мира горели там. И он подошел к покою и хотел было войти в него, как голос произнес: «Стой, сэр Ланселот, и не входи, ибо ты не можешь сделать этого. Если ты переступишь порог, то расквесишь в этом». И он отступил назад в глубокой печали».

«И заглянул он в тот покой и увидел в центре его серебряный престол, а на нем священный сосуд, накрытый алой парчою. Вокруг него было множество ангелов, один из которых держал горящую восковую свечу, а другой – крест и принадлежности алтаря. Перед священной чашей узрел он старца, облаченного в церковные одежды и как будто творящего молитву. И показалось сэру Ланселоту, что над руками священника видны три мужа, самый молодой из которых находился между ладоней старца. И тот поднимал его вверх и будто показывал всему народу. Сэр Ланселот немало изумился, и почудилось ему, что старец с трудом удерживает эту фигуру и вот-вот упадет на землю».

Поскольку он не увидел никого, кто мог бы помочь священнику, то сделал широкий шаг, оказался внутри покоя и подошел к серебряному престолу. Когда он приблизился, то ощутил дыхание, которое показалось ему огненным. Оно ударило его прямо в лицо и как будто опалило его, он упал на землю и не смог уже подняться».

Сэр Галахад, сэр Персиваль и сэр Борс встретились в лесу и вместе поехали в замок

короля Пелеса. Там они поужинали, а после трапезы увидели яркий свет, в котором пребывали четыре ангела, поддерживающие старика в облачении епископа. Они посадили его за серебряный стол, на котором появился Святой Грааль. Этим старым прелатом был Иосиф Аримафейский, «первый христианский епископ». Затем появились другие ангелы, несущие свечи и копьё, с которого падали капли крови, собираемые в шкатулку. Они поставили свечи на стол, а «четвертый из них поставил священное копьё стоя на крышке сосуда», как это изображено на грубо вырезанном распятии, стоящем во дворе старинной церкви в Санкриде в Корнуолле.

Затем Иосиф совершил святые таинства, и тут появился Господь наш и спросил:

– Галахад, сын мой, ведомо ли тебе, что держу я в руках?

– Нет, – отвечал рыцарь, – пока Ты не сказал мне. Тогда Иисус сказал:

– Это священная чаша, из которой вкусил Я агнца в Чистый четверг, и теперь ты видишь то, что желал увидеть более всего на свете. Но узрел ты его не так ясно, как предстоит тебе сделать это в Саррасе, в святом месте. Поэтому ты должен уйти отсюда, взяв с собою сей священный сосуд, ибо этой ночью он должен покинуть королевство Логрию и никогда уже не вернется сюда.

Так Галахад, обмазав кровью, стекавшей с копьё, раненого короля и излечив его, отправился со своими товарищами – Борсом и Персивалем – в таинственный город Саррас, где и стал правителем.

Эта история отличается от той, что рассказана в «Персивале» Кретьена де Труа. Кретьен начал писать этот роман по заказу графа Фландрии Филиппа Эльзасского, продолжил его Готье де Дене, а завершил Манесье в конце XII века. Это – история поисков Святого Грааля.

Персиваль являлся сыном бедной вдовы из Уэльса, которая воспитала его в лесном уединении. Он был весьма далек от всякого рода воинских доблестей. Однажды он увидел проехавшего мимо рыцаря и потерял покой, пока его мать не дала ему доспехи и не позволила поехать ко двору короля Артура. По дороге он наткнулся на шатер, в котором спала прекрасная девушка. Персиваль снял кольцо с ее пальца, вкусил яства и напитки, расставленные на столе, и продолжил свой путь. Когда он прибыл ко двору, некий преступный рыцарь похитил кубок с королевского стола, и Персиваль отправился в погоню за ним. Однажды вечером он прибыл в замок, где на постели лежал больной король. Дверь зала открылась, и вошел слуга, несущий окровавленное копьё, и люди с золотыми подсвечниками, наконец, появился Святой Грааль. Персиваль не задал никаких вопросов, и его после укоряли, что он покинул замок, ничего не узнав о тайне Грааля. Впоследствии он отправился на поиски чудесного сосуда, но уже с большим трудом нашел вновь замок раненого короля. Когда же его поиски увенчались успехом, он спросил о таинственном смысле обряда, которому был свидетелем. Так он узнал, что этот король был Рыбаком, потомком Иосифа из Аримафеи и дядей Персиваля, копьё является тем самым, что пронзило плоть Спасителя, а Грааль – это сосуд, в который была собрана святая кровь Христа. Король был ранен, когда попытался сложить вновь обломки меча, сломанного рыцарем по имени Пертинакс. Сложить их вместе мог только рыцарь без страха и упрека. Король-Рыбак вновь обретет здоровье только тогда, когда Пертинакс умрет. Услышав это, Персиваль отправился на поиски этого рыцаря и сразил его, вылечил своего дядю, получил по возвращении священный сосуд и окровавленное копьё и удалился в уединенное жилище.

После его смерти «и Святой Грааль и Копьё вернутся на небо».

Очень похоже, что Кретьен де Труа не выдумал эту загадочную сказку, поскольку в «Красной книге» существует уэльская история, озаглавленная «Передур», которая, несомненно, является прототипом истории Персиваля.

«Красная книга» – это сборник валлийских романов и сказок, записанных в стихах и прозе начиная с 1318 года и заканчивая 1454 годом. Она хранится в Колледже Оксфордского университета. Хотя «Передур» был записан после создания «Персиваля», существуют доказательства его более раннего происхождения.

Передур не был христианином, его привычки являются языческими. Грааль – это не священный христианский сосуд, а таинственная древняя реликвия. С Передуром происходят те же события, что и с Персивалем, только для второго они были изменены и «смягчены», а многие моменты, указывающие на варварство и язычество, были пропущены.

Передур входит в замок, и «пока он и его дядя беседовали друг с другом, они увидели двоих юношей, которые вошли в зал, неся копьё невероятной длины. С наконечника его стекли три капли крови. Когда люди увидели это, все начали стенать и плакать. Но старик продолжил свой разговор с Передуром, и, поскольку он никак не объяснил происходящее, Передур не решился расспрашивать его. Когда плач прекратился, вошли две дамы, которые несли чашу, где в крови плавала человеческая голова. Тогда собравшиеся испустили скорбный вопль».

В «Персивале» и «Смерти Артура» о голове не упоминается, копьё и чаша связаны со священными христианскими символами, а в истории Передура нет никаких признаков того, что эти предметы имеют христианское значение.

«Передур», согласно господину де ла Вильмарке, означает «рыцарь чаши». Это синоним «Персиваля», поскольку *Per* – это «чаша», а *Kēval* и *Kēdur* имеют значение близкое к понятию «рыцарь».

Передур упоминается также в «Анналах Камбрии», которые записывались начиная с 444 года и заканчивая 1066 годом. Гальфрид Монмутский рассказывает о царствовании Передура, «который правил людьми великодушно и мягко и даже превзошел своих братьев, которые были его предшественниками», а анонимный автор «Жизни Мерлина» называет его товарищем и утешителем барда. Анейрин, современник Хенгиста и Хорсы, автор «Гододина», говорит о нем как об одном из самых прославленных правителей острова Британия.

Талиесин, знаменитый поэт того времени, связывает священный сосуд с легендами бардов. Он говорит: «Этот сосуд пробуждает поэтический гений, дает мудрость, открывает знание будущего, тайны мира, сокровища человеческих знаний». Согласно его описанию, его, как и Грааль, украшают жемчуг и драгоценные камни. В одном из своих стихотворений Талиесин излагает историю Брана Благословенного, в которой загадочный сосуд занимает главное место.

Однажды во время охоты в Ирландии Бран пришел на берег озера, называемого Озером Чаши. Он увидел там ужасного черного великана, ведьму и карлика, которые поднялись из воды, держа в руках сосуд. Он уговорил их поехать вместе с ним в Уэльс, где поселил в своем замке и в благодарность за свое радушие получил чашу. Она обладала свойством исцелять любые смертельные болезни, останавливать кровь и воскрешать мертвых. Однако те, кого она оживляла, лишались способности говорить, чтобы не раскрыть тайны сосуда. На пиру, который Бран дал в честь Мартолона, короля Ирландии, уэльский правитель подарил чашу своему гостю. Он стал сожалеть, что сделал это, когда через несколько лет между ним и королем Ирландии разразилась война. Тогда он обнаружил, что не может сражаться со своим противником, ибо каждый убитый солдат неприятеля возвращался к жизни при помощи священного сосуда. Однако Бран все же отрубил голову вражескому правителю и бросил ее в чашу. Тогда ее чудесные свойства пропали.

Эта чаша считалась одним из тринадцати чудес Британии. Ее на своем хрустальном корабле привез Мирддин, или Мерлин. Может быть, это то же самое, что и котел Серидвен. Серидвен была кельтской богиней-матерью, Деметрой, источником жизни и хранительницей мертвых. История о ее котле рассказывается в «Сосуде Серидвен», или «Истории Талиесина».

В древние времена жил человек по имени Тегид Воел, жену которого звали Серидвен. У них родились красавец сын Морвран ап Тегид, прелестная дочь Крейрвай, а также Арагдду, самое отвратительное из всех созданий. Серидвен, зная, что бедный урод не будет счастлив, решила приготовить для него Отвар Вдохновения. Она поставила котел на огонь, сложила в него необходимые составляющие и оставила маленького Гвиона следить за его

кипением, а слепую Морду поддерживать огонь в течение одного года и одного дня, не позволяя процессу остановиться ни на мгновение. Однажды, когда двенадцать месяцев почти миновали, три капли из кипящего варева брызнули на палец Гвиону. Поскольку они ошпарили его, то он засунул палец в рот и в тот же миг обрел знания о будущем. Он понял, что Серидвен попытается убить его за то, что он попробовал драгоценные капли, и поэтому он сбежал. Тогда отвар начал кипеть слишком сильно и погасил огонь.

Серидвен в ярости ударила Морду по голове и бросилась в погоню за Гвионом Малышом. Он превратился в зайца, и тогда она приняла обличье собаки. Он прыгнул в воду и стал рыбой, в тот же миг она обернулась выдрой. Тогда он выпорхнул из воды маленькой птичкой, а она воспарила соколом. Он превратился в пшеничное зернышко и упал в кучу зерен, но Серидвен тут же стала курицей и проглотила его. От этого она зачала ребенка, через девять месяцев родила прекрасного малыша, которого положила в лодку, обтянутую кожей, и вверила волнам 29 апреля.

В этой сказке бардов мы встречаем очень древний кельтский миф. Крайне трудно установить, что именно символизирует котел. Некоторые считают, что он олицетворяет океан, другие полагают, что это – воплощение жизненной силы земли, которая производит три хороших времени года, символом которых и являются капли. Однако мы слишком мало знаем о мифологии друидов, а легенды, дошедшие до нас, уже чересчур сильно изменились, чтобы с уверенностью говорить о таких догадках.

Этот сосуд с напитком мудрости занимает важное место в британской мифологии, что становится ясно из того, как барды говорят о нем. Талиесин, описывая посвящения в тайны чаши, восклицает: «Я потерял свою речь!» – поскольку все, кто получил преимущества стать полноправными членами братства, были обязаны блюсти секрет. Это посвящение рассматривалось как новое рождение, а те, кто некогда прошел его, считались избранными, возрожденными, отделенными от других людей, которые пребывают во мраке и неведении.

Более чем вероятно, что изначально церемонии посвящения включали человеческие жертвоприношения, поскольку в сосуде содержится человеческая кровь и с копья в качестве необходимого атрибута стекает кровь. В истории Передура в чаше в крови плавает человеческая голова. В рассказе о Бране Благословенном отрубленную голову бросают туда, чтобы лишить ее силы. Талиесин называет Передура «героем кровотокающей головы».

Уэльские авторы также упоминают о копье. Одно из предсказаний, которое приписывают Талиесину, гласит, что «королевство Логрия¹³⁰ погибнет от окровавленного копья». Пять веков спустя Кретьен де Труа упомянул об этом пророчестве.

Возможно, это копьё является символом войны.

Первым, кто приспособил тайну друидов на пользу христианству, был британский отшельник, который записал на латыни эту легенду. Гелинанд (ум. 1227) говорит: «В то время (720) в Британии некоему отшельнику ангел явил чудесное видение: чашу, из которой Спаситель вкушал со Своими учениками. Тот же отшельник, что записал эту историю, назвал чашу Градалем». И он добавляет: «По-французски они называют градалем, или граалем, большой, довольно глубокий сосуд, в котором мясо с подливкой подается богатым людям».

Время, когда жил этот отшельник, точно неизвестно, поскольку хотя Гелинанд и рассказывает, что его видение имело место в 720 году, но Ашшер утверждает, что оно произошло после 1140 года.

После создания легенды авторы романов превратили миф в описание христианских рыцарских добродетелей. Стол избранных из поэзии бардов превратился в Круглый стол рыцарей короля Артура, а священный сосуд тайн стал Граалем. Голова жертвы была забыта, а жертвенная кровь превратилась в кровь Христа.

Похоже, предание о древнем братстве друидов сохранилось и вновь приобрело

актуальность у тамплиеров. Так же как Рыцарь Храма воевал за Гроб Господень, солдат Мунсальвеша сражался за Святой Грааль. Члены обоих орденов давали обеты послушания и безбрачия, оба подчинялись главе, который обладал монаршей властью. Древний храм Грааля был круглым, как Стонхендж, такие церкви, посвященные Гробу Господню, строили рыцари-монахи. Против ордена тамплиеров было выдвинуто обвинение в ереси, предполагалось, что их вдохновили идеи гностицизма. Я думаю, едва ли возможно, чтобы эта восточная ересь оказала влияние на западное общество эпохи Средневековья. Никакие другие черты гностицизма в религиозной истории Запада не обнаружены, что, несомненно, имело бы место, если бы эта ересь оказалась достаточно сильной, чтобы приобрести власть над церковным обществом. Я полагаю, что истоки доктрины или обрядов тамплиеров необходимо искать на Западе.

Тамплиеров обвиняли в том, что они поклоняются идолу. В «Хрониках Сен-Дени», заканчивающихся на 1461 году, он описан следующим образом: «Человеческая голова, сохраненная и обработанная, которая для тамплиера была предметом его мерзкой веры и поклонения и которой он придавал большое значение; в ее глазницы были вставлены карбункулы, сияющие небесной голубизной». А. Бзовский в продолжении «Церковной истории» Барония упоминает обвинение, которое выдвинули против тамплиеров итальянские прелаты: «У них есть некая голова, лицо которой бледно, словно человеческое, а волосы являются черными и вьющимися. Вокруг шеи у нее золотое украшение. Голова явно не принадлежит никакому святому. Они поклоняются ей и совершают перед нею молитвы». Одним из вопросов, которые папа римский задавал свидетелям, стал следующий: «Нет ли у них черепа или иного подобного образа, которому они воздают почитание, как Богу?» Хроника Мо утверждает, что в первый день общего собрания тамплиеров покрытую шелковыми тканями и драгоценными украшениями человеческую голову с белой бородой, которая принадлежала предыдущему Великому магистру ордена, в полночь установили в часовне перед алтарем. Перед рассветом была проведена литургия, а магистр и другие рыцари совершали поклонение голове.

Мне представляется вероятным, что эта голова, если только обвинение было правдивым, почиталась, поскольку являлась частью древнего ритуала друидов —помещение головы в сосуд, хотя и с неясной целью. Монах Бэкон сделал так, чтобы получить оракул. Возможно, часть этих свойств приписывалась и голове тамплиеров, а до нее — голове друидов. Тит Ливий рассказывает, что окровавленная голова врага была национальным символом кельтов и что бои приносили голову в свой храм, где очищали ее и украшали золотом, а затем использовали во время праздников как священный сосуд, из которого совершались возлияния.

Стремление полностью раскрыть наиболее интересные и сложные темы мифологии и ритуалов друидов потребовало бы слишком много места. Эта статья неизбежно будет неполной; верования наших британских предков еще предстоит описать. Те, кто до сих пор обращался к данному предмету, делали это, используя пристрастные теории, которые заставляли их неправильно интерпретировать священные мифы и ритуалы. Многое можно узнать из романов о короле Артуре, произведений бардов и бретонского, уэльсского, гаэльского и ирландского фольклора.

Я прекрасно понимаю, что открывающееся там предстает перед нами в искаженном виде, но наметанный глаз способен восстановить то, что пропущено, и знает, как отличить древность, переодетую в новую одежду.

Я уверен, что тщательное изучение этих источников, проведенное в свете сравнительного исследования мифологии, приведет нас к тому, что под именем методизма мы обнаружим все еще живую религию друидов, которая может являться даже более сильной и влиятельной, чем была в те времена, когда вся Британия была под ее духовной властью. С утратой древнего языка многие из прежних понятий исчезли, изменения в

сторону христианства произошли без кардинального ущерба для системы.¹³¹

Глава 24 Теофил

За несколько лет до персидского завоевания 538 года жил в городе Адана, что на Сицилии, священник по имени Теофил, казначей и архидиакон. Он строго соблюдал все свои обязанности священнослужителя и отличался щедростью к бедным и состраданием к больным. Всем была известна его беззаветная вера в Господа, суровый аскетизм, а также красноречивые проповеди. После смерти прежнего епископа его, с одобрения всего народа, назначили главой епархии, но Теофил, будучи скромным, отказался от этого поста, невзирая даже на настояния самого митрополита. Мало кто из епископов так решительно и упорно отвергал предложенное ему, как Теофил. На освободившуюся должность назначили человека со стороны, а казначей продолжил вести ту жизнь, которой он жил уже много лет на радость всем окружающим. В глубине души он был доволен, что сумел устроить дело так, чтобы не быть епископом, потому что высокий сан мог бы развить в нем гордыню и уж, во всяком случае, точно помешал бы ему и далее упражняться в смирении. Добродетель неизменно вызывает злословие, и Теофил, отказавшись от епископата, сразу же привлек к себе всеобщее внимание. Последствия этого были весьма печальны: многие поверили в клеветнические слухи, порожденные завистью и злобой, поскольку они распространились повсеместно, и хорошее отношение людей к Теофилу переменилось. Эти слухи достигли ушей нового епископа, тот вызвал к себе архидиакона, не разобрав толком, был ли он действительно виновен в том, что о нем говорили, заключил, что обвинения являются справедливыми, и лишил его сана.

Читатель мог бы предположить, что то смирение, которое заставило этого святого человека отказаться от митры епископа, помогло ему остаться равнодушным к голосу клеветы и поддержало в трудную минуту. Однако испытание оказалось слишком велико для его добродетели. Теофил постоянно думал о нечестных обвинениях и о несправедливости, допущенной по отношению к нему, и в конце концов все его заботы свелись к тому, чтобы очистить свое доброе имя. Он использовал любую возможность, чтобы опровергнуть порочащие его слухи и доказать беспочвенность обвинений, выдвинутых против него злопыхателями. Однако вскоре Теофил осознал, что не может справиться с этой задачей: один человек бессилен против большинства, а клевета подобна гидре, у которой на месте одной отрубленной головы сразу же вырастает еще несколько. Измученный и отчаявшийся, не имея ни одной живой души, которая помогла бы ему, бедный священник задумал искать справедливости в том месте, одна мысль о котором еще месяц назад заставила бы его содрогнуться. Он пришел к некроманту. Тот в полночь привел его на перекресток четырех дорог и там вызвал Сатану, пообещавшего несчастному Теофилу восстановление его в сане и, что было более важно для священника, полное очищение его доброго имени. В обмен на эти благодеяния Теофил продал Сатане свою душу, в чем расписался собственной кровью и навсегда отрекся, таким образом, от Иисуса Христа и его Пречистой Матери.

На следующее утро епископ, неизвестно как, обнаружил свою ошибку, послал за Теофилом и публично объявил, что был введен в заблуждение лживыми рассказами, полную несостоятельность которых он готов открыто признать, и попросил прощения у священника, столь несправедливо лишенного им сана. Население вновь восторженно поменяло свое мнение о Теофиле на прямо противоположное и приветствовало его как

¹³¹ Некоторые журналы исключают эту ремарку, но автор уверен, что это несправедливо. Многие из тех, кто сделал предметом своего изучения фрагменты религиозных поэтических произведений бардов и ритуалы друидов, не могут не отметить удивительное примечательное сходство, которое существует между современной верой уэслианцев и религией наших британских предков.

святого и исповедника. Несколько дней все шло очень хорошо, и от счастья, что он вернулся наконец к своим прежним занятиям, Теофил совсем забыл о сделке с дьяволом. Но через некоторое время разум и осознание вины перед Богом вытеснили радость, и с тех пор совесть священника не давала ему покоя. Ночами он расхаживал взад и вперед по комнате, мучимый страхом; в лице его не было ни кровинки, лоб изборожден морщинами, и несказанный ужас выглядывал из его глубоко посаженных глаз. Час за часом Теофил молился, но это не приносило ему облегчения. В течение сорока дней он держал строгий пост. В дополнение к этому каждую ночь он молился в церкви Пресвятой Богородицы до тех пор, пока серое утро не проникало в маленькие оконца, делая тусклым свет горевших лампад. На сороковую ночь ему явилась Пресвятая Дева и печально упрекнула его в совершенном грехе. Он стал молить ее о прощении и просить ее заступничества, и она пообещала ему это. На следующую ночь Богоматерь вновь явилась и сказала, что Христос, по ее молитве, простил его. С криком радости Теофил проснулся; на груди его лежал контракт, что он подписал, продавая свою душу Сатане, отобранный у нечистого милостью Святой Божьей Матери.

На следующий день было воскресенье. Он встал, некоторое время возносил благодарственные молитвы, а затем отправился в церковь, где служили божественную литургию. После чтения Евангелия Теофил бросился к ногам епископа и попросил позволения покаяться в грехах прилюдно. Он рассказал о своем падении и показал собравшимся контракт, подписанный его кровью. Закончив исповедь, он снова упал в ноги епископу и попросил отпущения грехов. Контракт был разорван и сожжен в присутствии всех людей, Теофил получил отпущение грехов и принял Святое причастие, после чего в горячке вернулся домой и умер по истечении трех дней. Церковь почитает его как раскаявшегося, и день его памяти празднуется 4 февраля.

Самый первый рассказ об этой знаменитой сделке с дьяволом был создан на греческом языке и принадлежит перу Евтихия, ученика Теофила, который заявляет, будто излагает то, что видел своими собственными глазами и слышал из уст своего учителя. До наших дней дошли две ранние версии, переведенные на латинский язык; автором одной является Павел Диакон, другой – Гентиан Гервет. Последняя была напечатана болландистами в их впечатляющем труде, где указывается дата этого события – 538 год. Версия Гентиана Гервета – это перевод из Симеона Метафраста, жившего в X веке, который включил рассказ Евтихия в свое огромное собрание жизнеописаний святых.

В X веке Хросвита Гандергеймская, знаменитая монахиня из Саксонии, написала на латыни стихотворение, посвященное житию Теофила. В XI веке эту легенду изложил в стихах Марбод Реннский. Стихотворение на ту же тему есть у Готье де Куэнси. Другие стихотворные версии были изданы А. Жюбиалем и П. Парисом. Одна из лучших старинных поэм принадлежит Рютбёфу, труверу XIII века. Существует и ряд более поздних мираклей о Теофиле; в их числе один на французском языке, опубликованный Франциском Мишелем; и еще один на нижненемецком, изданный господином Дасеном. Последний собрал целую коллекцию произведений о Теофиле на всех европейских языках и привел ссылки на эту легенду ранних французских, англосаксонских, англо-норманнских и немецких авторов.

Архиепископ Элфрик (ум. 1006) упоминает эту историю в своих «Гомилиях», так же как и святой Бернард в «Молитвах во славу Девы Марии»; Винсент из Бовэ в своем восхитительном «Зерцале историческом». Святой Бонавентура, как страстный почитатель Девы Марии, не мог обойти своим вниманием это предание и рассказал о нем в «Зерцале Пресвятой Марии»; Яков Ворагинский вставил его в свою «Золотую Легенду», а Альберт Великий включил его в «Библию Девы Марии». Эта история упоминается великим немецким поэтом XII века Гартманом фон Ауэ, а затем Конрадом Вюрцбургским в XIII веке. Фламандский вариант «Теофила» был издан господином Филиппом Бломмаэртом со старинной рукописи XIV века в 1836 году. К тому же времени принадлежит и исландская версия легенды, изданная господином Дасеном; другая относится к XVIII веку. В Королевской библиотеке в Стокгольме хранится старинный «Теофил» на шведском, датирующийся 1350 годом.

В соборе Нотр-Дам в Париже есть две скульптурные группы, представляющие эту легенду, одна из которых расположена на северном портале. В соборе Лаона она изображена в восемнадцати медальонах на витраже на хорах. Этот же сюжет встречается в церкви Святого Петра в Труа и церкви Святого Жюльена в Мане.

Более полную информацию об этой легенде можно найти в трудах Г. Дасена «Теофил на исландском, нижненемецком и других языках в рукописях Королевской библиотеки Стокгольма» (Стокгольм, 1845); Ф. Соммера «О Теофиле, заключившем сделку с Дьяволом» (Галле, 1844); а также в «Миракле о Теофиле, составленном в стихах Готье де Куэнси в начале XIII века», опубликованном Д. Майе (Ренн, 1838).

Мне представляется вполне возможным, что эта известная легенда основана на событиях, имевших место в действительности. В ней и в самом деле видны признаки достоверности. Теофил теряет свое положение из-за клеветы, что сильно действует на его голову. Потом каким-то образом он снова обретает свое прежнее положение. Перемена позиции лишает его разума. Он строго постится в течение сорока дней, полностью теряет рассудок, рассказывает длинную бредовую историю о сделке с дьяволом и три дня спустя умирает от мозговой горячки. Единственная поразительная вещь в этой истории – это его рассказ. Если вспомнить, что признался он во всем после сорокадневного поста и непосредственно перед тем, как у него началась приведшая к смерти горячка, остается только изумляться тому, как люди в здравом уме и твердой памяти могли принять бред за чистую правду.

Приложения

Приложение А Вечный жид

В «Саге о Магусе», несколько измененной исландской версии «Романа о Магусе», я обнаружил следующий весьма любопытный отрывок, в котором содержится упоминание о бесконечно продленной жизни, никак, однако, не связанный с Вечным жидом, Картафилом. Вот он:

«Магус подошел к королю (Карлу Великому) и учтиво поприветствовал его. Король отнесся к нему благосклонно и спросил, как его имя. Тот сказал, что его зовут Видферуль.

– Ты сильный человек, хотя, похоже, очень стар, – заметил король.

– Вы были правы, сир, сказав, что я очень стар; но я был гораздо старше, и может случиться так, что я стану еще моложе, – промолвил Видферуль.

– Как же это может быть, что ты был старше, чем ты есть сейчас, а станешь моложе? – удивился король.

– Сейчас я расскажу вам, – ответил Видферуль. – Дважды я сбрасывал свою старую кожу и каждый раз становился моложе.

Когда он произнес эти слова, все люди короля так и покатались со смеху и стали говорить ему, чтобы он не нес такую чушь в присутствии государя. Затем король снова заговорил:

– Правильно ли я понял твои слова, что ты дважды сбрасывал с себя кожу?

– Это чистая правда, сир! – сказал Видферуль.

– И ты полагаешь, что сможешь сделать это опять? – осведомился король.

– Я уверен в этом, – ответил Видферуль. – В этом самом месяце она снова слезет с меня, и это свершится через несколько дней.

– И в каком же возрасте это обычно происходит? – спросил король.

– Возраст не всегда одинаков, – сказал Видферуль. – Первый раз, когда это случилось, мне было триста тридцать лет, и мне снова исполнилось тридцать, я опять обрел всю силу и мощь юности... Если вы, сир, желаете, чтобы я показал вам, что я могу, и хотите посмотреть, как слезает с меня старая кожа, тогда отведите мне какое-нибудь место, и я останусь на

несколько дней при дворе до тех пор, пока это не совершится... Второй раз, когда я сбросил кожу, мне было двести пятнадцать лет, и едва я почувствовал, что это вот-вот произойдет, то отправился в Рим, где правил в то время Германрих.

Король спросил, как же совершалось это чудо. Видферулль ответил:

— Первый раз это было довольно странно; тогда я был гораздо сильнее, хотя и прожил на свете больше, поскольку в те времена век человеческий был намного дольше, чем сейчас, и, хотя мне уже было более трехсот лет, я был еще крепок и мог охотиться. И вот однажды, когда я охотился, почувствовал я сильную жажду и лег на землю у воды, чтобы напиться; тут налетел на меня дракон, схватил и унес на высокую скалу, где была пещера. Затем... после схватки с ним мне удалось выбраться оттуда, и я спустился в прекрасную долину. На меня, изможденного, поскольку был я уже довольно стар, напала ужасная слабость; и вот тогда слезла с меня моя первая кожа, пока я был почти без чувств. Через некоторое время я пришел в себя и почувствовал, что я вновь здоров и свеж, как будто мне тридцать... Теперь я расскажу вам, как я второй раз сбросил кожу. Я уже жил в Риме. Во сне мне привиделось, что скоро со мной произойдет превращение. Тогда я был на несколько локтей выше, чем раньше, и очень крепок и силен, хотя и очень стар».

Затем король начинает расспрашивать его о героях прежних времен и Видферулль рассказывает ему, как они выглядели, какого цвета были их волосы и глаза и какого они были сложения.

«— И вот однажды я должен был бороться в воде с рыцарями короля Гуннара, но мне не хотелось делать этого, поскольку я сомневался в своих силах. И все же я поучаствовал в борьбе, чтобы доставить удовольствие королю. Пока еще силы мои были свежи, я сумел продержаться под водой многих рыцарей, но потом я начал уставать, и силы покинули меня. Тогда уже они держали меня под водой, а я не мог с ними справиться; и вот я опустился на дно и лежал так целый день. Очнулся я уже на берегу, куда меня вынесло, и почувствовал себя как человек, который сбросил старую одежду, ибо стал я опять молод, как будто мне было тридцать.

Был праздник, и утром король и его свита направились в церковь, и все увидели, что у стены тронного зала лежало огромное бревно, а возле него стоял Видферулль. Он подошел к королю и поприветствовал его. Он был очень бодр и весел. Король спросил:

— В чем причина твоей радости?

Видферулль ответил:

— Должно быть, вы не удивитесь, сир, если я скажу вам, что сегодня — тот день, когда слезет с меня старая кожа, и я хочу, чтобы вы и весь двор увидели, как это произойдет.

Приближенные короля были очень довольны, услышав это, и засмеялись от радости. Король улыбнулся и сказал:

— Сначала мы должны пойти в церковь и отстоять службу, а потом мы будем готовы.

Видферулль ответил, что так и следует поступить. Когда служба закончилась, люди поторопились выйти из церкви, поскольку всем хотелось посмотреть, что же будет. Король, как обычно, шел впереди. Они направились во дворец. Когда король очутился там, к нему подошел Видферулль, опустился на одно колено и произнес:

— Теперь, сир, я хочу, чтобы вы и вся ваша свита заняли места и увидели, как исполнится мое желание, ибо долго я ждал, чтобы скинуть с себя все эти годы и вновь обрести молодость.

<...>

Затем он обнажил голову и потерял свои руки, и ноги, и живот, и все тело, затем ухватил себя за кожу и лег на землю возле бревна, пробормотав:

— Прочь, года, да исполнится мое желание!

Тут вся свита расхохоталась, но он не шелохнулся и лежал неподвижно какое-то время. И вдруг, когда люди меньше всего этого ожидали, он ухватился за бревно и влез в него головой вперед. Когда ноги его скрылись внутри, бревно за ним сомкнулось. Король и его приближенные бросились к бревну, но оно было совершенно целым. Тогда они начали

спорить о том, что же делать.

Эрл Уппи сказал:

– Это был тролль, и теперь он ушел под землю.

Но в это мгновение все слышали сильный шум внутри бревна. Далее они еще больше удивились, потому что бревно стало как будто увеличиваться. И через некоторое время они увидели, как из бревна показались человеческие ноги, затем человек до пояса. Оно сокращалось и расширялось, словно женщина, которая рождает. В конце концов, бревно дернулось и полностью исторгло из себя Видферулля, и он лежал как мертвый. Вдруг он неожиданно вскочил на ноги, через голову стянул с себя старую кожу, подошел к королю и поприветствовал его. И все увидели, что он стал безбородым юнцом, и к тому же красавцем».

Приложение В

Кресты до христианства

Я уже упоминал, что версия о фаллическом происхождении креста абсолютно бездоказательна. В такой работе, как эта, предназначенной для широкого круга читателей, невозможно в полной мере углубиться в этот предмет.

Полагаю, что я довольно тщательно изучил этот вопрос. Если бы я обнаружил достаточно доказательств для подкрепления этой теории, я бы принял ее без колебаний. Но думаю, существует больше доводов в пользу того, что крест символизировал молнию, и еще более вероятно, что он обозначал древнее приспособление, состоящее из двух палочек, использовавшееся для добывания огня с помощью трения.

В статье о солнцепоклонничестве, появившейся в *English Leader* и опубликованной позднее в *Public Opinion* (в номере за 14 сентября 1867 года), утверждается, что крест тождествен фаллосу. В ней множество заявлений скорее самоуверенных и опрометчивых, нежели подтвержденных доказательствами.

Автор статьи, ссылаясь на аббата Плюше, утверждает, что *crux ansata* символизировал ежегодный разлив Нила. Рассуждения ученых на тему значения египетских иероглифов до того, как Шампольон совершил свое открытие, абсолютно лишены смысла. «*Crux ansata*», – добавляет автор, – то есть крест и окружность, являлся символом Венеры, или плотской любви, богини, от имени которой произошло слово *venery*¹³², и он по сей день является астрономическим символом планеты с тем же названием». Как я уже говорил, *crux ansata* не был символом исключительно Астарты, это был знак божественности вообще, и он помещался рядом с каждым богом, чтобы указать на его божественную сущность. Так он появляется не только рядом с Астартой, но и Баалом.

Если крест и изображался возле нее чаще, чем возле других божеств, то это потому, что он символизировал власть богини над водой, поскольку она – Луна. Крест принадлежал ей не как богине чувственной любви, а как богине, имеющей власть над месяцем и его дождями. Баалу же он принадлежал как богу, управляющему временами года.

В той же самой статье говорится, что индийский крест тоже означал фаллос, в то время как символ этот является совершенно однозначным и ясным, если обратиться к иллюстрациям Мюллера в «Верованиях, знаниях и культуре древних индийцев».

Приложение С

Рок чисел

Законы, правящие числами, озадачивают неподготовленный ум, а результаты, которые получаются при подсчетах, бывают поразительными. Поэтому нет нужды удивляться тому

¹³² Устар. «плотские удовольствия» (англ.). (Примеч. пер.)

факту, что числа сопровождают всякие предрассудки.

Но даже для тех, кто знаком с исчислениями, существует множество загадочных и необъяснимых вещей, которые убедительно может объяснить только хороший математик. Простой человек видит, что числа подчиняются определенным законам, но не понимает, *почему* так происходит, и сам факт этой невозможности объяснить способствует тому, что вокруг чисел возникает атмосфера загадочности, внушающая благоговение.

Например, особенности числа 9, открытые, как я полагаю, В. Грином, который умер в 1794 году, являются необъяснимыми для всех, кроме математиков. Свойство, о котором я говорю, состоит в том, что когда 9 умножается на 2, 3, 4, 5, 6 и так далее, то простые числа, составляющие произведение, при сложении дадут девять. Итак:

$$\begin{aligned}2 \times 9 &= 18, \text{ а } 1 + 8 = 9 \\3 \times 9 &= 27, \text{ а } 2 + 7 = 9 \\4 \times 9 &= 36, \text{ а } 3 + 6 = 9 \\5 \times 9 &= 45, \text{ а } 4 + 5 = 9 \\6 \times 9 &= 54, \text{ а } 5 + 4 = 9 \\7 \times 9 &= 63, \text{ а } 6 + 3 = 9 \\8 \times 9 &= 72, \text{ а } 7 + 2 = 9 \\9 \times 9 &= 81, \text{ а } 8 + 1 = 9 \\10 \times 9 &= 90, \text{ а } 9 + 0 = 9.\end{aligned}$$

Заметим, что 9×11 дает 99, и сумма чисел в этом случае равна 18, а не 9, но зато при сложении 1 и 8 получается 9.

$$\begin{aligned}9 \times 12 &= 108, \text{ и } 1 + 0 + 8 = 9 \\9 \times 13 &= 117, \text{ и } 1 + 1 + 7 = 9 \\9 \times 14 &= 126, \text{ и } 1 + 2 + 6 = 9 \\&\text{И так далее до бесконечности.}\end{aligned}$$

Господин де Меван открыл другое свойство того же числа 9. Если поменять местами цифры, составляющие некое число, и вычесть полученное число из первоначального, то разность будет равна или же кратна 9 и сумма чисел, составляющих эту кратную 9 разность, будет также равна 9.

Например, возьмем число 21, поменяем цифры местами и получим 12, вычтем 12 из 21, разность будет равна 9. Возьмем 63, переставим цифры и отнимем 36 из 63, получим 27, кратное 9, а $2 + 7 = 9$. Теперь возьмем 13, преобразовав его, получим 31, разность этих чисел составляет 18, то есть дважды девять.

Такое же свойство, наблюдаемое у двух чисел, измененных подобным образом, обнаруживается у тех же чисел, возведенных в степень.

Возьмем снова 21 и 12. 21 в квадрате дает 441, а квадрат 12 равен 144. Разность при вычитании 144 из 441 составляет 297, кратное 9. Кроме того, числа, составляющие результаты этих возведений в степень, при сложении дают 9. 21 в кубе равно 9261, а 12 в кубе будет 1728, их разность составляет 7533, кратное 9.

Число 37 также имеет некоторые замечательные свойства, когда его умножают на 3 или на число кратное 3 (до 27). Произведение в этом случае составляют три одинаковые цифры. Зная об этом свойстве числа 37, искать произведение становится проще, ибо достаточно просто умножить первую цифру умножаемого на первую цифру множителя¹³³. Дальнейшее умножение уже бессмысленно, поскольку достаточно просто написать справа от полученной цифры такую же цифру еще дважды – ибо одна и та же цифра будет занимать место

¹³³ На самом деле речь идет о том, что необходимо второй множитель *разделить* на первую цифру умножаемого числа 37, то есть на 3. Полученное при этом делении простое число нужно написать трижды, чтобы найти искомый результат. (Примеч. пер.)

единицы, десятка и сотни.

Приведем для примера следующую таблицу:

37, умноженное на 3, дает 111, а 3, умноженное на 1, равно 3,
37, умноженное на 6, дает 222, а 3, умноженное на 2, равно 6,
37, умноженное на 9, дает 333, а 3, умноженное на 3, равно 9,
37, умноженное на 12, дает 444, а 3, умноженное на 4, равно 12,
37, умноженное на 15, дает 555, а 3, умноженное на 5, равно 15,
37, умноженное на 18, дает 666, а 3, умноженное на 6, равно 18,
37, умноженное на 21, дает 777, а 3, умноженное на 7, равно 21,
37, умноженное на 24, дает 888, а 3, умноженное на 8, равно 24,
37, умноженное на 27, дает 999, а 3, умноженное на 9, равно 27.

Исключительные свойства разных чисел, которые при сложении дают одинаковую сумму, послужили причиной использования магических квадратов в качестве талисманов. Хотя все можно объяснить с точки зрения математики, многие авторы писали о них как о «загадочных».

Я приведу три примера магических квадратов:

2	7	6
9	5	1
4	3	8

Эти девять цифр, расположенных по горизонтали, дадут в сумме в каждом ряду 15. Если сложить числа в каждой колонке, тоже получится 15. И при сложении трех цифр, составляющих каждую диагональ, сумма будет равна 15.

1	2	3	4	1	7	13	19	25
2	3	2	3	18	24	5	6	12
4	1	4	1	10	11	17	23	4
3	4	1	2	22	3	9	15	16
				14	20	21	2	8

Сумма равна 10 Сумма равна 65

Лишь связи определенных чисел с религиозными догмами, даже если не принимать во внимание их необыкновенных свойств, оказалось достаточно, чтобы породить различные суеверия. Поскольку на Тайной вечере за столом присутствовало тринадцать человек и один из них предал своего Учителя, а затем повесился, то у христиан считается несчастливой, когда за столом сидит тринадцать обедающих, ибо это означает, что один из них умрет прежде, чем закончится год. Вовенарг сказал: «После того как я увидел, как тринадцать гениальных людей не осмеливались сесть за стол, поскольку их было тринадцать, никакие заблуждения прошлого и настоящего меня не удивляют».

Девять, священное число в буддизме, окружено благоговением среди монголов и китайцев, последние кланяются девять раз, представая перед своим императором.

Три считается священным у индуистов и христиан из-за триединства Бога.

Пифагор учил, что каждое число обладает своим характером, достоинствами и свойствами.

Он говорил: «Единица, или монада, – это первопричина и конец всего, это звено, которое связывает воедино цепь причин, это символ тождества, равенства, существования, сохранения и всеобщей гармонии. Не будучи делимой, монада воплощает Божественность,

она предвещает также порядок, мир и покой, которые основаны на единстве чувств. Соответственно, ЕДИНИЦА – это хорошее начало».

«Число ДВА, или диада, – начало противоположностей, является символом многообразия, или неравенства, разделения и разъединения. Следовательно, два – это злое начало, число, предвещающее несчастье, характеризующее хаос, беспорядок и изменение».

«ТРИ, или триада, – это первое нечетное число, содержащее величайшие тайны, поскольку все состоит из трех веществ; оно представляет Бога, душу мира, дух человека». Это число, которое играло большую роль в преданиях Азии и платонической философии, выражает свойства Бога.

«ЧЕТЫРЕ, или тетрада, как первая математическая степень, является одним из главных элементов; оно представляется образующей силой, из которой происходят все комбинации, это самое совершенное из всех чисел, которое является основой всех вещей. Оно священо по своей природе, ибо составляет сущность Бога; оно возвращает Его единство, Его силу, Его доброту и Его мудрость – четыре совершенства, которые характеризуют Бога. Соответственно, пифагорейцы клянутся четверичным числом, которое дает человеческой душе ее вечную природу».

«Число ПЯТЬ, или пентада, имеет особую силу в священном искуплении; оно является каждой вещью, оно останавливает силу ядов и вызывает страх у злых духов».

«Число ШЕСТЬ, или гексада, является счастливым, оно приобрело свои достоинства от первых скульпторов, которые разделили лицо на шесть частей. Однако, согласно халдеям, причина в том, что Бог создал мир за шесть дней».

«СЕМЬ, или гептада, является очень действенным числом и для добра, и для зла. Оно принадлежит, главным образом, священным вещам».

«Число ВОСЕМЬ, или октада, является первым кубом, то есть квадратно во всех отношениях, как игральная кость, оно исходит из своего основания, двойки, четного числа. Таков и человек, четырежды квадратный или совершенный».

«Число ДЕВЯТЬ, или эннеада, будучи кратным числу три, должно рассматриваться как священное».

«И наконец, ДЕСЯТЬ, или декада, является мерой всего, поскольку содержит все числовые отношения и гармонии. Как воссоединение первых четырех чисел, оно играет значительную роль, поскольку все науки и все названия происходят из него и в него же уходят».

Едва ли мне стоит сделать больше, нежели просто упомянуть об особенных значениях чисел, которыми наделяет их христианство. Единица – это числовое выражение Единства Бога, Два – двойственной природы Христа, Три – Святой Троицы, Четыре – евангелистов, Пять – числа святых ран Господа нашего Иисуса Христа, Шесть – это число греха, Семь – даров Святого Духа, Восемь – Заповедей блаженства, Десять – число заповедей, Одиннадцать – количество апостолов после ухода Иуды, Двенадцать – общее число учеников Христа.

А теперь я расскажу о некоторых числах, которые рассматривались сквозь призму предрассудков, а также о вызывающих особый интерес определенных событиях, которые с ними связаны.

Считается, что число 14 оказывало необычное влияние на жизнь Генриха IV и других французских правителей. Обратимся к истории Генриха.

14 мая 1029 года первый король по имени Генрих был помазан на царство, и 14 мая 1610 года последний монарх с таким же именем был убит.

Четырнадцать букв¹³⁴ входит в состав имени Генриха Бурбона, который был четырнадцатым монархом, носившим титул короля Франции и Наварры.

Генрих IV родился 14 декабря 1553 года, то есть через 14 веков, 14 десятилетий и 14

¹³⁴ Речь идет о написании имени по-французски – Henri de Bourbon. (Примеч. пер.)

лет после рождения Христа. Если сложить вместе цифры, составляющие его год рождения, то сумма будет равна 14.

14 мая 1554 года Генрих II повелел расширить улицу Медников, но приказ так и не был приведен в исполнение. Из-за этого убийца Генриха IV смог осуществить свой замысел на этом месте, четыре раза по четырнадцать лет спустя.

14 мая 1553 года родилась Маргарита де Валуа, первая жена Генриха IV.

14 мая 1588 года в Париже началось восстание против Генриха III, организованное герцогом де Гизом.

14 марта 1590 года Генрих IV выиграл битву при Иври.

14 мая 1590 года атака Генриха IV под Парижем была отражена.

14 ноября 1590 года Шестнадцать поклялись скорее умереть, чем служить Генриху.

14 ноября 1592 года в парламенте была оглашена папская булла, дающая легату власть назначать короля, за исключением Генриха.

14 декабря 1599 года герцог Савойский примирился с Генрихом IV.

14 сентября 1606 года произошло крещение дофина – будущего короля Людовика XIII.

14 мая 1610 года короля задержали на улице Медников: его карета не смогла разминуться с другой повозкой из-за узости этой улочки. Равальяк воспользовался преимуществом и нанес монарху удар кинжалом.

Генрих IV прожил четыре раза по 14 лет, 14 недель и 4 раза по 14 дней, то есть 56 лет и 5 месяцев.

14 мая 1643 года умер Людовик XIII, сын Генриха IV. Это произошло в тот же день и месяц, как и у его отца; если сложить цифры, составляющие год (1643), то сумма будет равна 14, так же как при складывании цифр года рождения его отца получится 14.

Людовик XIV взошел на трон в 1643 году:

$1 + 6 + 4 + 3 = 14$.

Он умер в 1715 году: $1 + 7 + 1 + 5 = 14$.

Он прожил 77 лет, а $7 + 7 = 14$.

Людовик XV взошел на трон в том же году, а умер в 1774 году, что также несет отпечаток числа 14: крайние цифры, поставленные вместе, образуют число 14, и сумма средних ($7 + 7$) равна 14.

Людовик XVI правил уже 14 лет, когда он созвал Генеральные штаты; это вызвало революцию.

Число лет, прошедших между убийством Генриха IV и свержением Людовика XVI, кратно 14.

Людовик XVII умер в 1794 году, крайние цифры даты вместе составляют число 14, а первые две дают его «порядковый номер».

Восстановление монархии Бурбонов произошло в 1814 году, крайние цифры вновь формируют число 14, и результат сложения всех цифр дает 14.

Ниже приводятся другие любопытные подсчеты, касающиеся отдельных французских королей.

Если складывать цифры, составляющие год рождения или смерти некоторых правителей, то в результате получаются их «порядковые номера». Итак:

Людовик IX родился в 1215 году. Сложите цифры, входящие в эту дату, и получите IX.

Карл VII появился на свет в 1402 году, сумма $1 + 4 + 2$ дает VII.

Людовик XII родился в 1461 году, а $1 + 4 + 6 + 1 =$ XII.

Генрих IV умер в 1610 году, и $1 + 6 + 1 =$ дважды IV.

Людовик XIV был коронован в 1643 году, эти четыре цифры при сложении дают XIV. Этот король умер в 1715 году, и сумма этих цифр равна также XIV. Ему было 77 лет, и вновь $7 + 7 = 14$.

Людовик XVIII родился в 1755 году, сложите цифры и получите XVIII.

Примечательно, что 18 является удвоенным числом, составляющим «порядковый номер» короля, к которому этот закон был применен впервые, и утроенным числом королей,

на которых распространилось действие этой закономерности.

А вот другие любопытные подсчеты.

Падение Робеспьера произошло в 1794 году, Наполеона – в 1815 году, а Карла X в 1830 году.

Поразительный факт, связывающий эти даты, – сумма цифр, которые их составляют, при сложении с числом, выражающим саму дату, дает год падения следующего деятеля. Робеспьер погиб в 1794 году; $1 + 7 + 9 + 4 = 21$, $1794 + 21 = 1815$, то есть год падения Наполеона. $1 + 8 + 1 + 5 = 15$, и $1815 + 15 = 1830$, дата отречения Карла X.

Существует странное правило, которое как будто определяло продолжительность жизни папы римского в первой половине XIX века. Сложите его «порядковый номер» с номером его предшественника, прибавьте к полученной сумме десять и в результате получите дату его смерти.

Пий VII стал преемником Пия VI; $6 + 7 = 13$; прибавляем 10, сумма равна 23. Пий VII умер в 1823 году.

Лев XII сменил Пия VII; $12 + 7 + 10 = 29$. Лев XII скончался в 1829 году.

Пий VIII стал папой после Льва XII; $8 + 12 + 10 = 30$. Смерть Пия VIII наступила в 1830 году.

Однако эти расчеты не всегда были правильными. Григорий XVI должен был умереть в 1834 году, но на самом деле освободил папский престол только в 1846 году. Известно, что, согласно древней традиции, любой наместник святого Петра не может править дольше, чем сам Петр, то есть 25 лет.

Вот те папы, что правили дольше других:

	Годы	Месяцы	Дни
Пий VI	24	6	14
Адриан I	23	10	17
Пий VI	23	5	6
Александр III	21	11	23
Святой Сильвестр I	21	0	4

Существует еще одна странность примечательного характера, которой не нужно пренебрегать.

В палате депутатов в том виде, в каком она существовала в 1830 году, было 402 члена, и она разделилась на две части. Первая, в которую входил 221 человек, серьезно заявила о себе во время Июльской революции, другая же партия, в которой состоял 181 депутат, не одобрила изменений. Результатом стало установление конституционной монархии, которая восстановила порядок после трех памятных июльских дней. Партии получили следующие прозвища: более многочисленную стали называть «Хвостом Робеспьера», а другую – «Честными людьми». А теперь, собственно, сам примечательный факт. Соотнесем буквы латинского алфавита, стоящие по порядку, с числами, то есть 1 для А, 2 для В, 3 для С и так далее до Z, которому будет соответствовать число 25. Если мы запишем слева название первой партии с соответствующими числами напротив каждой буквы, а справа таким же образом поступим с прозвищем другой партии¹³⁵, то сумма чисел в каждой колонке будет равна количеству членов в каждой из них.

¹³⁵ Автор имеет в виду французские названия: *La queue de Robespierre* и *Les honnêtes gens* соответственно. (Примеч. пер.)

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
A	B	C	D	E	F	G	H	I	J	K	L	M	N	O	P

17	18	19	20	21	22	23	24	25
Q	R	S	T	U	V	X	Y	Z

L	12	L	12
A	1	E	5
		S	19
Q	17		
U	21	H	8
E	5	O	15
U	21	N	14
E	5	N	14
		Ê	5
D	4	T	20
E	5	E	5
		S	19
R	18		
O	15	G	7
B	2	E	5
E	5	N	14
S	19	S	19
P	16		181
I	9		
E	5		
R	18		
R	18		
E	5		
	221		

Большинство 221
 Меньшинство 181
 Всего 402

Некоторые совпадения в датах очень примечательны. 25 августа 1569 года в Беарне и Наварре кальвинисты устроили резню католиков – дворян и священников.

В тот же день и месяц в 1572 году в Париже и других местах убивали кальвинистов.

25 октября 1615 года Людовик XIII женился на испанской инфанте Анне Австрийской, после чего мы можем отметить следующие совпадения.

Имя Луи¹³⁶ Бурбона содержит 13 букв, как и имя Анны Австрийской.¹³⁷

Людовику было 13 лет, когда эта женитьба была решена. Анна была в том же возрасте.

Он был тринадцатым французским королем, носившим имя Луи, а она являлась тринадцатой инфантой, которую звали Анной Австрийской.

23 апреля 1616 года умер Шекспир, в тот же день, месяц и год скончался великий

¹³⁶ До Людовика XIII все короли, носившие это имя, произносили *Louis* как *Loys*.

¹³⁷ При подсчетах автор руководствуется следующим написанием имен: *Loys de Bourbon* и *Anne d'Autriche*. (Примеч. пер.)

испанский писатель Сервантес.

29 мая 1630 года родился король Карл II.

29 мая 1660 года ему вернули престол.

29 мая 1672 года флот был разгромлен голландцами.

29 мая 1679 года было подавлено восстание ковенантеров в Шотландии.

Император Карл V родился 24 февраля 1500 года, в этот же день в 1525 году он выиграл битву при Павии, и в этот же день в 1530 году он был коронован.

29 января 1697 года господин де Брокemar, глава парижского парламента, неожиданно умер в этом городе, а на следующий день его брат-офицер внезапно скончался в Берге, где он был комендантом. В жизни этих братьев присутствовали удивительные совпадения. Однажды офицер, участвуя в битве, был ранен в ногу ударом клинка.

В тот же день в этот самый момент парламентария поразила острая боль, которая неожиданно возникла в той же ноге, что была повреждена у его брата.

Джон Обри упоминает о случае со своим другом, который родился 15 ноября, его старший сын появился на свет 15 ноября, и первенец его второго сына родился в этот же день и месяц.

Во время заутрени 6 апреля 1327 года в церкви Святой Клары в Авиньоне Петрарка впервые увидел свою возлюбленную Лауру. В этом же городе, в том же месяце и в тот же час в 1348 году она умерла.

Делегация, которая должна была предложить греческую корону принцу Оттону, прибыла в Мюнхен 13 октября 1832 года, а 13 октября 1862 года король Оттон покинул Афины, чтобы уже никогда не вернуться.

21 апреля 1770 года Людовик XVI женился в Вене, послав кольцо.

21 июня того же года произошли торжества по поводу его свадьбы.

21 января 1781 года состоялся праздник в честь рождения дофина.

21 июня 1791 года он бежал в Варенн.

21 января 1793 года Людовик XVI умер на эшафоте.

Говорят, что предание, будто число 3 является особым для английской королевской династии, имеет норманнское монашеское происхождение. Оно гласит, что не может быть более трех правителей подряд без переворота.

Вильгельм I, Вильгельм II, Генрих I, затем последовал переворот Стефана.

Генрих II, Ричард I, Иоанн, посягательство Людовика, дофина Франции, который предъявил права на трон.

Генрих III, Эдуард I, Эдуард II, который был низложен и предан смерти.

Эдуард III, Ричард II, который лишился трона.

Генрих IV, Генрих V, Генрих VI; после этого корона перешла к династии Йорков.

Эдуард IV, Эдуард V, Ричард III; корону потребовал и получил Генрих Тюдor.

Генрих VII, Генрих VIII, Эдуард VI; узурпация трона леди Джейн Грей.

Мария I, Елизавета; корона перешла к династии Стюартов.

Яков I, Карл I; революция.

Карл II, Яков II; вторжение Вильгельма Оранского.

Вильгельм Оранский и Мария II, Анна; приход Ганноверской династии.

Георг I, Георг II, Георг III, Георг IV, Вильгельм IV, Виктория. Закономерность «не сработала» в последнем случае, однако в правление Георга IV разразился кризис.

Поскольку я занялся английскими монархами, то добавлю еще одно странное совпадение, хотя оно и не связано с роком чисел.

Суббота была днем дурного предзнаменования для следующих королей.

Вильгельм Оранский умер в субботу 18 марта 1702 года.

Анна скончалась в субботу 1 августа 1704 года.

Георг I почил в субботу 10 июня 1727 года.

Георг II преставился в субботу 25 октября 1760 года.

Георг III умер в субботу 30 января 1820 года.

Смерть Георга IV наступила в субботу 26 июня 1830 года.